

34304

В. И. РАССАДИН

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ
ФОНЕТИКЕ
БУРЯТСКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
Институт общественных наук

В.И. РАССАДИН
ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ
ФОНЕТИКЕ
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

34304-
1
188

БИБЛИОТЕКА
Калмыцкого научно-исслед.
института истории, филологии
и экономики

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва 1982

В работе впервые на большом фактическом материале исследуются основные вопросы исторической фонетики бурятского языка, анализируются причины возникновения отличий этого языка от остальных монгольских языков. В книге привлекается обширный сравнительный материал из монгольских и, шире, алтайских языков – древних и современных.

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
С.Б. БУДАЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы сравнительно-исторической фонетики бурятского языка до сих пор остаются наименее изученными в бурятском языкознании, хотя многими поколениями исследователей уже накоплено достаточно фактов по всем современным бурятским говорам и многие материалы опубликованы [напр., см.: Castrén; Абашеев; Алексеев; Бертагаев 1936; Будаев 1962, 1965, 1977, 1977а, 1978; Бураев 1965, 1968, 1976а; Бэшэ 1964, 1968; Дамдинов 1968, 1977; Дарбеева, 1960, 1974, 1978; Матхеев 1956, 1957, 1968, 1970, 1972; Митрошкина 1958, 1968; Поппе 1930а, 1932, 1941; Раднаев 1958, 1960, 1965; Руднев 1913; Рыгдылон; Санжеев 1930, 1939; Хомоиов 1958, 1965; Цыдендамбаев 1960, 1964, 1968; Чагдуров; Черемисов 1941, 1947; Шагдаров 1968; Шагдаров-Дамдинов¹].

В настоящее время назрела необходимость в обобщении и сравнительно-исторической интерпретации всех этих материалов. До сих пор лишь в двух работах [Руднев 1913; Поппе 1930а] была сделана попытка рассмотреть звуковой состав хоринского и аларского бурятских говоров (наряду с морфологией) в сравнении со старописьменным монгольским языком. В основном же материалы по фонетике бурятского языка наряду с данными по другим монгольским языкам привлекались лишь в работах, посвященных более общим проблемам монголоведения и алтаистики [напр., см.: Бертагаев 1968; 1971; Бураев 1977; Верба 1976, 1978; Владимирцов, Мельников; Номинханов; Рассадин 1975; Санжеев 1953, 1970, 1978; Хаттори; Doerfer 1964, 1970; Hattori; Murayama; Poppe 1932, 1950, 1955, 1956, 1957, 1962, 1965, 1967].

Имеющиеся в настоящее время работы по фонетике бурятского языка выполнены в плане синхронии и носят в основном описательно-констатирующий характер [напр., см.: Будаев 1962; Бураев 1959, 1960, 1968, 1975, 1976а; Золхоев; Матхеев 1957, 1970, 1972; Митрошкина 1958; Раднаев 1958; Санжеев 1930]. Исследование фонетики бурятского языка в сравнительно-историческом плане по сути дела только начинается [напр.: Бураев 1976, 1977; Рассадин 1975, 1976].

Изучение вопросов сравнительно-исторической фонетики бурятского языка облегчается ныне наличием соответствующих разработок как в плане общего монголоведения [напр.: Рамстедт; Верба 1978; Владимирцов; Лигети 1955, 1969; Санжеев 1953; Poppe 1950, 1955, 1956, 1957, 1962, 1967; Ramstedt 1916], так и по конкретным монгольским языкам [напр.: Биткеев 1964, 1965, 1965а, 1968, 1969, 1969а, 1970, 1973, 1975, 1975а, 1978;

¹ Более полный обзор литературы по вопросам изучения как вообще бурятских говоров, так и их фонетики см.: Бураев 1958; Шагдаров 1969, с. 10–24; Будаев 1978, с. 5–37; Бажеева, с. 147–174.

Вандуй 1965, 1973; Кичиков; Лувсанвандан 1959, 1967, 1967а, 1967б, 1975, 1977; Мишиг; Мөөмөө 1975, 1975а; Наделяев 1957; Павлов 1963, 1964, 1974; Поппе 1930, 1938; Руднев 1911; Санжеев 1931; Сухбаатар; Тодасва 1951, 1960, 1961, 1964, 1973; Төмөртогоо; Төмөрцэри 1970, 1970а, 1971, 1971а; Цолоо; Шагдаров – Казанцева; Kara 1962, 1963; Ligeti 1962, 1963, 1964; Poppe 1932, 1935; Ramstedt 1905; Weiers 1970].

В настоящей работе впервые в бурятоведении сделана попытка, опираясь на накопленный в бурятском языкознании материал по современным бурятским говорам, обобщить звуковой состав бурятских говоров, показав в сравнительно-историческом плане его развитие и попытавшись найти причины, движущие механизмы как экстралингвистического, так и интралингвистического характеров, вызвавшие столь значительные изменения бурятской фонетики.

В основу исследования был положен выдвинутый некогда А. Мейе [с. 121–122] и поддержанный многими исследователями, в частности Б.А. Серебrenниковым [см.: 1971, 1974], тезис о действовавшей в языках тенденции ослабления смычки, приводившей эти языки к существенной перестройке. Приняв это положение и применив его к бурятскому языку, удалось проследить изменение, перестройку всей системы вокализма и консонатизма. Привлечение данных по другим алтайским языкам, тюркским и особенно тунгусо-маньчжурским, позволило выдвинуть дополнительно предположения о взаимодействии в процессе эволюции звукового строя бурятского языка тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов с тенденцией смены слоговой акцентуации и соответственно мест сильных и слабых слогов в слове и о взаимодействии тенденции ослабления с внешним влиянием тунгусо-маньчжурских языков.

Объектом исследования послужили в основном опубликованные материалы как по бурятским говорам (сводку работ см. выше), так и по другим монгольским языкам, включая современные калмыцкий, халха-монгольский, дагурский, ордосский, могольский, монгорский, дунсянский, баоаньский языки и говоры Внутренней Монголии [см.: Калмыцко-русский словарь; Монгольско-русский словарь; Поппе 1930; Kałuzuński; Mostaert; Ramstedt 1905, 1935; Weiers 1971; Тодасва 1960, 1961, 1964, 1973; Руднев 1911; Kara 1970], старописьменный монгольский язык [см.: Бобровников; Lessing] и средневековые монгольские языки [см.: Поппе 1938; Poppe 1927–1928; Haenisch 1957, 1962; Ligeti 1962, 1963]. Используются также собранные лично нами полевые материалы по окинскому и нижнеудинскому бурятским говорам, по говору сарт-калмыков и по тофаларскому языку, а кроме того, личные наблюдения над другими бурятскими говорами и халха-монгольским и калмыцким языками.

Материалы по бурятским говорам и другим монгольским языкам даны с сохранением написания по оригиналу. Для старописьменного монгольского языка применена общепринятая транслитерация на латинской основе. В необходимых случаях применялась точная фонетическая транскрипция, разработанная Л.В. Щербой [см.: Зиндер] и уточненная В.М. Наделяевым [см.: 1960] применительно к языкам народов СССР.

Для анализа привлекались главным образом лексемы исконные, из основного словарного фонда, во избежание получения ложной картины фонетического состояния бурятских говоров и фонетической эволюции.

Особое внимание было уделено проблеме взаимодействия бурятских говоров с тунгусо-маньчжурскими языками, чтобы выяснить, насколько глубоким было воздействие тунгусо-маньчжурских языков и насколько широкое отражение оно получило в бурятской фонетической системе. Это необходимо было сделать, поскольку в монголоведении выдвинуто по крайней мере две различные точки зрения на появление бурятского $h (< *s)$, а именно: мнение И.Д. Бураева [1977, с. 40], который считает, что "фарингальный h в современном бурятском языке — это элемент субстрата эвенкийского языка, ассимилировавшегося с одним из диалектов монгольского языка", и предположение Г.И. Рамstedта [1908, с. 27] о влиянии сдвига назад всей артикуляционной базы: "В баргу-бурятском наречии из этого звука ("с" старописьменного языка. — В.Р.), параллельно с сильным движением назад гласных, развился звук h ...".

Первые две главы работы содержат в основном сравнительный анализ фонем бурятских говоров в обшемонгольском аспекте, в историческом же плане узловые вопросы бурятском фонетики рассмотрены в третьей главе.

Глава I

ВОКАЛИЗМ

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ

Гласные первых слогов

Исследование гласных звуков представляет немаловажный интерес с точки зрения исторической фонетики, поскольку в бурятском языке, как и вообще в алтайских языках, гласный первого слога базового корня обычно играет смыслоразличительную роль. Это обусловлено тем, что "в основе строения слова в современных алтайских языках лежит односложный неизменяющийся корень и односложный суффикс, изменяющийся в зависимости от фонетической структуры корня" [Котвич, с. 30]. Корни представляют собой типы: VCV¹, VC, CVC, (C)CC. Таким образом, в данном разделе будут рассмотрены и гласные односложных слов, и гласные первых слогов многосложных слов, образованных путем наращения соответствующих аффиксов к односложным словам. Этим обусловлено и совершенно различное фонетическое соотношение гласных в первых слогах и гласных в непервых слогах. Поэтому эти гласные рассматриваются в разных разделах.

Как известно [см.: Бураев 1959, с. 113-128], гласные в бурятском языке противопоставляются в первую очередь по количественной характеристике, т.е. по долготе и краткости, и затем соответственно в каждой из этих групп по различию артикуляций. Кроме того, краткие и долгие гласные имеют свою историю эволюции. Все это определило их раздельное рассмотрение.

Для современного бурятского языка² исследователями единодушно устанавливается следующий состав гласных фонем: [a], [o], [y], [э], [ө], [ү], [и]. Все они употребляются в первых слогах слов без ограничений, например: *гар* 'рука', *бол* 'будь', *ута* 'длинный', *энэ* 'этот', *өргөн* (зап.-бур.) 'широкий', *унэр* 'запах', *ила* 'побеждай'. Разберем каждую из этих фонем в отдельности.

[a] — представляет собой общебурятскую фонему, встречающуюся в твердоярдных словах. В то же время она является и общемонгольской фонемой, поскольку представлена в тех же словах в той же позиции во всех монгольских языках, например:

общебур. *аба* — х.-монг. *ав*-, калм. *ав*-, стп.-м. *ab*-, МА *ab*-, MNT *ab*-, орд. *ab*-, мог. *abu*-, даг. II *au*-, даг. К *au*-, баоан. *аб*-, дунс. *agi*-'брать, взять':

общебур. *гар* — х.-монг. *гар*, калм. *һар*, стп.-м. *уар*; МА *уар*, MNT *һар*, орд. *gar*, мог. *gar*, даг. II *гар'У*, даг. К *gar'i*, *gar*-, баоан. *һар*, дунс. *ка* 'рука':

¹V — гласный, C — согласный.

²Включая литературный язык и диалекты

общепур. *халуун* – х.-монг. *халуун*, калм. *халун*, стп.-м. *qalayun*, МА *qala'un*, MNT *hala'un*, орд. *халһн*, мог. *qalһn*, *qalоһn*, даг.П *халоң*, даг.П *халоң*, *халуң*, дунс. *калун* 'жаркий; жара'.

Указанная фонема в данной позиции в бурятском разговорном языке в зависимости от комбинаторных условий реализуется в двух основных оттенках: переднерядном *а*, употребляющемся в соседстве с переднеязычными, среднеязычными и палатализованными согласными (напр., *ам'иң* 'дыхание', *бари* 'держи', *таби* 'положи' и т.п.), и заднерядном *а*, употребляющемся в соседстве с увулярными и фарингальными согласными (напр., *нахал* 'борода', *хара* 'черный', *аха* 'старший брат') [см.: Руднев 1913, с. 1,22; Поппе 1930а, с. 37; Бураев 1959, с. 129]. В бурятских же диалектах, главным образом в западных, исследователями отмечается тенденция перехода оттенка *а* в еще более переднерядный мягкий звук *ä* – по фонетической классификации широкий неогубленный гласный переднего ряда примерно пятой ступени подъема [см.: Хомонов 1965, с. 41; Раднаев 1965, с. 84], например: бох. *нарин*, барг. *нарин* 'тонкий', бох. *хари* 'иди домой'. Особенно сильна эта тенденция в баргузинском говоре.

Аналогичную картину опереднения *а* в *ä* для языка дархагов отмечает Г.Д. Санжеев: "*ä* – палатализованный вариант *а* перед *и* под влиянием следующих палатальных; встречается только как комбинаторный вариант *а*. В отличие от бурятского и халхаского *ä* дархатский очень близок к *а*... Примеры: *барихä* (почти – *бариха*) – держать, *ам'иң* – жизнь, *хариhä* – уходить домой" [Санжеев 1931, с. 7]. Б.Я. Владимирцов и Г.Д. Санжеев утверждают, что в халхаском языке это общемонгольское [а] первого слога реализуется в двух вариантах – *а* и *ä*. При этом *а* появляется обычно там, где за ним следует историческое **i*, а согласный перед этим **i* палатализован [см.: Владимирцов, с. 144; Санжеев 1953, с. 72, 75]. Эти же два производительных варианта *а* и *ä* выделяют для современного халха-монгольского языка и монгольские фонетисты [см.: Мөөмөө 1975а, с. 188; Лувсанвандан 1967, с. 64–65].

В калмыцком языке в аналогичной позиции наблюдается тот же процесс. В нем общемонгольское [а] перед **i* везде дало *ä*, обозначаемое в современной калмыцкой орфографии через *э*, например: стп.-м. *амин*, бур. *амин* (*ам'иң*), х.-монг. *амин* (*ам'иң*), дарх. *ам'иң*, калм. *эмн* (*эм'иң*) 'жизнь'; стп.-м. *бар'иқи*, бур. *бариха* (*бар'иχ^*), барг. *барьха* (*бар'χ^*), дарх. *бар'иха* ~ *бар'ихä*, калм. *бәрх* (*бар х*) 'держать; ловить'. Сходное явление отмечается также Ф.В. Муромским в его материалах по дагурскому языку, изданных С. Калужинским: *adil*, *adili* 'подобный', *ani*, *ani*, *ani* 'кто?', *atirka*, *atirka* 'старший' [см.: Kałuzuński, s. 111], а также у Н.Н. Поппе в его материалах по дагурскому языку г. Хайлара, напр. *т'ар'и* 'сеять', *адл'и* 'похожий'. *цäлб'ир* 'молиться' [см.: Поппе 1930, с. 108]. Появление в этой позиции на месте *а* более мягких передних звуков *ä* и даже *е* (*э*) отмечается исследователями и во всех монгольских диалектах Внутренней Монголии, например А.Д. Рудневым: *алчүр*, *елчүр* (ср. стп.-м. *alsiγur*) 'платок', *амин*, *емин* (ср. стп.-м. *amin*) 'жизнь' [см.: Руднев 1911, с. 188]; Б.Х. Тодаевой: *тана* 'узнать', *сälхэн* 'ветер', *арван* 'много' (ср. соответствующие стп.-м. *tani*-, *salkin*, *arbin*) [см.: Тодаева 1960, с. 23]; Дьердем Кара: *аgi*, *аg'* 'полюнь' (ср. стп.-м. *agi*), *aji* 'путешествие' (ср. стп.-м. *ajan*), *al'* 'который' (ср. стп.-м. *ali*) [см.: Кара 1963, с. 1–2], *edal* 'похожий' (ср. стп.-м. *adali*), *neran* 'тонкий' (ср.

стп.-м. *paŋin*), *gājig* 'земля' (ср. стп.-м. *γajag*), *em* 'жизнь' (ср. стп.-м. *amin*) [см.: Кара 1970, с. 241, 242].

Таким образом, это явление можно констатировать как общемонгольское, а не присущее одному бурятскому языку и особенно баргузинскому говору. Исследователями оно объясняется регрессивным ассимилирующим влиянием последующего (или предыдущего) палатализованного согласного и гласного *i*, стоящего за ним. Причем по языкам смягчение этого *a* происходит или сильнее (как, например, в баргузинском и боханском говорах бурятского языка, дархатском языке, в диалектах Внутренней Монголии, калмыцком) или слабее (как в большинстве бурятских говоров, халха-монгольском языке).

Кроме сохранения исконого общемонгольского **a* в бурятских говорах, особенно в западных, наблюдается появление *a* на месте обычного *u*, например: аларск. *баляха* вм. *буляха* 'отнимать', аларск. *палаад* вм. *пулаад* 'платок', *баряад* вм. *буряад* 'бурят', *балсан* вм. *булшан* 'икра ноги' [см.: Алексеев, с. 90]. Аналогичное явление встретилось нам также в речи окинцев: *баряд* вм. *буряад* 'бурят', *балаялдаха* вм. *буляалдаха* 'отнимать друг у друга', *баргаанан* вм. *бургаанан* 'ивняк'. Сходное явление отмечено и у дагуров Хайлара: "после *б* старый **u* в ряде случаев дает *a*, напр.: *ба^ч'i* (~*бу^ч'i*) 'возвращаться' = мо. *buca-*, *бархаң* 'божество, будда' = мо. *buγan*, *балгй* 'соболь' = мо. *bulayan* и т.д." [Поппе 1930, с. 113].

Это явление, видимо, можно объяснить за счет регрессивной ассимиляции последующих широких неогубленных гласных (в данном случае *a*) под влиянием выравнивания по губной гармонии в условиях действия общей тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов, проявляющейся в большей степени, вероятно, в этих языках и говорах. В том же направлении идет замена узкого огубленного *u* широким неогубленным *э* в мягкорядных словах, о чем см. ниже.

Кроме того, нельзя не упомянуть об [а], которое во многих случаях появилось в бурятском языке, как и в некоторых современных монгольских языках, на месте исконого гласного **i* в результате так называемого перелома, в то время как в старописьменном, всех средневековых и отдельных современных монгольских языках этот **i* представлен, например:

бур. *загаһан* — х.-монг. *загас*, калм. *захси*, орд. *džagasu*, даг. П *ψ'азӯс*, даг. К *žahūs*, баоан. *джилзасоң*, стп.-м., МА *jīgasun*, MNT *jīhasu(n)*, SG *jīhasun*, ЛР *jīqasun* 'рыба';

бур. *шада* — х.-монг. *чада*-, калм. *чад*~*чид*-, даг. П *ш'ад*~*шада*-, даг. К *sada*-, орд. *tšida*-, стп.-м., МА, MNT *čida*- 'мочь, быть в состоянии';

бур. *шара* — х.-монг., калм. *шар*, орд. *šara*, даг. К *šar*, *šara*, дунс. *шыра*, баоан. *шйра*, мог., стп.-м., МА, MNT, ЛР *šira* 'желтый';

бур. *мяхан* (*m'axʌŋ*) — х.-монг. *мах*, калм. *махн*, орд. *таха*, даг. П *m'āžā*, даг. К *m'ax*, *m'ah*, дунс. *міза*, баоан. *мэза*, мог. *miqōn*, стп.-м. *miqa(n)*, МА *miqan*, MNT *miḡa(n)*, SG *miḡa*, ЛР *miqa* 'мясо';

бур. *ямаан* (*ja:ma:ŋ*) — х.-монг. *ямаа*, калм. *яман*, орд. *janā* 'коза', даг. К *jata*, *ima*, *imo* 'козел', дунс. *јіман*, баоан. *імаң*, стп.-м. *imaγan*, МА *ima'an*, MNT *ima'at* (Pluralis), SG *yima'an*, ЛР *imān* 'коза'.

В отдельных бурятских говорах в некоторых из подобных слов этот **i* сохранился, например в нижнеудинском говоре: *н'імаң* 'коза', *мікаң*

'мясо', *шида*- 'мочь' [см.: Дарбеева 1978, с. 35; о сохранении *i в бур. НУ см. там же, с. 34–37], у ононских хамниган: *сира~шира* желтый, у тункинцев: *н'имаан* 'коза'.

[o] — общебурятская фонема, встречающаяся в твердорядных словах. Обычно она соответствует той же фонеме [o], представленной во всех остальных монгольских языках, например:

общебур. *боло*- — х.-монг., калм. *бол*-, орд., мог., дак.К стп.-м., МА, MNT, ЛР *bol*- 'быть, стать', даг.П *бол*- 'делаться';

общебур. *оло*- — х.-монг., калм. *ол*-, орд. *ol*-, даг.К *ol*-, *woal*-, даг.П *ol*-, *woal*-, стп.-м., МА, MNT, ЛР *ol*- 'находить';

общебур. *он* — х.-монг., калм. *он*, орд. *on*, даг.К *хон*, даг.П *оң*, дунс. *хон*, стп.-м. *on*, МА, MNT, ЛР *hon* 'год'.

Как и в случае с предыдущей фонемой, [o] в соседстве с палатализованными и среднеязычными согласными и в позиции перед *i реализуется в более продвинутом вперед варианте *õ*, в остальных же положениях (в соседстве с увулярными и фарингальным h) произносится обычный задний *o* [см.: Поппе 1930а, с. 37; Поппе 1941; с. 6; Бураев 1959, с. 139–140]. Это характерно для всех бурятских говоров. Аналогичное явление отмечалось Б.Я. Владимирцовым у халха-монголов [см.: Владимирцов, с. 158, §89] и монгольскими фонетистами [см.: Мөөмөө 1975а, с. 188; Лувсанвандан 1967, с. 66].

Но баргузинский говор бурятского языка переводит обычно этот общемонгольский исконный *o в данной позиции перед *i и среднеязычными и палатализованными согласными в очень мягкий переднеязычный звук *õ*, напр., *морин* 'конь', *хорин* 'двадцать' вм. лит.-бур. *морин*, *хорин* id. [см.: Раднаев 1965, с. 84], напоминающий калмыцкий *õ* (орф. *ø*), что в некоторой степени сближает баргузинский говор с калмыцким языком (ср. калм. *мөрн* 'конь', *хөрн* 'двадцать'). Такое же *õ* на месте *o наблюдается в ряде случаев и в языке нижнеудинских бурят, напр. бур.НУ *м'орің* 'лошадь' [см.: Дарбеева 1978, с. 64].

Произношение подобногõ более переднего *o* и даже *õ* в данной позиции отмечается также в отдельных словах у дархатов, напр. *морің* 'конь' (ср. стп.-м. *morin*), *бөр'ібѣ* 'жилы у малого бедра' (ср. стп.-м. *borbi*) [см.: Санжеев 1931, с. 8–9, 55, 57] и, как правило, в монгольских диалектах Внутренней Монголии, напр. *мөр* 'конь', *өрѳ* 'вечер' (ср. стп.-м. *oroj*), *хөрмѳ* 'подол' (ср. стп.-м. *qorinui*) [см.: Тодаева 1960, с. 23], *хөр(i) хорі(н)* 'двадцать' (ср. стп.-м. *qorin*), *хон*, *хõні*, *хõнін* 'овца' (ср. стп.-м. *qolin*) [см.: Руднев 1913, с. 147], *тõл* 'зеркало' (ср. стп.-м. *toli*) [см.: Кара 1970, с. 242].

Если обратиться к сравнительному материалу, то увидим:

общебур. *хорин*, барг. *хõрин* — х.-монг. *хорь*, калм. *хөрн*, стп.-м. МА *qorin*, MNT *horin*, даг.К *хор'*, даг.П *хор'иң*, в диалектах Внутренней Монголии *хõр(i)*, *хорі(н)* 'двадцать';

общебур. *морин*, барг. *мõрин*, бур.НУ *м'орің* — х.-монг. *морь*, калм. *мөрн*, стп.-м., МА *morin*, MNT *morin(n)*, даг.К *мор'*, даг.П *мор'~мор'ї*, мог. *могї*, в диалектах Внутренней Монголии *мõр*, дарх. *мõрің* 'конь'.

В ряде бурятских говоров исследователями отмечается своеобразное оканье: произнесение нормального *o* на месте исконного общемонгольского гласного *u. Так, Д.А. Алексеев пишет, что в селенгинско-ивол-

гинском диалекте (по его классификации и терминологии. — В.И.) встречается чередование *o* — *y*: *ohon* — *yhan* 'вода' (см.: Алексеев, с. 83). Р. Раднаев говорит о наличии звука *o* на месте *y* в цонгольском говоре: "Характерную фонетическую особенность исследуемого говора составляет оканье. Оно особенно заметно в речи кударинских и кяхтинских бурят, например: *осо* 'вода' (лит. *yhan*), *ходох* 'колодец' (лит. *xудаг*), *орто* 'длинный' (лит. *ута*), *соктоо* 'вместе' (лит. *сугтаа*) и т.д. Оканье наблюдается и в слах Селенгинского аймака (Ноехон, Убур-Дзокуй и др.): *тогол* 'теленок' (лит. *тугал*), *толго* 'подпорка, упор' (лит. *тулга*) и т.п." [Раднаев 1960, с. 130].

На спорадическое оканье в языке хоринских бурят обратил в свое время внимание Г.Д. Санжеев, который писал по этому поводу следующее: "В некоторых словах хоринского говора мы встречаем гласный *o* вместо *y*, например: *ото* вместо *ута* — длинный, *тодохо* вместо *тудаха* — попадать. Как известно, подобное явление имеет место в цонгольском говоре, а также, как нам сообщили, в говоре мухор-шибирцев. В результате этого иногда получаются омонимы..., например: *тодохо* — в хоринском говоре и 'попадать' (в других говорах — *тудаха*) и 'подставлять', *ото* — и 'длинный' (в других говорах — *ута*) и 'совсем' (например, *ото*, *таһа мартаба* — совсем забыл). Следует заметить, что подобное явление наблюдается в весьма редких случаях и не во всем хоринском аймаке (в Еравне мы его не наблюдали)" [Санжеев 1939, с. 13].

Аналогичное явление замечено Л.Д. Шагдаровым и в тугнуйском подговоре хоринского говора: "Под влиянием селенгинского диалекта в тугнуйском говоре в абсолютном начале и в первом слоге слова развилось оканье вместо общебуряцкого уканыя: тугн. *ohon*, агин. *yhan*, лит. *yhan* (вода), тугн. *онохо*, агин. *унаха*, лит. *унаха* (садиться на коня), тугн. *x'оруу*, агин. *x'уруу* (инея). Первослоговой звук *o* ассимилирует краткие гласные последующих слогов и долгий звук *a*: тугн. *тогол*, лит. *тугал* (теленок), тугн. *оргомол*, лит. *ургамал* (растение), тугн. *оноод*, лит. *унаад* (сев на коня), тугн. *оноор*, лит. *уһаар* (водой). Оканье в этом говоре носит регулярный характер. В собственно хоринском и агинском говорах, а также в говорах добайкальского и прибайкальско-саянского диалектов оно отсутствует и потому не отражается в литературном языке" [Шагдаров 1968, с. 156].

В связи с этим нам кажется небезынтересным указание Б.Я. Владимирцова о довольно открытом характере фонемы [y] в халхаском языке: "Акустический халхаский *y* производит впечатление звука среднего между *o* и *y*. Многие русские и другие европейцы, а буряты в большинстве случаев, халхаский *y* воспринимают как *o*. Это халхаское заднее *y* можно обозначать посредством *y*..." [Владимирцов, с. 159]. Можно предположить, что поскольку цонголы и часть селенгинских бурят (сартулы) являются исторически выходцами из Монголии и представляют собой по сути дела монгольские племена, начинающие обурячиваться [см.: Цыдендамбаев 1972, с. 231–247; Будаев 1977, с. 32; Будаев 1978; с. 16–17], явление оканья, как раз и отмечающееся у них и связанных с ними соседством тугнуйских бурят, могло появиться как остаточное явление монгольского произношения фонемы [y] в широ-

ком варианте, близком акустически к *o*, о чем и писал Б.Я. Владимирцов.

Кроме того, появление *o* на месте *y* наблюдается sporadически и в других бурятских диалектах, кроме названных выше, например:

каб. *болжомор* — лит. *булжамар* 'жаворонок'; тунк. *боро* — лит. *бур* 'глина'; разг. *уюун* — лит. *оюун* 'ум, разум'; булаг. *хошохо* — лит. *хушахи* 'закрывать, запирасть'; барг. *горогор* — лит. *гурагар* 'стройный, длинный'; барг. *оdigон* — лит. *удаган* 'шаманка'; барг. *хотиго* — лит. *хутага* 'нож'; эхир-булаг. *иоргоон* — лит. *зургаан* 'шесть'.

Необходимо отметить и появление *o* в самом литературном бурятском языке, представляющем в этих словах общебурятскую форму, на месте *y* других монгольских языков, например:

бур. *можно* — х.-монг. *муж*. олёт. [Ramst. KW] *mudž*, орд. *mudž*, стп.-м. *muji* 'область, провинция':

бур. *нomo* (*н*) — х.-монг. *нум* (*ан*), олёт. *num*, дербет. *номн*, орд. *nen*, стп.-м. *num*, МА *num*, MNT *numu* (*н*) 'лук — оружие', лиг.-калм. *нум* 'смычок';

бур. *гоншохо* — х.-монг. *гунших*, калм. *һунших*, *һунх*, стп.-м. *γung-šiu* 'говорить в нос, гнусавить', МА *γunqina-* 'жужжать, греметь';

бур. *нomo* (*н*) — х.-монг. *сум* (*ан*), олёт., торгут. *sum*, дербет. *сомр* [Ramst. KW], даг.К *som* 'стрела; пуля', стп.-м., МА *sumun*, MNT *sumu* (*н*) 'стрела';

бур. *сомон*, *номон* — х.-монг. *сум* (*ан*) 'административная единица сомон', олёт., торгут. [Ramst. KW] *sum* 'округ', стп.-м. *sumun* 'административная единица':

бур. *шoлmo*, *шoлmoc* — х.-монг. *шумас*, калм. *шум* стп.-м. *šilmusu*, *šimusu* 'черт, дьявол'.

Из других монгольских языков появление *o* на месте *y* наблюдается также в калмыцком языке, в частности в дербетском говоре, для которого произнесение *o* вместо торгутского *y* является одним из дифференцирующих признаков. напр.: дербет. *совсын* — торгут. *сувсын* 'жемчуг', дербет. *ховцын* — торгут. *хувцын* 'одежда', дербет. *хомхээ* — торгут. *хумхаа* 'высохший, бесцветный', дербет. *ховдыг* — торгут. *хувдыг* 'жадный' и т.п. При этом *o* на месте *y* в дербетском говоре отмечается в большом количестве слов перед губными согласными *м* и *в* [см.: Кичиков, с. 26].

Но, пожалуй, наиболее развито оканье в дагурском языке и в монгольских диалектах Внутренней Монголии, где оно пронизывает буквально всю систему вокализма. Так, Н.Н. Поппе пишет о дагурском языке: "Старые **o* и **u* (> мо. *o* и *u*) в большинстве случаев совпали и отражаются как *oa* (в начале слова *woa*) или *o*; изредка письменному *u* соответствует *y*" [Поппе 1930, с. 110]. Примеры: даг. *доанд* 'посреди' (стп.-м. *dunda*), даг. *тоалаг* 'столб' (стп.-м. *tuɣa* 'колонна'), даг. *хоар* 'дождь' (стп.-м. *χura*), даг. *воана* 'упасть' (стп.-м. *uна*-), даг. *воала* 'подонива' (стп.-м. *ula*), даг. *чос* 'кровь' (стп.-м. *čisun*, х.-монг. *цус*), даг. *болто* 'совсем' (стп.-м. *bultu*), даг. *орго* 'вырасти' (стп.-м. *oryu*-), *он* ~ *оно* 'ехать серхом' (стп.-м. *unu*-). Относительно диалектов Внутренней Монголии А.Д. Руднев свидетельствует: "В виде общего правила можно сказать, что письм. ... *y*// вост. *o*" [Руднев 1911 с. 191]. Далее он

уточняет: "Всем хорошо известна путаница на географических картах, происходящая от смешения говоров: где написания "нор" и "нур", "ола" и "ула" чередуются в полном беспорядке. На месте письм. "у" вост. и южи. (монголы. — В.Р.) имеют "о" (или ѵ), хЗап. и отчасти хУрг. — звук значительно отличается от русского "у" и воспринимаемый русскими зачастую как "о"; хУрг., бур. и калм. имеют у" [Руднев 1911, с.191]. В опыте словаря говоров Внутренней Монголии Руднев почти везде дает о (или ѵ) на месте исконного *и, например: ѵлан 'красный' (ср. стп.-м. ulaγan, бур., х.-монг. улаан), ходож 'колодец' (ср. стп.-м. qudduy, х.-монг. бур. худаг) [см.: Руднев 1911, с. 115, 147].

Д.Кара, также исследовавший некоторые говоры Внутренней Монголии, повсеместно зарегистрировал, например, звук ѵ на месте *и в языке узумчинов: ела 'красный' (ср. стп.-м. ulaγan, бур., х.-монг. улаан), өл 'подошва' (ср. стп.-м. ula, бур., х.-монг. ула), өг'т 'длинный' (ср. стп.-м. urtu, бур. уга, х.-монг. урт) и т.п. [см.: Кара 1963, с. 38—39], звук о в языке джарутов: ос 'вода' (ср. стп.-м. usun, бур. уһан, х.-монг. ус), осиг 'причина' (ср. стп.-м. usig, бур. ушар, х.-монг. учир), огол 'губа' (ср. стп.-м. uguyul, бур. урал, х.-монг. уруул) [см.: Кара 1970, с. 322—323].

Таким образом, явление оканья не представляет специфику одного бурятского языка, а присуще и другим монгольским языкам. Так, оканье заметно в дербетском говоре калмыцкого языка, а как целостная система представлено в монгольских диалектах Внутренней Монголии и в дагурском языке.

Кроме того, как и в случае с предыдущей фонемой [а], в бурятском литературном языке и ряде говоров имеются слова, в которых нормой является фонема [о], в то время как в старомонгольском, средневековых и некоторых современных монгольских языках на месте этого бурятского [о] либо сохраняется гласный *i, еще не подвергшийся перелому, либо представлен гласный другого качества, например:

общепур. шоно — х.-монг. чоно, калм. чон, орд. tšono, баоан. чэна, мог. činō, стп.-м. činu-a, МА čina, MNT činō, SG cino, ЛР сапā 'волк';

общепур. шоро — х.-монг. калм. шор, орд. šoro 'заостренная палочка, вертел', даг. К šor 'сенные вилы', стп.-м. širu, МА šira, MNT širo 'вертел';

общепур. ёро (joro) — х.-монг., калм. ёр, орд. joro, стп.-м. iru-a 'дурное предзнаменование', даг.П ipō 'благопожелание';

общепур. жолоо — х.-монг. жолоо, калм. жола, орд. džilo, даг.К žolo, d'ilo, стп.-м. jiluγa, MNT jilo'a~jilu'a, ЛР jilawu 'поводья';

общепур. жороо — х.-монг. жороо, калм. жора, орд. džiro, даг.Пч'ipō, даг.К žot, мог. žigō, стп.-м. jiguγa 'ниоходец';

зап.-бур. жоргоон~ёргоон — вост.-бур., лит.-бур. зургаан, х.-монг. зургаа, калм. зурһан, орд. džurğa, даг.Пч'ipgō(н)~d'ipgō(н), даг.К žorgo, дунс. джызуан, баоан. джирзон, мог.М jurghan, стп.-м. jirγuγan, МА jirγan, jirγu'an, MNT jirho'an, jirwa'an, SG jirhulan, ЛР jirγan, jirγan, VMI jirγu'an 'шесть';

зап.-бур. хотёго — вост.-бур., лит.-бур., хутага, х.-монг. хутга, калм. утх, орд. utaga, дунс. кутгоо, баоан. һдоез, мог. qitqei, стп.-м. kituγa, qutuγa, qutaγa, МА qituγa, qutuγa, MNT kituhai, JIP kituγa, ИМ kituγa, VMI kiduγa 'нож';

зап.-бур. *одегон* – бур.НУ *идазан*, вост.-бур., лит.-бур., х.-монг. *удаган*, калм. *удн* 'шаманка', орд. *udagan* 'повивальная бабка', даг. П *jadǰaǰǰ* ~ *jadaǰaǰ* 'шаман', стп.-м. *iduγan, udayan* 'шаманка'.

Такой разнобой в употреблении *о*, *у* и *и* в монгольских языках и бурятских говорах свидетельствует о неравномерности процесса перелома **i* не только в разных монгольских языках, но и в разных бурятских говорах.

[*y*] – общебурятская фонема, употребляющаяся в твердорядных словах. В бурятском языке в данной позиции она представляет исконную общемонгольскую фонему **и*, например:

бур. *хурдан* – х.-монг. *хурдан*, калм. *хурдн*, орд. *χurdun*, стп.-м.. *MA qurdun, MNT ħurdun (gurdun)*, даг.К *χurdu, χurdun* 'быстрый';

бур. *улаан* – х.-монг. *улаан*, калм. *улан*, орд. *ulān*, стп.-м. *ulaγan, MA hulan, hula'an, MNT hula'an*, даг.К *χulaǰ, ulaǰ*, даг.П *улау* 'красный';

бур. *уя-* – х.-монг. *уя-*, калм. *уй-*, орд. *uja-*, стп.-м. *уя-*, *MA, MNT huγa-*, даг.К *χija-* 'привязать'.

В бурятских говорах наблюдается в ряде случаев появление *у* на месте гласных *о* или *а*, напр.: тугн. *уран* 'кровать' – лит.-бур. *орон*, х.-монг. *ор(он)*, стп.-м. *ogun* 'кровать; место', *MA oγan* 'место'; тугн. *пулаати* – агинск. *палаати*, лит.-бур. *плаати* 'платье'; тугн. *пулааха* – агинск., лит.-бур. *палааха* 'пол'; эхир-булаг. *дубуун* – лит.-бур. *добуун*, х.-монг. *до-вуу* 'бугор, возвышенность'; эхир-булаг. *шургалзан*, барг. *шургалжан* – лит.-бур. *шоꞤ-должон*, х.-монг. *шоргоолж*, стп.-м. *siγuljin* 'муравей'; барг. *зубалга* – лит.-бур. *зоболго*, х.-монг. *зовлого*, стп.-м. *jobalγa* 'тощее мясо'; барг. *хулуу'ан* – лит.-бур. *холто'он*, х.-монг. *холтос*, стп.-м. *qoltusun* 'кора'; барг. *хумигар* – лит.-бур. *хомигор* 'узкий; приплюснутый'; барг. *хуршаганаха* – лит.-бур. *хоршогонохо* 'шуметь, тарыхтеть'.

Появление звука *у* на месте *о* наблюдается и в других монгольских языках, например:

орд. *mudu, MNT mudun~modun* – стп.-м., *MA, SG modun*, даг.К *mod, modo*, даг.П *мод*, х.-монг. *мод*, бур. *модон*, калм. *модн* 'дерево';

орд. *udu* – стп.-м., *SG ōdun, MA, MNT hodun*, х.-монг. *од*, бур. *одон*, калм. *одн*, даг.К *χod, χoD*, даг.П *од~оддо* 'звезда';

орд. *sungu-*, калм. *суңһ-* – стп.-м. *songγu-*, *MNT so'onghu-*, даг.К *soŋ-го-*, даг.П *соңго-*, х.-монг. *сонго-*, бур. *һонго-* 'выбирать';

орд. *gulumta*, зап.-бур. *гуламта*, калм. *һулмт~һолмт* – стп.-м. *γolumta, MA γolumtan, MNT ħolumta*, х.-монг. *голомт*, бур. *голомто* 'очаг';

монгор. *уро-* – стп.-м. *oru-*, *MA ora-*, *MNT oro-*, *JIP or-*, бур. *оро-*, х.-монг., калм. *ор-*, орд. *оро-*, даг.К *waru-* 'входить';

монгор. *суносе-* – стп.-м. *sonus-*, *MA sonas-*, *MNT, SG sonos-*, бур. *со-нос-*, х.-монг. калм. *сонс-*, орд. *sonos-*, даг.К *sonso-* 'слышать';

монгор. *χulo* – стп.-м., *MA, JIP qola, MNT, SG hola*, бур. *холо*, х.-монг., калм. *хол*, орд. *χоло*, даг.К *χol, χоло* 'далеко; далекий'.

В бурятском языке в ряде слов почти во всех говорах представлен *у* на месте звука *о* других монгольских языков, например:

бур. *булад* – х.-монг. калм. *болд*, орд. *bolod*, стп.-м. *bolud* 'сталь';

бур. *булар* – х.-монг. *болор*, калм. *болр*, стп.-м. *bolur, SG bolor* 'хрусталь';

бур. *улам* — х.-монг. *олом, олон*, калм. *олн*, стп.-м. *olung*, МА, МNT *olang*, ЛР *olan* 'подпруга седла';

бур. *суранзан* — х.-монг. *соронз*, калм. *сорнц*, стп.-м. *sorunja* 'магнит';

бур. *угаа* — х.-монг. *огоо*, качуг. *огоо*, стп.-м. *огу* 'очень';

бур. *улам* — х.-монг. *олом*, олёт. [Ramst. KW] *olm*, стп.-м. *olum* 'брод', лит.-калм. *улам* 'топь, болото';

бур. *улһан* — х.-монг. *олс*, калм. *олсн*, стп.-м. *olusun*, даг.К *ols*, *olso* 'конопля';

бур. *унги* 'обух топора' — х.-монг. *онги*, стп.-м. *onggi*, калм. [Ramst. KW] *ong'*, лит.-калм. *оһн* 'проушина, отверстие в топоре для ручки';

Появление *у* на месте *о* здесь можно объяснить ассимилирующим воздействием последующего исторического **и* в этих словах, но не во всех случаях. Есть переходы *о* в *у* и при наличии последующих неогубленных гласных, что необходимо объяснить другими причинами. Во всяком случае уканье не является спецификой бурятского языка, оно захватывает ордосский и монгорский языки, встречается в калмыцком языке и в языке "Сокровенного сказания монголов".

Кроме того, фонема [у] появляется в бурятском языке, как и в других современных монгольских языках, на месте исконного **и* в результате его перелома. Причем в некоторых словах *у* на месте **и* представлен уже в средневековых монгольских языках, в старописменном же языке в этих словах везде *и*. Примеры:

бур. *шуһан* — х.-монг. *цус*, калм. *цусн* орд. *džusu*, даг.П *ч'ос~ч'ос*, даг.К *cos*, *coso*, *cos*, дунс. *чусун*, баоан. *чисон*, мог. *сusun*, стп.-м., МА, ЛР *сisun*, МNT *сisu(n)*, SG *сisun* 'кровь';

бур. *шулуун* — х.-монг. *чулуу*, калм. *чолун*, орд. *tšilü*, даг.П *ч'оло*, даг.К *solo*, стп.-м. *сilayun*, МNT *сila'un*, *сilao'un*, SG *сilahun* 'камень';

бур. *шубуун* — х.-монг. *шувуу*, калм. *шовун*, орд. *šiwü* 'птица', даг.П *шowō* 'ловчая птица', даг.К *šowō* 'ястреб', стп.-м. *šibayun*, МА *šiba'un*, МNT *šubao'un*, SG *šibahun*, ЛР *šibawun* 'птица';

бур. *хюһан* (х'унһан) — х.-монг. *хумс*, калм. *хумсн*, орд. *χumusu*, даг.П *к'имич~к'имич~к'имич'*, даг.К *kimči*, дунс. *гымусун*, баоан. *зомсоң*, мог. *qimusun*, стп.-м. *kimusun*, МА *qimusun*, МNT *kimusu*, SG *kimusun*, ЛР *qimusun* 'ногти';

бур. *нударга* (н'удлгга) — х.-монг. *нударга*, калм. *нудрһ*, орд. *nudurğa*, даг.К *n'adargu*, стп.-м. *nidurğa*, МА *nudurğa*, SG *nudurğa* 'кулак'.

[э] — мягкорядная фонема, встречающаяся во всех бурятских говорах. Ее произношение в бурятском языке заметно отличается от произношения соответствующей фонемы халха-монгольского и калмыцкого языков. Так, в монгольском и калмыцком языках орфограмма *э* представляет собой фонему, обозначаемую в фонетической транскрипции знаком "е", — открытый гласный переднего ряда 4-й степени подъема [по классификации акад. Л.В. Щербы, см.: Зиндер, с. 204, 210], напоминающий русское *э* в слове *это*. Бурятская же орфограмма *э* передает фонему, отличающуюся от монгольско-калмыцких тем, что произносится несколько закрыто и при оттянутом назад языке, т.е. это звук 4-й степени подъема, но не переднего, а смешанного ряда, обозначаемый в фонетической транскрипции знаком "з" [по классификации акад. Л.В. Щербы, см.: Зиндер, с. 204, 214]. Эта существенная разница в ар-

тикуляции и придает бурятской фонеме [э] тот своеобразный акустический эффект, благодаря которому бурятская речь резко отличается от монгольской и калмыцкой даже в тех случаях, когда в произносимых словах отсутствуют другие дифференцирующие эти языки признаки. Например: слово энэ 'это' по-бурятски произносится как энэ, по-монгольски же — епё, в калмыцком языке эн 'это' произносится как еп; по-бурятски эмээл 'седло' произносится эмэ:л, по-монгольски — ет е:л, по-калмыцки эмэл звучит как ет'ж:л и т.п.

Таким образом, наличие смешаннорядного "э" вместо переднерядного "е" можно считать одним из дифференцирующих признаков наряду с *н, ш, ж, с*, отличающих бурятский язык от монгольского и калмыцкого. Этот бурятский звук "э" акустически близок к русскому *ы* или к тюркскому смешанному *ы* и отличается от них только своим более открытым характером. Не случайно поэтому, когда приходится передавать бурятские слова средствами русской орфографии, то бурятский звук "э" (графическое э) почти всегда обозначают буквой *ы*. Например, бурятские личные имена типа *Дэлэг, Гэлэг, Сэдэб* (~Цэдэб) пишут по-русски *Дылык, Гылык, Цыдып*. Особенно закрытый характер носит фонема [э] в речи западных бурят, почти приближаясь к *ы*.

Звук "э" бывает только кратким, в случае долготы произносится обычный переднерядный "е:", например: *тэрэ* (тэ:э) 'тот', *хэлэ* (хэ:э) 'скажи' ио *тээ тэрэ* (те: тэ:э) 'вои тот', *хэлээ* (хэ:е:) 'сказал'.

Может быть, поэтому А. Орлов, автор одной из первых грамматик бурятского разговорного языка, выпущенной в 1878 г., писал о произношении бурятского э: "Все гласные звуки и особливо звук Э могут быть произносимыми как Ы, и тем чаще, чем грубее вообще произношение бурятское, как например — кударинское, ольхоинское, хоринское. Так, слова книжно-монгольского языка: *хуварак* послушник, *ороху* входить, *унаху* падать, *эхэ* мать, *гэрэл* луч, *гэр* дом, *бий* есть — нередко выговариваются: *хубырык, орохы, уныхы, ыхы, гырыл, гыр, бий*" [Орлов, с. 1—2]. Некоторые современные бурятоведы в своих диалектологических работах тоже иногда обозначают эту фонему знаком *ы*, как, например, А.А. Дарбеева при подаче отдельных материалов по говору нижеудинских бурят. Так, при публикации одной сказки на нижеудинском бурятском говоре она широко вводит в свою транскрипцию знак *ы*, соответствующий фонеме [э] Например, она пишет: *Ыкы ысыгынь мытчи б'эана* (ср. лит.-бур. *Эхэ эсэгынь мэсэжэ байна* 'Родители это знают' [см.: Дарбеева 1974, с. 92]. В другой работе А.А. Дарбеева сообщает о гласном *е* у нижеудинских бурят: "Гласный *е*... произносится как нечто среднее между русск. *э* и *ы* ... Специфика гласного *е* в НУД заключается в том, что он акустически близок к русскому безударному *ы*" [Дарбеева 1978, с. 33].

В позиции после *ј* (йот), шипящих согласных *ш* и *ж*, а также перед палатализованными согласными фонема [э] обычно реализуется в более закрытом варианте, приближающемся акустически к "и" или даже к "и". Так, слова *ерэхэ* 'приходить', *жэл* 'год', *шэнэ* 'новый', *эдихэ* 'кушать, есть', *энеэхэ* 'смеяться' и т.п. произносятся обычно как *јігхэ, žil, šinэ, id'ixэ*. Среди окинских бурят у лиц, недостаточно знающих нормы правописания литературного бурятского языка, нам приходилось даже наблюдать

написание подобных слов с *и* вместо *э*, напр.: *идихэ* (вм. *эдихэ*), *инэхэ* (вм. *энеэхэ*), *йирхэ* (вм. *ерэхэ*) и т.п.

На особый характер бурятского краткого *э* и близость его к *ы* и *и* указывали в свою время также А. Руднев для хоринского говора [см.: Руднев 1913, с. II, XXII], Н.Н. Поппе для аларского. Оба они обозначали этот звук одним и тем же знаком *ε*, отличая его от более открытого *e*.

Поппе писал: "Знаком *ε* обозначается $\frac{\text{high}}{\text{mid}} = \text{out back-wide}$. Встречается он только в качестве нормального или редуцированного (в последнем случае $\bar{\epsilon}$) и никогда не бывает долгим. Этот звук не что иное, как более задний *e*. Его часто пыгались передавать знаком *ы*, но в действительности это совсем другой звук. Он является общим для всех бурятских говоров, а также для дагурского наречия, где он часто произносится с легкой лабиализацией (т.е. $\bar{\epsilon}$). Из родственных монгольскому языков этот гласный встречается еще в тунгусских говорах" [Поппе 1930а, с. 38].

Об особом характере бурятского и дагурского *ε* [см.: Поппе 1930, с. 105–107] и отличии его от монгольского и калмыцкого *э* кроме Н.Н. Поппе писал также Г.Д. Санжеев: "*e* — нелабиализованная полуузкая гласная фонема, наличная во всех монгольских языках и диалектах в которых она реализуется самым различным образом: 1) в дагурском языке и в бурятском диалектах — это звук преимущественно среднего ряда, но под влиянием главным образом соседнего *и* становящийся гласным более переднего ряда и часто приближающийся к узкому *и*, что в транскрипции обозначается знаком $\bar{\epsilon}$; 2) в халхаском и ойратских диалектах — это гласный переднего ряда, комбинаторно становящийся (в халхаских говорах) узким. Таким образом, эта фонема сильно подвержена различным комбинаторным изменениям, что в монголоведной лингвистической литературе отмечается знаком $\bar{\epsilon}$ (лабиализованный, наличный в дагурском языке), ϵ (нелабиализованный, наличный в дагурском языке и в бурятских диалектах, акустически близкий к русскому безударному *ы*), *э*, *e*, \bar{e} , \bar{e} " [Санжеев 1953, с. 73].

В бурятском языке, как и в дагурском, появление звука *э* особой артикуляции, отличной от других монгольских языков и сопоставляемой с артикуляцией соответствующего гласного тунгусских говоров, можно, нам кажется, объяснить именно тунгусо-маньчжурским влиянием, так как для тунгусо-маньчжурских языков как раз и характерно подобное произношение звука *э* (в них, кстати, он тоже гласный смешанного ряда), бывающего подчас даже огубленным [см.: Цинциус, с. 39; Константинова, с. 14]. Такой же характер звука *e* отличается Дьрдэм Кара и в языке джарутов во Внутренней Монголии [см.: Кага 1970, с. 241].

Таким образом, в свете вышесказанного об особой артикуляции бурятского звука "з" и его отличия от монгольского и калмыцкого "е" нам представляется не совсем правомерным обозначать его как "е" [см.: Бураев 1959, с. 145; Бураев 1975, с. 24–25], затушевывая специфику данной бурятской фонемы как звука смешанного ряда.

В бурятском языке наблюдаются три основные пути появления фонемы [э] в 1-м слове:

1. Бурятское [э] регулярно появляется на месте нсконного общемонгольского *е, например:

бур. энэ – х.-монг. энэ, калм. эн, орд. ене, даг. П $\epsilon\tilde{n} \sim \epsilon\tilde{n}\epsilon$, Даг. К ен, мог. епá, стп.-м., МА, ЛР, MNT ene 'этот, эта, это';

бур. нэрэ – х.-монг. нэр, калм. нер, нерн, даг. П нёр, даг. К нег, орд. неге, мог. негá, стп.-м., МА, ЛР, MNT nege 'нямя';

бур. эхэ – х.-монг. эх, калм. эж, даг. П $\epsilon\tilde{z} \sim \epsilon\tilde{z}\epsilon$, Даг. К ege \sim eg \sim eу, орд. е^кхе, стп.-м., МА, ЛР, MNT eke 'мать';

бур. эмээл – х.-монг. эмээл, калм. эмал, даг. П $\epsilon\tilde{m}\epsilon\tilde{l}$, даг. К, орд. emel, мог. emol, монгор. imier, стп.-м. emegel, МА, ЛР, ИМ emel, MNT eme'el 'седло'.

2. В подавляющем большинстве случаев в мягкорядных словах на месте общемонгольского *i в бурятском языке появляется фонема [э], хотя и в более закрытом варианте. Переход общемонгольского *i в более широкий звук e отмечается также как характерная особенность языка монголоязычных шира-югуров (желтых уйгуров. – В.Р.) [см.: Тодаева – Тенишев, с. 48]. Примеры:

бур. эди- ($z\tilde{d}i \sim id\tilde{i}$), ш.-юг. ede- – х.-монг. идэ-, калм. ид-, даг. К id-, орд. ide-, мог. idá-, монгор. ide-, стп.-м., МА, MNT ide-, ЛР id- 'есть, кушать';

бур. ерэ- ($j\tilde{z}\tilde{g} \sim j\tilde{r}\tilde{z}$), ш.-юг. еpi- – х.-монг. ирэ-, калм. ир-, даг. П $i\tilde{p} \sim j\tilde{p}$, даг. К ir-, ire-, орд. ire-, монгор. pe-, стп.-м., МА, MNT ire-, ЛР ir- 'приходить';

бур. эшэ- ($z\tilde{s}\tilde{z} \sim \tilde{s}\tilde{z}$), ш.-юг. ече- – х.-монг. ичи-, калм. ич-, даг. К $\chi\tilde{i}\tilde{c}\epsilon$, орд. itsi-, стп.-м. ici-, МА, ЛР hici-, MNT hiče- 'стыдиться, стесняться';

бур. шэлэ ($\tilde{s}\tilde{z}\tilde{l} \sim \tilde{s}\tilde{l}\tilde{z}$), ш.-юг. шел – х.-монг. шил, калм. шил, орд. si-li, стп.-м. šili 'стекло'.

Видимо, под влиянием звука e второго слога в монгольском слове nigen 'один' (ср. стп.-м. nigen, ЛР, SG nigen, MNT nikan 'один') в первом слоге почти во всех современных монгольских языках появился широкий e: бур. нэгэн, х.-монг. нэг, калм. негн, орд. nege, даг. К нек, neG, nege, баоан. нэгэ, ш.-юг. неге id. и только в отдельных современных языках этот *i в данном слове сохраняется: монгор. nige, дунс. нэ, мог. nikán 'один'.

Кроме того, в ряде языков наблюдается переход i в e в слове *ki- 'делать': бур. хэ-, калм. ке-, баоан. кэ-, мог. ki- \sim ke-. В других же языках этот i сохраняется: монгор. gi-, орд. kī-, х.-монг. хий-, джарут. hī-, даг. К $\chi\tilde{i}$ -, даг. П $k\tilde{i}$ -, дунс. kiэ, МА, ЛР, стп.-м. ki- 'делать'.

3. В некоторых бурятских говорах наблюдается также появление [э] в тех случаях, где в других говорах и в литературном бурятском языке, а также в прочих монгольских языках представлен гласный ü или ö, например:

тунк. бэлэ- – лит.-бур. булэ-, х.-монг. були-, калм. бул-, стп.-м. büle-, NBT bule- 'сбивать кумыс, масло';

тунк. бэнэ, агинск. бэнэ//бухэ, даг. П бэсэ \sim бус – х.-монг. бус, лит.-бур. бухэ, калм. бус, даг. К bös, bos, орд. buse, монгор. pudze, стп.-м. MA büse, MNT buse 'пояс, кушак';

барг. мэн 'опять, тоже', качуг. мэн даа 'то-то', лит.-бур. мун, х.-монг. мөн, калм. мөн, стп.-м. mön 'да; правильно, действительно; есть, является';

барг. *бэри* 'очень', качуг. *бэрэ* 'совсем не' — лит.-бур. *бури*, х.-монг., калм. *бур*, стп.-м. *biᠭi* 'каждый'.

Но в единичных словах это [э] может быть и наследником исконного *е, в то время как в других монгольских языках, а также в других бурятских говорах и литературном бурятском языке на месте *е развились огубленные ö или ü, например:

тунк. *мэшэн*, эхир.-булаг. *мэшэн*, тугн. *мэшэн* 'звезда' — лит.-бур. *мушэн*, стп.-м. *mešip* 'звезда, звёзды', калм. *мөви* *одн* 'хвостатая звезда, комета';

тунк. *эбшэн*~*убшэн* — лит.-бур. *убшэн*, х.-монг. *өвч*, калм. *өвчи*, стп.-м. *ebedšip* 'болезнь'.

Первоначальный *е сохраняется в этом случае не только в бурятских говорах, но и в дагурском языке (даг.К *ewde-*, даг.П *εүдэ-* 'болеть'), могольском (*ebätuna* 'болит'), джарутском (*εw šip* 'болезнь').

[ө] — центральнорядная слабоогубленная фонема, встречающаяся лишь в некоторых бурятских говорах. В литературном языке является диалектным вариантом фонемы [у]. Г.Д. Санжеев так, например, писал об этой общемонгольской фонеме: "ö — гласный среднего ряда, полулабиализованный, нолуширокий; имеется во всех монгольских языках и диалектах, кроме ойратских; в бурятском языке, кроме некоторых говоров, этот гласный в качестве самостоятельной фонемы уже не фигурирует, оказавшись вариантом фонемы у" [Санжеев 1953, с. 72—73].

Однако фонема [ө], судя по диалектологической литературе, как самостоятельная представлена в следующих бурятских говорах:

а) тункинском — *өдөр* 'день', *мөнгөн* 'деньги', *дөшөн* 'сорок', *гөрөөһөн* 'дикая коза' (ср. соответственно лит.-бур. *үдэр*, *мүнгэн*, *дүшэн*, *гүрөөһэн*) [см.: Абашеев, с. 6—7];

б) аларском — *өдөр* 'день', *өргө-* 'поднять' (но *үргэ-* 'пугаться — о коне'), *хөл* 'нога', *өбөл* 'зима', *өбөһөң* 'трава' (ср. соответственно лит.-бур. *үргэ-* 'поднять', *үргэ-* 'пугаться', *хул*, *үбэл*, *убһэн*) [см.: Поппе 1930а, с. 43—44];

в) окинском — *өбэл*, *өвэл*, *өбөл* 'зима', *өрэкэ* 'поднять' (но *үрэкэ* 'испугаться' — о коне), *хөрэккэ*, *хөрөккө* 'заморозить' (но *хүрэккэ* 'довести, проводить'), *хөрөнгө* 'заправка', *өтхөн* 'густой', *шөрмөһөн* 'сухожилие' (ср. соответственно лит.-бур. *үбэл*, *хүргэхэ* 'заморозить', *хүргэхэ* 'довести, проводить', *хүрэнгэ*, *үдхэн*, *шүрбэһэн*) [наши собственные полевые записи];

г) боханском (только у обусинских бурят) — *өнтэлэг* 'конопля', *дөлэн* 'пламя' (ср. соответственно лит.-бур. *үлтэнэг*~*үнтэлэг*, *дүлэн*) [см.: Хомонов 1965, с. 41];

д) нижнеудинском — *өдөр* 'день', *көкө* 'синий', *көкшөң* 'старый', *өргөң* 'широкий' (но *үргөң* 'челюсть'), *өркө* 'труба дымоходная' (но *уркепотирать*), *өлгө* 'зыбка' (но *үлгө* 'повесил'), *оһшоң* 'сирота', *өбөр* 'рога' (ср. соответственно лит.-бур. *үдэр*, *хүхэ*, *хүгшэн*, *үргэн* 'широкий', *үргэн* 'челюсть', *үрхэ* 'дымоходное отверстие', *үлгы* 'зыбка', *үлгээ* 'повесил', *уһшэн* 'сирота', *убэр* 'рога') [см.: Дарбеева 1978, с. 31—32]. При этом по нашим наблюдениям и по свидетельству А.А. Дарбеевой [см.: Дарбеева 1978, с. 31, 183] гласный ö нижнеудинского говора акустически напоминает таковой калмыцкого языка, который является, как и

нижнеудинский, гласным переднего ряда [см.: Павлов, с. 26], а не центрального, как в других бурятских говорах и халхаском языке. Но в то же время переднеязычный характер бур.НУ о нельзя объяснить и тюркским влиянием, поскольку непосредственные тюркоязычные соседи нижеудинских бурят тофалары, с которыми у них были тесные контакты [см.: Дарбеева 1978, с. 13–14], имеют в своем языке соответствующий гласный "ы" не переднего, а центрального ряда, такой же, как у халха-монголов и у остальных бурят [см.: Рассадин 1971, с. 17–18]. Следовательно, нижеудинцы либо сохраняют древний характер произношения *о, либо это остаток ойратского влияния, устанавливаемого для них [см.: Цыдендамбаев 1975, с. 319–320];

е) баргузинском — өгө 'дай', но үгэ 'слово' (лит.-бур. үгэ 'дай' и үгэ 'слово'), нөхөд 'друзья' (лит.-бур. нүхэд) [см.: Раднаев 1965, с. 83];

ж) эхирит-булгатском — дөрбөн 'четыре', хөл 'нога', бөхө 'крепкий, силач' (ср. лит.-бур. дурбэн, хул, бүхэ) [см.: Матхеев 1968, с. 5];

з) качугском — өрө 'дыхательное горло' — үрэ 'долг; дитя', өнөө 'месть' — үнээ 'потолок', хөргөхө 'заморозить, застудить' — хургэхэ 'проводить' [см.: Митрошкина 1968, с. 49];

и) хамнигайском — өкө 'давать', нөхөр 'товарищ', өдөр 'день' өцөгөл-дөр 'вчера', көнджилө 'одеяло', цөмөгө 'берцовая кость', гөлөгө 'щенок' [см. Дамдинов 1968, с. 80] (ср. лит.-бур. үгэхэ, нүхэр, үдэр, үсэгэлдэр, хүнжэл, сэмгэн, гулгэн).

В других же говорах — хоринском, сартульском, цонгольском — всегда выступает [y], при этом [ө] является лишь произносительным вариантом этой фонемы. [см.: Бураев 1959, с. 153; Бураев 1965, с. 121, 125–126; Будаев 1965, с. 155]! Таким образом, западные бурятские говоры удерживают [ө] как фонему.

Исторически можно объяснить появление [ө] в бурятских говорах в следующих случаях:

1. Фонема [ө] — наследница исконной монгольской фонемы *о, например:

зап.-бур. өгө — лит.-бур. үгэ, х.-монг., калм. өг-, орд. өг-, даг. Kuku-, ukku-, даг.П үг~ү'к-, дунс. ogi-, баоан. окъ-, стп.-м. öggü-, МА, ЛР. ög-, MNT ok-, SG öк- 'давать';

зап.-бур. хөл — лит.-бур. хул, х.-монг. хөл, калм. көл, орд. көл, даг.П к'ул~к'ул', монгол. kuog, мог. köl, стп.-м., МА köl, MNT kol 'нога';

зап.-бур. дөрбөн — лит.-бур. дурбэн, х.-монг. дөрөв, калм. дөрв, орд. dörwö, даг.К dur'В, dur'b, даг.П дүрвэ(ң) монгол. diëgan, мог. durbön, стп.-м., ЛР dörben, MNT dorben 'четыре'.

2. Фонема [ө] появилась на месте исконной древней фонемы *е. Главным образом это произошло в тех случаях, где в последующем слогe был исконный *ü, который и дал огубление предыдущему *е. Иначе говоря, произошел "перелом" гласного *е, аналогично тому, как это было с *i. Примеры:

зап.-бур. өдөр день — лит.-бур. үдэр, х.-монг. өдөр, калм. өдр, даг.К udur, даг.П удур, орд., моғ. uduг, монгол. udur, дунс. уду, баоан. удэ(р), стп.-м. edür, МА, ЛР ödür, SG üdür, MNT udur 'день';

зап.-бур. төмөр, х.-монг. төмөр, калм. төмр, даг.П түмур, джарут. те-тег, баоан. тэмэр, стп.-м., МА, ЛР temür, MNT, SG temur 'железо';

зап.-бур. *өбөһөн* — лит.-бур. *убһэн*, х.-монг. *өвс*, калм. *өвсн*, орд. *öwös*, даг.К *euse*, даг.П *εус*, джарут. *uws*, монгол. *wesg*, мор. *ebäsun*, стп.-м. *ebesün*, *ebüsün*, МА, ЛР, SG *ebesün*, MNT *ebesün* 'травя'.

3. В хамниганском говоре [см.: Дамдинов 1968, с. 91, 92; Шагдаров — Дамдинов, с. 40], в эхирит-булагатском [см.: Матхеев 1968, с. 5], а также в боханском [см.: Алексеев, с. 91] исследователями отмечается появление звука *ө* на месте *э* там, где во всех остальных говорах и монгольских языках *э* сохраняется, например:

хамниг. *өмөөл* — лит.-бур. *эмээл*, х.-монг. *эмээл*, калм. *эмал*, даг.П *εм̄εл*, мор. *emöl*, орд., МА, ЛР, ИМ *emel*, MNT *eme'el*, стп.-м. *emegeł* 'седло';

хамниг. *өмөгөө* 'бабушка' — лит.-бур. *эмгэн*, х.-монг. *эмгэн*, калм. *эмгн*, орд., стп.-м. *emeten*, MNT *emege* 'старая женщина, старуха', даг.К *emhe*, *emih*, даг.П *εм̄εг* 'жена';

хамниг. *өгөм* — лит.-бур., х.-монг. *эгэм*, стп.-м. *egem* 'ключица', калм. *эм*, ЛР *egem* 'плечо';

бох. *дөлөһөн* — лит.-бур. *дэлэһэн*, х.-монг. *дэл*, калм. *дел*, стп.-м. SG *del* 'грива';

бох. *өлөһөн* — лит.-бур. *элһэн*, х.-монг. *элс*, калм. *элсн* стп.-м. *elesün*, SG *elesun* 'песок';

эхир-булаг. *шөнөһө* — лит.-бур. *шэнэһэн*, х.-монг. *шинэс*, стп.-м. *šipēsün* 'лиственница';

эхир-булаг. *зөмөлхө* — лит.-бур. *зэмэлхэ*, х.-монг. *зэмлэх*, калм. *землх*, стп.-м. *jemelekü* 'обвинять'.

Как уже говорилось выше, огубленный характер гласного *э* характерен для дагурского языка [см.: Поппе 1930, с. 105–107] и для языка джарутов во Внутренней Монголии [см.: Кара 1970, с. 241], такое же огубление *е* как характерная черта отмечается и у монгольских хамниган [см.: Мишиг, с. 192].

Нам представляется, что появление *ө*, являющегося огубленным звуком, произносимым с той же ротовой артикуляцией, что и звук *э* в этих словах в других бурятских говорах, правомерно объяснить влиянием тунгусо-маньчжурских языков, особенно эвенкийского, с которым у хамниган отмечаются тесные связи [см.: Дамдинов 1968, с. 75, 76; Мишиг, с. 186–189]. Проживание в прошлом в Приангарье эвенков, а по Лене обитание их и поныне, также не могло не отразиться на языке западных бурят. Отголоском этого влияния и могло явиться огубленное произношение в ряде случаев звука *э*. Возможно, что это проявление эвенкийского субстрата у олонских хамниган, как считает Ц.Б. Цыдендамбаев [1978, с. 91].

[y] — общебурятская узкая сильноогубленная центральнорядная фонема. Встречается, как и [ө] лишь в мягкорядных словах. В литературном языке она произносится вместо *ө* западнобурятских говоров и *ө* других монгольских языков. Литературный язык повсюду закрепил в этих случаях норму с [y], хотя может произноситься и вариант *ө* [см.: Бураев 1965, с. 126]. Фонема [y] в бурятском языке в историческом плане обнаруживает разное происхождение.

1. Она является наследницей исконной общемонгольской фонемы *ü, например:

бур. үгэ — х.-монг., калм. үг, орд. uge, стп.-м. MA, SG üge, MNT uge 'слово; речь';

бур. хусэн, хушэн — х.-монг. хуч, калм. кучн, даг.П к'у'ч'и, даг.К küc, kücün, орд. gwtši, монгол. куджи, стп.-м. kücün, MA kücün 'сила';

бур. тургэн — х.-монг. тургэн калм. тургн, стп.-м., MA түрген, MNT, SG turgen 'быстрый; быстро'.

2. В восточных говорах (а через хоринский говор и в литературном языке) фонема [y] развилась из *e (видимо, через ø), в то время как в западных бурятских говорах и ряде других современных и средневековых монгольских языков здесь появился гласный ø, например:

вост.-бур., лит.-бур. үбэл — зап.-бур. ебал, х.-монг. өвал, калм. увл, орд. öwöl, даг.П угул, даг.К uhul, джарут. uwul, ubul, ewul, мог. шбул ~ ebшлā, стп.-м. ebül, MA, IM öbül 'зима', MA ebülje- ~ öbülji- 'проводить зиму', MNT ubul, SG übul, ЛР öwül 'зима';

вост.-бур., лит.-бур. үбгэн — зап.-бур. өбөгөн, х.-монг. өвгөн, калм. өвгн, орд. öwögön, джарут. ebgen, ewgen, ubgen, 'старик', даг.П ё'у'к'ε 1) старший брат матери; 2) муж старшей сестры отца', стп.-м. ebügen, MA öbügen, MNT ebugan, ebuge(n), VMI öbüge 'старик', SG ebuge 'свекор, отец мужа';

вост.-бур., лит.-бур. үбдэг — зап.-бур. өбөдөг, х.-монг. өвдөг, калм. өвдг, орд. öwödök, джарут. ubdeg, баоан. эбдэг, мог. шндшк, стп.-м. ebüdüg, ebüdeg, MA öbüdük, MNT ebuduk, ЛР ebdün, obedün 'колено';

вост.-бур., лит.-бур. үбдэ 'болеть', үбшэн 'болезнь' — зап.-бур. өбдө-, өбшэн, х.-монг. өвд-, өвч, калм. өвд-, өвчн, орд. öwöd-, джарут. ewšin, uwšin, даг.П ё'удε-, даг.К eudu-, дунс. оту-, баоан. өзтэ- 'болеть', мог. ebätuna 'болит', стп.-м. ebed- 'болеть', ebedcin, ebecin 'болезнь', MA ebed-, ebecin, IM ebed-, MNT ebet-, ebecin, obecin, obetsin, ЛР ebcin id.;

вост.-бур., лит.-бур. үргэ- — зап.-бур., х.-монг. өргө-, калм. өрг-, орд. шргш-, джарут. ureg-, стп.-м. ergü-, MA, IM örgü-, MNT, SG ergu-, ЛР ergü- ~ öрге- 'поднимать'.

3. В восточных говорах (через хоринский говор и в литературном бурятском языке) фонема [y] обычно произносится также и на месте исконого *ö, которому в западных бурятских говорах, в халхаском, калмыцком и некоторых других монгольских языках соответствует ö. Фонетисты-бурятоведы считают при этом, что в хоринском и других восточных говорах возможно произношение и ø как варианта y, хотя предпочтительнее и [см.: Бураев 1959, с. 153; 1965, с. 126]. Примеры:

вост.-бур., лит.-бур. хухэ — зап.-бур. хөхө, х.-монг. хөх, калм. көк, орд. göххө, джарут. huh, даг.П к'у'к ~ к'у'кε, даг.К kuk, дунс. кугіз, баоан. көгэ, мог. кшкā, стп.-м., MA, SG, ЛР көке, MNT koko 'синий';

вост.-бур., лит.-бур. мүльхэн — зап.-бур. мөлихэн, мөльхөн, х.-монг. мөс, калм. мөсн, орд. möсш, даг.П мөйс, даг.К mois, meis, meiz, дунс. мэнсун, баоан. мэншу, мэнсу, стп.-м. MA, SG, ЛР mölsün, MNT molsun 'лед';

вост.-бур., лит.-бур. мүргэ- — зап.-бур. мөргө-, х.-монг. мөргө-, калм. мөрг-, орд. тшргш-, джарут. merg-, даг.П мүргү-, дунс. муау-, баоан. мэргэ-, стп.-м., MA mörgü-, SG mürgü-, MNT murgu- 'кланяться; молиться';

вост.-бур., лит.-бур. үндэгэн — зап.-бур. өндөгөн, х.-монг. өндаг, калм. өндгн, орд. öndögö, даг.П ё'ндүз, даг.К enduhu, öndöhu, öndöhu, мог.

шндäyön, стп.-м. öndegen, ИМ öndüge, МА ömdügen, MNT ondegen, omdegen, SG, ЛР ömdegen 'яйцо'.

В самом халха-монгольском языке фонема [ə] довольно закрытый звук и акустически напоминает русское у, поэтому русские, передавая своей графикой монгольские слова, всегда пишут у на месте х.-монг. ə, например: "Худулмур" — название монгольской газеты "Хөдөлмөр"; худон — монг. хөдөө 'сельская местность' и т.п. Б.Я. Владимирцов так определял халха-монгольскую фонему [ə]; "В Хал.-Ург. фонема ö очень близка фонеме ü, почему обычно в русских работах ö и ü не различались и передавались при помощи одного знака ü. В Халх.-Зап. и Хал.-Вост. ö и ü акустически отличаются друг от друга в гораздо большей степени. Несмотря на близость, и в Халх.-Ург. фонемы ö и ü различаются в системе вокализма..." [Владимирцов, с. 162]. Таким образом, и в монгольском языке встречается более закрытое, приближающееся к у произношение фонемы [ə].

Развитие [y] на месте *ö отмечается, кроме бурятского, и в других монгольских языках, начиная со средних веков. Так, например, ü на месте *ö появляется в языке "Сокровенного сказания монголов" [см.: Haenisch 1962], в китайско-монгольском словаре XIV в. "Hua-I ih-yü" [см.: Haenisch 1957], в языке монголов Ордоса, в дагурском и монгорском языках, sporadически в калмыцком, а также широко представлено почти во всех диалектах Внутренней Монголии [см.: Тодаева 1960, с. 24; Kara 1970, с. 242 и глоссарий — с. 235—237]. Б.Х. Тодаева, например, об этом пишет так: "Для всех говоров восточного диалекта характерен переход во многих словах гласного среднего ряда, огубленного ə в гласный того же образования у: дурэ 'стремя', улсэ 'проголодаться', ушэ 'месть'" [Тодаева 1960, с. 24]. Примеры:

бур. убэл, калм. увл, джарут. uwul, ubul, gwul, даг.П угүл, даг.К uhul, мог. шбшлa ~ ebulā, дунс. увун, монгор. ugur, SG, MNT ubul — стп.-м. ebül, МА, ИМ öbül, ЛР öwül, х.-монг. өвал, орд. öwöl 'зима';

бур. ундэр, джарут., даг.К undur, даг.П ундүр, орд. шндшг, дунс. унду, SG, MNT undur — стп.-м., МА öndür, х.-монг. өндөр, калм. өндр, баоан. ондэр 'высокий';

бур. һуни, джарут. sun, даг.П сун' ~ сун'и, даг.К sun, sun', мог. шшпi, SG, MNT süni — стп.-м., МА, ЛР soni, х.-монг. шөне, калм. сөө ~ сөөн, орд. сонö, монгор. soni 'ночь'.

Таким образом, процесс перехода звука ə в у характерен не только для одного бурятского языка, это явление захватило многие монгольские языки, из современных главным образом восточные вместе с дагурским, став для них системой. Так что бурятский язык (в основном его восточные говоры) в отношении перехода *ö в [y] тяготеет к восточному ареалу монгольских языков.

4. В западных бурятских говорах фонема [y] отмечается исследователями [см.: Абашеев, с. 8; Раднаев 1965, с. 86; Матхеев 1968, с. 6] на месте фонемы [э] литературного бурятского языка, например:

тунк., эхир.-булаг. гүдэхэн — лит.-бур. гэдэхэн, х.-монг. гэдэс, калм. гесн, орд. gedwsh, даг.П гэдэс, даг.К getes, мог. gesän, стп.-м. gedesün, МА getesün 'кишечник';

барг., эхир-булаг. *хүдэн* — лит.-бур. *хэды* 'сколько', *хэдэн* 'несколько', х.-монг. *хэд(эн)*, стп.-м. *kedün, kedüi* 'сколько; несколько', калм. *кеду*, МА, ЛР *kedün, MNT kedun* 'сколько';

эхир-булаг. *гүдэргээ* — лит.-бур. *гэдэргээ*, х.-монг. *гэдэрэг*, *гэдэргээ*, калм. *гедрг*, стп.-м., МА *gedergü, MNT gedergu*, орд. *gedergēn* 'назад';

барг. *зүргэ* — лит.-бур. *зэргэ*, х.-монг. *зэргэ*, калм. *зерг*, даг. П *ц'эргэ* ~ *цэргэ*, стп.-м., МА *ǰerge* 'ряд'.

[и] — фонема переднего ряда, узкая нелабиализованная, закрытая. Встречается и в твердом и в мягком сингармонических рядах. "Фонема *и* чаще всего встречается после мягких (палатализованных) согласных, причем после согласных первой и второй артикуляций (*б, м, н, п* и очень редко после *л, т*) в переднерядном оттенке: *бидэ* 'мы', *пинтагар* 'коротыш', *миниш* 'мой', *нилха* 'дитя', *нидхэ* 'брови', *лимбэ* 'лимба (музыкальный инструмент)', *титим* 'корона'; после согласных третьей артикуляции (*г, х*) — в переднем отодвинутом назад оттенке: *гилэгэр* 'блестящий', *хицаар* 'граница', *хирзага* 'злой'. Вне сочетания с мягкими согласными фонема *и* употребляется только в абсолютном начале слова. В даниом фонетическом положении употребляется оттенок, который по сравнению с переднерядным оттенком является более открытым... Характерно, что этот оттенок употребляется исключительно в словах твердого ряда. Например: *инаг* 'дружеский', *илалта* 'победа', *илгаха* 'сортировать, различать', *иргаха* 'резать, слепить (глаза)', *илдам* 'приветливый, учтивый'" [Бураев 1959, с. 159].

В современных бурятских говорах, как и в литературном языке, эта фонема тоже употребляется и в твердорядных и в мягкорядных словах, являясь с точки зрения сингармонизма так называемой нейтральной гласной фонемой. Однако в истории монгольских языков, во многих из которых также имеется нейтральный гласный *i*, не всегда было так. Исследованиями [см.: Рамстедт, с. 52; Владимирцов, с. 170—190; Санжеев 1953, с. 118; 1964, с. 31—33] было установлено, что в монгольских языках в свое время существовали два узких неогубленных гласных: заднерядный **i* (типа *ы*) и переднерядный **i* (типа *и*), которые впоследствии слились в один звук *i*, ставший нейтральным. Таким образом, рассматриваемый нами здесь **i* есть результат конвергенции **i* и **i*.

В бурятском разговорном языке **i* претерпел за время эволюции языка ряд изменений. Рассмотрим их по порядку.

1. Во многих словах мягкого ряда древний **i* в первом слоге перешел в гласный "з" (орф. э), о чем нами уже говорилось выше, например:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>эдир</i>	<i>ider</i>	<i>идэр</i>	<i>идр</i>	юный
<i>эли</i>	<i>ile</i>	<i>ил</i>	<i>ил</i>	явный, ясный
<i>эльбэ</i>	<i>ilbi</i>	<i>илбэ</i>	<i>илв</i>	фокус
<i>эшэ</i>	<i>iči</i>	<i>ичи</i>	<i>ич</i>	стыдиться
<i>бэшэг</i>	<i>bičig</i>	<i>бичиг</i>	<i>бичг</i>	письмо
<i>хэшэг</i>	<i>kišig</i>	<i>хишиг</i>	<i>кишг</i>	счастье
<i>жэжэг</i>	<i>ǰijig</i>	<i>жигиг</i>	<i>жижг</i>	мелкий

2. Имеется все же свыше десятка слов, где древний *i сохраняется без изменения, например:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
би	bi	би	би	я
ши	ši	чи	чи	ты
нимгэн	nimgen	нимгэн	нимгн	тонкий
мишэлзэ-	mišilje-	мишэлзэ-	мишв-	улыбаться
хибэн	kibeng	хив	—	моль
хилэн	kileng	хилэн	кшлң	бархат
мини	minü	миний	мини	мой
титим	titim	титим	титм	корона

3. В отдельных словах *i сохранился в виде долгого гласного *ии*, например:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
ниидэхэ	niscü	нисэх	нисх	лететь
жиир,	ḷir,	жир,	йир,	обычный поджатые (о губах)
жиирэй	ḷir-ün	жириин	йирин	
жиимэгэр	ḷimiger	жимгэр	жимгр	

4. В единичных словах фонема [и] появилась на месте *e:

Бур.	Стп.-м.	Х.-моиг.	Калм.	Значение
хибэхэ	kebikü	хэвэх	кевх	жевать
хирээ	keriy-e	хэрээ	керэ	ворон

5. Имеется много твердорядных и мягкорядных слов, в которых гласный *i первого слога заменился другим по качеству гласным, близким последующему гласному слова, то есть произошел так называемый перелом гласного *i³. Сравнение с другими монгольскими языками показывает, что такое явление в данных словах произошло не только в бурятском языке, например:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
зааха	ḷiyaqu	заах	заах	указывать
загаһан	ḷiyasun	загас	заһсн	рыба
зургаан	ḷiryuyan	зургаа	зурһан	шесть
шухан	šisun	цус	цусн	кровь
нюдэн	nidün	нуд	нудн	глаз, глаза
шудэн	šidün	шуд	шудн	зуб, зубы
бутуу	bitegü	битуу	бугу	закрытый
улуу	ilegü	илуу	улу	лишний
журам	ḷirum	журам	журм	порядок
шубуун	šibaḷun	шувуу	шовун	птица
шоно	šinu-a	чоно	чон	волк
ямаан	imayan	ямаа	яман	коза
яргай	iryai	яргай	ярһэ	кизил
шара	šir-a	шар	шар	желтый

³ Подробнее об этом явлении см. далее, в 3-й главе.

Кроме того, имеется ряд слов, в которых перелом *i наблюдается в бурятском и халха-монгольском языках, но в калмыцком продолжает сохраняться *i:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>жабар</i>	ḷibar	<i>жавар</i>	<i>живр</i>	ветер-хиус
<i>жада</i>	ḷida	<i>жад</i>	<i>жид</i>	пика, копьё
<i>шагнаха</i>	ḷingnaqu	<i>чагнах</i>	<i>чиңнх</i>	слушать
<i>шанар</i>	ḷinar	<i>чанар</i>	<i>чинр</i>	качество
<i>хяра</i>	kira	<i>хяр</i>	<i>кир</i>	гребень горы
<i>хята</i>	kitai	<i>хятай</i>	<i>кит</i>	тонкие кишки лошади

В то же время в большинстве слов твердого ряда гласный *i в бурятском языке, как и в калмыцком, продолжает сохраняться, хотя в халахаском здесь наблюдается перелом *i, например:

Бур.	Калм.	Стп.-м.	Х.-монг.	Значение
<i>бишыхан</i>	<i>бичкн</i>	biḷiqan	<i>бяцхан</i>	маленький
<i>илгаха</i>	<i>илһх</i>	ilyaqu	<i>ялгах</i>	различать
<i>ирзайха</i>	<i>ирзэх</i>	irḷajaiqu	<i>ярзайх</i>	скалить
<i>нилха</i>	<i>нилх</i>	nilqa	<i>нялх</i>	зубы
<i>хилбар</i>	<i>килвр</i>	kilbar	<i>хялбар</i>	новорожденный
<i>химда</i>	<i>кимд</i>	kimda	<i>хямд</i>	легкий
<i>миндаһан</i>	<i>миндсн</i>	mindasun	<i>мяндас</i>	дешевый
				шелковая нить.

В современных бурятских говорах перелом гласного *i тоже происходил неравномерно. Так, в восточных говорах можно встретить наряду с произношением слов типа *шатаха* 'гореть', *мяхан* 'мясо', *мянган* 'тысяча', *шэнэ* 'новый', *эдеэн* 'пицца', *бэшэхэ* 'писать', *бэди* 'мы' произношенне с сохранившимся *i: *шитаха*, *михан*, *минган*, *шинэ*, *идеэн*, *бишэхэ*, *биди*, что, хотя, не совсем характерно. В тункинском говоре тоже встречаются формы такого типа, т.е. вместо *ямаан* 'коза' говорят *нимаан*, наряду с *мяхан* 'мясо' можно услышать и *михан*.

Сохранение гласного *i как массовое явление отмечается в хамниганском говоре: "Одной из характерных особенностей говора олонских хамниган является то, что в нем в большинстве случаев отсутствует перелом звука и" [Дамдинов 1968, с. 83]. Хотя в этом говоре есть слова и с полным переломом *i [см.: Дамдинов 1968, с. 84]. Поэтому в олонско-хамниганском говоре наряду с *дзургаа* 'шесть' (ср. стп.-м. ḷirḷuḷan, бур. *зургаан*, х.-монг. *зургаа*, калм. *зурһан*), *дзагасу*, *дзагаса* 'рыба' (ср. стп.-м. ḷiḷasun, бур. *загаһан*, х.-монг. *загас*, калм. *заһсн*), *буруу* 'годовалый теленок' (ср. стп.-м. biḷaḷu, бур. *буруун*, х.-монг. *бярүү*, калм. *буру*), в которых завершен перелом *i, широко бытуют словоформы типа *сибар*, *шибар* 'глина' (ср. стп.-м. ḷibar, бур. *шабар*, х.-монг. *шавар*, калм. *шавр*) *синага*, *шинага* 'ковш' (ср. стп.-м. ḷinaḷa, бур. *шанага*, х.-монг. *шанага*, калм. *шанһ*), *ситакху*, *шитаха* 'гореть' (ср. стп.-м. ḷitaqu, бур. *шатаха*, х.-монг. *шатах*, калм. *шатх*), *минга* 'тысяча' (ср. стп.-м. minḷuan, бур. *мянган*, х.-монг.

мянга, калм. *миңэн*), *ниду* 'глаз'. (ср. стп.-м. *pidün*, бур. *нюдэн*, х.-монг. *нуд*, калм. *нудн*), *сиду*, *сидэ*, *шиду* 'зуб' (ср. стп.-м. *šidün*, бур. *шудэн*, х.-монг. *шуд*, калм. *шудн*), *джирэку* 'сердце' (ср. стп.-м. *ᠵᠢᠷᠦᠬᠡᠨ*, бур. *зурхэн*, х.-монг. *зурх*, калм. *зуркн*) и т.п., сохраняющие гласный *i, не подвергшийся перелому.

Сохранение в очень большом количестве слов гласного *i, не подвергшегося перелому, происходит и в *нижнеудинском* говоре [см.: Санжеев 1930, с. 4; Дарбеева 1960, с. 121–122; 1978, с. 34–37]. Ср. например, некоторые *нижнеудинские* бурятские слова с литературными и со словами других монгольских языков:

Бур.НУ	Лит.-бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>н'идэң</i>	<i>нюдэн</i>	<i>нуд</i>	<i>нудн</i>	<i>pidün</i>	глаз
<i>н'имаң</i>	<i>ямаан</i>	<i>ямаа</i>	<i>яман</i>	<i>imayan</i>	коза
<i>ш'игна</i>	<i>шагна</i>	<i>чагна</i>	<i>чиңн</i>	<i>šingna</i>	слушай
<i>ж'илга</i>	<i>жалга</i>	<i>жалга</i>	<i>жилһ</i>	<i>ᠵᠢᠯᠭ᠎ᠠ</i>	овраг
<i>ж'ирга</i>	<i>жарга</i>	<i>жарга</i>	<i>жирһ</i>	<i>ᠵᠢᠷᠭ᠎ᠠ</i>	наслаждайся
<i>ж'иргөң</i>	<i>зургаан</i>	<i>зургаа</i>	<i>зурһан</i>	<i>ᠵᠢᠷᠭᠠᠨ</i>	шесть

В некоторых же говорах, например в *боханском*, фонема [и], бытующая в литературном языке и других говорах, в абсолютном начале слова не встречается [см.: Хомонов 1958, с. 43], например:

Бох.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>йалаха</i>	<i>илаха</i>	<i>ялах</i>	—	<i>ilaqu</i>	победить
<i>йалхаха</i>	<i>илгаха</i>	<i>ялгах</i>	<i>ялһх</i>	<i>ilγaqu</i>	отделять
<i>йалааһан</i>	<i>илааһан</i>	<i>алаа</i>	<i>илэсн</i>	<i>ilαγα</i>	муха

В остальных говорах картина бытования *i примерно такая же, как и в литературном бурятском языке.

Гласные непервых слогов

Характер гласных непервых слогов в бурятских говорах зависит от системы сингармонизма (небиого и губного), представленной в том или ином говоре. Здесь мы не будем касаться проблем сингармонизма в литературном бурятском языке, поскольку этот вопрос достаточно освещен в бурятской лингвистической литературе [см.: Бураев 1959, с. 165–173; 1960, с. 84–94], остановимся лишь на характеристике гласных, допустимых в бурятских говорах в непервых слогах.

В монголоведении общепризнано, что гласные четкой артикуляции и полного образования произносятся только в 1-м слоге, поскольку он несет всю смысловую нагрузку и он же обуславливает рядность слова. Гласные же 2-го и последующих слогов произносятся с меньшим напряжением артикулирующих органов и с менее четкой артикуляцией. Эти неясные гласные называют также редуцированными [подробнее см.: Биткеев 1964, с. 69–91; 1975, с. 126–142]. В современных монгольских языках — бурятском, халха-монгольском и калмыцком — степень качественной и количественной редуциции этих гласных различна. Довольно сильно качественная и количественная редуциция проявилась в калмыцком языке, в котором гласные 2-го и последующих слогов представлены в настоящее время лишь тремя фонемами: *э*-образным, *и*-образным и *а*-образным зву-

ками [см.: Биткеев 1964, с. 75]. Не меньшая, если в ряде случаев не большая, редукция гласных произошла и в халха-монгольском языке, в котором наблюдается даже полное отпадение конечных слогов (ср. х.-монг. *нар* — стн.-м. *патап*, калм. *нарн*, бур. *наран* 'солнце'; х.-монг. *яс* — стн.-м. *уасун*, калм. *ясн*, бур. *яһан* 'кость' и т.п.). В бурятском же языке, как и в калмыцком, сохраняются все исторические слоги (см. вышеприведенные примеры *наран*, *яһан*), хотя гласные непервых слогов утратили свое первоначальное качество и произносятся, кроме того, не так напряженно, как гласные 1-го слога. Однако их качество в бурятском языке все же сохранилось более отчетливо, нежели в калмыцком. Благодаря этому стало возможно их четкое обозначение на письме (напр., бур. *абаха* 'взять', *болохо* 'быть; стать', *ерэхэ* 'прийти', *хурэхэ* 'достигать' — ср. соответственно х.-монг. *авах*, *болох*, *ирэх*, *хурэх*; калм. *авх*, *болх*, *ирх*, *курх*), чего до сих пор никак не могут решить для калмыцкой письменности [см.: Биткеев 1969, с. 3—37].

В бурятском языке по говорам редукция гласных тоже неравномерна, хотя в целом свойственна вообще любой разговорной бурятской речи (ср., напр., разг. *татаха* — лит. *татаха* 'тянуть'; 'курить', разг. *ошохо* — лит. *ошохо* 'пойти', разг. *абха* — лит. *абаха* 'взять' и т.п.), независимо от диалектной принадлежности. Однако степень редукции по говорам бывает разной. Например, для центрального хоринского и периферийных хориноидных диалектов вокалический ряд в пределах отдельных слов и ритмических тактов менее подвержен количественным и качественным изменениям. Носители данных говором, как правило, старательно выговаривают в словах и синтагмах все слоги, например; *јабаха* — ходить, *хэлэхэ* — говорить, *һураха* — учиться, *ошохо* — отправляться, *худэлмэри* — работа, *за:бари* — указание и т.п. Напротив, для западнобурятской лингвистической общности, особенно для тункинского говора, редукция гласных составляет едва ли не самую существенную черту модификации гласных фонем. Даже в тех фонетических положениях, где в других западнобурятских говорах гласные не подвергаются сколько-нибудь заметным изменениям, в тункинском говоре имеют место случаи, вызванные действием закона редукции. Так, например, в этимологически трехсложных словах гласные второго слога, как правило, не произносятся. Более любопытны случаи исчезновения гласных в абсолютном исходе слова, что совершенно не характерно для бурятского языка. Например, *арбад'хад һурна* 'учиться в десятом', *дабу*: *хэх* 'положить соль', *јэк хубуум'и* 'старший сын'... Поскольку редукция и отпадение гласных в абсолютном исходе существенно характеризуют южномонгольский лингвистический ареал, то указанную особенность тункинского говора можно было бы причислить к пержиточным элементам суперстратного характера. Тем более, что основная этническая группа, к которой восходят тункинские буряты, является... выходцем из Монголии" [Матхеев 1972, с. 41—42].

Как видно из бурятоведной диалектологической литературы, довольно заметно редукция и выпадение гласных и образование за счет этого стяженных форм слов проявляются также в баргузинском [см.: Раднаев 1965, с. 82], эхирит-булагатском [см.: Матхеев 1968, с. 7], качугском [см.: Митрошкина 1968, с. 51] говорах, например: качуг. *баатха* (лит. *абаадаха*) 'уести с собой', качуг. *таархаха* (лит. *атаархаха*) 'завидовать',

качуг. *сөөн* (лит. *усөөн*) 'малочисленный', барг. *неэн* (лит. *унеэн*) 'корова', барг. *ошхо* (лит. *ошохо*) 'идти', барг. *ухэб* (лит. *үгэхэб*) 'отдам', барг. *устэр* (лит. *усэгэлдэр*) 'вчера', барг. *нэбишаа* (лит. *нэгэ бишихан*) 'немножко', эхир.-булаг. *хажгээд* (из *хайшан гээд*) 'как, каким образом', эхир.-булаг. *ожроорой* или *одьроорой* (из *орожо ерээрэй*) 'зайдешь'.

В системе вокализма древнемонгольского языка, как восстановлено в монголоведении, в непервых слогах могли употребляться лишь а — е, и — ü, вне какой бы то ни было пропорциональной оппозиции находилась фонема *i*, которая могла быть в любом слоге любого слова [см.: Санжеев 1964, с. 30–31], напр.: *inaγ* 'друг', *cidür* 'путы-тренога', *biçig* 'письмо', *qoli-* 'смешивать', *neteri* 'добавка', *kögji-* 'развиваться'. Эта система за время эволюции монгольских языков в каждом из них претерпела определенные изменения. Модифицировалась она и в бурятских говорах. При чем картина этой модификации по говорам различна.

Так, в хоринских говорах и в тех бурятских говорах, где отсутствует фонема [e], которая здесь перешла в [y], в непервых слогах встречаются лишь гласные а, о, и, э с разной степенью редукации и неполным образованием. В тех же западных говорах, в которых [e] представлена как фонема, там и в непервых слогах употребляется е наряду с а, о, и, э. Особняком стоят в отношении гласных непервого слога южные бурятские говоры — саргульский, цоигольский и хамниганский, которые знают в этой позиции гласные а, о, и, э, у, ү, ө. Таким образом, в разговорном бурятском языке различается три системы вокализма непервых слогов: система хоринского типа, западнобурятская система с фонемой [e] и южнобурятская система.

1. Для системы гласных непервых слогов хоринского типа, как уже упоминалось, характерно отсутствие краткой фонемы [e] как в непервых, так и в первом слогах. В первом слоге историческая фонема **ö* перешла в фонему [y], в которой слились по сути дела две исторические фонемы **ö* и **ü*. Для вокализма непервых слогов этого типа свойственно употребление после [y] первого слога фонемы [ɔ] вместо фонемы [e] в этих слогах в западнобурятских говорах, чтобы получить представление об эволюции вокализма хоринского типа, сравним его с вокализмом старомонгольского языка.

Гласный 1-го слога	Гласный непервого слога		Примеры		
	стп.-м.	хор.	стп.-м.	хор.	значение
*а	а	а	tala	тала	степь
	и	а	qabur	хабар	весна
*е	е	э, и	eke	эхэ	мать
			erdem	эрд'им	наука
*и	ü	э	kelen	хэл'ин	язык
	а	а	eçüs	эсэс	конец
*ү	а	а	uran	уран	искусный
	и	а	ulus	улад	люди
*ü	е	э	ünen	үнэн	правда
	ü	э	üsün	үхэн	волосы
*о	а	о	olan	олон	много
	и	о	tosun	тоһон	масло
*ö	е	э	örgen	үргэн	широкий
	ü	э	öndür	үндэр	высокий
(хор. ү)					

Отдельно рассмотрим модификацию гласного *i, так как он дал в хоринском говоре различные варианты.

Гласный 1-го слога	Гласный непервого слога		Примеры		
	стп.-м.	хор.	стп.-м.	хор.	значение
*i (хор. и)	i	и	titim	титим	корона
	i	э	kili	хилэ	граница
	e	э	kibeng	хибэн	моль
*i (хор. э)	i	э	bičig	бэшэг	письмо
	e	э	irge	эрье	валух
	e	и	ide	эди	есть
	e	и	ile	эли	явный

В твердорядных словах древний гласный *i непервых слогов в хоринских говорах везде сохранился, дав палатализацию предшествующего согласного, которая развилась под влиянием этого *i также в халхаском, дархатском и изредка калмыцком (см. об этом подробнее ниже. в 3-й главе). Примеры:

Стп.-м.	Хор.	Х.-монг.	Калм.	Даг.	Значение
ali	ал'и	аль	эль	ал'и	который
ani	ан'и-	ани-	ань-	—	зажму- рить
amidu	ам'ида	амьд	эмд	ам'юу	живой
uli-	ул'и-	ули-	ууль-	—	выть
urid	ур'ид	урьд	урд	ордо	прежде
oliy	ол'иг	олиг	—	—	пригод- ность
morin	мор'ин	морь	мөрн	мор'и	конь
anggir	ан'д'ир	ангир	аңгр	—	турпан
salkin	хал'т'ин	салхин	салькн	—	ветер
oni	он'и	онь	он	он'и	зарубка у стрелы

Однако в ряде случаев *i перед *g, который перешел в j (йот), дал, ассимилировавшись, а или э в зависимости от рядности слова, например:

Стп.-м.	Хор.	Х.-монг.	Калм.	Значение
qar gi	хар'ja	харги	—	быстрина на реке
burgi- bayagi-	бур'ja- бааja-	бурги- бааги-	бург-	клубиться сильно ды- мить
ergi	эр'jэ	эрэг	эрг	берег

Сильной ассимиляции подвергся *i непервого слога после исторических аффрикат и шипящего ш. При этом *i перешел в э, а, о в зависимости от

рядности слова и вокализма 1-го слога. Примеры:

Стп.-м	Хор.	Х.-монг.	Калм.	Значение
ürgülji	ургэлжэ	ургэлж	ургэлжэ	постоянно
kogji-	хугжэ-	хөгжи-	көгжэ	развиваться
ijil	эжэл	ижил	ижл	одинаковый; привыкший
eši	эшэ	иш	иш	рукоятка
kerči-	хэршэ-	хэрчи-	керч-	крошить, резать
qujir	хужар	хужир	хужр	солончак
ajil	ажал	ажил	ажл	работа
kücir	хушэр	хучир	кучр	трудный
oči-	ошо-	очи-	—	пойти
čabči-	сабша-	цавчи-	чавч-	рубить
učir	ушар	учир	учр	причина
anjisun	анзаһан	анжис	андсх	соха

Как видно из примеров, в халха-монгольском языке в отличие от хоринских говоров ассимиляции гласного *i после аффрикат и шипящего *ш* не произошло. В бурятском же языке такая значительная ассимиляция *i непервых слогов развилась, вероятно, как и утрата аффрикатами своей смычности в этих словах, под влиянием тенденции ослабления артикуляции звуков. В калмыцком языке эта картина сглажена под действием сильной редукции гласных непервых слогов.

В хоринских говорах, в отличие от старомонгольского языка, в непервых слогах перестали употребляться сильно огубленные узкие гласные *у* и *ү* (тербующие более напряженной и сильной артикуляции, нежели широкие *а*, *э* и слабоогубленные *о* и *ө*). Под влиянием ослабления артикуляции произошло полное разогубление *у* и *ү* и переход их в гласные *а* и *э* неясной артикуляции. Лишь после [о] 1-го слога сохраняется слабое огубление гласного *u, который полностью уподобился [о], например: *modun > модон 'дерево', *tosun > тоһон 'масло', *odun > одон 'звезда'. И вообще в говорах хоринского типа гласный [о] обладает из всех огубленных гласных наибольшим ассимилирующим воздействием, подчиняя огублению даже *а. Например: *olja > олзо 'добыча, трофей', *olan > олон 'много', *toγtaqu > тогтохо 'останавливаться', *qoγlaqu > хорлохо 'наносить вред'. Такое же свойство имеет гласный [о] и в халха-монгольском языке, в котором эти слова тоже произносятся с гласным [о] в непервых слогах, например: мод(он) 'дерево', тос(он) 'масло', од(он) 'звезда', олон 'много', тогтох 'останавливаться', хорлох 'наносить вред'.

Таким образом, вокализм непервых слогов говоров хоринского типа отличается от такового старомонгольского языка расширением употребления в непервых слогах широких гласных *а* и *э* за счет разогубления узких огубленных *u и *ü и перехода их в *а* и *э*, а также за счет ассимиляции гласного *i. Кроме того, в непервых слогах стал употребителен гласный [о], появившийся в этой позиции в результате ассимиляции гласным [о] 1-го слога последующих *u, *a и гласного *i, стоящего после исторических аффрикат и шипящего *ш*.

2. Система западнобурятского типа в основном обладает разобранными

выше характеристиками, присущими гласным непервых слогов в говорах хоринского типа, но ее существенным отличием и дополнением является наличие фонемы [ө] во всех непервых слогах, если она представлена в первом слоге, например:

Стп.-м.	Зап.-бур.	Хор.	Х.-монг.	Калм.	Значение
edür	өдөр	үдэр	өдөр	өдр	день
monggun	мөнгөн	мүнгэн	мөнгөн	маңгн	серебря- ный
ebügen	өбөгөн	үбэгэн	өвгөн	өвгн	старик
goluge	гэлгө	гүлгэн	гөлөг	галг	шенок
dočin	дөшөн	дүшэн	дөчин	дөчн	сорок
olüskü	өлдөхө	үлдэхэ	өлсөх	өлсх	проголо- даться
körükü	хөрөхө	хүрэхэ	хөрөх	көрх	остывать
dorben	дөрбөн	дүрбэн	дөрвөн	дөрвн	четыре
ebüsün	өбөнөн	үбнэн	өвс	өвсн	травя

Этим западнобурятские говоры сближаются с халха-монгольским языком. Подобная система отмечается исследователями как широко бытующая в аларском [см.: Поппе 1930а, с. 45, 64], нижеудинском [см.: Санжеев 1930, с. 5], боханском [см.: Алексеев, с. 91] говорах и частично в эхирит-булагатском [см.: Матхеев 1968, с. 5], качугском [см.: Митрошкина 1958, с. 283—284], баргузинском [см.: Радиаев 1965, с. 83], тункинском [см.: Абашеев, с. 7] говорах.

3. Система вокализма непервых слогов южнобурятских говоров тоже неоднородна. Кроме некоторых общих черт имеются и значительные различия в каждом из южнобурятских говоров — сартульском, цонгольском и хамнигайском. Эти говоры связаны своим происхождением с монгольским языком, поэтому, они являются как бы промежуточными между бурятскими и монгольскими говорами, вобрав в себя многое из монгольского языка. Субстрат и языковое окружение у каждого из этих южнобурятских говоров были различны, различны были, по всей вероятности, и те монгольские говоры, на базе которых образовались эти, теперь уже бурятские, говоры, поэтому у них и выработались различия в интересующем нас здесь вокализме непервых слогов.

Сартульский говор характеризуется, как наследием монгольского языка, наличием фонем [ө], [с], [ч], [дж], [ц], сюда же относится и довольно сильная редукция, до полного исчезновения, гласных непервых слогов, особенно конечного открытого слога [см.: Бураев 1965, с. 120, 121]. Но в общем-то вокализм непервых слогов сартульского говора, в котором фонема [ө] уже сливается с фонемой [у], напоминает вокализм вышерассмотренных систем. Примеры:

Сарт.	Хор.	Зап.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
уса, усo	уһан	уһан	ус	usun	вода
йосо	йоһон	йоһон	ёс	yosun	обычай
хүмэдхэ	хүмэдхэ	—	хөмсөг	kömüske	брови
түргэн	түргэн	түргэн	түргэн	türgen	быстрый
эцэх	эсэхэ	эсэхэ	эцэх	ecekü	уставать

Сарт.	Хор.	Зап.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>ан'д'ир</i>	<i>ан'д'ир</i>	<i>ан'jar</i>	<i>ангир</i>	<i>anggir</i>	турпан
<i>хар'и</i>	<i>хар'и</i>	<i>хар'и</i>	<i>харь</i>	<i>qari</i>	чужой
<i>очох,</i> <i>очих</i>	<i>ошохо</i>	<i>ошохо</i>	<i>очих</i>	<i>očiqu</i>	пойти
<i>хол'ихо</i>	<i>хол'ихо</i>	<i>хол'ихо</i>	<i>холих</i>	<i>qoliqu</i>	смешать
<i>тал'т'и</i>	<i>тал'т'и</i>	<i>тал'т'и,</i> <i>тал'с'и,</i> <i>тал'ши</i>	<i>талхи</i>	<i>talki</i>	кожемялка
<i>арасо,</i> <i>арас</i>	<i>арахан</i>	<i>арахан</i>	<i>арьс</i>	<i>arisun</i>	кожа
<i>цаса,</i> <i>цас</i>	<i>сахан</i>	<i>сахан</i>	<i>цас</i>	<i>casun</i>	снег
<i>дүрэв</i>	<i>дүрбэн</i>	<i>дөрбөн</i>	<i>дерэв</i>	<i>dörben</i>	четыре
<i>дүчэ</i>	<i>душэн</i>	<i>двшөн</i>	<i>дөч</i>	<i>dočin</i>	сорок
<i>өвгөн</i>	<i>убэгэн</i>	<i>өбөгөн</i>	<i>өвгөн</i>	<i>ebügen</i>	старик
<i>холтос</i>	<i>холтоһон</i>	<i>холтоһон</i>	<i>холтос</i>	<i>qoltasun</i>	кора
<i>бичиг</i>	<i>бэшэг</i>	—	<i>бичиг</i>	<i>bičig</i>	письмо
<i>арав,</i> <i>арва</i>	<i>арбан</i>	<i>арбан</i>	<i>арав</i>	<i>arban</i>	десять
<i>хийдж</i>	<i>хэжэ</i>	<i>хэжэ</i>	<i>хийж</i>	<i>kiju</i>	делая
<i>мэдэдж</i>	<i>мэдэжэ</i>	<i>мэдэжэ ~</i> <i>мэдшэ</i>	<i>мэдэж</i>	<i>medejü</i>	зная
<i>гарч</i>	<i>гаража</i>	<i>гаража ~</i> <i>гарша</i>	<i>гарч</i>	<i>γarču</i>	выходя

Однако, как можно видеть из примеров, в некоторых случаях сохраняется вокализм типа халхаского — наличие гласного *и* после аффрикат (*очих*, *бичиг*), а также фонемы [ө] (*өвгөн*).

Но главной особенностью сартульского говора является употребление в непервых слогах кратких узких огубленных гласных *у* и *ү*, что было замечено уже давно [см.: Бураев, 1960, с. 91]. Исследователь этого говора И.Д. Бураев пишет по данному поводу следующее: "В сартульском говоре имеет место заметная тенденция к употреблению кратких лабиализованных гласных высокого подъема *у* и *ү* в непервых слогах. Как известно, ни в современном бурятском литературном, ни в современном монгольском (халхаском) языках краткие *у* и *ү* не встречаются в непервых слогах. В бурятском литературном языке, если в предыдущем слоге стоит из гласных твердого ряда *а*, *у*, или *уу*, то в последующем слоге из кратких может употребляться только *а*; в сартульском же говоре может употребляться и краткий *у*. Например, лит. *худаг* (колодец) — сарт. *худуг*//*//худаг*; лит. *хуулаха* (сдирать) — сарт. *хуулух*//*хуулах*; лит. *алаха* (убивать) — сарт. *алух*//*алах*. Если в предыдущем слоге стоит из гласных мягкого ряда *э*, *ү* (ө), то в последующем слоге в литературном бурятском языке может употребляться из кратких гласных только *э*; в сартульском же говоре может употребляться и краткий огубленный *ү*. Например, лит. *үнэр* (запах), — сарт. *үнүр*//*үнэр*; лит. *нэрэхэ* (перегонять) — сарт. *нэрух*//*//нэрэх*. Следует отметить при этом, что гласные *у* и *ү* в непервослоговой позиции звучат несколько иначе, чем в обычной первослоговой позиции.

потому что они согласно общей закономерности бурятского языка подвергаются в данной позиции заметной качественной редукции. Тем не менее огубленное произнесение гласных в указанных выше позициях не вызывает сомнения. Почти все сотрудники диалектологической экспедиции (студенты и преподаватели — носители других диалектов) фиксируют в своих записях *y* и *ü* в непервых слогах” [Бураев 1965, с. 124–125.]

Употребление словоформ с *y* и *ü* в непервых слогах в саргульском говоре можно, на наш взгляд, объяснить ассимилирующим влиянием гласных *y* и *ü* 1-го слога, как, например, в случае с *унур//унэр* ‘запах’, *худуг//худаг* ‘колодец’. В случае же, когда эти *y* и *ü* появляются после *a* и *э*, их возникновение тоже следует считать результатом ассимиляции *a* и *э* бывшими в этих словах гласными **u* и **ü*. Например, слово *арас* ‘шкура, кожа’ произносится сартулами также и как *арус*, *арусо*, *арасо*. Древней формой этого слова была, видимо форма **arısun* давшая два варианта: **arısun*, к которому восходит халхаское слово *арьс(ан)*, где палатализация *r* есть следствие влияния **i*, и **arasun*, а возможно и **arusun*, в которых второй гласный, имеющий в слове слабую позицию, легко поддается ассимиляции соседними гласными. От этого варианта ведет свое происхождение бур. *арahan* ‘кожа, шкура’. Сартульский говор, видимо, сохраняет архаичные черты монгольского языка, когда на определенном этапе его развития непервые слоги еще сохраняли свое значение и сильноогубленные гласные **u* и **ü* последнего слога еще не совсем редуцировались. Поэтому из **arısun* или **arasun* могло развиваться **arusun*, в котором после отпадения конечного *n* основы гласный **u* оказался в открытом слоге, т.е. появилось **arusu*.

Конечные слоги, особенно открытые, в монгольском языке, как известно, очень неустойчивы и их гласные сильно редуцируются. Эта тенденция началась еще в средние века и получила свое полное развитие в халхаском языке. Сартульский говор, в основу которого легли позднесредневековые монгольские диалекты, унаследовал эту тенденцию, которая, однако, здесь не смогла окончательно развиться, как в халха-монгольском языке, из-за того, что язык сартулов столкнулся и продолжает взаимодействовать с хоринскими говорами, сохраняющими конечные закрытые и открытые слоги. Поэтому-то в сартульском говоре ныне сосуществуют формы *цас* и *цаса* ‘снег’, *ерэх* и *ерэхэ* ‘прийти’, *очих*, *очох* и *очохо* ‘пойти’, *арас*, *арус*, *арасо* и *арусо* ‘кожа’ и т.п.

Таким образом, появление *y* и *ü* во втором слоге, видимо, остаточное явление ассимилирующего влияния **u* и **ü* исторических конечных слогов на неустойчивый предыдущий гласный. Поэтому форму *нэрух* ‘перегонять молочную водку’ можно объяснить как восходящую к промежуточной более поздней форме **nerukü* < *nerekü*, *шунгухо* ‘купаться’ — к **šunγuqu* < *šungγaqu*, *нагуцо* ‘дядя по матери’ — к **naγuṣu* < *naγaṣu*, *алух* ‘убить’ — к **aluqu* < *alaqu* и т.п.

Когда в процессе эволюции просодической системы монгольских языков происходило перераспределение сильных и слабых слогов, что было связано с изменением слоговой акцентуации, ударение и семасиологическая нагрузка сконцентрировались на 1-м слоге, ставшем представлять корневую морфему. Гласный 1-го слога (краткий, дифтонг или долгий, образовавшийся за счет стяжения двослогов) получил сильную позицию. Непервые

же слоги оказались в слабой, неустойчивой позиции, в результате чего их гласные изменились, либо подвергшись полной редукции и даже отпадению (как, например, в халхаском языке), либо утратив свое качество, став ненапряженными гласными неполного образования и подвергшись различным ассимилятивным влияниям (как в бурятских говорах). Следовательно, мы можем предположить, что в сартульском говоре на фоне действия этих тенденций самым неустойчивым оказался последний слог, гласный которого утратил свое качество, ослабившись, иногда и совсем отпав. Как результат этого ослабления и следует рассматривать появление *o* на месте конечнослогового *y* в словах типа *нагуцо* (< **naγuʃu*), *шунгухо* (< **ʃunγuqu*), *усо* (< **usu* < *usun* 'вода'), *тудухо* (< **tuduqu* 'попасть в цель') и т.п. Когда относительно напряженный сильноогубленный гласный верхнего подъема *y* ослабляет свою артикуляцию и теряет напряжение, он закономерно дает наиболее близкий к себе по артикуляции гласный звук *o*. Поэтому развитие другого характерного для сартульского говора явления — возникновение краткого гласного *o* в конечном слоге после предыдущих *a* и *y* (в других бурятских говорах тут представлен *a*) — можно объяснить именно ослаблением гласного *y* конечного слога⁴.

Цонгольский говор также имеет в своей основе монгольский язык, поскольку "носители цонгольского говора являются выходцами из Монголии, переселившимися на территорию Бурятии в разное время, начиная со второй половины XVII столетия" [Будаев 1965, с. 151]. Однако в "отличие ... от монгольского языка в цонгольском говоре в абсолютном начале слова и в первом слоге никогда не произносится краткий гласный *ө*" [Будаев 1965, с. 160]. Поэтому фонетический облик цонгольских слов зачастую более близок к бурятскому, чем к монгольскому, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>бухө</i>	<i>бухэ</i>	<i>бөх</i>	<i>böke</i>	сильный
<i>үдөр</i> , <i>үдөр</i>	<i>үдэр</i>	<i>өдөр</i>	<i>edür</i>	день
<i>дүрөз</i>	<i>дүрбэн</i>	<i>дөрөв</i>	<i>dörben</i>	четыре
<i>мүнгө</i>	<i>мүнгэн</i>	<i>мөнгө</i>	<i>mönggün</i>	деньги

Как видно из примеров, вокализм 1-го слога в цонгольском говоре стал напоминать таковой хоринских говоров, в которых **ö* тоже перешел в *y*. Произошло это, вероятно, не без влияния соседних хоринских говоров, с которыми язык цонголов с самого начала вступил в соприкосновение. А кроме того само произношение монгольского центральнорядного *ө* очень близко, как уже отмечалось выше, к произношению такого же центральнорядного *y*, так что такой переход *ө* в *y* под влиянием хоринских говоров, не различающих *ө* и *y*, вполне возможен.

Вокализм непервых слогов в цонгольском говоре в общем-то тоже приближается к вокализму хоринского типа, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>эргэ</i> , <i>эргэ</i>	<i>эрье</i>	<i>эрэг</i>	<i>ergi</i>	берег
<i>цэцэн</i>	<i>сэсэн</i>	<i>цэцэн</i>	<i>ᠴeᠴen</i>	умный
<i>тэн'д'ир</i>	<i>тэн'д'ир</i>	<i>тэнгэр</i>	<i>tingri</i>	небо

⁴ Об оканье *y* сартулов см.: Будаев 1965, с. 127.

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>үндэс</i>	<i>үндэһэн</i>	<i>үндэс</i>	<i>ündüsün</i>	корень, основа
<i>һүнэлгэ</i>	<i>һүнэлгэ</i>	<i>сөнөлгө</i>	<i>sönülge</i>	угасание
<i>умшаха</i>	<i>уншаха</i>	<i>унших</i>	<i>ungšiqu</i>	читать
<i>шэмэхэ</i>	<i>шэмэхэ</i>	<i>шимэх</i>	<i>šimekü</i>	высасывать сок
<i>бэчэг</i>	<i>бэшэг</i>	<i>бичиг</i>	<i>bičig</i>	письмо
<i>эл'и</i>	<i>эл'и</i>	<i>ил</i>	<i>ile</i>	ясный, четкий
<i>ерхэ</i>	<i>ерэхэ</i>	<i>ирэх</i>	<i>irekü</i>	приходить
<i>ходжохо</i>	<i>хожохо</i>	<i>хожих</i>	<i>qoʃiqu</i>	выиграть

Но все же в отношении вокализма непервых слогов в цонгольском говоре имеются довольно существенные отличия по отношению к традиционным бурятским говорам и халха-монгольскому языку. Дело в том, что в цонгольском говоре после *у* первого слога очень часто стоит в последующих слогах гласный *ө*, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>үдөр</i>	<i>үдэр</i>	<i>өдөр</i>	<i>edür</i>	день
<i>түмөр</i>	<i>түмэр</i>	<i>төмөр</i>	<i>temür</i>	железо
<i>мүнгө</i>	<i>мүнгэн</i>	<i>мөнгө</i>	<i>mönggün</i>	деньги
<i>үвгөн</i>	<i>үбэгэн</i>	<i>өвгөн</i>	<i>ebügen</i>	старик
<i>үвөс</i>	<i>үбһэн</i>	<i>өвс</i>	<i>ebüsün</i>	трава
<i>н'үдө</i>	<i>нүдэн</i>	<i>нүд</i>	<i>nidün</i>	глаза

Появление *ө* в непервых слогах объясняется, на наш взгляд, тем, что в цонгольском продолжает сохраняться унаследованный от монгольского языка вокализм непервых слогов, особенностью которого является ассимиляция первослоговым *ө* последующих гласных и произнесение их в виде того же *ө* или даже *у*, при этом редуцированный *ө* произносится в открытом конечном слоге, а неясный *у* в закрытом [см.: Владимирцов, с. 326]. Затем, когда цонгольский *ө* первого слога перешел в *у*, то во вторых и последующих слогах продолжали сохраняться огубленные *ө* и даже *у* (*үдөр*//*үдүр* 'день', *мүргөхө*//*мүргүхү* 'бодаться', *хүлөрхө*//*хүлүрхү* 'потеть', *дүтөлхө*//*дүтүлхү* 'приближаться'). Варьирование *ө* и *у* в непервых слогах зависит от разной степени напряженности артикулирующих органов при произнесении этого неясного огубленного гласного (*ө* ~ *у*). Тем более, что этимологически во всех этих словах в непервых слогах был узкий сильноогубленный **ü*, который повлиял на появление огубленного гласного в 1-м слоге (в словах типа *үвөс* < *ebüsün* 'трава', *үвгөн* < *ebügen* 'старик') и как наследие которого в непервых слогах сохраняется *у* или *ө* (слабонапряженный вариант *у*).

Другой особенностью цонгольского говора является наличие краткого *о* в непервых слогах после гласных *а* или *у* первого слога. Если в сартульском говоре *ө* появляется как правило в конечном слоге, преимущественно в открытом, то в цонгольском он может быть в любом непервом слоге, причем не только после огубленного *у*, но и после широкого неогубленного *а*. Примеры:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>сахал</i>	<i>һахал</i>	<i>сахал</i>	<i>saqal</i>	борода
<i>арол</i>	<i>арал</i>	<i>арал</i>	<i>aral</i>	остров
<i>нагоцо</i>	<i>нагаса</i>	<i>нагац</i>	<i>naγaɕu</i>	дядя по матери

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>дзагос</i>	<i>загаһан</i>	<i>загас</i>	<i>jiyasun</i>	рыба
<i>аворго</i>	<i>абарга</i>	<i>авраг</i>	<i>aburyu</i>	тиски
<i>насо</i>	<i>наһан</i>	<i>нас</i>	<i>nasun</i>	возраст
<i>усо, усу</i>	<i>уһан</i>	<i>ус</i>	<i>usun</i>	вода
<i>нарос</i>	<i>нарһан</i>	<i>нарс</i>	<i>parasun</i>	сосна
<i>намор</i>	<i>намар</i>	<i>намар</i>	<i>namur</i>	осень
<i>чудхохо</i>	<i>шудхаха</i>	<i>цутгах</i>	<i>cidququ</i>	лить металл
<i>хадхохо</i>	<i>хадаха</i>	<i>хадах</i>	<i>qadaqu</i>	косить сено
<i>таргон</i>	<i>тарган</i>	<i>тарган</i>	<i>tarγun</i>	жирный

Как видно из примеров, *о* появляется в основном лишь в тех случаях, где в непервых слогах был представлен исторический гласный **и* (ср. приведенные выше примеры из старомонгольского языка). По сути дела появление этого *о* в цонгольском объясняется теми же причинами, что и появление *у* и *о* в сартульском говоре (см. выше). Произношение же *о* в отдельных словах типа *сахол*, *арол*, где не было исторического **и* в их основе, можно объяснить действием закона аналогии, выравнивания по стереотипу.

Но в то же время в цонгольском говоре бытует масса слов, в которых этот *о* в непервых слогах не появляется, так как исторически в этих словах не было гласного **и* в основе, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>ацарха</i>	<i>асарха</i>	<i>ацрах</i>	<i>ačaraq</i>	принести
<i>адхаха</i>	<i>адхаха</i>	<i>асгах</i>	<i>asγaq</i>	пролнить
<i>нара</i>	<i>наран</i>	<i>нар</i>	<i>paran</i>	солнце

Кроме того, есть много слов и с гласным *у* в основе, но оканья в них не наблюдается, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>дура</i>	<i>дуран</i>	<i>дур</i>	<i>duran</i>	любовь
<i>умшаха</i>	<i>уншаха</i>	<i>унших</i>	<i>ungšiq</i>	читать
<i>умтарха</i>	<i>унтарха</i>	<i>унтрах</i>	<i>untaraq</i>	погаснуть
<i>унтаха</i>	<i>унтаха</i>	<i>унтах</i>	<i>untaqu</i>	спать

Так что, возможно, это оканье, как и в сартульском говоре, — остаточное явление более ранней стадии развития фонетического строя монгольского языка, когда губные гласные непервых слогов еще не совсем утратили свое качество. Это предположение подтверждается сохранением в ряде случаев гласного *у* во вторых и следующих слогах, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>тугул</i>	<i>тугал</i>	<i>тугал</i>	<i>tuγul</i>	теленок
<i>худуг</i>	<i>худаг</i>	<i>худаг</i>	<i>qudduy</i>	колодец
<i>усу, усо</i>	<i>уһан</i>	<i>ус(ан)</i>	<i>usun</i>	вода
<i>н'угус</i>	<i>нугаһан</i>	<i>нугас(ан)</i>	<i>nuγusun</i>	утка
<i>ургуху</i>	<i>ургаха</i>	<i>ургах</i>	<i>uγuqu</i>	расти

Таким образом, цонгольский говор, как и сартульский, сохраняет в какой-то мере более архаичный вокализм непервых слогов, чем современные бурятский и халха-монгольский языки.

Говор ононских хамниган, которые тоже являются выход-

цами из Монголии, находится на стыке бурятского и монгольского языков. Сохраняя ряд черт монгольского языка, особенности его средневекового периода развития, хамниганский говор приобрел и выработал под воздействием языка соседних агинских бурят (хоринцев по языку) много черт, сближающих его с бурятским языком [см.: Дамдинов 1968, с. 116], одной из которых является ускорение перелома *i (поэтому сосуществуют формы типа *джируку* и *дзурэку* 'сердце', ср. стп.-м. *jirüken*, общебур. *зурхэн*, х.-монг. *зурх id.*), а также произнесение у в первом слоге вместо исконного *o (напр. *букэ* наряду с *бөкө* 'крепкий', *кукэ* наряду с *көкү* 'синий', *дурбэ* 'четыре', *дучин* 'сорок', *дзугии* 'пчела', ср. соответственно общебур. *бухэ, хухэ, дурбэн, душэн, зугы*; х.-монг. *бөх, хөх, дөрөв, дөч, зөгий*; стп.-м. *böke, köke, dörben, döcin, jögei id.*)

Самой же характерной чертой вокализма хамниганского говора является сохранение особенностей монгольского языка средневекового периода, который отличается наличием гласного i, еще не подвергшегося перелому, и узких сильно огубленных гласных у и ү в непервых слогах. В хамниганском говоре как бы законсервировались эти архаичные черты монгольского языка XIII в. Наличием гласных у и ү во втором и последующих слогах хамниганский говор объединяется с рассмотренными выше сартульским и цонгольским говорами. Приведем ряд примеров, иллюстрирующих особенности вокализма непервых слогов в хамниганском говоре:

Хамниг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>дабкхур</i>	<i>дабхар</i>	<i>давхар</i>	<i>dabqur</i>	двойной
<i>алкху</i>	<i>алха</i>	<i>алх</i>	<i>alqu</i>	шагай
<i>моду</i>	<i>модон</i>	<i>мод (он)</i>	<i>modun</i>	дерево
<i>хуругу</i>	<i>хурган</i>	<i>хуруу</i>	<i>quruγun</i>	палец
<i>йасу</i>	<i>яһан</i>	<i>яс (ан)</i>	<i>yasun</i>	кость
<i>кимусу</i>	<i>хюмһан</i>	<i>хумс (ан)</i>	<i>kimusun</i>	ноготь
<i>сиду, шиду</i>	<i>шүдэн</i>	<i>шүд (эн)</i>	<i>šidün</i>	зуб; зубы
<i>усу</i>	<i>үһэн</i>	<i>ус (эн)</i>	<i>üsün</i>	волосы
<i>ниругу</i>	<i>нюрган</i>	<i>-нуруу</i>	<i>niruγun</i>	спина
<i>усу</i>	<i>уһан</i>	<i>ус (ан)</i>	<i>usun</i>	вода
<i>чилөө</i>	<i>сүлөө</i>	<i>чөлөө</i>	<i>čilüge</i>	свобода
<i>сибуу, шибуу</i>	<i>шубуун</i>	<i>шувуу</i>	<i>šibaγun</i>	птица
<i>ирөкө</i>	<i>ерэхэ</i>	<i>ирэх</i>	<i>irekü</i>	прийти

В то же время в хамниганском говоре развилась ассимиляция первословным *ө* гласных всех последующих слогов. Произошло как бы выравнивание вокализма слова по первому *ө*. Этим хамниганский говор сближается с западнобурятскими говорами, частично с сартульским говором и с халха-монгольским языком. Примеры:

Хамниг.	Зап.-бур.	Вост.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>өдөр</i>	<i>өдөр</i>	<i>үдэр</i>	<i>өдөр</i>	<i>edür</i>	день
<i>гөлөгө</i>	<i>гөлгөн</i>	<i>гүлгэн</i>	<i>гөлөг</i>	<i>gölügen</i>	щенок
<i>өбөдөг</i>	<i>өбөдөг</i>	<i>үбдэг</i>	<i>өвдөг</i>	<i>ebüdeg</i>	колени
<i>өгө</i>	<i>өгөхө</i>	<i>үгэхэ</i>	<i>өгөх</i>	<i>ögkü</i>	давать

Таким образом, в отношении вокализма непервых слогов из всех современных бурятских говоров самыми архаичными являются сартульский, цонгольский и хамниганский говоры.

Современный бурятский разговорный язык принадлежит к языкам, фонематически различающим долгие и краткие гласные [см.: Бураев 1959, с. 120–122], например: *тахa* 'подкова' – *тааха* 'отгадать'; *заха* 'воротник' – *зааха* 'указывать'; *хаха* 'вдрезбегн' – *хааха* 'закрывать'; *буха* 'бык-пороз' – *бууха* 'спускаться' и т.п. Долгие гласные, противопоставляемые кратким, имеются во всех современных монгольских языках [см.: Порре 1955, р. 59–76]. Примечательно, что подобных квазиомонимов типа приведенных выше *буха* – *бууха*, *тахa* – *тааха* в бурятском языке, как и в других монгольских языках, набирается относительно немного, хотя слов с долгими гласными насчитывается многие сотни, если не тысячи. Дело в том, что долготы, какие мы сейчас имеем в монгольских языках, – факт языка, приобретенный относительно поздно в процессе исторического развития, и этих долгих гласных здесь первоначально не было. Приведенные слова различались в прошлом не долготой гласных, а иными признаками. Сравним, например, противопоставление подобных слов-квазиомонимов в современном бурятском языке и старомонгольском письменном, сохраняющем довольно архаичное состояние монгольских языков:

Бур.	Стп.-м.	Значения
<i>тахa</i> – <i>тааха</i>	taqa – taḡaḡu	подкова – отгадать
<i>заха</i> – <i>зааха</i>	ḡaqa – ḡaḡaḡu	воротник – указать
<i>буха</i> – <i>бууха</i>	buqa – buḡuḡu	бык – спускаться
<i>хаха</i> – <i>хааха</i>	qaḡa – qaḡaḡu	вдрезбегн – закрыть
<i>би</i> – <i>бии</i>	bi – bui	я – есть, имеется
<i>шара</i> – <i>шаара</i>	ṣir-a – ṣiraru	желтый – чайнки
<i>һүлдэ</i> – <i>һуүлдэ</i>	sülde – seḡüldü	эмблема – потом

Как видно уже из приведенных немногочисленных примеров, у подобных слов в прошлом было различное количество слогов и иногда даже разные гласные.

В свое время в монголоведении ставился и обсуждался вопрос о наличии в общемонгольском праязыке первичных долгих гласных [см., напр.: Hattori, p. 451–462; Poppe 1962; 1967; Doerfer 1964]. Поскольку это очень специфичный и спорный вопрос, касающийся общего монголоведения и уводящий в алтаистику, мы его здесь специально рассматривать не будем. Разберем более подробно лишь условия, в которых в современном бурятском языке развились долгие гласные.

Долгие гласные, развившиеся из комплекса VCV

О возникновении долгих гласных на месте сочетания "гласный + согласный + гласный" (VCV) в монголоведении сказано достаточно много. Так, например, довольно подробно рассматривали этот вопрос Г.И. Рамstedт [с. 22–26], А.Д. Руднев [1913, с. XXIX–XXXI], Б.Я. Владимирцов [с. 192–266], Г.Д. Санжеев [1953, с. 77–83], Н.Н. Поппе [1955, р. 59–76]. Особенно же скрупулезно, со всех сторон, разобрал происхождение долгих гласных, дав почти исчерпывающее объяснение этого процесса для халха-монгольского языка, акад. Б.Я. Владимирцов. Подробное рассмотрение су-

живо'; *buguγu* → бур., х.-монг. *буруу*, калм. *буру*, орд. *bugū*, даг.П *борō*, МА *bugū*, MNT *bugu'u* 'вина';

**ügi* → *ü*, примеры: *küjügün* → бур. *хузуун*, х.-монг. *хузуу*, калм. *кузун*, орд. *küwdžün*, даг.П *күцүү*, МА *küjün* 'шея'; *tügükei* → бур. *туухэй*, х.-монг. *туухий*, калм. *туукө*, орд. *tüxī*, ИМ *tükei* 'сырой';

iγa* → *ā* (при этом предшествующий согласный, кроме шипящего и исторической аффрикаты, палатализуется), примеры: *niγa-* → бур. *няа-* (*n'ā-*), х.-монг. *наа-*, калм. *наа-* [n'iγa-*], монгор. *niā-*, орд. *nā-*, МА *ni'ā-*, MNT *ni'ā-* 'клеить'; *jiγa-* → бур., х.-монг., калм. *заа-*, орд. *džā-*, даг.П *ц'ā-*, МА *jä-*, MNT *ja'a-* 'указывать';

iγa* → *ā*, *ō* (с палатализацией предшествующего согласного), примеры: *aliγa* → бур., х.-монг. *алая*, калм. *элән*, орд. *al'ā* 'шаловливый'; *qiriγa-* → бур. *хуряа-* (*xur'ā-*), х.-монг. *хураа-*, калм. *хура-* [qiriγa-*], орд. *xurā-*, даг.П *хор'ē-*, МА *qiri'ā-*, MNT *qiriγa-* 'собирать'; *aciγan* → бур. *ашаан*, х.-монг. *ачаа*, калм. *ацан*, орд. *atšā*, МА *ačan*, MNT *aci'an* 'груз, поклажа'; *takiγa* → бур., х.-монг. *тахья*, калм. *така*, орд. *dakā*, МА *taqi'ā*, MNT *takiγa* 'курица'; *oriγa-* → бур. *орёо-* (*or'ō-*), х.-монг. *ороо-*, калм. *ора-* 'обматывать'; *doliγa-* → бур. *долёо-* (*dol'ō-*), х.-монг. *долоо-*, калм. *дола-* [**doliγa-*] 'лизать';

**iγe* → *ē* (с палатализацией предшествующего согласного), примеры: *jiγe* → бур., х.-монг., калм. *зээ*, орд. *džē*, монгор. *džiē*, даг.П *ц'ē* 'племянник'; *šiγe-* → бур., х.-монг., калм. *шээ*, орд., МА *šē-*, MNT *ši'e-* 'мочиться';

**iγe* → *ē* (с палатализацией предшествующего согласного), примеры: *küliγe-* → бур. *хулээ-* (*xul'ē-*), х.-монг. *хулээ*, калм. *кулэ-* 'ждать'; *eγiγen* → бур. *эреэн* (*zr'ēn*), х.-монг. *эрээн*, калм. *эрэн*, орд. *eγēn* 'пестрый'; *üniγen* → бур. *унээн* (*ün'ēn*), х.-монг. *унээ*, калм. *унэн*, орд. *шнē*, даг.П *үн'ē*, МА *üneγen*, MNT *uni'en* 'корова';

iγu* → *ū* (с палатализацией предшествующего согласного), примеры: *niγur* → бур. *нюур* (*n'ūr*), х.-монг., калм. *нуур*, орд. *niūr*, монгор. *niūr*, МА *ni'ūr*, MNT *ni'ūr* 'лицо'; *qariγu* → бур. *харюу* (*χar'ū*), х.-монг. *харюу*, калм. *хәру*, орд. *χarū* [qariγu*], даг.П *харү*, МА, MNT *qari'u* 'ответ'; *qaliγun* → бур. *халюун* (*χal'ūr*), х.-монг. *халиун*, калм. *хәлун* 'выдра', орд. *χal'ūr* 'масть коня', MNT *hali'un* 'коричневый конь', МА *qali'un* 'бобр';

**iγü* → *ū* (с палатализацией предшествующего согласного), примеры: *serigün* → бур. *һэрюун* (*hžr'ūr*), х.-монг. *сэруун*, калм. *серун*, орд. *serün*, даг.П *сөр'үң*, МА *serün* ~ *seri'un* 'прохлада'; *tenigün* → бур. *тэнюун* (*tž n'ūr*), х.-монг. *тэнуун* 'спокойный, тихий';

**aγu* → *ū*, примеры: *aγur* → бур., х.-монг., калм. *уур*, орд. *ūr*, даг.П *аур*, МА *a'ūr*, MNT *a'ur* 'гнев'; *aγuski* → бур. *уушха*, х.-монг. *уушиг*, калм. *оошк*, орд. *uški*, даг.П *аурки*, МА *a'uški*, MNT *a'ušigi* 'легкие'; *šibaγun* → бур. *шубуун*, х.-монг. *шувуу*, калм. *шовун*, орд. *šuwū*, даг.П *шовō*, МА *šiba'un*, MNT *sibao'un* 'птица'; *saγu-* → бур. *һуу-*, х.-монг., калм. *суу-*, орд. *sū-*, даг.П *сō-*, МА *sa'ū-*, MNT *sa'u-* 'сидеть, садиться';

**eγü* → *ū*, примеры: *degü* → бур., х.-монг., калм. *дуу*, орд. *dū*, даг.П *дөү*, МА *dū* ~ *de'ū*, MNT *de'ü* 'младший брат или сестра'; *negü-* → бур., х.-монг., калм. *нуу-*, орд. *niū-*, МА *ne'ū-*, MNT *ne'u-* 'кочевать'; *kečegü* → бур. *хэсуу*, х.-монг. *хэцуу*, калм. *кецу*, орд. *gečš*, даг.П *көчү*, МА *kečū*, MNT *keče'un* 'трудный';

*oγa → \bar{o} , примеры: toγa → бур., х.-монг., калм. *тоо*, орд. $t\bar{o}$, даг.П $t\bar{o}$, мог. *toa*, МА $t\bar{o}n \sim to'an$, MNT $to'a$ 'число';

*oγu → \bar{o} (перед i последующего слога *oγu → \bar{o}), примеры: toγusun → бур. *тооһон*, х.-монг. *тоос*, калм. *тоосн* 'пыль'; toγu- → бур., х.-монг., калм. *тоо-* 'считать за'; toγudaγ → бур., х.-монг. *тоодог*, калм. *тоодг* 'дрофа'; toγuri- → зап.-бур. $t\bar{o}ro-$, лит.-бур. $to\check{e}r\check{e}g-$ (орф. *тойро-*), х.-монг. *тойр-*, калм. *төөр-*, орд. $t\bar{o}ri-$, даг.П $t\bar{o}r\check{r}$, МА $t\bar{o}ri-$, MNT $to'ori-$ 'обходить вокруг';

*uγa → \bar{a} или \bar{o} , примеры: doluγan → бур. *долоон*, х.-монг. *долоо*, калм. *долан*, орд. $dol\bar{o}(n)$, даг.П *дол\bar{o}(ң)*, монгол. $dol\bar{o}n$, МА $dol\bar{a}n$, MNT $dolo'an$ 'семь'; jirγuγan → зап.-бур. *жоргоон*, *йоргоон*, лит.-бур. *зургаан*, х.-монг. *зургаа*, калм. *зурһан*, орд. $d\check{z}urg\bar{a}$, даг.П $\check{c}ip\bar{g}\bar{o}(ң)$, монгол. $d\check{z}ir\bar{g}\bar{o}n$, МА $jir\check{c}u'an$, MNT $jir\check{c}o'an$ 'шесть'; jiruγa → бур., х.-монг. *жороо*, калм. *жора*, орд. $d\check{z}ir\bar{o}$, даг.П $\check{c}ip\bar{r}\bar{o}$, монгол. $d\check{z}ior\bar{o}$, мог. $\check{z}ir\bar{o}$ 'иноходец';

*öge → \bar{o} , примеры: bögere → бур. *бөөрз*, х.-монг., калм. *бөөр*, орд. $b\bar{o}g\bar{o}$, даг.П *б\bar{o}р*, ИМ, MNT $b\bar{o}'ere$ 'почки (анат.)'; ögede → бур., х.-монг. *өөдз*, калм. *өөд*, орд. $\bar{o}d\bar{o}$, MNT $o'ede$ 'вверх'; böge → бур., х.-монг. *бөө*, калм. *бө*, орд. $b\bar{o}$, MNT $bo'e$ 'шаман';

*üge → \bar{o} , примеры: jöge- → бур., х.-монг., калм. *зөө-*, орд. $d\check{z}\bar{o}-$, МА $j\bar{o}-$, MNT $jo'e-$ 'иосить, таскать'; irügel → зап.-бур. *урөөр*, вост.-бур. *юрөөл*, х.-монг. *өрөөл*, калм. *йэрэл*, орд. $\bar{o}r\bar{o}l$, МА $hir\bar{e}r$, MNT $hiru'er$ 'благопожелание'; čilüge → бур. *сүлөө*, х.-монг. *чөлөө*, калм. *чөлэн*, орд. $t\check{c}\bar{o}l\bar{o}$ 'свобода'.

Кроме того, долгота гласного развилась на месте исторических групп *aβ, *éβ, *oβ:

*aβ → \bar{u} , примеры: *taβlai → *taulai (ср. стп.-м. *taulai*, МА, MNT $ta'ulaj$, даг.П *таул'э*) → *tūlai (ср. бур., х.-монг. *туулай*, орд. $t\bar{u}l\bar{a}$ 'заяц'); *aβγan → *auγan (ср. стп.-м. *auγan*) → *ūγan (ср. бур., х.-монг. *ууган*, калм. *ууһн*, орд. $\bar{u}gan$ 'старший сын');

*éβ → \bar{u} , примеры: *keβ, *keβken → *keū, *keūken (ср. стп.-м. *keū* 'сын', *keūken* 'дитя; дочь', MNT $ko'un$ 'сын'. МА $ke'ut$ 'сыновья', MNT $ko'uken$ 'ребенок, дитя', даг.П *кёукё*, мог. $k\bar{o}šl\check{c}$ 'сын; дитя', мог. $k\bar{o}šk\check{a}t$ 'дети') → *kū, *kūken (ср. МА $k\bar{u}n$ 'сын', $k\bar{u}ken$ 'ребенок, дитя', монгол. $k\bar{u}$, орд. $k\bar{u}š$, х.-монг. *хуу* 'сын; мальчик', бур. *хуугэд* 'дети', *хуухэн*, калм. *кууки* 'девочка; дочь'); *teβke → *teūke (ср. стп.-м. *teūke*) → *tūke (ср. бур. *туухэ*, х.-монг. *туух*, калм. *туук* 'история', орд. $t\bar{u}ke$ 'историческая книга');

*oβ → \bar{u} , \bar{o} , примеры: *qoβ → *qou (ср. стп.-м. *qou*) → *qū (ср. бур., х.-монг. *хуу*, калм. *хоо*, даг.П *х\bar{o}* 'все'); *čoβqur → *čouqur (ср. стп.-м. $\check{c}ouqur$) → *čōqur (ср. бур. *соохор*, х.-монг. *цоохор*, калм. *цоохр*, орд. $t\check{c}oxor$, даг.П *ч\bar{o}х\bar{o}р* 'пестрый').

Долготу гласного дает также комплекс *uβa, который прослеживается в немногих словах, например: стп.-м. $\gamma\bar{o}\beta\gamma$ ($\gamma\bar{o}wa$) = бур., х.-монг. *гоо*, калм. *һоо*, орд. $g\bar{o} \sim g\bar{o}n$ 'красивый, изящный', наряду с бур., х.-монг. *гоē* id. Кроме того, х.-монг. *гуа* 'красивый, изящный, нарядный' и зап.-бур. *зубаагүй* 'неподходящий, негодный' можно рассматривать как сохранение более древней формы *γuβa. Слова бур. *хуаа*, *ухаа* (метатеза), х.-монг. *хуа*, *ухаа*, калм. *хо*, орд. $\check{c}\bar{o}$ 'каурий, светлорыжий — о коне', MNT $qo'a\check{c}in$ (женск.) 'серая, белесая — масть самки' также имеют более древнюю фор-

му *qubа, зафиксированную в старописьменном языке: (quwa) в том же значении 'каурий, рыжеватый, песочного цвета'. С этой лексемой, видимо, сопоставимо слово (quba) 'янтарь; янтарного цвета' (ср. бур. хуба, х.-монг. хув, калм. хув id.). Семантическая филиация обусловила и закрепила разницу в фонетическом развитии.

Акад. Б.Я. Владимирцов так представлял себе процесс образования долгих гласных из комплекса VCV: "В очень раннюю эпоху междувокальные $\gamma \sim g$, а еще раньше *w начали ослабляться, становясь все более широкими и вокализируясь; благодаря этому $\gamma \sim g$ или исчезли вовсе или заменились билабиальным спирантом w в тех случаях, когда один из гласных, чаще всего второй, был $u \sim \bar{u}$, и спирантом у тогда, когда один из гласных, первый, был $i > \bar{i} \sim \bar{i}$. В дальнейшем началось ослабление этих w и у и их полное исчезновение. Впоследствии, два гласных, оказавшись рядом благодаря указанной лакуне, слились в один долгий, наблюдаемый в настоящее время. Весь процесс этот возник, по всей вероятности, вследствие второстепенного ударения, падавшего на второй гласный в комплексах $V + \gamma \sim g + V$ и $V + *w + V$. — явление, похожее на то, какое можно наблюдать в настоящее время в современных монгольских говорах, например в халхаском, где под влиянием усилившегося второстепенного ударения исчезает гласный первого слога ... Таким образом, напр., $a\gamma a > *a\gamma\bar{a} > a\bar{a} > \bar{a}$, напр.: $\dot{u}l\gamma\bar{a}n$ (монг.-письм.) 'красный' $> hula\bar{a}n$ (кит. транскрип.) $> \dot{u}l\bar{a}n$ (Араб.) $> \dot{u}l\bar{a}n$ (ойрат.-письм.) $> \dot{u}l\bar{a}n$ (Байт.) $\sim \dot{u}l\bar{a}$ (Халх.); $q\bar{a}l\gamma\bar{u}n$ (монг.-письм.) $> q\bar{a}l\bar{u}n$ (Араб.-фил.) $> q\bar{a}l\bar{a}\bar{u}n$ (квадрат.) $> халун$ (ойрат.) $\sim х\bar{a}l\bar{u}$ (Халх.) 'горячий'; $\bar{a}r\bar{i}\gamma\bar{u}n > \bar{a}r\bar{i}\bar{u}n$ (монг.-письм.) $> \bar{a}r\bar{i}u\bar{n}$ (средн.-монг.) // $\bar{a}r\bar{i}u\bar{e}$ (квадрат.) $> \bar{a}r\bar{i}u\bar{n}$ (ойрат.-письм.) $> \bar{a}r\bar{i}u$ (Халх.) 'чистый'. Можно отметить случаи, когда бывает затруднительно отличить вторичные $w < \gamma$ от $w < *w$, напр.: Араб.-Фил. $kew\bar{u}rge$ 'мост' // $*k\bar{o}w\bar{e}rge > \text{монг.-письм. } k\bar{o}gerge > \text{Бурят.-Гунк. } хур\bar{g}\bar{e} // \text{тюрк. } k\bar{o}br\bar{u}k \text{ id.}$ [Владимирцов, с. 215–216].

Таким образом, основными причинами, повлекшими изменение комплекса VCV в долгий гласный Б.Я. Владимирцов считал ослабление интервокальных согласных и усилившееся второстепенное ударение, падавшее на 2-й гласный данного комплекса.

Однако Б.Я. Владимирцов [с. 222] в то же время отмечал, что " $\gamma \sim g \sim w$ между двумя гласными исчезают в монгольском далеко не во всех случаях. Так, в халхаском, как и в других современных монгольских наречиях, можно указать различные группы слов, в которых заднеязычные шумные, наследники древних $\gamma \sim g$, сохранились и, поэтому, долгого гласного не получились". Представив подобные слова (напр., х.-монг. $\bar{o}v\bar{g}\bar{e}n$ 'старик' $< e\bar{b}\bar{u}gen$, $\bar{a}v\bar{g}\bar{a}$ 'дядя' $< \bar{a}b\bar{a}\gamma\bar{a}$, $\bar{u}d\bar{g}\bar{a}n$ 'шаманка' $< \bar{u}d\bar{a}\gamma\bar{a}n$, $\bar{b}\bar{a}g\bar{a}$ 'малый' $< \bar{b}\bar{a}\gamma\bar{a}$, $\bar{d}\bar{a}g\bar{a}$ 'следовать' $< \bar{d}\bar{a}\gamma\bar{a}$ и т.п.) по семасиологическим группам, он объясняет сохранение в них интервокальных согласных комплекса VCV тем, что все примеры "относятся к категории слов, часто употребляемых в повседневной речи, что и создавало для них такое положение в языке, при котором они легче могли сохранить свою "древнюю" форму. Частое употребление не позволяло, по-видимому, второстепенному ударению победить главное, падавшее на первый слог, и, следовательно, создать условия, необходимые для ослабления интервокальных $\gamma \sim g$ и *w и образования долгих гласных через стяжение" [Владимирцов, с. 231–232]. Хотя далее он сам между тем был вынужден признать, что в то же время во мно-

гих не менее употребительных словах (типа дуу 'младший брат', гэмээ 'верблюду', суул 'хвост', хоолой 'горло' и т.п.) долгота образовалась [см.: Владимирцов, с. 230–231], и есть также немало слов, в которых наряду с сохранением интервокальных согласных развилась долгота 2-го гласного (типа зугаа 'забава' < ʃuʒa, янцагаа- 'ржать' < inʃaʒa-, ягаан 'розовый' < <уауан и т.п.) [см.: Владимирцов, с. 232–233].

Как справедливо отметил проф. Г.Д. Санжеев, Б.Я. Владимирцов весь процесс образования долгих гласных в монгольских языках неудачно пытался связать с процессом перехода монголов от охотничьего уклада к козовому скотоводству [см.: Санжеев 1953, с. 78].

Сравнительный материал монгольских языков показывает, что эволюция комплексов VCV в них происходила неравномерно, дав в одном языке долготу гласного и сохранившись в другом, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
урган	эруу	өргн	erügün	подбородок, нижняя челюсть
нурган	нурруу	нурһн	niruγun	спина
хурган	хуруу	хурһн	quɣuγun	палец
дэгэл	дээл	девл	degel	шуба
хуга	суга	суу	suɣu	подмышка
эгэм	эгэм	ээм	egen	ключица

Подобный разнотип в развитии этих комплексов невозможно объяснить изменением социального уклада древних монгольских племен, ни явлением "отсталой фонетической эволюции". Дело здесь, видимо, в другом.

Более рациональный вариант объяснения, почему в одних случаях развивается долгота, а в других комплекс VCV остается без изменения, представлен на наш взгляд, у японского монголоведа Широ Хаттори, предположившего, что, во-первых, было два типа согласного *g* — смычный *g* и щелевой *γ* и, во-вторых, в комплексе VCV было два типа 2-го гласного — долгий *VV* и краткий *V*. Щелевой *γ* стоял перед долгим гласным, т.е. был комплекс *VγVV*, а смычный *g* перед кратким, то есть был комплекс *VgV*. При этом на месте комплекса *VγVV* развился долгий гласный (так появилось, например, *даа-* 'поднять, осилить' из **daγa-*), а из *VgV* развития долгого гласного не произошло и комплекс сохранился (так появилось, например, *дага-* 'следовать за' из **daga-*) [см.: Hattori, с. 457–459].

Г.И. Рамстедт, кстати, тоже в свое время заметил, что не везде образовалась долгота за счет выпадения согласного *g*. Но он не принял окончательно решения по этому вопросу, ограничившись просто предположением, что было два звука *g*: проточный *g* и смычный *g*, а также различия в ударении [см.: Рамстедт, с. 24].

Точку зрения Ш. Хаттори поддержал Н.Н. Поппе [см.: Porpe 1962, с. 4], который позднее стал утверждать, что вторичные долгие гласные в монгольских языках развились из комплексов VCV, в которых 2-й гласный был ударным, т.е. *sā-* 'доить' < **sagā-* [см.: Porpe 1965, с. 179].

Монгольский ученый Ш. Лувсанвандан [см.: 1967а, с. 14–26; 1967б, с. 34; 1977, с. 96] как бы синтезирует предположение Г.И. Рамстедта о различии в ударении гласных и догадку Ш. Хаттори о противопоставлении в этих комплексах долгих и кратких гласных и высказывает мысль о том,

что, вероятно, комплексы VCV, давшие долготу и сохранившиеся, действительно первоначально различались ударением и гласные находились на уровне суперсегментных фонем. В дальнейшем гласные, произносившиеся с ударением, удлинились и превратились в долгие. Теперь уже не ударение, а долгота гласных стала использоваться для дифференциации морфем и эти долгие гласные стали фонемами. Иначе говоря, суперсегментные фонемы получили статус сегментных фонем. Произошло это, как он считает, по всей вероятности, в конце X столетия. Затем, когда положение долгих гласных укрепились и краткие гласные, находящиеся перед ними и отделенные от них согласными γ , g , w -и т.п., стали редуцироваться, эти согласные γ , g , w совсем ослабели и исчезли. Краткий и долгий гласные, находившиеся по обеим сторонам этих исчезнувших согласных, слились в один долгий гласный. При этом перед тем, как обе эти гласные, имеющие различную длительность, слились в одну долгую гласную фонему, краткий гласный уподобился по качеству долговому, т.е. развитие шло так: $a\dot{y}\ddot{u}la > a\ddot{y}\ddot{u}la > > a\ddot{u}la > o\ddot{u}la > u\ddot{u}la > \ddot{u}la$ 'гора'; $e\dot{g}\ddot{u}le > e\ddot{g}\ddot{u}le > e\ddot{u}le > \ddot{o}\ddot{u}le > \ddot{u}\ddot{u}le > \ddot{u}le$ 'облако' и т.п. Гласные же o и \ddot{o} , прежде чем исчезнуть, наоборот, уподобились следовавшие за ними долгие широкие \ddot{a} и \ddot{e} , т.е. $to\dot{y}\ddot{a} > to\ddot{y}\ddot{a} > to\ddot{a} > > to\ddot{o} > t\ddot{o}$ 'число'; $\ddot{o}g\ddot{e}de > \ddot{o}g\ddot{e}de > \ddot{o}\ddot{e}de > \ddot{o}\ddot{o}de > \ddot{o}d$ 'вверх'. Эта синтезированная точка зрения Ш. Лувсанвандана кажется наиболее вероятной.

Исследование способа обозначения долгих гласных в ойратском "ясном письме" при помощи особого бокового диакритического знака "→" (удан), произведенное монгольским ученым Г. Жамьяном, подтверждает предположение Ш. Хаттори и Ш. Лувсанвандана о том, что "в древнем монгольском языке гласный, находившийся после синкопированного позже интервокального $-g-$ или $-j-$, был долгим, например *caḡād* (→ *caḡād* → *caād* → *cād*), а не *caḡad* 'помеха'" [Жамьян, с. 152].

Однако в недавнем исследовании Н.К. Вербы, посвященном проблемам развития древнемонгольского комплекса с интервокальным согласным в современных монгольских языках, отрицается мнение, что "распад комплексов обусловлен самим интервокальным положением согласных, которые, переходя в спиранты, ослаблялись и выпадали" [Верба, с. 3]. С этим мнением трудно согласиться, поскольку в таком случае остается необъясненной причина развития из $-a\dot{y}\ddot{u}-$, например, \ddot{u} -, а не \ddot{a} -, из $-e\dot{g}\ddot{u}-\ddot{u}$ -, а не \ddot{e} - и т.п., а также почему стал спирантизироваться интервокальный согласный и ряд других вопросов.

Как бы то там ни было, во всяком случае бесспорно, что причиной развития долгого гласного из VCV служит именно особое качество 2-го гласного этого комплекса, ибо характер вторичной долготы, развившейся на его месте в монгольских языках, в отличие от тюркских, устанавливается по 2-му гласному. Так, например, в монгольских языках: бур. *уула*, х.-монг., калм. *уул* 'гора' < $*a\dot{y}\ddot{u}la$ < $*a\dot{y}\ddot{u}la$; бур., х.-монг. *халуун*, калм. *халун* 'горячий' < $*qala\dot{y}\ddot{u}n$ < $*qala\dot{y}\ddot{u}n$; бур. *һуул*, х.-монг. *суул*, калм. *сул* 'хвост' < $*seg\dot{u}l$ < $*seg\dot{u}l$. Сравним тюркский тип образования вторичных долгот: др.-тюрк. *qoḡraq* 'колокольчик' = тув. *қоңғураа* 'погремушка, бубенчик', тоф. *һоңғыраа* 'металлические подвески на шаманском костюме'; др.-тюрк. *aḡiḡ* 'тяжелый' = хак., тув., тоф. *aap* id.; др.-тюрк. *qoḡuḡ* 'каурый, рыжеватый' = хак., тув. *хоор*, тоф. *һоор* id.

Сочетание же VCV с обычными краткими гласными (или с ударным 1-м гласным?) остается без изменений. Иначе невозможно объяснить, почему одинаковые по написанию в старомонгольском языке слова ~~ᠳᠠᠭᠠᠴᠢ~~ (daḡaḡu) 'следовать за' и ~~ᠳᠠᠭᠠᠴᠢ~~ (daḡaḡu) 'поднять, осилить' дали в современных языках столь разные рефлексy: бур. *дахаха* ~ *дагаха*, х.-монг. *дагах*, калм. *дахх* 'следовать за' из daḡaḡu и бур. *дааха*, х.-монг., калм. *даах* 'поднять, осилить' тоже из daḡaḡu. Почему также комплекс -iḡa- в jḡaḡu 'указывать' дал долгий гласный (бур. *зааха*, х.-монг., калм. *заах* id.), а в jḡaḡasun 'рыба' сохранил свою структуру (бур. *загахан*, х.-монг. *загас*, калм. *захсн* id.)? Почему -aḡa- в qaḡa 'закрой' дал ā (бур., х.-монг., калм. *хаа* id.), а в qaḡa 'вдребезги' сохранился (бур. *хаха* ~ *хага*, х.-монг. *хага*, калм. *хah* id.)? Все становится на свои места, если согласиться с рассмотренным выше предположением Ш. Хаттори и Ш. Лувсанвандана. Тогда закономерно считать, что *хага* 'вдребезги' развилось из *qāga, а *хаа* 'закрой' — из *qaḡā < *qaḡa; *заа* 'укажи' — из *jīḡā < *jīḡa, а *загахан* 'рыба' — из *jīḡasun; *дааха* 'осилить' — из *daḡāqu < *daḡaḡu, а *дагаха* 'следовать за' — из *dāgaqu; *абага* 'дядя' — из *ābaga, а *баатар* 'герой' — из *baḡātur < *baḡatur.

Вероятно, и в самом деле этот гласный был сначала просто ударным, а потом на месте ударения в процессе эволюции монгольских языков под влиянием действия тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов развилась заместительная долгота. Но если бы эта долгота была первичной, или, иначе говоря, исконной, то ее без сомнения сохранили бы в виде тех или иных рефлексов все без исключения монгольские языки, раз они развились из некоего прамонгольского языка, имевшего первичные долготы. И в то же время бурятский и калмыцкий языки, например, дают иногда краткие гласные там, где в халхаском развилась долгота (напр., бур. *нюрган*, калм. *нурһан* 'спина', х.-монг. *нуруу*, ср. стп.-м. *niḡuḡun* < *niḡuḡun и т.п.), хотя фонематическое различение долгих и кратких гласных сейчас весьма развито во всех этих трех языках и носители их прекрасно чувствуют долготу гласного. Далее, монгольский и дагурский языки, тоже знающие долготу гласных, часто дают на месте комплекса VCV сочетание разных гласных, но без исчезнувшего интервокального согласного, например: мон. *тоа* 'число' — стп.-м. *toḡa* (ср. бур., х.-монг. *тоо*, калм. *то* id.); мон. *bōāgā* 'почки' — стп.-м. *bōgere* (ср. бур. *бөөрэ*, х.-монг. *бөөр*, калм. *бөөр* id.); мон. *sōsh* 'сидеть' — стп.-м. *saḡu-* (ср. бур. *һуу*, х.-монг., калм. *суу* id.); мон. *deisun* 'веревка' — стп.-м. *degēsün* (ср. бур. *дээһэн*, х.-монг. *дээс*, калм. *дээсн* id.); даг.П *аул* ~ *аула* 'гора' — стп.-м. *aḡula* (ср. бур. *уула*, х.-монг., калм. *уул* id.); даг.П *дәу* 'младший брат' — стп.-м. *degü* (ср. бур., х.-монг., калм. *дуу* id.); даг.П *хауичиң* 'древний, старый' — стп.-м. *qaḡuḡin* (ср. бур. *хуушан*, х.-монг. *хуучин*, калм. *хуучн* id.). Если бы здесь 2-й гласный был с исконной долготой, то она как-то сохранилась бы.

Все становится понятным, если допустить, что 2-й гласный был в комплексах VCV ударным, впоследствии же он в некоторых монгольских языках стал восприниматься как долгий. В этих языках до сих пор ударный (или ему подобный) гласный в иноязычных словах воспринимается как долгий. Во всяком случае несомненно, что гласные, например русского языка, произнесенные с сильным динамическим или эспираторным ударе-

нием, присущим русскому языку, носителями монгольских языков воспринимаются всегда как долгие. Для бурятского языка это было отмечено еще А.Д. Рудневым [1913, с. XXXV]: "Везде русское ударение отражается в виде долготы". Примеры он приводит такие: *бэйиң* 'печь', *поршоднхѳ* 'поросенок', *х'ил'емён* 'хлеб', *солхѳвѳ* 'целковый (рубль)', *хѳихѳ* 'кошка', *амбар* 'амбар', *һунтѳ* 'фунт', *ол'тѳвхѳ* 'литовка (коса для сенокосения)' и т.п.

У Г.И. Рамстедта [см.: Ramst. KW] находим зафиксированные в калмыцком языке русские заимствования, в которых тоже русский ударный гласный отражается в виде долгого, например: *lātrь* < *лампа*, *lāwkь* 'торговля, магазин' < *лавка*, *jārtь* < *ярмарка*, *kanāwь* 'канал, арык' < *канавка*, *kamzāl* < < *камзол*, *kompās* < *компас* (старое произношение, сохранившееся ныне лишь в языке моряков), *mākīn* < *мякина* и т.п.

В халха-монгольском языке, по нашим наблюдениям, происходит аналогичная картина, например: *сороочиг* 'рубашка' < русск. *сорочка*, *хомпоод* < русск. *компот*, *бажиинк* < русск. *ботинки*, *араажи* < русск. *радио*, *бярваас* < перевоз, *машаан* < русск. *машина* и т.п.

Долгий гласный на месте краткого появляется в бурятском разговорном языке и при заимствовании, например из тюркских языков. Так, зая.-бур. *төөрсэг* 'крынка' представляет собой заимствованное тюркское слово *torsuq* 'бурдючок из шкуры с коленного сустава рогатого скота' [см.: Рассадин 1970, с. 55]. При этом восприятие бурятами тюркского *o* как долгого основано на том, что оно прозносится более четко, чем последующее узкое *y*. Аналогичная картина у качугского слова *хаабишаг* 'мешочек', которое восходит к тюрк. *qarşıq* — уменьшительная форма от тюркского же *qar* 'мешок'. Долгий гласный представлен и у зап.-бур. *саажа* 'девичья коса', восходящего к тюрк. *sağı* 'его (ее) волосы' (форма посессива 3-го лица от слова *saç* 'волосы') [см.: Рассадин 1977, с. 133]. В тюркских языках гласные *a*, *o* в этих словах произносятся четко и как бы несколько затянуто в позиции перед последующим узким гласным, такова норма тюркского произношения. Поэтому *a* и *o* здесь производят впечатление ударных. В тюркологии вообще приходят к мнению, что древнетюркское ударение помещалось на первом слоге [см.: Гаджиева 1975, с. 257–259]. А поскольку указанные слова бурятами были заимствованы очень давно, когда у них еще были тесные контакты с древними тюрками, то они и воспринимали эти тюркские ударные гласные как долгие.

В тех же монгольских языках, где ударный гласный не стал восприниматься как долгий, он до сих пор сохранил свою краткость. Далее, все монгольские языки на определенном этапе их развития захватила волна изменения, сдвига слоговой акцентуации, сопровождавшаяся явлением ослабления артикуляции. В языках, наиболее сильно захваченных этими процессами, ударный гласный (обычно сильно напряженный) стал передаваться более слабым по напряжению долгим гласным (чем-то надо было компенсировать утрату напряжения), а смычные согласные перешли, ослабившись, в щелевые, щелевые же в свою очередь, ослабившись, растворились среди соседних гласных. Долгий 2-й гласный подчинил себе ослабившийся и потерявший устойчивость артикуляции 1-й гласный. Таким образом, можно в связи с этим предположить также, что монгольские языки сначала не имели постоянного фиксированного ударения на начальном слоге слова, ударе-

ние. видимо, было подвижным и что слова типа *aγula* 'гора' произносились с ударением на 2-м гласном *u*, т.е. *aγula*. Затем это *u* дало долгий *ū*, а *γ* → *h* → хиатус, т.е. *aγula* → *aḥūla* → *a'ūla* → *o'ūla* → *u'ūla* → *ūla*.

В тех же языках, где не получили последовательного развития указанные выше явления, процесс перехода ударного в долгий и образования вторичной долготы остановился после смены акцентуации слогов (перемещая ударения на 1-й слог слова) как бы на полпути. Поэтому в некоторых современных, особенно периферийных, монгольских языках, например в могольском, долгота гласного успела образоваться лишь на месте тех комплексов VCV, в которых обе гласные были одинаковыми или почти одинаковыми, т.е. *-aγa-*, *-ege-*, *-uγu-*, *-üγü-*, *-oγu-*, *-igi-*, *-iye-* и т.п., например:

Мог.	Стп.-м.	Значение
<i>qurūn</i>	<i>quruγun</i>	палец
<i>ku ʒ ūn</i>	<i>küjügün</i>	шея
<i>qōlei</i>	<i>qoγulai</i>	горло
<i>ebcūn</i>	<i>ebcigün</i>	грудь
<i>dūriūnā</i>	<i>dügürümü</i>	наполняется
<i>gēnā</i>	<i>gegemüi</i>	теряет
<i>tūlēn</i>	<i>tūliyen</i>	дрова
<i>ulōn</i>	<i>ulaγan</i>	красный
<i>dēra ~ dēra</i>	<i>degere</i>	наверху

А там, где в историческом комплексе VCV были представлены гласные разного качества, развитие его в долгий гласный не завершилось, и он застыл на промежуточной стадии эволюции в виде сочетания двух разных гласных, причем первый неогубленный под влиянием второго огубленного получил небольшое огубление, например:

Мог.	Стп.-м.	Значение
<i>toa</i>	<i>toγa</i>	число
<i>sōwl</i>	<i>segül</i>	конец; хвост
<i>ōādā</i>	<i>ōgede</i>	вверх
<i>dōwn</i>	<i>daγun</i>	голос
<i>dōwn</i>	<i>degü</i>	младший брат
<i>bōarā</i>	<i>bōgere</i>	почки

Встречаются в могольском языке и переходные случаи, когда как бы сосуществуют формы с долгим гласным и с сочетанием двух разных гласных, например:

Мог.	Стп.-м.	Значение
<i>sōwnā ~ sūpā</i>	<i>saγumui</i>	сидит
<i>bōwnā ~ būnā</i>	<i>baγumui</i>	спускается вниз, располагается на жительство
<i>qalōwn ~ galūn</i>	<i>galaγun</i>	горячий

В дагурском языке наблюдается хотя и сходная типологически, но несколько иная картина. В нем в основном почти все комплексы VCV развились в долгие гласные, т.е. эволюция комплексов пошла дальше, чем в могольском, так что в дагурском долгие гласные представлены в массо-

вом количестве на месте комплексов как с одинаковыми гласными, так и с разными, например:

Даг.П	Стп.-м.	Значение
ас̄ō-	asaγu-	спросить
бō-	baγu-	спускаться вниз
с̄ō-	saγu-	сидеть; жить
āshi	aγaʃi	характер
соjō	soyuγa	клык
tō	toγa	число
ō-	aγu- ~ uγu-	пить
ц̄ало̄	jalayū	молодой
дулāн̄	dulayan	тепло
ула̄н̄	ulayan	красный

Но все же, хотя и в относительно немногих словах, на месте комплексов VCV с разными гласными сохраняется сочетание двух разных гласных, например:

Даг.П	Стп.-м.	Значение
аул̄ ~ аӯла̄	aγula	гора
аул̄ ц̄л̄т̄	aγulʃa-	встречаться
аур̄	aγur	гнев
ц̄ е̄уд̄ел̄	ʃegüdele-	видеть сон
ц̄ е̄ул̄л̄	ʃegüle-	бредить
е̄уд̄ ~ е̄уд̄с̄	egüden	дверь
е̄ул̄ен̄	egülen	облако
сеул̄	segül	хвост
с̄уид̄ер̄	següder	тень

Встречаются единичные примеры, как и в могольском языке, с обеими вариантами, например:

Даг.П	Стп.-м.	Значение
даӯ ~ д̄о̄	daγun	голос
д̄е̄ӯ ~ д̄ӯ	degü	младший брат

Все эти примеры показывают, что и в дагурском языке эволюция комплексов VCV застыла на полпути.

Таким образом, могольский и дагурский языки, сохранив на месте долготных комплексов [по терминологии Г.Д. Санжеева, см.: 1977, с. 94] сочетание разных гласных, причем в дагурском они явно редуцированы, косвенно подтверждает наше предположение, что в монгольских языках в свое время происходила смена слоговой просодии и вторые гласные долготных комплексов не имели первичной долготы.

В монголоведении общепризнано, что долготные комплексы с интервокальными согласными, имевшие место в старописьменном монгольском языке, представляют собой древнее состояние монгольских языков, как и прочие особенности старописьменного языка [см.: Санжеев 1977, с. 53–57]. Процесс распада комплексов VCV начался в монгольских языках давно. Так, Н.Н. Поппе [1938, с. 15] по этому поводу писал: "В живой речи монголов согласный γ (resp. g) в положении между гласными в случаях, о

которых идет речь, удержался недолго. Как показывают данные XIII–XIV ст., эти согласные к тому времени (точнее к середине XIII ст.), пройдя стадию разных типов спирантов, редуцировались и исчезли. По всей вероятности, этот процесс исчезновения γ (g) в случаях, которые мы имеем в виду, начался еще в XIII ст. Точнее время начала этого процесса мы пока определить еще не можем и можем лишь констатировать, на основании словарей и других материалов типа нашего памятника ("Мукаддимат ал-Адаб". — В.Р.), что в XIII ст. никакого γ (g) в разговорной речи не было. К этой стадии, в монгольском историческом языкознании условно называемой средне-монгольской, относятся такие памятники, как выше цитированный Лейденский глоссарий 1245 г., труд Иби-Муханны и др. К этой же стадии относится и язык письменности, созданной указом юаньского императора Хубилая, известной под названием квадратной письменности. Сюда же относятся китайско-монгольские иероглифические словари начального периода минской эпохи типа Хуа-и-и-юй, монгольский текст известного сочинения Юань-чао би-ши ("Сокровенного сказания"). Словом, к этой стадии языкового развития относится ряд книжных памятников — материалов по разговорной речи. Стадиально сюда же относятся языки моголов и дагуров".

Если обратимся к самим упомянутым источникам, то действительно увидим, что в них в основном на месте комплекса VCV выступают двое-слоги либо с хиатусом (V'V), либо с билабиальным щелевым w (VwV) между гласными. А то, что образование долгих гласных за счет стяжения этих двое-слов началось очень давно, еще до XIII в., подтверждается формами с уже развившимися долгими гласными, зафиксированными уже в памятниках XIII в. — в Лейденской рукописи и "Сокровенном сказании монго-лов" (датируемом обычно 1240 годом). Так, например, в Лейденской рукописи наряду с формами типа

ЛР	Стп.-м.	Значение
ebcewün	ebcigün	грудь
itawun	itayun	куропатка
eüden ~ ewüden	ᠶgüden	дверь
aua	aγuba	выпил
aula	aγula	гора
sauba	saγuba	сел
šibawun	šibayun	птица
ḡewün	ḡegün	левый
baraun	baraγun	правый
eleür	elegür	здоровый

имеются слова с уже развившимися долгими гласными, например:

ЛР	Стп.-м.	Значение
ḡirγān ~ ḡirγān	ḡirγayan	шесть
dolān	doluyan	семь
būba dōra	baγuba दौरа	спустился вниз
tōlaba	toγalaba	считал
dēre	degere	наверху
dōrē	dōrüge	стрема

ЛР	Стп.-м.	Значение
emēl	emeḡel	седло
inēbe	iniyebe	смеялся
imān	imaγan	коза
qōlā ~ qōlai	qoγulai	горло
terün ~ tirün	terigün	голова
bösün	böḡsün	вошь

В то же время отдельные слова представлены как с долгим гласным, так и с двослогом, что говорит о развивающемся, еще не завершившемся процессе, например:

ЛР	Стп.-м.	Значение
hulān ~ hulaan	ulaγan	красный
qalūn ~ qalawun	qalaγun	горячий; зной

Аналогичную картину дает язык "Сокровенного сказания монголов", в котором тоже наряду с массовыми формами типа

MNT	Стп.-м.	Значение
to'a ~ to'o	toγa	число
se'ul	segül	хвост
hula'an	ulaγan	красный
o'ede	ögede	вверх
a'ur	aγur	ярость, гнев
a'ula	aγula	гора
jirho'an ~ jirwa'an	jirγuyan	шесть
kiru'e	kirüge	пила
e'ude(n)	egüden	дверь
eme'el	emeḡel	седло

встречаются хотя и редкие, но весьма показательные формы с развившейся долготой, сосуществующей с двослогами, например:

MNT	Стп.-м.	Значение
ūḡu ~ u'ūḡu	aγuqu ~ uγuqu	пить
ūrgu ~ u'urgu	egürekü ~ ügürekü	нести на спине
adūsun ~ adu'usun	adaγusun ~ aduγusun	скот; лошади
adūci ~ adu'uci(n)	adaγučin ~ aduγučin	табунщик
jayātu ~ jaya'atu	jayaγatu	предопределенный судьбой
inēgu ~ ine'egu	iniyekü	смеяться

В памятниках же живых монгольских языков более поздних эпох, например XIV в., формы с долгими гласными либо уже преобладают, либо развились уже почти в половине слов. Так, например, в глоссарии Ибн-Муханны [см.: Поппе 1938, с. 402–408] из 135 лексем, имеющих в своем составе долготный комплекс, у 14 представлены двослоги с хиатусом, а у остальных — вторичные долгие гласные. Здесь уже мало слов типа

ИМ	Стп.-м.	Значение
a'ūla	aγula	гора
da'ū	daγun	голос
na'ūr 'море'	naγur	озеро

ИМ	Стп.-м.	Значение
ni'ūr	ni'ur	лицо
ma'ū	ma'yu	плохой, дурной
gala'ūn	gala'yun	горячий
ja'ūn	ja'yun	сто
jala'ū 'юноша'	jala'yu	молодой
se'ūl	se'gūl	хвост
šiba'ūn	šiba'yun	птица

В основном же представлены слова с уже развившейся долготой, например:

ИМ	Стп.-м.	Значение
ūba	a'γuba	выпил
būba	ba'γuba	спустился
sūba	sa'γuba	сидел
ǰūn	ǰegūn	левый
dūren	dūgūren	полный, наполненный
ebcūn	ebcīgūn	грудь
elūr	elegūr	трезвый; здоровый
hulān	ula'yan	красный
kirō	kirūge	пила
qūcīn	qa'γucīn	старый

Такая же в принципе картина и в глоссарии "Мукаддимаг ал-Адаб", в котором хотя еще и сохраняется довольно много форм с двое слогами, но уже в очень большом количестве слов долгота предстает развившейся. Но часто сосуществуют слова и с долготой и с двое слогами, такие, например как

МА	Стп.-м.	Значение
adu'sun ~ adu'ūsun	ada'γusun ~ adu'γusun	животн
kūjūn ~ kūjū'ūn	kūjūgūn	шея
qarū ~ qari'ū ~ qariyū	qari'yu	ответ
serūn ~ seri'ūn	serigūn	прохладный
kōsūn ~ kō'esūn	kōgesūn	пена
ǰir'γān ~ ǰir'γū'ān	ǰir'γū'yan	шесть
tōndu ~ to'āndu	to'γa-dur	при счете
ǰūba ~ ǰa'ūba	ǰa'γuba	укусил
mū ~ ma'ū	ma'yu	плохой
ǰalū ~ ǰala'ū	ǰala'yu	молодой
ūlen ~ e'ūlen	egūlen	туча

В подавляющем же количестве слов этого памятника на месте комплексов с одинаковыми гласными уже имеется долгий гласный [см.: Поппе 1938, с. 16—18], например:

МА	Стп.-м.	Значение
sāba	sa'γaba	доил
qījār	ki'ja'γar	край
hulān	ula'yan	красный
čēǰi	čegeǰi	грудь

MA	Стп.-м.	Значение
ḷeren	ḷegeren	антилопа
dēsün	degesün	веревка
emēl	emegel	седло
qōlai	qoḷulai	горло
qurūn	quruḷun	палец
ūta	uḷuta	мешок
būrul	buḷurul	седой

Комплексы же с разными гласными в тот период эволюции, зафиксированный в языке данного памятника, еще отставали в своем развитии и в основном предстают в виде двослогов с разными гласными [см.: Поппе 1938, с. 19–28], например:

MA	Стп.-м.	Значение
ḷaki'āba	ḷokiyaba	сочинил
ni'āba	niḷaba	приклеил
keri'ē	keriye	ворона
qali'ūn 'бобр'	qaliḷun	выдра
ni'ūr	niḷur	лицо
ni'ūba	niḷuba	скрыл
se'ūder	segūder	тень
ši'ūr	šiḷür	метла
to'an	toḷa	число
bō'ēsün	bōgesün	вошь
a'ūški	aḷuski	легкое
ja'ūn	jaḷun	сто
bara'ūn	baraḷun	правый
qoya'ūla	qoyaḷula	вдвоем
ele'ūr	elegür	трезвый
e'ūden	egūden	дверь

Такая стадия в эволюции долготных комплексов, особенно с разными гласными, продолжала сохраняться в монгольских языках довольно долго, если судить, например, по особенностям языка монголов XV в., зафиксированным в Стамбульском глоссарии [см.: Ligeti 1962; 1963] и по характеру передачи этимологических долготных комплексов в ранней ойратской письменности (датируемой XVII веком) [см.: Саижев 1953, с. 32–33].

Так, в Стамбульском глоссарии наряду с долгими гласными в словах типа

VI	Стп.-м.	Значение
dolān	doluyan	семь
dēsün	degesün	веревка
bōsün	bōgesün	вошь
arūn	ariḷun	чистый
ebcūn	ebciḷün	грудь
hurūl	uruḷul	губы
idēn	idegen	пища
jōlen	jōgelen	мягкий
tūlēn	tūliyen	дрова
ūlen	egūlen	облако

во множестве представлены слова с двослогами с разными гласными, например:

VI	Стп.-м.	Значение
bara'un	baraγun	правый
bile'ü	bilegü	точный брус
dörje	dörüge	стрема
geši'un	gešigün	ветка
itaun	itaγun	крупчатка
jalau 'молодой человек'	jalaγu	молодой
jawun	jaγun	сто
jurγu'an	jirγuγan	шесть
qalaun	qalaγun	горячий

В ойратском письменном языке на месте старомонгольских долготных комплексов представлены либо двослоги из разных гласных (ou, öü), либо удвоение гласных (uu, üü), либо особая черточка справа (знак "удан") при одном знаке для гласного [см.: Санжеев 1953, с. 32–33], т.е. писали: öülen (стп.-м. egülen) 'облако', ouγ (стп.-м. paγur) 'озеро', dolōn (стп.-м. doloγan) 'семь' и т.п. В последнее время монгольский ученый Г. Жамьян обоснованно предложил читать знак "удан" как долгие ā ия ē после соответствующей буквы, т.е. не emēl, а emē'ēl 'седло', не tō, а to'ā 'число', не dolōn, а dolo'ān 'семь', не yabūd, а yabu'ād 'уйдя', не baγ'd, а bari'ād 'схватив', не bōrō, а bō'ērō 'почки' и т.п. [см.: Жамьян, с. 150–152]. Его поддерживают проф. Г.Д. Санжеев [см.: 1977, с. 117–120] и акад. Ц. Дамдинсүрэн [см.: с. 60–61]. Таким образом, ойратская письменность фактически реально отражала еще то состояние большинства ойратских диалектов XVII в., при котором у них еще не был полностью завершен процесс образования долгих гласных за счет стяжения двослогов [см.: Санжеев 1953, с. 33]. Типологически ойратские формы половины XVII в. были еще довольно близки формам, представленным в памятниках монгольских языков XIII, XIV и XV вв., о которых говорилось выше. Сравним для примера ряд слов, переданных ойратской и старомонгольской письменностями:

Ойр.-письм.	Стп.-м.	Значение
oula	aγula	гора
our	aγur	гнев
ou-	aγu- ~ uγu-	пить
asou-	asaγu-	спрашивать
ouški	aγuški	легкие
söül	segül	хвост
öür	egür	гнездо
öüden	egüden	дверь
köböün	köbegün	сын
eriül ~ eröül	eregül	здоровый
yabuad	yabuγad	уйдя
abuad	abuγad	взяв
göroesün	görügesün	зверь
ideen	idegen	пища

Совершенно прав Г.Д. Санжеев [1977, с. 130–131], утверждая, что

”долготные комплексы ОПЯ (ойратского письменного языка. — В.Р.) позволяют теперь с большой уверенностью заключить, что хронологические рамки среднемонгольской стадии развития наших языков (гласный + гласный” после выпадения интервокальных согласных и до слияния этих гласных в один долгий) следует раздвинуть примерно до (половины? или конца?) XVII в., а не XV—XVI вв., как это было принято считать до сих пор применительно к основным монгольским языкам, т.е. халха-монгольскому и бурятскому, а также ойратским диалектам. Причем процесс образования долгих гласных от одних долготных комплексов протекал гораздо медленнее и с большим числом промежуточных фаз, нежели от других, особенно таких, которые содержали одинаковые гласные”.

В бурятском языке, в котором процесс ослабления артикуляции зашел дальше, чем в других монгольских языках, и захватил весь язык, ослабление и выпадение интервокальных согласных и образование вторичной долготы гласных за счет стяжения происходит и в наше время. Это касается ослабления согласного $h < *s$ и выпадения его почти во всех западных бурятских говорах. При этом в результате либо образуется на месте двоеслога настоящей долгие гласный, либо два гласных еще не успели стянуться в один монофтонг и пока сохраняют между собой хиатус.

Так, выпадение h в середине слова наблюдается в боханском говоре. По утверждению М.П. Хомонова [1965, с. 44] ”этот процесс, видимо, только начинающийся, территориально охватывает не все население данного лингвистического района. Например, *саан* в м. *саһан* (снег), *загаан* в м. *загаһан* (рыба), *нараан* в м. *нараһан* (сосна), *ялаан* в м. *ялааһан* (муха) и т.д. Подобные явления наблюдаются в улусах Тараса, Буреть, Шаралдай, Бохан. В исходном падеже также наблюдается выпадение h , например *тэрэ уладаа һама убээ* в м. *тэрэ уладаһа һама убээ* (лучше нет тех народов)”. В боханском говоре этот процесс действительно начался недавно, когда вокализм непервых слогов принял уже современный характер, поэтому долгота стала развиваться на месте сочетания *-аһа-*, в основе которого исторически было *-асу-* (ср. стп.-м. *ᠰасун* ’снег’, *ᠰᠢᠭасун* ’рыба’, *ᠨarasun* ’сосна’ и т.п.).

Видимо, гораздо древнее этот процесс у байкало-кударинских бурят, у которых тоже образовались долгие гласные на месте стяжения двух кратких гласных после выпадения находившегося между ними h , поскольку в отличие от боханских бурят байкало-кударинцы вместо *загаан* скажут *загуун* ’рыба’ и т.п. Появление здесь и в подобных случаях долгого *уу* на месте боханского долгого *аа* объяснимо, вероятно, тем, что образование долгого *уу* происходило еще в то время, когда вторым гласным изменившегося здесь комплекса VCV был огубленный *у*, то есть слово первоначально имело облик не *загаһан*, а **загаһун*, причем аффикс **-һун* ($< -sun$) имел, вероятно, ударение, давшее впоследствии долготу этого *у*. Поэтому совершенно справедливо Ц.Б. Цыдендамбаев [1964, с. 63—64] видит причину появления *уу* в кударинском *загуун* на месте *загаһан* во влиянии более древнего характера гласного в аффиксе: ”Выпадение интервокального фарингального h главным образом в словообразовательной части, а также и в середине слова нередко приводит к превращению кратких гласных в один долгий. При этом если краткие гласные оказываются не однотипными, то долгота устанавливается по второму гласному. Так, например, кударинцы говорят *анзэуун* (вероятно, из *анзаһун*, ср. старописьменное *анжису* в зна-

чении 'соха, плуг'), *забуун* (из *загаһун*, ср. *жигасу* 'рыба'), *холтбуун* (из *холтоһун*, ср. *холтосо*) 'кора (древесная)', *урмэдбуун* (из *урмэдэһун*) 'попынь', *элбуун* (из *элэһун*, ср. *элэсу*) 'песок' и т.д. Выпадение интервокального *h* в причастиях прошедшего времени, независимо от вокализма основы, приводит к образованию долгого гласного *aa*, так как в изучаемом говоре это причастие имело афф. *-һан* (из неупотребительного ныне глагола *аха* 'быть'): *бухал шэраан хубуун* 'мальчик, возивший копыны' (надо полагать, из *шэрэһан*), *ухзаан хуун* 'умерший человек' (из *ухэһан*) и т.д."

Выпадение *h* между гласными отмечается и в баргузинском говоре. При этом, в отличие от байкало-кударинского, здесь еще не происходит полного стяжения двух разных гласных в долгий монофтонг. На месте бурятского комплекса *-VhV-* (< *-VsV-*) представлено сочетание *V:V*, где 1-й гласный комплекса — долгий *уу* или *уу*, 2-й гласный — *а* или *э*, а между ними хиатус вместо выпавшего *h*, например [см.: Раднаев 1965, с. 82]:

Барг.	Байк.-кудар.	Лит.-бур.	Стп.-м.	Значение
<i>загуу'ан</i>	<i>загуун</i>	<i>загаһан</i>	<i>jiyasun</i>	рыба
<i>дабуу'ан</i>	<i>дабуун</i>	<i>дабаһан</i>	<i>dabusun</i>	соль
<i>наруу'ан</i>	<i>наруун</i>	<i>нараһан</i>	<i>narasun</i>	сосна
<i>шэнуу'эн</i>	<i>шэнуун</i>	<i>шэнэһэн</i>	<i>shinesün</i>	лиственница
<i>нэруу'эн</i>	<i>нэруун</i>	<i>нэрэһэн</i>	<i>neresün</i>	голубица

Однако, при наращивании аффиксов родительного и исходного падежей в подобных словах появляется только долгий *уу* или *уу*: *загуунаан* 'с рыбы', *нарууни* 'сосны', 'сосиновый', *нэруунаа* 'с голубицы' [см.: Раднаев 1965, с. 82]. По свидетельству Э.Р. Раднаева [1965, с. 82], *h* в баргузинском говоре выпадает также в аффиксах причастий, в формах пожелания в глаголах и в сложных словах, при этом образуется либо долгий гласный, либо дифтонг (двоеслог?), например:

Барг.	Лит.-бур.	Значение
<i>ераан</i> , изредка <i>ерээн</i>	<i>ерэһэн</i>	пришедший
<i>ошаан</i> , — " — <i>ошоон</i>	<i>ошоһон</i>	сходивший
<i>бэшаан</i> , — " — <i>бэшээн</i>	<i>бэшэһэн</i>	писавший
<i>ябаан</i>	<i>ябаһан</i>	ушедший
<i>ерээб</i>	<i>ерэхэйб</i>	пришел бы
<i>ошазб</i>	<i>ошоһойб</i>	сходил бы
<i>эсаэш</i>	<i>эхэхэйш</i>	устал бы

Появление в баргузинском говоре *уу* или *уу* в предконечном слоге, перед хиатусом, можно объяснить, на наш взгляд, метатезой. Так, например, из **загаһуун* после выпадения *h* возникло **зага'уун*, при метатезе — *загуу'ан* 'рыба'. Процесс этот начался во всей вероятности еще тогда, когда в современном бурятском афф. *-һан* < **-һун* < *-sun* произносился баргузинскими бурятами гласный *у*. Хотя в то же время баргузинский говор и в других словах сохраняет более архаичный состав гласных непервых слогов, например [см.: Раднаев 1965, с. 82]:

Барг.	Лит.-бур.	Стп.-м.	Значение
<i>таргуун</i>	<i>тарган</i>	<i>tarγun</i>	жирный
<i>амгуулан</i>	<i>амгалан</i>	<i>amuγulang</i>	тихо, мирно
<i>таху</i>	<i>таха</i>	<i>taqa</i>	подкова
<i>алху</i>	<i>алха</i>	<i>aluqa</i>	молоток

У тункинских бурят тоже зафиксировано выпадение *h* между гласными и образование долгих гласных. Так, К.М.Черемисов [1941, с. 125] пишет по этому поводу следующее: "Можно отметить для тункинского диалекта частый факт стяжения в долгий гласный сочетания "гласный + *h* + гласный": *годоон* в м. *годоһон* 'кожа на ногах животного', *энэ дасан баригдаар* в м. *энэ дасан баригдаһаар* 'с тех пор как построен этот дацан', ... *ябаан* в м. *ябаһан* 'ушедший', *шөлөөн* в м. *шүлэхэн* 'слюна', *хараан юмэ үгэй* 'не видел' и даже: *һарьян* (в м. *һариһан*) *эрбээхэй* 'летучая мышь'".

Как отмечает А.Г. Митрошкина [1968, с. 54], "известный интерес представляет слабая артикуляция качутского интервокального *h*, особенно в непервых слогах основы и в формативе исходного падежа. Примеры: *замга'ан* в м. *зумгаһан* (щепки), *хубуунэ'эн* в м. *хубуунһэн* (от сына своего), *Москваа'ан* в м. *Москвааһан* (из Москвы). По характеру произношения слов с выпавшим интервокальным *h* описываемый говор напоминает говор ольхонских бурят. Как и в последнем, в качутском говоре на месте выпавшего *h* образовывается как бы разрыв между гласными, например: *загу'ун* (рыба). Но стяжения гласных в нем не наблюдается. Иными словами, выпадение *h* не дает долгого гласного, как в ольхонском говоре. Однако в речи одного и того же носителя говора спирант *h* может и выпадать, и оставаться".

По свидетельству И.Д. Бураева [1968, с. 131], "в аларском говоре часто встречается выпадение звука *h* в интервокальном положении и в окончании исходного падежа. Например, в м. *бур'аһаараа* говорят *бур'азаараа*, в м. *хаанаһаа* — *хаанаа*, *арбанаа* в м. *арбанһаа* и т.д."

Исчезновение *h* между гласными характерно также для старобаргутского (хучин-баргутского) говора, о чем сообщает Б.Х. Тодаева [1960, с. 27], например: бур. *оёмһдн*, шинэ-баргут. *оёмһү*, хучин-баргут. *оёмү* 'чулки'. О выпадении *h* в интервокальном положении и образовании долгих гласных вследствие этого в говоре хучин-баргутов Кулун-Буира писал и Чингэлтэй в 50-х годах. Он приводил следующие примеры: моиг. *хус* — ст.-бар. *хү* 'береза', моиг. *улиас* — ст.-бар. *ул'а* 'осина', моиг. *унс* — ст.-бар. *уну* 'зола', монг. *хорс* — ст.-бар. *хуру* 'почва'. Кроме того, в старобаргутском говоре фарингальный *h* выпадает в именах в исходном падеже и в причастиях прошедшего времени: *адүна* 'из табуна' (ср. новобаргутско-бурятское *адүнһа*), *гэрэ* 'из дома' (ср. новобар.-бур. *гэрһэ*), *јовон хун* 'ушедший человек' (ср. новобар.-бур. *ябһан хун*) и т.д. [баргутские примеры см.: Цыдендамбаев 1964, с. 66].

По свидетельству монгольского ученого Ж. Тумурцэрэна [см.: Төмөрцэрэн 1971а, с. 207], в чивчин-баргутском говоре согласный **s*, развившийся в баргу-бурятском говоре в *h*, дал *x* (через стадию *h*). В середине слова в интервокальном положении этот *x* выпадает, образовав хиатус между гласными, иногда возникает и вторичный долгий гласный. Примеры:

Стп.-м.	Баргу-буряты	Чивчин-баргуты	Значение
usun	uhū	uḥū ~ u'ū	вода
tosun	tohū	toḥō ~ to'ō	масло
qulusun	ḡuluḥu	ḡul'ū	тростник
ger-eče	gereḥē	ger'e	из дома
aduγun-ača	adūnahā	adūn'a	из табуна
mölsün	mölöhū	mölū	лед

Таким образом, процесс образования вторичных долгих гласных за счет выпадения интервокальных слабых согласных, захвативший в свое время все монгольские языки, еще не затух окончательно и в какой-то мере продолжается в бурятских, точнее западнобурятских, говорах, а изоглосса этого явления ведет далеко от Байкала — к баргутам, связанным с бурятами своим происхождением.

Сохранение древней долготы?

В бурятском литературном языке и его говорах наблюдается долгота гласных там, где в старописьменном монгольском, а также в средневековых монгольских языках она ничем не обозначена. На месте бурятских долгих в таких случаях везде стоят краткие гласные. Объяснить в данных случаях появление долготы за счет выпадения интервокального согласного в комплексе VCV не представляется возможным, потому что и комплекса этого здесь нет. Примерами могут служить следующие слова:

бии (цонг.) — лит.-бур., х.-монг., калм. *би*, стп.-м., МА, MNT bi 'я';
чи (цонг.) — лит.-бур. *ши*, х.-монг., калм. *чи*, стп.-м., МА, MNT çi 'ты';
таа (цонг.) — лит.-бур., х.-монг., калм. *та*, стп.-м., МА, MNT ta 'вы';
таргуун (барг.) — *тарагуун* (хамниг.) — лит.-бур., х.-монг. *тарган*, калм. *тарһн*, стп.-м., МА *taγun* 'жирный';

ниидхэ (общебур.) — х.-монг. *нисэх*, калм. *нисх*, стп.-м. *niskü*, Ма *nis* 'лететь';

жиир, *жиирэй* (лит.-бур.) — х.-монг. *жир*, *жирийн*, калм. *йир*, *йирин*, стр.-м. *jig*, *jigün* 'обычный, заурядный, простой';

биэрэ (лит.-бур.) — х.-монг. *бийр*, элют. [Ramst. KW] *bīr*, стр.-м. *bir* 'кисточка для письма';

тиибһэн (зап.-бур.) 'луковица сараны; мошонка животного' — лит.-бур. *тумһэн* 'луковица растений, клубень', х.-монг. *төмс*, стрп.-м. *tömüsün* 'картофель; луковица сараны; testiculi';

жиимээгэр (лит.-бур.) — х.-монг. *жимгэр*, калм. *жимгр*, стп.-м. *jimiger* 'поджатый — о губах';

булгааһан, *балгааһан* (зап.-бур.), *балгоос* (сарт.) 'летняя деревянная юрта' — х.-монг. *балгас*, калм. *балһен*, стр.-м. *balγasun* 'город', МА *balγasun* 'город; стена; дворец, постройка';

бургааһан (общебур.) — х.-монг. *бургаас*, калм. *бурһсн*, стп.-м., МА *burγasun* 'ветвь';

хилгааһан (общебур.) — х.-монг. *хялгас*, калм. *килһсн*, стп.-м. *kiγasun*, МА *qilγasun* 'конский волос';

хабхаа(н) (лит.-бур.) — х.-монг., калм. *хавх*, стп.-м. *qa bqa* 'капкан';

хизаалан(г) (общебур.) — х.-монг. *хязаалан(г)*, стп.-м. *kijalang* 'четырёхгодовая кобылица';

шиидам (лит.-бур.) — х.-монг. *шийдам*, *шийдэм*, стп.-м. *šidam* 'дубина', калм. *шиидм* 'длинный — о палке';

баабай (общебур.) 'отец; папа; дядя' — х.-монг. *баабай* 'отец', калм. *баав* 'отец', стп.-м. *baba* 'отец; прадед';

шалбааг (общебур.) — х.-монг. *шалбаа*, *шалбааг*, калм. *шалва*, стп.-м. *šilbaγ* 'лу́жа';

шиидхэ- (общебур.) — х.-монг. *шийтгэ-*, калм. *шиид-*, стп.-м. *šidke-* 'решить';

сүү (тунк., окин.) — лит.-бур. *hун*, зап.-бур. *үһэн*, х.-монг. *сүү*, калм. *усн*, стп.-м., МА *sün* 'молоко'.

В то же время в бурятском языке имеется большая группа слов, в которых комплекс VCV не дал ожидаемой долготы гласного за счет выпадения интервокального согласного, он сохранился, но зато второй гласный произносится с долготой, например:

амгуулан (барг.) — лит.-бур., х.-монг. *амгалан* (г), калм. *амһлү*, *амулү*, стп.-м. *amuγulang* 'тихо, мирно, спокойно', МА *amulan* 'отдых'; MNT *amuhulang* 'покой, радость';

богоол (наряду с *боол*) — х.-монг. *боол*. калм. *боһл*, стп.-м. *boγul*, Ма *bo'al* ~ *böl*, MNT *bo'ol*, ИМ *bo'al* 'раб';

агаар — х.-монг. *агаар*, калм. *аһр*, *аһар*, стп.-м. *аγаг*, *аγаг-а* 'воздух, атмосфера; погода';

адагуусан (устар.) — общебур. *адууһан* 'скотина' х.-монг. *адуус*, *адгуус*, калм. *адусн*, стп.-м. *adaγusun*, *aduγusun*, МА *adu'usun*, *adusun*, MNT *adusun*, *adu'usun* 'лошади; скот';

ирагуу — х.-монг. *яруу*, калм. *яру*, *иру*, стп.-м. *iγаγу* 'звучный, мелодичный';

изагуур 'род, происхождение' (ср. *узуур* 'корень, основание') — х.-монг. *язгуур* 'происхождение; корень, корешок'+ *эзоор* 'основание, корень', калм. *йозур*, стп.-м. *iγаγиг* 'корень, основание, происхождение';

арьятан — х.-монг. *араатан*, стп.-м. *ariγatan* 'хищник', калм. *арат* 'лиса', МА *ari'atu* 'имеющий клык';

мэнгээрһэн — х.-монг. *мөгөөрс*, калм. *мөөрсн*, стп.-м. *mögersün* 'хрящ';

хизагаар (книжн. высок.) — разг.-бур. *хизаар*, х.-монг. *хязгаар*, калм. *кизэр*, стп.-м. *kiγаγаг*, Ма *qiγаг* 'граница, рубеж';

инсагаа- — х.-монг. *янцгаа-*, калм. *инцха-*, стп.-м. *inčаγа-* 'ржать';

шагаа- — х.-монг. *шагаа-*, *шагай-*, калм. *шаһа-*, стп.-м. *šiγа-* 'смотреть, заглядывать в щель';

жэгуур 'крыло' — бур. *жэбэр* 'крыло; маховые перья в крыльях', х.-монг. *жигуур* 'крыло; фланг', *живэр* 'плавник у рыбы', калм. *живр*, стп.-м. *jigür*, *jibeg* 'крыло';

зугаа 'беседа, разговор; пир, веселье'; (аларск.) 'песня' — х.-монг. *зугаа*, калм. *зуһа*, стп.-м. *γуγа* 'развлечение, веселье';

сагаан — х.-монг. *цагаан*, калм. *цаһан*, стп.-м. *čаγан*, МА *čаγан*, MNT *cahan*, *caha'an* 'белый';

сэгээн 'светло-голубой' — х.-монг. *цэгээн*, калм. *цэгэн*, стп.-м. *čegen* 'светлый';

ягаан — х.-монг. *ягаан*, калм. —, стп.-м. *уаγан* 'розовый'.

Как видно из примеров, долгота этих гласных появляется иногда и в халха-монгольском и в калмыцком языках. Случаи появления долготы подобного типа отмечаются и в других монгольских языках, например в монгорском и дагурском [см: Порре 1955, с. 74–76]:

даг. П *кi-* — х.-монг. *хий-*, орд. *kī-*, монгор. *gi-*, калм. *ке-*, бур. *хэ-*, стп.-м. *ki-* 'делать';

даг. П *оң* — х.-монг., бур., калм. *он*, орд. *on*, монгор. *fān*, МА *һон*, стп.-м. *on* 'год';

даг. П *сү* — х.-монг., тунк., окин. *сүү*, лит.-бур., вост.-бур. *һун*, зап.-бур. *үһэн*, калм. *усн*, монгор. *sun*, мог. *сшн*, МА, стп.-м. *sün* 'молоко';

даг. П *mōd*, монгор. *mōdi* — х.-монг. *mod*, бур. *модон*, калм. *модн*, орд. *modu*, мог., стп.-м., МА *modun*, MNT *mudun* 'дерево';

монгор. *dāxu* — х.-монг., бур. *даха*, калм. *дах*, орд. *дахи*, стп.-м., MNT *daqu* 'доха';

монгор. *fōdi* — даг. П од ~ оддō, х.-монг. *od*, бур. *одон*, калм. *одн*, орд. *udu*, Ма *hodun*, стп.-м. *odun* 'звезда';

монгор. *dāru* — х.-монг., калм. *дар*-, бур. *дара*-, орд. *daru*-, даг. П *дара*-, стп.-м. МА *daru*- 'давить'.

Относительно долготы гласных этого типа можно предположить, что она является пережиточным рефлексом какой-то более древней просодии. Как уже нами отмечалось выше, это могла быть долгота, отразившая более древний сильный ударный слог при проявлении общей тенденции ослабления артикуляции звуков, в разной степени охватившей все монгольские языки, хотя есть мнение, что это остатки древних первичных долгих гласных [см.: Porpe 1965; с. 179].

Монофтонгизация дифтонгов

Одной из причин возникновения долгих гласных в бурятском языке является тенденция к монофтонгизации дифтонгов (правильнее в данном случае — дифтонгоидов), развивавшихся из комплексов *Vji* в начале и середине слова и *Vi* в конце слова [см., напр.: Санжеев 1953; с. 80]. Причем тенденция эта в бурятских говорах реализуется по-разному.

Для хоринского говора А.Д. Руднев [1913, с. I–V] везде в ауслaute на месте исторического дифтонга *Vi* отмечал долгий монофтонг, причем с явно выраженным "опереднением" компонента *V*. Так, например, он фиксирует *танā* 'ваш' (лит. *танай*), *намтā* 'со мной' (лит. *намтай*), *бабаā* 'тятя' (лит. *баабай*), *Лодоā* — имя собственное Лодой, *оротā* 'запоздав, замешкавшись' (лит. *оройтоод*), *орожā* 'обернув' (лит. *оройжо*), *убеишгē* 'дурачок' (лит. *убэштэй*), *хүдū* 'сколько' (лит. *хэды*, стп.-м. *kedüi*). Давая в своем труде сравнительную фонетику монгольского письменного языка и хори-бурятского говора, он приводит таблицу, в которой показано реальное произношение в хоринском говоре дифтонгов в 1-м и в остальных слогах. Более дифтонгоподобное произношение сохраняется, по его мнению, в 1-м слоге, а во всех остальных, особенно в абсолютном конце слова, звучат в основном долгие монофтонги. Его транскрипция такова:

Письм. начертание	1-й слог	Остальные слоги
aji	aĕ	ē, ā, ā, ī
eji	ī	ē, ī
oji	oĕ	ō, ō
uji	uĭ	yī, yī, ū, wī, ī

И.Д. Бураев [1959], исследовавший на основе экспериментальных данных звуковой состав бурятского литературного языка, тоже приходит к выводу, что бурятские дифтонги *аз*, *оз*, *уи* проявляются как долгие монофтонги, главным образом в непервых слогах. В первых слогах они произносятся все же ближе к дифтонгам. Объясняется это общей закономер-

ностью бурятского языка, дающего более напряженные гласные в первом слоге и менее напряженные в последующих [см.: Бураев 1959, с. 143]. При этом он отмечает [с. 144–145, 149–151, 157], что исторические дифтонги **ui* и **üi* в непервых слогах развились в долгий монофтонг *ui* (орф. *ы*), а исторический дифтонг **ei* дал долгий монофтонг *ээ*, являющийся оттенком фонемы *ээ* и только орфография искусственно продолжает обозначать дифтонг *эй* там, где все произносят вместо него долгий монофтонг *ээ*.

Если обратимся к сугубо диалектологическим работам, то увидим, что бурятоведы-диалектологи отмечают во многих говорах тенденцию произносить дифтонги как долгие монофтонги, причем опередненные и во всех позициях. Рассмотрим конкретные примеры.

Например, в материалах по нижеудинскому говору, приводимых Г.Д. Санжеевым [см.: 1930], везде на месте исторических дифтонгов даны долгие опередненные монофтонги. Вот некоторые его примеры с нашими сравнениями: **хурā* 'сухой' (стп.-м. *qayurai*), **но^кхē* 'собака' (стп.-м. *noqai*), **мōнēң* 'черемуха' (стр.-м. *moılsun*), **нiкē* 'соединить' (стп.-м. *neyilekü*), **далā* 'море' (стп.-м. *dalai*), **бā^лхā* 'быть' (стп.-м. *bayıqu*), **га^кхā* 'свинья' (стп.-м. *γaqai*), **сā* 'чай' (стп.-м. *çai*), **нō^лтōң* 'мокрый' (стп.-м. *noıytun*).

А.А. Дарбеева [1978, с. 29–31, 32–33, 37–42] тоже отмечает как характерный признак нижеудинского бурятского говора переход *i*-образных исторических дифтонгов в долгие монофтонги. Так, *ai* дал *ā*; *ei* — *ā* или *ē*; *oi* — *ō* или *ē*, например: **гаkā* 'свинья' (стп.-м. *γaqai*, лит.-бур. *гахай*), **кāша* 'ножницы' (стп.-м. *qayıci*, лит.-бур. *хайша*), **āмkā* 'боязливый' (стп.-м. *ayımqai*, лит.-бур. *аймхай*); **келkā* 'зайка' (стп.-м. *kelegei*, лит.-бур. *хэлхы*), **керōсгē* 'пустельга' (лит.-бур. *хюрөөсгэй*); **кормā*, **кормē* 'подол' (стп.-м. *qoımıi*, лит.-бур. *хормой*), **нокā*, **нокē* 'собака' (стп.-м. *noqai*, лит.-бур. *нохой*), **нōр* 'глухарь' (стп.-м. *soıır*, лит.-бур. *хойр*), **м'ōнōң* 'черемуха' (стп.-м. *moılsun*, лит.-бур. *мойнон*). Дифтонги *ui* и *üi* в первом слоге обычно сохраняются, например: **үйтāң* 'узкий' (стп.-м. *uyıtan*, лит.-бур. *уйтан*), **гүi-* 'бежать' (стп.-м. *güyi-*, лит.-бур. *гуй-*). В конце же слова дифтонг *ui* переходит в долгий узкий разгубленный монофтонг *йi*, например: **ургйi* 'подснежник' (стп.-м. *ıgayıi*, лит.-бур. *ургы*), **каргйi* 'дорога' (стп.-м. *qagııi*, лит.-бур. *харгы*), **кансйi* 'рукав' (стп.-м. *qançııi*, лит.-бур. *хамсы*). В отдельных случаях происходит монофтонгизация и дифтонга *üi*, при этом он тоже переходит в долгий узкий разгубленный мягкорядный *ĩ*, например: **кiтең* 'холодно' (стп.-м. *küııten*, лит.-бур. *хуйтэн*, ср. калм. *киитн*). Кстати, аналогичный переход **üıı* в *ĩ* наблюдается также в восточных бурятских говорах, что нашло отражение и в литературном языке, о чем см. ниже.

Относительно перехода дифтонгов в долгие гласные в тункинском говоре его исследователь Д.А. Абашеев пишет [с. 7–8]: "Дифтонги тункинского говора *аэ*, *оэ*, *уи* и *үй* характеризуются тенденцией к монофтонгизации. Как в односложных, так и в многосложных словах дифтонги... в определенном положении превращаются в обыкновенный долгий гласный, и второй элемент как бы совершенно стирается". К сожалению, применяемая им транскрипция не позволяет графически точно передать эту разницу в дифтонговом и монофтонговом характере звуков, так как и долгие монофтонги и дифтонги переданы одинаково посредством сочеганий букв *аэ*, *оэ*, *уи* и *үй*, например: *аэл* 'сосед', *даэн* 'война', *һаэн* 'хороший', *оэ* 'лес',

ороз 'вершина', уи 'печаль', гуилга 'подарок', зүил 'род, сорт', тугимэр 'пожар', туги 'обуза, несчастье'. Поэтому приходится верить ему на слово [см.: Абашеев, с. 8].

В боханском говоре тоже наблюдается, судя по утверждению М.П. Хоконова [1965, с. 41], появление долгого \bar{a} из дифтонга ai , например: $\bar{a}l$ 'улус', $\bar{h}a\bar{n}g$ 'хороший', $\bar{h}a\bar{x}a\bar{n}$ 'красивый'. К сожалению, о развитии в монофтонги других дифтонгов он ничего не говорит. Но, как показывает приводимый им материал, сюда же можно добавить появление долгого $\bar{e}\bar{e}$ из ai и ei . Так, у него находим $no\bar{x}\bar{e}\bar{e}$ 'собака' (стп.-м. $noqai$, лит.-бур. $no\bar{x}oi$), $\bar{b}\bar{e}\bar{e}l\bar{e}\bar{e}$ 'рукавицы' (стп.-м. $begelei$, лит.-бур. $\bar{b}\bar{e}\bar{e}l\bar{e}\bar{i}$), $\bar{y}\bar{b}\bar{e}\bar{e}$ 'нет' (стп.-м. $\bar{u}gei$, лит.-бур. $\bar{y}gy$).

Переход дифтонгов, особенно ai , ei , oi , в долгие монофтонги \bar{a} , $\bar{e}\bar{e}$, \bar{o} находится в качугском говоре, например. $\bar{b}\bar{a}na$ 'стоит' (лит.-бур. $\bar{b}ai\bar{n}a$), $\bar{h}\bar{a}\bar{x}a$ 'отесывать' (лит.-бур. $\bar{h}ai\bar{x}a$), $\bar{x}\bar{o}no$ 'на севере; сзади, позади' (лит.-бур. $\bar{x}oi\bar{n}o$), $\bar{d}\bar{e}\bar{m}\bar{e}\bar{e}$ 'зря; бедовый' (стп.-м. $demei$, лит.-бур. $\bar{d}\bar{e}\bar{m}\bar{y}$), $\bar{d}\bar{u}\bar{l}\bar{e}\bar{e}$ 'глухой' (стп.-м. $\bar{d}\bar{u}lei$, лит.-бур. $\bar{d}\bar{u}lii$) [см.: Митрошкина 1968, с. 49–50]. Аналогичная картина и в эхирит-булагатском говоре [см. Матхеев 1957, с. 202].

Широко представлены долгие монофтонги вместо дифтонгов и в аларском говоре. Н.Н. Поппе [1930а, с. 57–58] пишет об этом: "Что касается аларского говора, как вообще и ряда других западно-бурятских, по крайней мере говоров, то там дифтонги развились в долгие гласные, притом всегда в долгие гласные переднего ряда, каковой переход дифтонгов с задним гласным в качестве первого компонента в передний ряд обусловлен влиянием *i". При этом в односложных словах, как правило, развился чистый долгий гласный (напр., \bar{a}), а в многосложных — долгий гласный с призвуком i (напр., $\bar{a}i$). Примеры [см.: Поппе 1930а, с. 58]: - $\bar{a}y\bar{i}$ - (в ауслауте ai) дал \bar{a} , $\bar{a}i$ (напр., $\bar{d}\bar{a}\bar{n}$, 'враг; война', $\bar{h}\bar{a}\bar{n}$ 'хороший', $\bar{h}\bar{a}\bar{i}\bar{x}\bar{a}\bar{n}$ 'прекрасный, хорошенький'); - $\bar{o}y\bar{i}$ - (в ауслауте oi) дал \bar{o} , $\bar{o}i$ (напр., \bar{o} 'лес', $\bar{h}\bar{o}\bar{r}$ 'глухарь', $\bar{o}\bar{r}\bar{o}$ ~ $\bar{o}\bar{r}\bar{o}i$ 'макушка'); - $\bar{u}y\bar{i}$ - (в ауслауте ui) дал в ударенном слоге \bar{u} , $\bar{u}i$, в неударенном — $\bar{u}\bar{i}$ (напр., $\bar{u}i$ $\bar{l}\bar{a}\bar{x}\bar{a}$ 'плакать', $\bar{u}i$ $\bar{h}\bar{a}\bar{n}$ 'береста', $\bar{x}\bar{a}\bar{m}\bar{e}\bar{u}\bar{i}$ 'рукав'); - $\bar{e}y\bar{i}$ - (в ауслауте ei) дал в ударенном слоге \bar{e} , в неударенном — $\bar{e}\bar{i}$ (напр., $\bar{t}\bar{i}\bar{m}\bar{e}$ 'такой', $\bar{i}\bar{m}\bar{e}$ 'этакий', $\bar{s}\bar{i}\bar{d}\bar{e}\bar{x}\bar{e}$ 'развеваться', $\bar{e}\bar{r}\bar{b}\bar{e}\bar{x}\bar{e}\bar{i}$ 'бабочка', $\bar{h}\bar{u}\bar{g}\bar{e}\bar{i}$ 'пятка'); - $\bar{i}y\bar{i}$ - (в ауслауте ii) дал в ударенном слоге \bar{i} , $\bar{i}i$, в неударенном — $\bar{i}\bar{i}$, т.е. аналогично дифтонгу ii (напр., $\bar{h}\bar{u}\bar{i}\bar{t}\bar{e}$ 'сосватанная', $\bar{z}\bar{u}\bar{i}\bar{l}$ 'род, сорт', $\bar{t}\bar{u}\bar{i}\bar{m}\bar{e}\bar{r}$ 'лесной пожар', $\bar{t}\bar{u}\bar{d}\bar{y}\bar{i}$ 'столько').

Судя по нашим личным наблюдениям, эта аларская схема развития исторических дифтонгов в основном представлена во всех западных бурятских говорах, о которых упоминалось выше.

В окинском говоре, как показывают наши полевые записи, нет твердой нормы произношения дифтонгов. В речи одного и того же человека, носителя говора, исторические дифтонги либо сохраняют свой дифтонговый характер, либо переходят то в чистый долгий монофтонг, то в монофтонг с i -образным или \bar{e} -образным призвуком в конце. Рассмотрим подробнее развитие в окинском говоре исторических общемонгольских дифтонговых комплексов:

- $\bar{a}y\bar{i}$ - (в ауслауте - $\bar{a}i$) дает в ауслауте и инлауте \bar{a}^e , в ауслауте — \bar{e} : (но чаще $\bar{a}\bar{e}$, $\bar{a}\bar{e}\bar{e}$, $\bar{a}\bar{e}i$), например: $\bar{a}^e d\bar{a}g$ 'пугливый' (стп.-м. $\bar{a}yida\bar{y}$, лит.-бур. $\bar{a}yda\bar{g}$), $\bar{a}^e i\bar{x}\bar{a}\bar{t}\bar{a}\bar{x}\bar{e}$ 'страшный; очень' (лит.-бур. $\bar{a}y\bar{x}a\bar{b}\bar{t}\bar{a}\bar{r}$), $\bar{x}\bar{o}:\bar{e}$:

'горло' (стп.-м. *qolai*, лит.-бур. *хоолой*), *хојорте*: 'двухгодовалый' (стп.-м. *qoyartai*, лит.-бур. *хоёртой*);

-eyi- (в ауслауте -ei) дает в анлауте и инлауте i:, i:, в ауслауте — e:, e:¹, i: (наряду с e), например: *ti:mē* 'такой' (стп.-м. *teyimü*, лит.-бур. *тиимэ*), *si:dəm* 'вода, забеленная молоком' (стп.-м. *šeyidem*, лит.-бур. *сиидэм*), *zūy:* 'пчела' (стп.-м. *jogei*, лит.-бур. *зугы*), *düle:* 'глухой' (стп.-м. *düle:*, лит.-бур. *дулии*), *hзү:*, *hзүе:*, *ehēyei* 'большой кусок войлока' (стп.-м. *isegei*, *esegei*, лит.-бур. *hзевы* 'войлок'), *tūg'ei:*, *tūg'e:* 'голенище' (стп.-м. *tūgei*, лит.-бур. *турии*), *пехе:* 'овчина' (стп.-м. *pekei*, лит.-бур. *нэхи*);

-oyi- (в ауслауте -oi) дает *oe:*, *oe:^ε* (чаще же *oe:*, *oi*, *oe:*), например: *oe:γhōq* 'близко' (стп.-м. *oyigaqaq*, лит.-бур. *ойрхон*); *noe:^εioq* 'мокрый' (стп.-м. *noyitan*, лит.-бур. *нойтон*), *oe:loq:ò*, *oe:^εloq:ò* 'понимать' (стп.-м. *oyilγaqa*, лит.-бур. *ойлгохо*);

-uyi- (в ауслауте -ui) дает в ауслауте *bi:¹* (в анлауте и инлауте обычно *üe*, в ауслауте также и *bi*), например: *γansbi:¹* 'рукав' (стп.-м. *qanšui*, лит.-бур. *хамсы*);

-üyi- (в ауслауте -üi) дает в анлауте и инлауте *ü:^ε*, *ü:¹* (часто же просто *üe*, *üi*), иногда *i:¹*, в ауслауте — *i:*, *i:¹*, например: *ü:hзэ* 'береста' (стп.-м. *üyisün*, лит.-бур. *үйһэн*), *gü:hз* 'бежать' (стп.-м. *güyikü*, лит.-бур. *гуйхэ*), *tü:mзг* 'лесной пожар' (стп.-м. *tüyimeg*, лит.-бур. *туймэр*), *mi:lз* 'десны' (стп.-м. *büyile*, лит.-бур. *муйлэ*), *хүдi:* 'сколько' (стп.-м. *kedüi*, лит.-бур. *хэды*).

Такой разнобой в рефлексах рассматриваемого исторического комплекса с гласным *i* указывает на незавершенность процесса развития долгих монофтонгов из дифтонгов в окинском говоре.

Кроме того, немало случаев, когда и в самом литературном бурятском языке (через восточные говоры хоринского типа) на месте исторических дифтонгов представлены долгие гласные, что закреплено и в орфографии. Так, комплекс -eyi-, давший в халхаском языке дифтонг *ий*, в бурятском языке развился в долгий *ī*, отражаемый в орфографии в виде *ии* или *ы*, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>ниилхэ</i>	<i>нийлэх</i>	<i>ниилх</i>	<i>neyilekü</i>	соединение
<i>тиихэ</i>	<i>тэгэх</i>	<i>тиигх</i>	<i>teyikü</i>	так делать
<i>шимэ</i>	<i>ийм</i>	<i>шим</i>	<i>eyimü</i>	этакий
<i>диилэхэ</i>	<i>дийлэх</i>	<i>диилх</i>	<i>deyilekü</i>	побеждать
<i>булсыхэ,</i> <i>бултыхэ,</i> <i>бэлтыхэ</i>	<i>бултийх</i>	<i>бултиих</i>	<i>bülteyikü</i>	выпучиваться

Долгий гласный *ī*, обозначаемый в орфографии как *ии* или *ы*, в бурятском языке развился также и из сочетания -üyi- (через промежуточную ступень **-üi-*), например: бур. *һиихэ* — стп.-м. *süyike*, МА *süjke*, х.-монг. *суйх*, орд. *шихе*, калм. *шик* 'серьги'; бур. *мылэ* наряду с *муйлэ* — стп.-м. *büyile*, х.-монг. *буйл*, калм. *буул* 'десна'.

Развитие же -üyi- в долгий *ī* более характерно для калмыцкого языка, в котором больше примеров на это явление, например: калм. *киитн* — стп.-м. *küyiten*, бур. *хуйтэн*, х.-монг. *хуйтэн* 'холодный'; калм. *киисн* — стп.-м. *küyisün*, бур. *хуйһэн*, х.-монг. *хуйс* 'пупок'.

Однако наиболее регулярно и последовательно исторические дифтонги в бурятском языке дали долгие гласные в ауслaute. Это характерно для всех бурятских говоров, в том числе и восточных. В литературном языке и говорах хоринского тиа в основном это долгий \bar{i} , обозначаемый в орфографии как \bar{y} . Данный \bar{y} возник из дифтонгов *ei, *ui, *üi, например: *хэды* 'сколько' < kedüi (х.-монг. *хэдий*, калм. *кеду*), *эды* 'столько' < edüi (х.-монг. *өдий*, калм. *эду*), *тэды* 'столько' < tedüi (х.-монг. *төдий*, калм. *теду*), *харгы* 'дорога, путь' < qagüi (х.-монг. *харгуй*), *харанхы* 'темнота' < qaraqüi (х.-монг. *харангуй*, *харанхуй*, калм. *харнһу*), *ургы* 'подснежник' < iragüi (х.-монг. *яргуй*), *сэсэгы* 'зрачек глаза', *сүсэгы* 'сливки' < söcügei (х.-монг. *цөцгий* 'зрачок глаза; сливки', калм. *цецгэ* 'зрачок'), *үхэгы*, *эһэгы*, *һэгы* 'войлок' < esegei (х.-монг. *эсгий*, калм. *ишкэ*, МА sisegei).

В цонгольском говоре дифтонг ai/ei в аффриксе совместного падежа (tai//tei) дал \bar{y} , например: *мор'ты* 'с конем', *гэрты* 'с домом' [Будаев 1965, с. 166] стл.-м. moritai, gertei, лит.-бур. *морьтой*, *гэртэй*); ср. в произношении хоринцев соответственно *мор'т'ээ*, *гэртээ*, окинцев — mor'te:, gerte:.

В литературном бурятском языке и всех западных и хоринских говорах в показателе совместного падежа *-тай//тэй* произносится долгий монофтонг \bar{y} : или \bar{e} :. В этом традиционные бурятские говоры едины.

Таким образом, вокализм бурятского разговорного языка во всем многообразии его говоров обогатился в процессе эволюции долгими гласными не только за счет развития комплекса $V + g\bar{y} + V$, но и благодаря монофтонгизации исторических дифтонгов. Причем в большинстве западных бурятских говоров долгих гласных этого типа больше, чем в восточных. Эта разница возникла из-за того, что в западных говорах монофтонгизации подверглись дифтонги не только ауслaute, но и в односложных словах и в анлауте многосложных (типа \bar{a} 'бойся' — лит. *ай*, \bar{o} 'лес' — лит. *ой*, \bar{a} 'баня стоит' — лит. *байна* и т.п.).

Причина развития этой монофтонгизации дифтонгов заключается, по-видимому, тоже в действии общей тенденции к ослаблению артикуляции. При этом сверхслабые по природе щелевые спиранты у (йот) и \bar{i} , оказавшись в комплексах $Vu\bar{i}$ и $V\bar{i}$ между гласными, а также в абсолютном конце слова, совсем ослабевают и вокализируются. После выпадения у (йот) гласный комплекса и \bar{i} стягиваются в один долгий монофтонг, причем у (йот) и \bar{i} оставляют после себя среднеязычный настрой артикуляции при произнесении этих комплексов, благодаря чему создается более закрытый и опередненный настрой образовавшегося монофтонга. Поскольку характер развившегося долгого гласного определился по первому гласному дифтонгового комплекса, закономерно предположить, что этот гласный, а не второй, в данном случае \bar{i} , имел сильную позицию. Вероятнее всего, что сначала он был ударным, а потом на месте ударения развилась долгота, как и в случае с долготными комплексами $V + \gamma\bar{g} + V$. Затем, вследствие продолжающегося действия тенденции ослабления, интервокальный у (йот) вокализовался, а из первого гласного и \bar{i} образовался дифтонг, который при дальнейшем действии тенденции ослабления развился в долгий монофтонг.

К такому же выводу пришел и Ш. Лувсанвандан [см.: 1977, с. 97], сопоставивший закономерности образования долгих гласных на месте комп-

лексов $V + \gamma \sim g + V$ с закономерностями образования дифтонгов из комплексов $V + u + i$. Различие в характере долгих гласных и основного элемента дифтонгов навело его на мысль, что в комплексах $V + u + i$ первый гласный должен был быть как-то первоначально выделен.

Развивая эту мысль, можно далее предположить, что в тех случаях, когда из комплекса $V + u + i$ развивается долгий гласный i : (или y), например, бур. *хансы* (стп.-м. *qanṣui*) 'рукав', бур. *худы* (стп.-м. *kedüi*) 'сколько', бур. *шимэ*, калм. *шим*, х.-монг. *ийм* (стп.-м. *eyimü*) 'такой', бур. *дишлэхэ*, калм. *дишлх*, х.-монг. *дийлэх* (стп.-м. *deyilekü*) 'победить', наоборот, был как-то просодически выделен второй гласный, т.е. i . Следовательно, если мы имеем в разных монгольских языках различные рефлексy на месте $V + u + i$ (типа бур. *харгы* — х.-монг. *харгуй*, стп.-м. *qarḡui* 'дорога, путь', бур. *худы*, х.-монг. *хэдий* — калм. *кеду*, стп.-м. *kedüi* 'сколько', то из этого следует, что в прошлом в этих языках комплекс $V + u + i$ имел разную просодию.

Очень подробно, гораздо подробнее, чем это сделали Г.И. Рамstedт [см. с. 54–56] и А.Д. Руднев [1911, с. 192–194; 1913, с. XXVI–XXIX], разобрал вопросы, связанные с образованием дифтонгов в старомонгольском языке и их развитием в халха-ургинском говоре, Б.Я. Владимирцов [см. с. 266–310]. Здесь он впервые в монголоведении доказал на основе привлечения данных других алтайских языков, что монгольские комплексы $V + u + i$ развились из $*V + \gamma \sim g + i \sim i$ и $*V + w + i \sim i$. Появление дифтонга он связывал [с. 274–275] с ударенным характером первого гласного данного комплекса: "Фонема i , заключающая последние комплексы, была фонемой слабой, легко доступной всяким воздействием, а ударение, главное или второстепенное, не падало на него, и в результате из комплекса $V + u + i >$ дифтонги в халхаском и в других монгольских новых диалектах, которые в свою очередь подвергались дальнейшему развитию. Интервокальное u при этом процессе легко ассимилировалось, теряя свой шумный элемент: $V + u + i > V + i + i$ ". Далее Б.Я. Владимирцов заметил [с. 287], что на месте ауслатных дифтонгов в халхаском развились либо нисходящие дифтонги (типа $ai > a\bar{e}$), либо восходящие с долгим вторым элементом (типа $ui > u\bar{i}$, $üi > \bar{y}\bar{i}$). При этом он предположил, что в тех случаях, когда появился нисходящий дифтонг, исходный дифтонг был ударным, а там же, где возобладал долгий i со скользящим первым элементом, там исходный дифтонг не был ударным. Т.е., согласно Б.Я. Владимирцову, качество развившегося дифтонга предопределялось тем, был ли исходный дифтонг ударным или безударным.

Наша же точка зрения такова: исторические комплексы $V + u + i$, представленные в таком виде, например, в старомонгольском языке в начале и середине слова и давшие $V + i$ в конце слова, были предположительно двойкого характера — с ударением (а впоследствии с долготой) на первом гласном и с ударением (впоследствии долготой) на втором гласном, в данном случае на i , причем в первом случае развился дифтонг и далее монофтонг на основе первого гласного, а во втором случае — на основе i долгие \bar{i} или \bar{y} , либо восходящие дифтонги $\bar{y}\bar{i}$, $\bar{y}\bar{i}$. Если бы i в исходном дифтонговом комплексе не был бы как-то выделен и не имел бы сильной позиции, развития комплекса $V + u + i$ в долгие \bar{i} и \bar{y} не произошло бы.

Г.Д. Санжеев, сопоставивший развитие комплексов $V + u + i$ в халха-

монгольском, ойратском и бурятском языках, приходит к выводу [1953, с. 80], что исторические дифтонги в ойратских диалектах полностью исчезают, развившись в долгие монофтонги, а "прочие монгольские диалекты приблизились к ойратским в отношении дифтонга *аё*, который, особенно в непервых слогах, превратился в долгий гласный переднего ряда *ä*, и дифтонга *еі*, который во всех слогах превратился либо в *ē*, либо в *ī*".

Развитию исторических дифтонгов в долгие монофтонги в калмыцком языке посвящена специальная статья Д.А. Павлова [см.: 1974, с. 218–225].

По данным Н.Н. Поппе, рассмотревшего развитие исторических дифтонгов почти во всех монгольских языках [Porre 1955, с. 76–84], почти такой же тотальный, как и в калмыцком языке, переход дифтонгов в долгие монофтонги наблюдается и в языке монголов Ордоса, например:

орд. *dalā*, калм. [Ramst. KW] *dalā*, *dalā* – стп.-м. *dalai*, х.-монг., бур. *далай* 'море';

орд. *нохō*, калм. *нохā*, *нохā* – стп.-м. *noqai*, х.-монг., бур. *нохой* 'собака';

орд. *kütōn* ~ *kīten* ~ *кшїten*, калм. *kītn* – стп.-м. *küyiten*, х.-монг., бур. *хуйтэн* 'холодный'.

Но калмыцкий язык, единственный из современных монгольских языков, довел до логического конца развитие всех дифтонгов в долгие монофтонги.

Как можно видеть из приведенных выше материалов по современным бурятским говорам, сходная с калмыцким языком картина в отношении развития дифтонгов в долгие монофтонги наблюдается в западных бурятских говорах, особенно в нижнеудинском и аларском. Такое же развитие дифтонгов в монофтонги как характерная черта отмечается исследователями и для восточных говоров Внутренней Монголии [см.: Руднев 1911, с. 193–194; Тодаева 1960, с. 25; Кара 1970, с. 242–243].

Таким образом, в отношении развития дифтонгов в монофтонги восточные и южные бурятские говоры в общем совпадают с халхаским языком, а западные бурятские говоры сближаются с языками калмыков, монголов Ордоса и Внутренней Монголии.

ДИФТОНГИ

Дифтонги бурятского языка, которых в литературном языке насчитывается четыре – *ай*, *ой*, *уй*, *юй* (дифтонг *эй* существует только орфографически), – а в говорах несколько больше, восходят, как отмечалось выше, к комплексу *V + u + i* в начале и середине слова и к *V + i* в конце. Как уже говорилось, А.Д. Руднев считал, что как дифтонги эти сочетания сохранились в хоринском говоре в основном лишь в начале слова: *аё*, *оё*, *уё*, хотя сам он признавал в то же время [1911, с. XXVIII–XXIX], что "даже и в первом слоге написание дифтонга в транскрипции условно, ... имеющийся теперь там полифтонг со временем даст, вероятно, долгий гласный, какой уже есть в калм., вост., ... ведь и калмыки пишут дифтонг, а произносят долгий, ... некоторое отличие бурХор. полифтонга от соответствующих им калм. долгих и заставила меня прибегнуть к этому условному обозначению дифтонга в первом слоге".

На употребление дифтонга в начале слова в бурятском литературном языке и говорах хоринского типа указывает также И.Д. Бураев [1959,

с. 143]: "Намечается некоторая тенденция в том, что монофтонг чаще употребляется в непервых слогах, а дифтонг в первых".

В некоторых бурятских говорах, главным образом западных, о чем уже говорилось выше, дифтонги везде стремятся перейти в опередненные долгие монофтонги. Но все же в ряде говоров дифтонги сохраняются, приближаясь в произношении к литературному языку. Так, исследователь баргузинского говора Э.Р. Раднаев [1965, с. 81] пишет: "Характеристика согласных и гласных звуков литературного бурятского языка, данная в работе И.Д. Бураева "Звуковой состав бурятского языка", вполне приложима к согласным и гласным баргузинского говора. В литературном бурятском языке нет дифтонга *өз*, который довольно часто употребляется в баргузинском говоре. Примеры: *нөхөдөз* (товарищей — род. п.), *хэлхэз* (не скажет)".

Относительно дифтонгов сартульского говора И.Д. Бураев [1965, с. 121] сообщает: "Кроме основных четырех дифтонгов, которые встречаются в литературном бурятском языке, в сартульском говоре довольно часто употребляется дифтонг *уа*, первый элемент которого является открытым *у*, а второй элемент заднерядным *а*. Например, *хуа*, лит. *ухаа* (каурый), *хуантаэдж*, лит. *хун тайжа* (князь). Слова типа *угааха* (мыть) часто в сартульском говоре произносятся как *гуах* в том же значении... Артикуляционно-акустические данные сартульских дифтонгов *аз*, *оз*, *уи*, *үи* аналогичны дифтонгам литературного языка (подробное описание см. в работе "Звуковой состав бурятского языка", Улан-Удэ, 1959, стр. 142–145, 157)".

Такие же, как и в литературном языке, дифтонги *аз*, *оз*, *уи*, *үи* выделяет в цонгольском говоре Ц.Б. Будаев [1965, с. 155], отмечая при этом, что "особенность цонгольского вокализма заключается в том, что в нем имеется дифтонг *өз*, которого нет в современном монгольском и литературном бурятском языках. Например: донг. *дзөөхөз*, монг. *дзөөхий*, лит. *зөөхэй* (сметана); цонг. *бөөмөлхө*, лит. *бөөмэйлхэ* (относиться заботливо, ласково)".

По свидетельству А.А. Дарбеевой [1978, с. 37–42], хотя количество дифтонгов в нижнеудинском говоре значительно сократилось за счет развития их в долгие монофтонги, в первом слоге в позиции после согласного дифтонги *oi*, *ui*, *üi* (кроме *ai*, *ei*) сохраняются, например: *коинеке* 'задний' (лит.-бур. *хойнохи*), *гойлга* 'подарок' (лит.-бур. *гуйлга* 'просьба'), *туйба* 'бекас' (хор. *туйба* 'годовалый марал'), *уйтаң* 'узкий' (лит.-бур. *уйтан*), *гуй-* 'бегать' (лит.-бур. *гуй-*), *зуй-* 'сшивать' (лит.-бур. *зуй-*). Кроме того, в нижнеудинском говоре ею отмечен дифтонг *oa*, производимый также и как долгое *ō*, в единственном слове *koa* 'светлокаштановый' (о масти), входящего также в состав этнонима *koa даркаң* (название рода у нижнеудинских бурят). Этот дифтонг *oa* соответствует сартульскому *уа* в том же слове *хуа* (ср. лит.-бур. *ухаа*, *хуаа*) с тем же значением 'светлокаштановый' (о масти). Дифтонги же *ai* и *ei* в нижнеудинском говоре не сохранились: первый дал долгий монофтонг *ā*, *ē*, а второй — *ī* или *ē*.

В окинском говоре, по нашим наблюдениям, дифтонги произносятся чаще, чем развившиеся из них монофтонги. Встречается и двоякое произношение. Эта неустойчивость свидетельствует о незавершенности процесса монофтонгизации дифтонгов у окинцев.

Рассмотрим подробнее, какие дифтонги развились в окинском говоре на месте исторических монгольских дифтонгов.

*ai сохраняется в виде дифтонга *æe*, *æi*, *æu* во всех позициях, например: *дæe* 'война' (лит.-бур. *дайн*), *бæe* 'стой' (лит.-бур. *бай*), *u:rtæe* 'сердитый' (лит.-бур. *ууртай*), *agtæe sæe* 'крепкий чай' (лит.-бур. *агтай сай*), *ba:βqae* 'медведь' (лит.-бур. *баабгай*), *хæi* 'гравий' (лит.-бур. *хайр*);

*ei сохраняется в виде *ei* в конце слова, например, *demei* 'зря' (лит.-бур. *дэмы*, стп.-м. *demei*), *erβe:хеi* 'бабочка' (лит.-бур. *эрбээхэй*);

*oi сохраняется в виде *oe*, *oe*, *oi* в любой позиции, например, *oe* 'лес' (лит.-бур. *ой*), *oe:tohoŋ* 'чулки, носки' (лит.-бур. *оймон*), *oe:lgosotoe* 'понятно' (лит.-бур. *ойлгосотой*), *могоe*, *могое* 'змея' (лит.-бур. *могой*), *похоe*, *похоe* 'собака' (лит.-бур. *нохой*), *хоeг*, *hoi* 'глухарь' (лит.-бур. *хойр*), *поег* 'сон' (лит.-бур. *нойр*), *толqoe* 'голова' (лит.-бур. *толгой*);

*ui сохраняется в виде *ui* в начале и середине слова и *bi* в конце слова, например, *guilgʷ* 'подарок' (лит.-бур. *гуйлга* 'просьба'), *mansbi* 'пеленка' (лит.-бур. *мансы*, стп.-м. *manɕui*), *хамьbi* 'дорога' (лит.-бур. *харгы*, стп.-м. *qagʷui*), *хагаŋ^qхьbi* 'темно' (лит.-бур. *харанхы*, стп.-м. *qagaŋʷui*);

*ii сохраняется в виде *ie*, *ii* в начале и середине слова, например, *хiihэi* 'пупок' (лит.-бур. *хүйхэн*), *хiietən* 'холодно' (лит.-бур. *хүйтэн*); в конце слова иногда дает *ie* параллельно с переходом в *i*, *i:*, например, *diiŋcie* 'не хочет' (лит.-бур. *дурагуй*) *ззэyii* 'пустой, без хозяина' (лит.-бур. *жэзгуй*, *ззэзгуй*), *iiye:~iiye:~iiyi:~iiyi:* 'нет' (лит.-бур. *үгы*, стп.-м. *ügei*).

Кроме того, в окинском говоре встретилось появление дифтонга *æe* в ауслaute имен существительных как наращение к общебурятскому (resp. общемонгольскому) аффиксу *-гана* (*-ганаан*), например: *хулqлпæe* 'мышь' (лит.-бур. *хулгана*, *хулганаан*, стп.-м. *quluγana*), *хагаqлпæe* — название кустарника (лит.-бур. *харгана*, *харганаан*, стп.-м. *qagaγana* 'карагана'), *ила:qлпæe* 'красная смородина' (лит.-бур. *улаагана* 'кислица'), *šasʷlqлпæe* 'облепиха' (лит.-бур. *шасаргана*, *шасарганаан*, стп.-м. *šisaγana*).

Сходное явление отмечено также К.М. Черемисовым в тункинском говоре бурятского языка [см.: 1941, с. 123], например: *шасарганай* 'облепиха', *хулганай* 'мышь', *алаганай* 'окунь' (лит.-бур. *алагана*).

В тункинском говоре им зафиксирован также переход в дифтонг долгого гласного после палатализованного согласного, например: *хурэй* вместо *хурез* 'изгородь', *урай* вместо *уря* 'раньше', *марайтай* вместо *марятай* 'полный, тучиный' [см.: Черемисов 1941, с. 130]. Иногда такой переход происходит и без соседства палатализованных согласных, например: *майхай* вместо аларского *маахай* 'лоб', *ургэйхэ* вместо *ургээхэ* 'пугать, отпугивать', *майраха* вместо *маараха* 'блеять', *обойлохо* вместо *обоолхо* 'наваливать кучей' [см.: Черемисов 1941, с. 123].

Таким образом, в бурятских говорах бытуют, кроме общих дифтонгов *æe*, *oe*, *ui* и *ui*, также и дифтонги *өэ* (в баргузинском и цонгольском), *уа* (в сартульском) и *оа* (в нижнеудинском).

Особняком стоит в отношении развития дифтонгов хамниганский говор, о чем свидетельствует его исследователь Д.Г. Дамдинов [1968, с. 80]:

"Дифтонги исследуемого говора по своему произношению и образованию отличаются от таковых бурятского литературного языка и его говоров. Одной из характерных особенностей данного говора является то, что в нем исторический дифтонг *ei* (*ei*), так же как в современном монгольском

языке, еще не потерял своего дифтонгового характера; сохранение архаичной формы произношения наблюдается и у других дифтонгов, употребляемых в начале и в середине слова: *aji*, *eji*, *uji*, *yji*. Это особенность ярко выражена в речи хамниган сел Алтан и Кыра. Например: *тэжиму* (такой), *цэжидэм* (забеленный молоком напиток)... и т.д. У хамниган токчинской группы наблюдаются дифтонги несколько другого характера: из исторических дифтонговых сочетаний *aji*, *oji*, *yji*, *eji* здесь сохранился звук *i*, а интервокальный звук *j*, потеряв свой шумный признак, перешел в звук *i* в результате образовался долгий гласный звук *ii*, который обусловил появление ярко выраженных восходящих дифтонгов *^aii*, *^oii* и др., примеры: *т^эиимэ*, *ц^эиидэм*, *толог^oии*".

Итак, в бурятских говорах и в литературном языке исторические дифтонги претерпели довольно заметное и существенное изменение, проявив тенденцию к превращению в долгий монофтонг. Особенно сильно это представлено в западных бурятских говорах, что сближает их с калмыцким языком и с языками монголов Ордоса и Восточной Монголии. В западных бурятских говорах по сравнению с другими бурятскими говорами, процесс ослабления дифтонгов в долгие монофтонги более последователен и закончен.

Глава II

КОНСОНАНТИЗМ

В основу описания согласных в данной главе положено различие их по месту образования. Так, отдельно разбираются губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные и увулярные. При этом в основу такого деления положен не современный консонантизм современного бурятского языка, а состав общемонгольских согласных празвуков¹, поскольку представляется гораздо логичнее и удобнее вести исследование эволюции консонантов, исходя из уже восстановленных празвуков.

ГУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

*φ

В истории развития монгольских языков, да и не только монгольских, но и алтайских в целом, большое значение имеет эволюция особого анлаутного звука, восстанавливаемого в виде глухого губно-губного придыхательного *р, возможно, имевшего щелевой характер, т.е. *φ [подробнее об этом звуке см.: Ramstedt 1916]. В средневековых монгольских языках он еще сохранялся в виде глухого щелевого h, например: MA, MNT *hekin* 'голова' (бур., х.-моиг. *эхи*(н), калм. *эхи* 'начало'); MA, MNT *hula'an* 'красный' (бур., х.-монг. *улаан*, калм. *улан* id); MA, MNT *harban* 'десять' (бур. *арбан*, х.-моиг. *арав*, *арван*, калм. *арви* id). В современных бурятском, халха-монгольском, калмыцком, могольском, ордосском, чахар-

¹Таблицу этих празвуков см.: Рорре 1955, с. 95.

ском, хорчинском и некоторых других языков Внутренней Монголии этот звук и его рефлексы, по утверждению монголоведов, исследовавших эти языки [см.: Рорре 1955, с. 96; Тодаева 1973, с. 39], не прослеживаются. В ряде же других монгольских языков анализируемый исконный * φ дал следующие рефлексы.

В баоанском [см.: Тодаева 1964, с. 13–14] – *ф* (*фэлаң* 'красный', *фду* 'длинный'), *н* (*нарваң* 'десять', *намэра* 'отдыхать'), *х* (*халгэ* 'ладонь', *ходон* 'звезда') и *ш* (*шילו* 'излишек', *шинэ* 'смеяться').

В дунсянском [см.: Тодаева 1961, с. 12–14] – *ф* (*фуду* 'длинный', *фуру* 'вниз'), *н* (*намюра* 'отдыхать', *наруан* 'десять'), *х* (*хон* 'год', *ходун* 'звезда') и *ш* (*шинэ* 'смеяться', *шилү* 'излишек').

В монгорском [см.: Тодаева 1974, с. 35–39] – *ф* (*фулаң* 'красный', *фуру* 'вниз'), *х* (*харван* 'десять', *халга* 'ладонь') и *ш* (*шилү* 'излишек' *шинэ*).

В дагурском [см.: Тодаева 1960, с. 56–57] – *х* (*хулаң* 'красный', *харбай* 'десять', *халагд* 'ладонь').

В языке желтых уйгуров [см.: Тенишев–Тодаева, с. 50] – *н* (*ходон* 'звезда', *нуру* 'вниз', *нурту* 'длинный', *нулу* 'излишек', *нлан* 'красный', *налаган* 'ладонь').

В бурятском языке, как правило, все слова, имевшие в прошлом этот общемонгольский инициальный * φ , ныне начинаются на гласный: *арбан* 'десять', *улаан* 'красный', *альган* 'ладонь', *одон* 'звезда', *уруу* 'вниз', *ута* 'длинный', *улуу* 'лишний' и т.п. Однако нами зафиксировано несколько слов и в бурятском языке, в которых сохраняется начальный *н* (развившийся из * φ) в тех случаях, где в халхаском, калмыцком, ордосском и языках Внутренней Монголии слово начинается на гласный. Этих слов немного:

нахар (бох.) 'шерсть второй стрижки' – *ахар* (зап.-бур.) *id.*, *ахар* (лит.-бур., х.-монг.) 'короткий, низкий; овечья шерсть осенней стрижки', калм. *ахр* 'короткий';

набир-шэбэр // *абир-шэбэр* 'шепот; шепотом', х.-монг. *авир шивэр*, калм. *ивр шивр id.*;

наамайха 'смотреть с раскрытым ртом, ротозейничать' // *аамайха* 'приоткрывать, разевать рот; быть ротозеем';

наамагар 'рассеянный, ротозей' // *аамагар* 'приоткрытый, разинутый' (о беззубом рте);

наараг 'редкий' // *аараг* 'редкий, необычный; редко';

нархагар 'громоздкий' // *архагар* 'громадный, тяжелый, громоздкий' – х.-монг. *архагар*, калм. *архһр* 'громоздкий';

нархайха 'быть громоздким' // *архайха* 'громоздиться' – х.-монг. *архайха*, калм. *архах* 'быть неуклюжим, громоздким';

нүрэхэ 'разлетаться в стороны, рассыпаться' – х.-монг. *үрэх* 'рассыпать, просыпать; растронжирить, размотать (имущество)', калм. *үрх* 'пропадать, гибнуть, разрушаться'.

Как видно из примеров, ряд этих слов и в самом бурятском языке параллельно употребляется без инициального *н*, но в таких случаях наблюдается небольшая дифференциация этих вариантов, что, видимо, и обусловило удержание *н* в этих словах.

Согласный р (*п*) весьма редкий звук в монгольских языках. Б.Я. Владимирцов [с. 407] утверждал, что "как и в монг.-письм., так и в халх. губной смычный *п~р* встречается т о л ь к о (разрядка наша. — В.Р.) в словах заимствованных. Стар. монг.-письм. не знал этой фонемы и в случае заимствования *р~п* иноязычных слов передавал через *в*... В халхаском *п* встречается т о л ь к о (разрядка наша. — В.Р.) в заимствованных словах". Но в то же время, если заглянуть в словари, то окажется, что в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках есть немало слов начальным глухим сильным звуком *п*. Среди них действительно много заимствованных слов, например, бур., калм. *паар* 'пара', х.-монг. *паалан* (*г*) 'эмаль', бур. *пилтаа* 'плита', х.-монг. *пуужин* (*г*) 'ракета', калм. *парть* 'партия' и т.п. Однако большинство таких слов представляют собой образные и звукоподражательные слова, без сомнения, являющиеся исконными, ни о каком заимствовании здесь речь идти не может.

Примеры: бур. *пал-пал гэхэ* 'булькать', х.-монг. *пал хив* 'бултыхнулся', калм. *пилд гиһэд унх* 'шлепнуться', бур. *пос-пос гэхихэхэ* 'грузно ступать', х.-монг. *пур пур хийх* 'клокотать, бурлить', калм. *пард* — звукоподражание треску, звуку, бур. *пагдайха* 'быть коренастым', х.-монг. *пагдайх* 'быть' приземистым', бур. *пампайха* 'быть пушистым, пухлым, рыхлым', х.-монг. *памбайха* 'делаться мягким и толстым, вздуваться', калм. *падрх* 'пылать, пламенеть', калм. *пиигх* 'шипеть, свистеть', калм. *пилгх* 'изобиловать'. Много междометий, например: бур. *пуу!* 'фу!', бур. *пэй!* 'фу!', 'фуй!', бур. *пэхь!* 'фу!', х.-монг. *паа!* 'фу!', 'фн!', х.-монг. *пох!* 'фу!', 'фи!', х.-монг. *пфуу!* 'уф!', х.-монг. *пээ!* 'ах!', 'ого!', 'фу!', 'фи!', калм. *пөө!* 'эх!, ой!, ай!', калм. *пүф!* 'фу!', 'фи!'. Встречаются наречия, частицы, например: бур. *паг харанхы* 'совершенно темный', бур. *пад харанхы* 'совершенно темно', бур. *пад хара* 'совершенно черный', бур. *пууяса* 'с шумом, шумно', бур. *погли* 'в достатке', х.-монг. *паг мэдэхгүй байх* 'совершенно не знать', х.-монг. *пад харанхуй* 'совершенно темный'. х.-монг. *пад хар* 'совершенно черный', х.-монг. *пиг дуурэн* 'битком набитый'. Есть и обычные прилагательные и существительные, хотя эти слова встречаются только в бурятском языке, например: бур. *пиртан* 'клецки', зап.-бур. *питайд* 'нерешительный, колеблющийся, сомневающийся', бур. *пэлдэн* 'мочка (уха)'

Все же следует отметить, что из числа слов с начальным *п*, собственно бурятского или монгольского происхождения и не являющихся заимствованиями, подавляющее большинство составляют слова образные и звукоподражательные. В бурятском языке их очень много. Все это заставляет признать, что согласный *р, видимо, был достаточно представлен в древнем монгольском языке.

Звук *р* как фонема встречается и в других современных монгольских языках — монгорском, дагурском, дунсянском, баоанском, желтоуйгурском. Но в них он представлен, кроме заимствованных слов, в основном на месте обшемонгольского *b, например: монгор. *падула* — 'укрепить' (стп.-м. *batula* - id.), баоан. *пэджэг* 'письмо' (стп.-м. *bičig* id), дунс. *пугу* — 'исполняться' (стп.-м. *bütü* - id), даг. *К пара* 'санн', даг. *К пандан* 'стул, табурет', ш.-юг. *пос* — 'вставать' (стп.-м. *bos*-id).

В бурятском литературном языке и его говорах общемонгольский исконный *b в основном сохраняется в слове во всех позициях.

В начале слова:

бур. *би* — х.-монг., калм. *би*, даг. К *bi*, дунс. *bi*, ш.-юг. *бу*, баоан. *бэ*, монгор. *бу*, стп.-м., МА MNT *bi* 'я';

бур. *бари-* — х.-монг. *барь-*, калм. *бэр-*, орд. *bari-*, мог., даг. К *bari-*, монгор. *барі-* (*вари-*), стп.-м., МА, MNT *bari-* 'держать, ловить';

бур. *боло-* — х.-монг., калм. *бол-*, орд., даг. К, мог., МА, MNT, стп.-м. *bol-* 'быть, становиться, сделаться'.

В середине слова:

бур. *табан* — х.-монг. *тав* (*ан*), калм. *тави*, орд. *tawu*, монгор. *тавен*, даг. К *taw*, мог., МА, MNT, стп.-м. *tabun* 'пять';

бур. *арбан* — х.-монг. *арав* (*арван*), калм. *арви*, орд. *arwa*, даг. К *харбан*, мог., стп.-м. *arban*, МА, MNT *harban* 'десять';

бур. *яба-* — х.-монг. *яв-*, калм. *йов-*, орд. *jawu-*, даг. К *јау-*, монгор. *ју-*, мог. МА, MNT стп.-м. *yabu-* 'идти'.

В конце слова:

бур. *аб-* — х.-монг., калм. *ав-*, орд. *aw-//ab-*, даг. К *au-*, монгор. *аву-*, мог. *афу-*, МА, MNT, стп.-м. *ab-* 'брат';

бур. *хоб* — х.-монг., калм. *хов*, стп.-м. *qob* 'сплетни'.

В положении между гласными *b в халхаском, калмыцком, ордосском, дагурском и других монгольских языках переходит в щелевой звук *w*. Это же происходит и с *b, когда он находится в конце слова, а также в середине слова после сонорных, плавных согласных. Бурятский язык во всех случаях удерживает смычный характер *b. Однако в бурятских говорах, особенно в восточных и южных, наблюдается на месте *b губно-губной же, но щелевой звук *β*. Так, носители этих групп говоров произносят не *аба* 'отец', а *аβа*, не *хобол* 'паз, желоб', а *хоβол*, не *шабар* 'грязь', а *шаβар* и т.п.

В бурятском языке и его говорах наблюдается также появление на месте *b губно-губного же, но носового *m*(*м*), например:

бур. *эмдэрхэ* 'разрушаться, ломаться, разваливаться' — х.-монг. *эвдрэх*, калм. *эвдрх*, стп.-м. MAebdere-, MNT ebde- id.;

бур. *муйлэ/мылэ* 'десны' — х.-монг. *буйл*, калм. *буул*, стп.-м. *büyile* id.;

бур. *хомор* 'редкий, скудный' — х.-монг. *ховор*, калм. *ховр*, стп.-м. *qobur* id.

Кроме того, в самом бурятском языке некоторые слова бытуют то с *б*, то с *м*, например:

намша/набша, намшаһан//набшаһан 'листья' — х.-монг. *навч*, калм. *намч*, стп.-м. *naβči* id.;

бур. *нэбэрхэ//һ эмэрхэ* 'сечься, лезть, распускаться (о материи)' — калм. *семрх* id., х.-монг., *сэврэх*, стп.-м. *seberi-* 'слегка сохнуть';

намтар (зап.-бур.)//*набтар* 'низкий' — х.-монг. *навтар*, калм. *намтр*, стп.-м. *naβtar* id.;

намтаһан//набтаһан 'послед (у животного)' — калм. *намсн* id.

Чередование *б* и *м*, а также переход *б* в *м* имеет место и в старописьменном монгольском языке [см.: Владимирцов, с. 401], в котором зафикси-

рованы параллельные формы: qabaг//qamaг 'нос', naбči//namči 'листья', niibu-//nilmu- 'плевать', balta//malta 'топор, секира', mecin//bečin 'обезьяна'.

В истории тюркских языков также отмечается чередование *b* и *m*: bān//mān 'я', bu 'это', но monu 'этого' (вин. п.), кирг. алба 'не бери'//тат. алма id. и т.п. [см.: Ряснен, с. 147–148]. Переход **b* в *m* представляет собой, таким образом, обычное явление и в других языках.

В бурятских говорах наблюдается в ряде случаев переход **b* в заднеязычный смычный *g* (з). Причем в отдельных словах могут бытовать и дублиеты пары типа убэл//үгэл 'зима', үгэй//убэй 'нет', абдар//агдар 'сундук', түбэд//түгэд 'тибетский', бубөөлжэн//гүгөөлжэн 'удод', бүдэрхэ//гүдэрхэ 'спотыкаться'. Появление *g* на месте *b* наблюдается и в других монгольских языках, например: бур. үбэл//үгэл — монгор. uгуг, даг. К uhul, ср. стп.-м. ebül, х.-монг. өвөл, калм. өвл//үвл, орд. öwöl 'зима'.

Сохранение бурятским языком исконной фонемы **b* в "чистом" виде, в основном как смычного звука, и там, где он представлен в старомонгольском письменном и средневековых монгольских языках, показывает, что в этом отношении бурятский язык стоит ближе к древнему монгольскому языку, чем халхаский, калмыцкий, дагурский и др. Данной картины ничуть не меняет переход в отдельных словах **b* в *m* либо в *g*, так как таких слов буквально единицы.

**m*

Общемонгольский исконный **m* в бурятском языке, включая литературный язык и многочисленные говоры, сохранил, можно сказать, свое качество в неизменном виде. Фонема **m* продолжает употребляться в бурятском языке во всех позициях в слове, например:

бур. муу — х.-мон. муу, калм. му, орд., даг. К, монгор. mū, стп.-м. maḡu, МА maḡ 'плохой';

бур. һомон — х.-монг. сум (ан), калм. сумн, орд. sumu, даг. К som, даг. П сомб, монгор. sumu, стп.-м., МА MNT sumun 'стрела';

бур. эм — х.-монг., калм. эм, дан. К., орд., стп.-м., МА em 'лекарство', ср. др.-тюрк. am id.

Лишь в отдельных случаях, буквально в единичных словах, наблюдается появление звука *b* на месте анулатного и инулатного **m*, например:

бур. мэтэ//бэтэ//бутэ 'как, вроде' — стп.-м. metü, х.-монг. мэт, калм. мет, монгор. маду 'как, словно, подобно';

бур. бури- 'не хотеть бежать, уклоняться в сторону (о лошади)' — стп.-м. tuḡi-, х.-монг. мурн- id.;

бур. хабаар-//хамаар- — стп.-м. qatıyara-, х.-монг. хамаар- 'иметь отношение'.

ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

**t*

Консонант **t* в бурятском языке, как и в других монгольских языках, ограничен в своем употреблении позицией — он может произноситься только в начале и середине слова. Во всех бурятских говорах этот **t* обычно сохраняется в виде сильного, с разной степенью придыхания *t* (орф. т). При этом перед гласными *i* и *ī* он может получать в некоторых говорах па-

латализацию. Так, например, зап.-бур. *т'иимэ* 'такой' — юж.-бур. *тымэ* 'такой'; зап.-бур. *т'ииргэн* — лит.-бур. *тииргэн* 'вытоптанное, утоптанное скотом место'. Слов, в которых было бы после анлаутиного *t* *i* или *ī*, немного. Это в основном различные формы от глагола *тиихэ* 'так делать'. Но в то же время в ряде говоров (например, тункинском, хоринском) палатализованный *t'* появляется и перед другими гласными, например: тунк. *т'ээд* 'но, однако, тем не менее', тунк. *т'ээбш* 'бабушка', тунк. *ябатт'ео* 'ушел', тунк. *өгөтт'ео* 'отдал', хор. *мор'т'ээ* 'с конем', хор. *хот'огор* 'кривой', булаг. *таг'аа* 'курица'. Произносится палатализованный *t'* перед *e* и в заимствованных из русского языка словах, особенно послереволюционного периода, так как дореволюционные русизмы адаптированы фонетической системой бурятского языка. Современные же русизмы произносятся близко к оригиналу, например: *т'ээмэ* 'тема', *т'етраад* 'тетрадь', *т'эхникэ* 'техника'.

Палатализованный *t'* в говорах появляется также на месте исторического сочетания **ki*, которое дало по говорам варианты *x'u*, *ши*, *c'u*, *t'u*. При этом гласный *и* может быть ассимилирован соседними гласными и утрачивать свое качество, от комплекса же **ki* остается только *x'*, *ш*, *c'* или *t'*, например: зап.-бур. *арс'и//арши//арт'и*, вост.-бур., юж.-бур., лит.-бур. *арх'и* — стп.-м. *araki* 'водка'; зап.-бур. *тас'аа//таг'аа*, вост.-бур. *тах'аа* — стп.-м. *ta-kiu-a* 'курица'; зап.-бур. *зас'аа//заг'аа*, вост.-бур. *зах'аа* — стп.-м. *ᠵakiγa* 'заказал'.

Перехода исконого **t* в звонкий *d*, как это почти повсеместно происходит в юго-восточных и южных халхаских диалектах, в некоторых чахарский диалектах и в языке монголов Ордоса [см.: Тодаева 1951; с. 37–38; Рорре 1955, р. 103], в бурятском языке, можно сказать, не наблюдается, хотя в единичных словах на месте **t* и представлен *d*, например: вост.-бур. *донгорог//зап.-бур. тонгорог* 'перочинный нож', *тошон//дошо* 'наледь'.

Бурятский язык относится, таким образом, к языкам, сохраняющим исконый общемонгольский **t* во всех допустимых позициях для этого звука — анлауте и инлауте. Примеры:

бур. *тохо-* — х.-монг. *тохо-*, южные диалекты х.-монг. *дохо-* калм. *тох-*, орд. *дохо-*, монгор. *тузу-*, МА *тоqо-*, стп.-м. *toqu-* 'седлать, класть потник';

бур. *тата-* — х.-монг. *тата-*, калм. *тат-*, орд. *data-*, мог., MNT, стп.-м. *tata-* 'тянуть, тащить';

бур. *уута* — х.-монг., калм. *уут*, орд. *ūta*, монгор. *фүда*, стп.-м. *uᠣᠲa* 'мешок'.

Кроме того, в бурятском языке отмечаются отдельные факты перехода **t* в свистящий щелевой *s* (*с*). Так, например, общемонгольский показатель деепричастия предела *-tal*, имеющий в литературном языке фонетический облик *-тар*, в некоторых бурятских говорах (например, тункинском [см.: Абашеев, с. 24], боханском [см.: Хомонов 1965, с. 64], качугском [см.: Митрошкина 1968, с. 58]) произносится как *-сар*, в эхитрит-булагатском говоре [см.: Матхеев 1968, с. 21] — *-сара*, а в сартульском говоре [см.: Бураев 1965, с. 142] формы *-тар* и *-сар* почти свободно взаимочередуются, сосуществуя с формой *-тал*. Общебурятские слова *досоо* 'внутри', *досоодо* 'внутренний', *досоошо* 'внутри' соответствуют халхаским *дотор*, *дотоод*, *дотогш*, старописьменным монгольским *dotur*, *dotuγadu*, *dotuγši*.

Данный консонант в бурятском языке, как и других монгольских языках, в своем употреблении не ограничен позицией. Он встречается в начале, середине и абсолютно в конце слова. Причем почти во всех случаях в бурятском языке он сохраняет свой характер слабого звука d и соответствует этому же звуку в других монгольских языках. Примеры:

бур. *дара-* — х.-монг. *дара-*, калм. *дар-*, даг. К *дара-*, орд., МА, стп.-м. *daru-* 'давить, нажимать (сверху)';

бур. *дугуу* — х.-монг. *дугуу*, калм. *дугу*, орд. *dutū*, MNT *duta'u*, МА *du-tū~tutū*, стп.-м. *dutaγu* 'недостающий';

бур. *шада-* — х.-монг. *чад-*, калм. *чид-*, орд. *tšida-*, даг. К *šada-*, стп.-м., МА, NBT *šida-*, 'мочь';

бур. *эди-* — х.-монг., калм. *ид-*, орд. *ide-*, монгол. *иде-*, даг. К *ид-*, стп.-м., МА, MNT *иде-* 'есть, кушать';

бур. *болод* — х.-монг., калм. *болд*, орд. *bolod*, стп.-м. *bolud* 'сталь'.

Консонант d в бурятском языке почти не употребляется в собственных словах перед гласными i и ī. Встречаются лишь единичные случаи, например: *дигайха* 'быть огромным, громоздким', *дишлэхэ* 'побеждать'. Причем в говорах d в этих словах произносят то с палатализацией, то без нее, как и в случае с сильным t. Но все же перед i более характерно палатализованное произношение. Например, *эди* 'есть' произносят как *зд'и*, *дишлэ* 'побеждай' — как *d'i:lɛ* и т.п.

Обращает на себя внимание один факт, характерный из всех монгольских языков лишь для бурятских говоров, а именно: ауслатный d, входящий в том числе и в состав корня, при попадании в интервокальное положение при наращении аффиксов переходит в западных бурятских говорах в фарингальный h, в цонгольском говоре в свистящей s, в эхирит-булагатском и хоринском говорах — в шипящий ш, например: *буряд* 'бурят' — зап.-бур. *буряһаар*, цонг. *бурясаар* 'по-бурятски'; *морид* 'кони' — зап.-бур. *мориһы*, эхир.-булаг. *мор'ши*, хор. *моришиие* 'коней'. Суффикс мн. числа существительных -d, имеющий общемонгольский характер и чередующийся в других монгольских языках с показателем мн. числа существительных -s, в западных бурятских говорах тоже переходит в h [см.: Санжеев 1953, с. 128–129] в некоторых падежах и при наращивании дополнительных показателей множественности. Так, например, из *хонид* 'овцы' возникают словоформы зап.-бур. *хониһууд* 'овцы', *хониһой* 'овец' (род. пад.), *хониһы* 'овец' (вин. пад.) и т.п. Поскольку h развивается на месте *s, то можно предположить, что в данных случаях в h переходит не d, а тот исконный *s, который в бурятском языке закономерно дает в позиции перед гласным в анлауте и инлауте фарингальный h, а в конце слога перед согласным и в конце слова — смычный слабый d. Значит показателем множественности в этих случаях выступает не -d, а -s, давший в конце слова закономерный фонетический вариант -d.

В бурятском языке фонема d имеет большее употребление, чем в других монгольских языках. Это происходит главным образом за счет того, что в бурятском языке d появляется на месте *s в конце слога и слова. Так, например, на месте х.-монг. *улас* 'люди, народ; государство', *асга-* 'проливать', *бос-* 'вставать' в бурятском языке развились *улад*, *адха-*, *бод-* (в тех же значениях).

О происхождении и дистрибуции этой фонемы в монгольских языках достаточно и основательно сказано у Б.Я. Владимирцова [с. 405—407] и Г.Д. Санжеева [1953, с. 91—98], поэтому здесь ограничимся лишь общими замечаниями, главным образом об особенностях существования *ʧ в бурятских говорах.

Общемонгольской аффрикате *ʧ в бурятских говорах соответствуют два звука — шипящий *ш* и свистящий *с*. При этом *ш* соответствует шипящей аффрикате *ч* халхаского и ойратского языков, а *с* — свистящей аффрикате *ц* этих языков. По утверждению Г.Д. Санжеева [1953, с. 92] из ʧ, восходящей к исконной аффрикате *ʧ, развились в халхаском и ойратском языках *ч*, в бурятском — *с*, а из ʧ, возникшей из *t* перед *i* (т.е. из **ti*), образовались *ч* в халхаском и ойратском и *ш* в бурятском. Примеры:

бур. *сагаан* 'белый' ← **цагаан* ← *ʧаγān (ср. х.-монг. *цагаан*, калм. *цаһан*, стп.-м. *ṣaγan*);

бур. *шагна*- 'слушать' ← **чагна*- ← *ʧiŋna- ← *tiŋna- ← *tiŋla- (ср. х.-монг. *чагна*-, калм. *чиҫн*-, стп.-м. *ṣiŋna*-, др.-тюрк. *tīŋla*-).

Фонемы *ш* и *с*, развившиеся из древней аффрикаты *ʧ, представлены в традиционных бурятских говорах — западных и восточных. В группе же южных бурятских говоров, в языке ононских хамнигаи [см.: Дамдинов 1968, с. 84], сартулов [см.: Бураев 1965, с. 115—116] и цонголов [см.: Будаев 1965, с. 153], связанных своим происхождением с монголами, употребляются вместо них аффрикаты *ч* и *ц*, как и в халхаском и ойратском языках, например: хамниг., сарт. *чи*, цонг. *чии* — зап.-бур., вост.-бур. *ши*, калм., х.-монг. *чи*, стп.-м. *ṣi* 'ты'.

Как показывает материал, в бурятском языке не всегда *ш* соответствует *ч*, а *с* — *ц* халхаского и ойратского языков. Имеется немало случаев нерегулярности этих соответствий, например:

Стп.-м.	Бур.	Х.-монг.	Калм.	Значение
ṣimügen	<i>сэмгэн</i>	<i>чөмөг</i>	<i>чимгн</i>	грубчатая кость
ṣilüge	<i>сулөө</i>	<i>чөлөө</i>	<i>чөлән</i>	свобода
moṣe	<i>мусэ</i>	<i>мөч</i>	<i>мөч</i>	конечность (как часть тела)
omṣi	<i>умсэ</i>	<i>өмч</i>	<i>өмч</i>	собственность
			'доля наследства'	
oṣūken	<i>усөөхэн</i>	<i>өчүүхэн</i>	<i>учукн</i>	маленький
ṣisun	<i>шуһан</i>	<i>цус (ан)</i>	<i>цусн</i>	кровь
ṣirai	<i>шарай</i>	<i>царай</i>	<i>чирө</i>	лицо
qaṣar	<i>хасар</i>	<i>хацар</i>	<i>хачр</i>	щека
ṣidqa-	<i>щудха-</i>	<i>цутга-</i>	<i>цутх-</i>	лить металл

На то, что подобные факты в монгольских языках являются результатом неравномерного развития *ʧ, связанного с неравномерностью переломов гласного **i*, указывал Г.Д. Санжеев [1953, с. 95—96]. Появление в бурятском языке *с* в тех случаях, где в халха-монгольском и ойратском представлено *ч*, как и в старописьменном монгольском языке, он объясняет тем, что в бурятском языке переход *ʧ → *ц* → *с* произошел еще в период 2-го перелома гласного **i*. Наличие же в ряде слов в бурятском язы-

ке *ш*, появившегося на месте **ʃ* в тех словах, где в халхаском и ойратском, наоборот, представлен *ц*, можно объяснить, как нам кажется, теми же причинами, только в обратном порядке. Иначе говоря, в бурятских словах типа *шуһан* 'кровь', *шарай* 'лицо', *шудха-* 'лить металл' *ш* сохранился потому, что перелом **i* в них произошел позднее, чем в халхаском и ойратском языках, в которых в этих словах представлен *ц*. В бурятском языке к тому времени, когда в нем произошли корейные преобразования фонологической системы и исчезли аффрикаты, в этих словах еще удерживалась шипящая аффриката *ʃ*, давшая шипящий щелевой *ш*.

В этот период развития звуковой системы бурятского языка, видимо, уже прекратили свое действие причины, вызвавшие появление свистящих аффрикат на месте шипящих. 3-й перелом гласного **i* происходил где-то в XIII—XIV вв. Деаффрикатизация могла произойти в бурятском языке и позже. Этот разноречие в соответствии шипящих и свистящих звуков в монгольских языках показывает, что, вероятно, захваченные единым процессом образования свистящих аффрикат бурятский, халха-монгольский и ойратский (калмыцкий) языки пошли впоследствии каждый по своему пути.

В бурятском языке имеются варианты слов, отражающие эту неравномерность развития **ʃ*. Так, например, наблюдаются междиалектные и внутрдиалектные пары:

хабсал//*хабшал* 'ущелье', ср. х.-монг. *хавцал*, калм. *хавчг*, стп.-м. *qabʃal* id.;
сошохо//зап.-бур. *шошохо* 'пугаться', ср. х.-монг. *цочих*, калм. *чочх*, стп.-м. *ʃoʃiq* id.;

балсан//*булшан* 'мышцы рук, ног', ср. х.-монг. *булчин*, калм. *булчн*, стп.-м. *bulʃing* id.;

хусэн//*хушэн* 'сила, мощь', ср. х.-монг. *хуч* (*ин*), калм. *кучн* стп.-м. *küʃün* id.; ср. др.-тюрк. *küʃ* id.;

шэхэ//зап.-бур. *сэхэ* 'прямо', ср. х.-монг. *цэх*, калм. *чик*, стп.-м. *ʃike* id.

Это свидетельствует о том, что бурятские говоры и те языковые компоненты, из которых сложился бурятский язык, прошли неравномерный путь развития.

О происхождении и дистрибуции в монгольских языках этой общемонгольской фонемы писали подробно Б.Я. Владимирцов [с. 397—400] и Г.Д. Санжеев [1953, с. 99—103], поэтому здесь ограничимся общими замечаниями относительно бытования ее в бурятских говорах.

В бурятском литературном языке и традиционных бурятских говорах — западных и восточных — этой аффрикате соответствуют проточные *ж* и *з*, на месте которых в халха-монгольском языке представлены *дж* и *дз*, а в ойратском — *дж* и *з*.

В бурятских говорах развитие **ʒ* происходило, видимо, неравномерно, вследствие чего в них в начале и середине слова — позициях, где допустим **ʒ* — фиксируются варианты *ж*, *з*, *дж*, *дз*, *й*, *д'*. При этом, по свидетельству Ц.Б. Цыдендамбаева [1968, с. 167], "в употреблении начального щелевого *ж* и отчасти *з* в западном наречии наблюдается большой разноречие: нижнеудинцы вместо *ж* употребляют мягкий *д'*, аларские и унгино-балаганские

буряты — ж, а далее на восток — щелевой сонант j. Представители восточного же наречия употребляют только согласный ж, а южного наречия — только аффрикату дж”.

Употребление начального й вместо ж (отчасти з) отмечается диалектологами у баргузинцев [см.: Раднаев 1965, с. 83], качугских бурят [см.: Митрошкина 1968, с. 52], байкало-кударинцев [см.: Цыдендамбаев 1964, с. 57].

Разнобой в употреблении ж и з наблюдается также в самом литературном языке, между бурятскими говорами и между бурятским и другими монгольскими языками, например:

лит.-бур. *зүхэхэ//жүһэхэ* — х.-монг. *зусэх*, калм. *зусх*, стп.-м. *jūsekü* 'резать ломтями';

общебур. *жэбэ* — х.-монг. *зэв*, калм. *зев*, стп.-м. *jēbe* 'ржавчина';

лит.-ру. *зүһэн//жүһэн* — х.-монг. *зус(эн)*, калм. *зусн*, стп.-м. *jisun, jüsün* 'масть, цвет';

лит.-бур. *зүдхэхэ//жүдхэхэ* — х.-монг. *зутгэх*, калм. *зуткх*, стп.-м. *jūdkekü* 'тянуть, напрягая усилия; усердствовать, стараться';

вост.-бур. *жүлдэ* 'осердие, ливерная часть туши' — х.-монг. калм. *зүлд*, стп.-м. *jülde* 'голова вместе в сердце (при разделке туши)';

лит.-бур. *жэйжалха//зап.-бур. зажалха* — х.-монг. *зажлах*, калм. *жажлх*, стп.-м. *jajilaqu* 'жевать';

лит.-бур. *эжэн//эзэн* — х.-монг. *эз(эн)*, калм. *эзн*, стп.-м. *ejen* 'хозяин';

лит.-бур. *зулай//жолоо//бох. ёлоон* — х.-монг. *зулай*, калм. *зула*, стп.-м. *julai* 'родничок, темечко у ребенка';

лит.-бур. *анзалан* — х.-монг. *анжис(ан)*, калм. *андсх*, стп.-м. *anjisun* 'соха'.

*s

Данный консонант претерпевал в бурятском языке в процессе эволюции различные модификации, причем разные в зависимости от позиции в слове. Рассмотрим порознь его эволюцию в трех основных позициях. в начале слова, в положении перед гласным и между гласными, и в положении в конце слога или слова.

Инициальный *s в традиционных бурятских говорах, за исключением сартульского, цонгольского и хамниганского, удерживающих этот *s в виде s, дал фарингальный щелевой h в положении перед любым гласным, кроме *i. Процесс этот в бурятских говорах проходил довольно последовательно. В результате, в ряде слов возникло несоответствие между бурятским и халхаским с ойратским языками, так как в бурятском в тех словах *s → h, а в халхаском и ойратском *s → ш. Примеры:

бур. *һуни* — х.-монг. *шөнө*, калм. *сө*, даг. *K sun'*, мог. *shni*, монгор. *soni*, орд. *soni*, баргу-бур. *hün'i*, стп.-м. *sōni* 'ночь';

бур. *миһэлзэхэ* — х.-монг. *мишэлзэх*, калм. *мишэх*, *мишклэх*, стп.-м. *mišiyekü* 'улыбаться';

бур. *хүһөө//хүшөө* — х.-монг. *хөшөө*, калм. *көшө*, стп.-м. *kōšiye* 'изваяние из камня, памятник, обелиск';

бур. *һуушэ* — х.-монг. *цууц*, калм. *шуунч*, стп.-м. *šuiše* 'долото';

бур. *эһнэлэхэ* — х.-монг. *эвшээх*, калм. *эвшэх*, стп.-м. *ebšiyekü* 'жевать';

бур. *уһөөн* — х.-монг. *өс, өшөө(н)*, калм. *өша*, стп.-м. *öšigen, öšiyeu* 'мечь, вражда, ненависть'.

Наличие в данных примерах в бурятском языке *h* объясняется тем, что здесь к моменту действия закона **s* → *h* перед **s* был иной гласный, чем *i*. Переход же **s* в *ш* осуществлялся в бурятском языке только перед *i*. Произошел он раньше, нежели **s* стал переходить в *h*, поэтому „**s* + *i*” осталось в виде *ш*, а „**s* + любой иной гласный” последовательно везде дало *h*.

Появление на месте **s* в анлауте звука *h* характерно также и для баргу-бурятского языка [см.: Тодаева 1960, с. 27]. Примеры:

бур. *һаарал*, баргу-бур. *һарал* — х.-монг. *саарал*, калм. *саарл*, стп.-м. *saγaral* 'буланый';

бур. *һуул*, баргу-бур. *һуул* — х.-монг. *суул*, калм. *сул*, стп.-м. *segül* 'хвост'.

Аналогичное явление представлено также среди тюрских языков в башкирском и якутском. Причем в башкирском языке *h* сохраняется, а в якутском *h* в анлауте исчезло, дав ноль звука, например:

Др.-тюрк.	Тат.	Башк.	Як.	Х.-монг.	Бур.	Значение
sal	сал	һал	аал	сал	һала	плот
saqal	сакал	һакал	—	сахал	һахал	борода
sän	син	һин	эн	—	—	ты
segiz	сигез	һигез	авыс	—	—	восемь
saŋıŋ	сату	һатуу	атыы	—	—	торговля

В одном из бурятских говоров, байкало-кударинском или кабанском, как его называли раньше, исследователями отмечается своеобразное явление перехода начального *h* в *х* [см.: Цыдендамбаев 1964, с. 65]. Это существенно меняет облик слов, например:

Общбур.	Байк.-кудар.	Х.монг.	Стп.-м.	Значение
<i>һара</i>	<i>хара</i>	<i>сар</i>	<i>sar-a</i>	луна, месяц
<i>һонин</i>	<i>хонин</i>	<i>сонин</i>	<i>sonin</i>	новость
<i>һанаан</i>	<i>ханаан</i>	<i>санаа</i>	<i>sanaγa</i>	мысль
<i>һуулга</i>	<i>хуулга</i>	<i>суулга</i>	<i>saγulγa</i>	посади

В результате в байкало-кударинском говоре появились пары слов типа *хара* 'черный' и *хара* 'луна, месяц'; *хонин* 'овца' и *хонин* 'новость'; *хааха* 'закрывать' и *хааха* 'доить' (ср. бур. *һааха* 'доить').

Ц.Б. Цыдендамбаев утверждает, что переход *h* → *х* характерен для западных говоров вообще. Так, он пишет [1968, с. 166–167] по этому поводу: "В западных говорах фарингальный согласный звук *h* имеет тенденцию к потере самостоятельности. В Добайкалье это явление довольно ярко выражено в Нельхайском кусте Аларского р-на (с. Балтуй), где так же, как и в Байкало-Кударе, говорят *хазн* вм. *һазн* (хорошо), *хурьха* вм. *һураха* (спрашивать), *хуури* вм. *һуури* (место для сидения). Употребление заднеязычного звука *х* вместо фарингального *h* встречается изредка также по Унге, Алари, Иде, Куде, Качугу".

Неустойчивость *h* в нижнеудинском бурятском говоре отмечается А.А. Дарбеевой, которая приводит [1978, с. 51–52] данные о замене *h* в ряде случаев на *кх*, *х* и даже *г*, например: *хумалгаң* 'заряженный' вм. *һумалһан*; *һуба'аң*, *хубаһаң* 'ожерелье' вм. *һубаһан*; *хорбоһон* 'ресницы'

вм. *һорьмоһон*; *һүни~хүни* 'ночь' вм. *һуни*; *кхурнам~һурнам* 'спрашиваю' вм. *һурнаб*; *кхүна~һүна* 'сидит' вм. *һууна*; *кхулашиг~һулашиг* 'слабоватый' вм. *һулашаг*; *кайширғаң* 'чешуя' вм. *хаширһан*.

Аналогичное явление отмечается исследователями также в старобаргутском (хучин-баргутском) диалекте, в котором, по словам Б.Х. Тодаевой [1960, с. 27], "спирант *h* ... перешел в заднеязычный спирант *x* (в начале слова)..." Об этом же явлении говорит и Чингэлтэй [см.: Цыдендамбаев 1964, с. 66].

Б.В. Матхеев [1970, с. 57] высказывал мнение, что "появление начального *x* (в речи байкало-кударинцев. — В.Р.) вместо общебурятского *h*, по-видимому, объясняется тем, что этот звук в силу своей позиционной неустойчивости легко подвергся качественным изменениям в результате иноязычного, например русского, влияния". Нам же кажется, этот переход *h* → *x* невозможно объяснить русским влиянием, так как подобное же явление характерно и для старобаргутского диалекта, который не мог испытывать на себе русского влияния. Следовательно, для объяснения этого явления нужно искать другие причины.

В связи с этим небезынтересно вспомнить, что в языке джарутов Внутренней Монголии Д. Кара [1970, с. 236] зафиксировал на месте **q* фарингальный *h* как основной аллофон из произносительных вариантов *h*, *ḥ*, *χ*. В словаре и в тексте он дает слова только в начальном *h* вместо *χ*, например: *həl* 'язык' (х.-монг. *хэл*, калм. *келн*, стп.-м. *kelen*, бур. *хэлэн*), *hag* 'черный' (х.-монг., калм. *хар*, бур. *хара*, стп.-м. *qaga*), *gaha* 'свинья' (х.-монг., бур. *гахай*, калм. *haxa*, стп.-м. *γaqai*), *uih* 'большой' (х.-монг. *их*, калм. *ик*, бур. *ехэ*, стп.-м. *yeke*).

В языке монголов Северо-западной Халхи, особенно у живущих возле оз. Хубсугул, нами наблюдалось произнесение *h* вместо *x*, т.е. говорили *һойор һулгана* вместо *хойор хулгана* 'две мышцы', *һар һонь* вместо *хар хонь* 'черная овца' и т.п. Таким образом, здесь правомерно предположить, что поскольку в монгольских языках *x* может переходить в *h*, то почему невозможен обратный переход *h* в *x*? Тем более, что переход *x* в *h* наблюдается в ряде случаев и в самом литературном бурятском языке. Так, лит.-бур. *зэхэхэ* 'готовиться' соответствует х.-монг. *зэхэх* и стп.-м. *jekekü id.*; лит.-бур. *зэхээтэй* 'приготовленный' — х.-монг. *зэхээтэй id.*; зап.-бур. *һүрэг*//лит.-бур. *хүрэг* 'портрет, изображение' — х.-монг. *хөрөг*, калм. *көрг*, стп.-м. *koüg id.*; лит.-бур. *һолхихо*//*холхихо* 'болтаться, не приходится вплотную' — х.-монг. *холхих id.*, калм. *холхэх* 'быть слишком широким (обувь)'. Следовательно, причина перехода *h* в *x* в байкало-кударинском и других западных говорах лежит не во влиянии русского языка, а в закономерностях развития, эволюции звуковой системы бурятского языка и даже гораздо шире — среди монгольских языков. Так, оба процесса перехода *h* в *x* и *x* в *h* наблюдаются в дагурском языке, в котором инициальный *h*, предшествовавший когда-то гласным, развился в *χ* [примеры см.: Kalužynski, s. 135—144]: даг. К *χarban* — МА *harban*, стп.-м. *arban* 'десять'; даг. К *χalh*, *χalga*, *χalaha* — МА *alaqan*, MNT *halahan*, стп.-м. *alγa* 'ладонь'. Переход этого *h* в *x* отмечается также в монгорском, дуисянском и баоаньском языках [см.: Тодаева 1973, с. 37; 1961, с. 12—14; 1964, с. 12—14].

В бурятском языке, видимо, переход **s* → *h* произошел очень давно, поскольку *h*, развившийся из **s*, стал вступать в дистрибутивные отношения

с фонемой *х*, появившейся на месте **q* и **k*, став ее аллофоном. Именно о давности свидетельствует то, что в языковом сознании народа *h* перестал ассоциироваться с *с* и начал соотноситься с *х*.

В бурятских говорах (особенно западных) зафиксировано в ряде случаев чередование в анлауте звуков *т* и *h* [см.: Бертагаев 1969, с. 154]. Так появились пары:

зап.-бур. *hэнхээ*//*тэнхээ* 'сила, мощь', ср. лит.-бур. *тэнхээ*, х.-монг. *тэнхээ*, калм. *теүк*, стп.-м. *tengke, tengkege* id.;

зап.-бур. *төөм*//*hөөм* 'пядь' ср. лит.-бур. *hөөм*, х.-монг. *сөөм*, калм. *сөм*, стп.-м. *sögem* id.;

зап.-бур., лит.-бур. *гамарха*//лит.-бур. *хамарха* 'перемешивать жидкость; плавать', ср. х.-монг. *самрах* id., калм. *самрх*, стп.-м. *samug-, samuga-* 'перемешивать жидкость';

зап.-бур. *тэтхэл*//*hэтхэл* 'чувство, душа', ср. лит.-бур. *сэдьхэл*, х.-монг. *сэтгэл*, стп.-м. *sedkil* id., калм. *сеткх* 'думать';

зап.-бур. *тэлхэгэр*//*hэлхэгэр* 'отечный, полный', ср. лит.-бур. *hэлхэгэр* id., х.-монг. *сэлхрэх*, стп.-м. *selgüte-* 'опухать, отекасть'.

Любопытно, что одногласное чередование начальных *h* и *т* наблюдается также и в соседнем тофаларском языке. Так, нами зафиксированы в с. Алыгджер слова *haан* 'белая куропатка', *hураачыгай* 'оляпка', а в с. Верхняя Гутара соответственно *таан*, *тараачыгай*.

Б.Х. Тодаева приводит любопытный факт замены звука *с* звуком *т* в хорчинском говоре монгольского языка Внутренней Монголии. Она пишет [1960, с. 27]: "Отличительной особенностью джалайт-дурбэтхорчинского говора является отсутствие в нем спиранта *с*, вместо которого имеется взрывной *т*, например: *тā-* 'доить', *давтлā-* 'солить', *ботō-* 'вставать', *джагāt* 'рыба', *толгō* 'левша', *шут* 'кровь', *шат* 'снег', *тахйл* 'борода' и т.д."

По свидетельству А.Д. Руднева [1911, с. 180–181], "в самой северо-восточной группе монгольских говоров, в говорах дурбут-бэйсэ..., северный Горлос... и ... также джалайт..., т.е. среди населения местности, расположенной (в общих чертах) в пределах ромба, заключенного между городами Цицикар, Харбин, Бодунэ, и вытянутого к западу, письменному «с» во всех случаях отвечает *т*". В опыте словаря говоров Восточной Монголии он приводит, например [см.: 1911, с. 123–131], следующие слова из говора дурбут-бэйсэ: *тал-* (вм. *сал-*) 'разделяться', *тала* (вм. *сала*) 'разветвление', *тамл-* (вм. *самла-*) 'чесать', *тар* (вм. *сар*) 'месяц', *тетхил*, *тетхул* (вм. *сетхил*) 'мысль', *толоцо* (вм. *солоцō*) 'радуга', *тум* (вм. *сум*) 'стрела' и т.п.

В бурятском языке *h*, чередующийся с *т*, восходит в этих случаях к общемонгольскому спиранту **s*, замещающемуся на *т* в вышеупомянутых говорах хорчинском и дурбут-бэйсэ. Таким образом, здесь мы имеем дело, вероятно, с каким-то однотипным фонетическим процессом.

Таковы в общем особенности развития анлаутного **s* в бурятских говорах.

В интервокальной позиции **s* в бурятском языке реализуется, как правило, в виде фарингального *h*, например:

бур. *наһан* — х.-монг. *нас* (*ан*), калм. *наси*, орд. *nasu*, даг. П *нас*, МА, стп.-м. *nasun* 'возраст';

бур. *яһан* — х.-монг. *яс* (*ан*), калм. *яси*, орд. *jasu*, мог. *jösun*, даг. П *яс*, МА, стп.-м. *yasun* 'кость';

бур. *уһан* — х.-монг. *ус(ан)*, калм. *усн*, орд. *usu*, даг. П ос, мог., МА, стп.-м. *usun* 'вода'.

В бурятском языке в середине слова переход *s в *h* ограничен позицией. Он произошел перед всеми гласными за исключением *i. Этот переход наблюдается и в положении после исторического закрытого слога, например:

бур. *хэрһэн* — х.-монг. *хэрс(эн)*, калм. *керсү*, стп.-м. *kersen* 'соколок (часть туши)';

бур. *тамһан* — х.-монг. *тамс* 'тесьма, обшивка', калм. *тасм*, стп.-м. *tasma* 'тесьма' (бур. *тамһан*, х.-монг. *тамс* представляют собой метатезу от *tasma*); бур. *забһар* — х.-монг. *завсар*, калм. *завср*, стп.-м. *ǰabsar* 'промежуток'.

В бурятском языке встречаются слова, в которых *h*, подобно вышеприведенным примерам, стоит в позиции после согласного. Но на самом деле исторически в этих словах между *h* (< *s) и этим согласным был гласный, впоследствии выпавший, так что *h* здесь по сути дела восходит к интервокальному *s. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>хулһан</i>	<i>хулс(ан)</i>	<i>хулсн</i>	<i>qulusun</i>	тростник
<i>хюмһан</i>	<i>хумс(ан)</i>	<i>хумсн</i>	<i>kimusun</i>	ноготь
<i>элһэн</i>	<i>элс(эн)</i>	<i>элсн</i>	<i>elesin</i>	песок
<i>уйһэн</i>	<i>уйс(эн)</i>	<i>уусн</i>	<i>üyisün</i>	береста
<i>хальһан</i>	<i>хальс(ан)</i>	<i>хэлсн</i>	<i>qalisun</i>	оболочка, кожура

Совсем иначе ведет себя *s в конце слогов в середине слова в позиции перед согласным, а также в абсолютном конце основы, по сути дела тоже в конце слога, только стоящего в ауслауте. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>хүмэдхэ</i>	<i>хөмсөг</i>	<i>көмсг</i>	<i>kömüske</i>	брови
<i>эрид</i>	<i>эрс</i>	<i>эрс</i>	<i>eris/eres</i>	решительный, резкий
<i>эрбэд</i>	<i>ирвэс</i>	<i>ирвсг</i>	<i>irbis</i>	барс (тунк.) тигр (унг.)
<i>улад</i>	<i>улс</i>	<i>улс</i>	<i>ulus</i>	<i>люди, народ</i>
<i>үдэхэ</i>	<i>өсөх</i>	<i>өсх</i>	<i>öskü</i>	размножаться
<i>үдхэхэ</i>	<i>өсгөх</i>	<i>өскх</i>	<i>ösgükü</i>	разводить, размножать
<i>үлдэхэ</i>	<i>өлсөх</i>	<i>өлсх</i>	<i>ölüskü</i>	голодать
<i>үүдхэхэ</i>	<i>уусгэхэ</i>	<i>уускх</i>	<i>egüskekü</i>	затевать, зарождать
<i>тодохо</i>	<i>тосох</i>	<i>тосх</i>	<i>tosqu</i>	подхватить, подставить руки
<i>туд</i>	<i>тус</i>	<i>тус</i>	<i>tus</i>	данный, этот
<i>тудаха</i>	<i>тусах</i>	<i>тусх</i>	<i>tusqu</i>	попадать в цель
<i>ород</i>	<i>орос</i>	<i>орс</i>	<i>orus</i>	русский
<i>ниидэхэ</i>	<i>нисэх</i>	<i>нисх</i>	<i>niskü</i>	летать
<i>бодохо</i>	<i>босох</i>	<i>босх</i>	<i>bosqu</i>	вставать
<i>адхаха</i>	<i>асгах</i>	<i>аскх</i>	<i>asqaqu</i>	пролить, вылить
<i>дэбдихэ</i>	<i>дэвсэх</i>	<i>девсх</i>	<i>debiskü</i>	разостлать

Количество примеров можно увеличить, но закономерность эта проявляется регулярно. Лишь этим исторически неодинаковым положением *s в основах слов можно объяснить, почему в бурятском языке в одних слу-

чаях на месте с других монгольских языков появился *ɔ*, а в других — *h*. Например, в словах *дэбдихэ* 'разостлать' и *дэбнэхэ* 'топтать' *ɔ* и *h* находятся в современном бурятском языке в равной позиции — перед гласным и после согласного. В данной же позиции **s*, к которому восходят в этих словах и *ɔ* и *h* (ср. стп.-м. *debiskü* 'разостлать' и *debsekü* 'топтать'), регулярно дает в бурятском языке *h*. В других современных монгольских языках в обоих словах представлен *s*, оказавшийся тоже в позиции после согласного перед гласным, например: х.-монг. *дэвсэх*, калм. *девсх* 'разостлать' и х.-монг. *дэвсэх*, калм. *девсх* 'топтать'. Объясняется такой разницей между бурятским и другими монгольскими языками тем, что в бурятском слове *дэбдихэ* 'разостлать' *ɔ* исторически восходит к **s*, стоящему в ауслaute основы — ср. стп.-м. *debis-id*, а в слове *дэбнэхэ* 'топтать' **s* находится после согласного перед гласным — ср. стп.-м. *debse-id*.

Аналогично обстоит дело и со словами бур. *бодохо* 'думать' и бур. *бодохо* 'вставлять' (ср. х.-монг. *босох*, калм. *босх* 'вставлять'; х.-монг. *бодох*, калм. *бодх* 'думать'). Исходя из современного соответствия бурятского *ɔ* в этих словах, например, халхаскому *s* и *ɔ*, закономерно было бы предположить, что в слове *бодохо* 'вставлять' в бурятском языке должен был бы появиться не *ɔ*, а *h*, так как он обычно развивается на месте **s* в интервокальном положении. Но исторически *ɔ* здесь развилось из **s*, стоящего в ауслaute: ср. стп.-м. *bos-* 'встать', поэтому в бурятском имеем *ɔ*, а не *h*. В слове же *бодохо* 'думать' исторически была основа с *ɔ*: ср. стп.-м. *bodu-* 'думать'. В бурятском языке основы *bos-* и *bodu-* в процессе развития совпали, дав *бодо-*.

Если **s* в аффиксах стоит в начале, то он переходит в *h*. Так, например, *h* предстает в афф. *-нан* (причастие прошедшего времени), *-haar* (продолжительное деепричастие), *-нуу* (пропозитив) и т.п., имеющих соответственно в халха-монгольском языке формы *-сан*, *-саар*, *-аасай*, в калмыцком — *-сн*, *-сар*, *-су*, в старописьменном монгольском — *-ʒсан*, *-ʒсауаг*, *-су*.

Если **s* аффикса стоит в ауслaute, то закономерно появляется *ɔ*. Например, аффикс мн. числа имен существительных **s* дал в бурятском языке *-ɔ*: х.-монг. *нохос* — бур. *ноход* 'собаки' (*нохой* 'собака'); аффикс мгновенного однократного вида от образных глаголов *-с* также дал в бурятском языке *-ɔ*: х.-монг. *гялас хийх* 'сверкнуть' (*гялайх* 'сверкать') — бур. *ялад гэхэ* 'блеснуть' (*ялайха* 'блестеть').

Особая позиция оказалась у **s* перед историческим гласным **i*. Слово **si* в бурятском языке закономерно перешел в *ši*, а затем, смотря по рядности слова, или дал *шэ* (ʃэ) в мягкорядных словах, или *ш* + любой твердорядный гласный, развившийся на месте этого **i* после его перелома. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>шара</i>	<i>шар</i>	<i>шар</i>	<i>šir-a</i>	желтый
<i>шубуун</i>	<i>шувуу(н)</i>	<i>шовун</i>	<i>šibaγun</i>	птица
<i>ааша</i>	<i>ааш</i>	<i>ааш</i>	<i>aγaši</i>	характер
<i>шэнэ</i>	<i>шинэ</i>	<i>шин</i>	<i>šine</i>	новый
<i>душэ</i>	<i>дөш</i>	<i>дөш</i>	<i>döši</i>	наковальня.

Лишь в говоре ононских хамниган *s перед *i продолжает сохраняться в виде того же с, хотя и не у всех групп хамниган. У некоторых все же *s_i → š_i [см.: Дамдинов 1968, с. 83]. Примеры:

Хамниг.	Бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>с'ибар ~ ш'ивар</i>	<i>шабар</i>	<i>шавар</i>	<i>šibar</i>	глина
<i>с'инага ~ ш'инага</i>	<i>шанага</i>	<i>шанага</i>	<i>šinaya</i>	ковш
<i>с'итакху ~ ш'итаха</i>	<i>шатаха</i>	<i>шатах</i>	<i>šitaqu</i>	гореть.

Переход *s в ш произошел также в позиции перед сочетанием *ki, т.е. в сочетании *ski, которое получило вид ški, например:

Стп.-м.	Бур.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>aγuski</i>	<i>уушха</i>	<i>уушиг</i>	<i>оошк</i>	легкие
<i>giski-</i>	<i>гэшхэ-</i>	<i>гишгэ-</i>	<i>ишк-</i>	стунать
<i>qaskira-</i>	<i>хашхар-</i>	<i>хашгир-</i>	<i>хэшкр-</i>	кричать

Влияние *i, таким образом, оказалось настолько сильным, что подействовало на переход *s → ш через согласный.

В бурятских говорах наблюдается довольно интересная картина поведения :услautного *δ* (< *s), который попадает на стыке морфем при словообразовании и словоизменении в интервокальное положение. Картина следующая (о некоторых наблюдениях см. выше, в разделе о *d).

В цонгольском, сартульском говорах и у хамниган отмечается переход ауслautного *δ* в с, когда он попадает между гласными: *буряад* 'бурят' — *буряасые* 'буряга' (вин. пад.), *бурясаар* 'по-бурятски' (лит-бур. *бурядые, бурядаар*); *морид* 'кони' — *морисые* 'коней' [см.: Будаев 1965, с. 162; Бураев 1965, с. 138; Дамдинов 1968, с. 101].

У хоринцев, баргузинцев, эхирит-булагатов наблюдается переход ауслautного *δ* в этой позиции в ш: *морид* 'кони' — *моришиие* 'коней' [см.: Раднаев 1965, с. 83; Алексеев, с. 89; Шагдаров 1967, с. 96].

У боханцев отмечено чередование этого *δ* с *h*: *бодоод* — *боһоод* 'встав', *садаад* — *саһаад* 'наевшись', *хонидоор* — *хониһоор* 'овцами', *хошоод* — *хошоһоор* 'по два', *дурбөөд* — *дурбөөһөөр* 'по четыре' [см.: Хомонов 1965, с. 43, 56].

По свидетельству Б.В. Матхеева [1970, с. 58], "южно-булагатскому интервокальному *δ* в северо-булагатском, как правило, находим регулярное соответствие звука "h". Например, *садаад* — *саһаад* 'насытившись', *бодоод* — *боһоод* 'стоя', *моридоо* — *мориһоо* 'лошадей'".

Таким образом, тенденция поведения *s такова, что в литературном бурятском языке он дает *h* в начале слова и аффикса, между гласными, если второй гласный не *i, после согласного перед гласным, опять-таки если он не *i. в конце же слогов перед согласным и в абсолютном конце основы и аффикса он переходит в *δ*, который не изменяет уже своего качества, даже попав в положение, при котором *s → *h*.

В живых же говорах картина несколько иная. Здесь закон перехода *s → *h* или *s → *δ* при появлении соответствующих комбинаторных условий, указанных выше, осуществляется довольно последовательно. Если создаются условия, при которых *s → *h*, то *δ*, возникший здесь на месте *s, закономерно дает *h*, как если бы это был с. Если же этот *δ* вдруг ока-

зывается в положении перед *и*, то тут же срабатывает закон перехода **si* → **ʃi*, и мы имеем чередование *д//ш*. В ряде говоров этот *и* произносится как задний гласный типа *ы*, поэтому *д* чередуется не с *ш*, а с *һ*. Просто здесь закономерно происходит переход **s* в *һ*, так как оно оказывается в обычной интервокальной позиции.

Только этой закономерностью можно объяснить появление в бурятском языке диалектных пар: зап.-бур. *боһохо* // лит.-бур. *бодохо* 'вставать', зап.-бур. *дууһаха* // лит.-бур. *дуудаха* 'кончиться', зап.-бур. *тоһохо* // лит.-бур. *тодохо* 'подставить руки' и т.п.

Звук *һ*, появившийся на месте **s* в интервокальном положении в ряде бурятских говоров весьма неустойчив и имеет тенденцию к ослаблению и выпадению, за счет чего образуется вторичная долгота гласного. Это характерно главным образом для западных бурятских говоров, о чем выше уже подробно было сказано.

В литературном бурятском языке довольно много слов, в которых **s* сохраняется в виде того же *с*, например:

амисхал — х.-монг. *амьсгал*, калм. *амьсхл*, стп.-м. *amisyal* 'дыхание';

соёл — х.-монг. *соёл*, стп.-м. *soyul* 'культура';

түсэб — х.-монг. *төсөв*, стп.-м. *tosüb* 'план';

асууха — х.-монг. *асуух*, стп.-м. *asaуиqu* 'задавать вопрос';

соносхо — х.-монг. *сонсох*, калм. *сонсх*, стп.-м. *sonusqu* 'слушать';

алас — х.-монг. *алс*, сти.-м. *alus* 'дальний';

дэбисхэр — х.-монг. *дэвсгэр*, калм. *девскр*, стп.-м. *debisker* 'подкладка, опора; территория';

хүсэхэ — х.-монг. *хүсэх*, калм. *күсх*, стп.-м. *küsekü* 'желать, хотеть';

эсэргүү — х.-монг. *эсэргүү*, *эсрэг*, калм. *эсргү*, *эсрг*, стп.-м. *esereg, esergüü* 'против, наперекор, вопреки'.

Почти все они квалифицируются как слова, пришедшие в литературный бурятский язык из монгольского (в частности старописьменного) языка и образуют зачастую в современном литературном бурятском языке пласт книжных слов с возвышенным, приподнятым пиететом [см.: Цыдендамбаев 1972, с. 635, 640–642].

Ряд подобных слов имеет свои параллели, содержащие не *с*, а *һ*, т.е. бурятские фонетические формы, например:

амсаха//*амһаха* 'пробовать' — х.-монг. *амсах*, стп.-м. *amsaqu*;

дүрсэ//зап.-бур. *дурһэн* 'внешность, облик, вид, форма' — х.-монг. *дүрс(эн)*, калм. *дүрсн*, стп.-м. *dürsün, dürisün id.*;

дэбэсэ 'подушка на седле, накладка на чепраке'//*дэбһэн* 'чепрак' — х.-монг. *дэвс(эн)* 'подушка седла', калм. *девс*, стп.-м. *debse* 'чепрак; накладки на чепраке';

хасаха//*хаһаха* 'лишать; нзывать, вычитать' — х.-монг. *хасах*, калм. *хасх*, стп.-м. *qasaquid.*;

хэсэг//зап.-бур. *хэһэг* 'часть; куча' — х.-монг. *хэсэг*, калм. *кесг*, стп.-м. *keseg id.*;

тус//*туд* 'каждый в отдельности' — х.-монг. *тус тус*, калм. *тус тус*, стп.-м. *tus tus id.*;

түгэс//*түгэд* 'полный, все, целиком' — х.-монг. *төгс*, калм. *төгс*, стп.-м. *tögüs, tegüs id.*;

улас 'страна, государство'//*улад* 'люди, народ' — х.-монг. калм *улс*, сти.-м. *ulus* 'страна; народ';

сарьдаг//*һарьдаг* 'гольцы, покрытые вечным снегом' — х.-монг. сарьдаг, стп.-м. *sariday id.*;

сомон//*һомон* 'административная единица сомон' — х.-монг. *сум(ан)*, стп.-м. *sumun id.*;

субад//*һубад* 'жемчуг' — х.-монг. *сувд*, калм. *сувсн*, стп.-м. *subad id.*;

сонин (устаревшее) 'газета'//*һонин* 'новости; интересный' — х.-монг. *сонин*, калм. *соньн*, стп.-м. *sonin id.*;

сүйд//*һүйд* 'беда, авария' — х.-монг. *сүйд*, стп.-м. *süyid id.*;

сүлдэ//*һүлдэ* 'духовная мощь, символ' — х.-монг., калм. *сүлд*, стп.-м. *sülde* 'знамя'.

Варианты с сохранившимся *с* являются бесспорно монголизмами. Монголизмами, пожалуй, следует признать и слова, сохраняющие *с* и бытующие в разговорном языке, частично являясь общебурятскими словами.

Примеры:

сайн 'здравствуйте', ср. *һайн* 'хороший; хорошо' — х.-монг. *сайн*, калм. *сөөн*, стп.-м. *sayin* 'хороший; хорошо';

сабха (юж.-бур.) 'вилка; палочки для еды' — х.-монг. *савх*, калм. *савх*, стп.-м. *sabqa* 'палочки для еды';

суу (окни., тунк.) 'молоко', ср. вост.-бур., лит.-бур. *һун*, зап.-бур. *уһун* — х.-монг. *суу(н)*, калм. *усн*, стп.-м. *sun id.*;

суусари (окни., тунк.) 'помесь соболя и куницы' — х.-монг. *суусар*, калм. *сууср*, стп.-м. *suusar, sausar* 'куница';

тэсэхэ 'терпеть' — х.-монг. *тэсэх*, калм. *тесх*, стп.-м. *tesekü id.*;

эсхэхэ 'кроить, делать надрез' — х.-монг. *эсгэх*, калм. *ишкх*, стп.-м. *esgekü id.*;

огсом//*агсам* (зап.-бур.) 'резвый, горячий, буйный' — х.-монг. *агсам*, калм. *агсм*, стп.-м. *aysum id.*

В эпических произведениях, улигерах о Гэсэре, Ерэнсэе и т.п. часто появляются формы, в которых сохраняется **s*, например: *морин сайхан хулу* (вм. *морин һайхан хулэг*) 'добрая лошадь-аргамак', *тиисэн яасан хойном* (вм. *тиһэн яһан хойном*) 'после того, как так было', *һуран суран байна* (вм. *һуран һуран байна*) 'стоит и переспрашивает' [см.: Хо-моинов 1965, с. 43]. Сохранение **s* в эпосе можно объяснить тем, что он обычно канонизирует те формы, которые были живыми при его создании, а эволюция языка эпоса обычно проходит медленнее эволюции разговорного языка. Ставшие непонятными слова и формы обычно снабжаются повторными, более понятными словами (и даже предложениями), так появляются пары типа *һуран суран байна*, где *һуран* — бурятская производная форма общемонгольского *суран*.

*ʃ

Относительно исконности фонемы *ʃ в монгольских языках у монголистов нет твердой убежденности. Так, Г.Д. Санжеев [1953, с. 96] пишет, что "спирант *ш* некогда отсутствовал в монгольских диалектах (еще около XIII в.) и образовался из свистящего *с* в положении перед гласным *i*".

Н.Н. Поппе считает [1955, р. 125], что "в письменномонгольском языке консонант ʃ оказывается и перед иными гласными, чем **i*. Сомнительно, 6-3. Зак. 780

что консонант *š* является всегда (в этих случаях. — В.Р.) первичным. Возможно, что гласный, непосредственно следующий за консонантом, проблематично является (гласным) вторичного происхождения и развился из **i*. С другой стороны, многие основы с *š*, сопровождаемым иным гласным, чем **i*, могут быть заимствованы из других языков, например: Мо. *šatu* 'лестница' < тюрк. *šatu id.*; Мо. *šoγ* 'шутка' < тюрк. (ср. алтайск., теленгитск. и т.п.) *šoq* 'злодейство, подлость' и т.д." (перевод наш — В.Р.).

Б.Я. Владимирцов [с. 374—375] тоже считал, что "в монг.-письм. очень мало слов, которые можно было бы признать как имевшие несомненное *š* ... В XII—XIII вв., а может быть и в более раннюю эпоху, в монгольский языковой мир, в монг.-письм., проникло много слов, заимствованных из разных языков, имевших фонему *š* в самых разнообразных положениях". В качестве примеров он приводит слова: стп.-м. *nišan* < уйг. *nišan* 'знак, клеймо' < среднеперс. *nišan*; п.-монг. *šabi* ~ *šami* < уйг. *šabi* 'ученик, буддийский новициант' < *кит. ша-ми* < кучар. *sanmir* < санскр. *ṣāmaṇera*; монг.-письм. *šasīn* 'религия, вера' < **šasan* хотан. *šasam* < санскр. *śasana*. По его наблюдениям, в древнемонгольском языке *š* встречалось в основном лишь перед *i*, перед другими же гласными очень редко. И даже в заимствованных словах, где после *š* и не было *i*, монголы для передачи *š* стали писать *ši*. [см.: Владимирцов, с. 376]. Примеры он приводит так: стар. монг.-письм. *šitaran*, нов. монг.-письм. *šitara* (халх. *шатар*) < перс. *šatrang* (< санскр. *ṣaturaṅga*) 'шахматы'; монг.-письм. *šiker* < перс. *šakar* 'сахар'.

Владимирцов [с. 377] отметил также передачу монголами *s* в заимствованных словах как *š*: "Довольно часто чередование *s* и *š* наблюдается в словах заимствованных, причем можно отметить, что формы с *s* получили большее распространение".

Таким образом, все указывает на то, что **š* как будто бы не был характерен для монгольских языков. В современных языках он развился из **s* в позиции перед **i* или в некоторых случаях из **š* [см.: Владимирцов, с. 376].

Однако почти во всех современных монгольских языках, во всяком случае в халха-монгольском, бурятском и калмыцком, довольно заметная группа слов содержит в анлауте звук *ш*, причем усомниться в его исконности нет оснований, так как это междометия, образные и звукоподражательные слова. Дело в том, что смена даже одного звука, гласного или согласного, меняет смысл этих слов и иногда коренным образом, поэтому слова такого рода довольно устойчивы. Примеры:

бур. *шалд* — междометие, передающее всплеск, ср. калм. *шалд id.*;

бур. *шаад* — междометие, выражающее пронзительный крик;

бур. *шуу* — междометие, служащее для подзывания коз;

бур. *шуурд* — звукоподражание треску, ср. стп.-м. *šurdkikü*, *šord kikü* 'производить шум (о взлетевшей внезапно птице)';

бур. *шуг-шуг* — звукоподражание скулению щенка;

бур. *шан-шан* гэхэ 'издавать звонкий жалобный звук (напр. о щенке)', ср. стп.-м. *šang šang gekü* 'докучать, надоедать';

шоб-шоб гэхэ 'чмокать';

бур. *шар-шар* гэхэ, *шар-шур* гэхэ 'скрипеть, хрустеть', ср. х.-монг. *шар шар хийх*, *шар шур хийх*, калм. *шар шар гих*, *шар шир гих*, *шар шур гих*, стп.-м. *šar šar gekü id.*;

бур. *шал-шал* гэхэ, *шал-шул* гэхэ 'булькать (о воде); шлепать (по грязи)', ср. х.-монг. *шал шал гэх* 'шлепать (по грязи)', калм. *шал-шал гих*, стп.-м. *šal šal gekü* 'булькать; чавкать';

бур. *шарбага шорбого* гэхэ 'вильнуть (хвостом)';

бур. *шагтайха* 'быть низко подпоясанным';

бур. *шалбайха* 'быть выворочеными или выпяченными (о губах);

бур. *шобойхо* 'быть остроконечным', ср. х.-монг. *шовойх*, стп.-м. *šobuyiqu id.*;

бур. *шумбыхэ* 'быть конусообразным', ср. х.-монг. *шөмбийх id.*

Для тюркских языков тоже, видимо, не был характерен звук *š*, особенно в начале слова. По этому поводу М. Рясянен [с. 155] пишет: "Существование в древнетюркском языке начального *š*- спорно... *š*- встречается в заимствованиях и звукоподражаниях". В современных тюркских языках *š* в начале слов встречается гораздо чаще. В середине и конце слов *š* имелся и в древнетюркском языке, хотя и чередовался в некоторых тюркских памятниках с *s*: *baš//bas* 'голова', *barmiš//barmis* 'пошел', *beš//bes* 'пять' и т.п.

Если в древнем монгольском языке фонема *š* была почти неупотребительна, часто заменяясь и в заимствованных словах на *s*, то за период эволюции языка картина изменилась коренным образом. Как отмечает И.Д. Бураев [1959, с. 86]: "Фонема *ш* является одним из самых употребительных звуков бурятского языка. Встречается преимущественно в начальной позиции слога".

*п

В отличие от тюркских языков, в которых для их древнего состояния звук *p* не был характерен в начале слова, за исключением, пожалуй, единственной лексемы *пe* 'что', и то которую Рамстедт считал более поздним случаем ассимиляции (< *je — *p*) [см.: Рясянен, с. 176], а употреблялся лишь в середине и в конце слов, в истории монгольских языков *п более распространенный звук. Он был характерен как для анлаута, так и инлаута и ауслаута древнемонгольских слов.

В современном бурятском языке и его говорах это тоже весьма употребительный звук. По свидетельству И.Д. Бураева [1959, с. 82], "фонема *п* употребляется преимущественно в начале слога; в исходе слога внутри слова, встречается довольно ограниченно только перед переднеязычными согласными *т, д, с*, например: *мандаха* 'процветать, здравствовать', *мантагар* 'головастый', *сэнтэй* 'ценный', *монсогор* 'круглый'. В литературном бурятском языке *п* в исходе слова не встречается. В других диалектах, в частности в боханском, также в агинском подговоре хоринского диалекта фонема *п* употребляется в исходе слова в качестве показателя 3-го лица притя-

жательного склонения, которому в литературном языке соответствует мягкая фонема *н'* (*нь*)”.

Эволюция **п* в бурятском языке проходила неравномерно в начале, середине и конце слова и дала различные рефлексy. Поэтому целесообразно рассматривать ее в зависимости от положения **п* в слове.

В анлауте, в позиции перед любым гласным, кроме **i*, **п* в бурятском языке сохраняет свое качество, как и в других монгольских языках, например:

бур. *намар* — х.-монг. *намар*, калм. *намр*, даг. П *на̄м̄р*, орд., МА, MNT, стп.-м. *паниг* 'осень';

бур. *номо* — х.-монг. *нум* (*ан*), калм. *нумн*, орд. *пину*, даг. П *н̄ом̄*, МА, MNT, стп.-м. *пунин* 'лук (оружие)';

бур. *нэрэ* — х.-монг. *нэр* (*эн*), калм. *нерн*, орд. *пеге*, даг. П *н̄э̄р*, мог. *пегэ*, МА, MNT, стп.-м. *пеге* 'имя';

бур. *нураха* — х.-монг. *нурах*, калм. *нурх*, дунс. *нура-*, стп.-м. *пигади* 'обвалиться, обрушиться'.

Развитие начальных согласных, стоящих в положении перед **i*, в процессе эволюции привело к значительному изменению этих согласных, изменился и сам гласный **i*, дав другие рефлексy в результате так называемых "переломов". Г.Д. Санжеев [1953, с. 118] по этому поводу пишет: "На одном из начальных этапов борьбы между сингармонизмом звуков и агглютинацией фонемы **i* и *i* в ранних монгольских диалектах подверглись полной конвергенции, слившись в одну фонему *i* различного качества, а последняя затем начала подвергаться регрессивной ассимиляции, т.е. исчезать в начальном положении, превращаясь в другие гласные фонемы, но исчезать в большинстве случаев не бесследно, а отражаясь в виде палатализованного характера предшествующего ей гласного”.

Например, древнее *пачиг* дало через промежуточную ступень *пач̄иг* современное бурятское *нуур* 'озеро', которому соответствуют х.-монг. *нуур*, калм. *нур*, даг. П *на̄ӯр*, орд. *пич̄г*, монгол. *нур* id. Древнее же *пичиг* через *пич̄г* дало бурятское *нюур* 'лицо' (с палатализованным *н*), которому соответствуют х.-монг. *нуур*, калм. *нур*, монгол. *ниур*, мог. *пич̄г*, дунс. *ниу*, баон. *нор*, дарх. *нур* id.

Сравнительный материал показывает, что в современном бурятском языке, во всех его говорах, за исключением, пожалуй, лишь сартульского, в котором вообще отсутствуют палатализованные согласные в начале тех слогов [см.: Бураев 1965, с. 124], где в остальных бурятских говорах имеется палатализованный *н*, довольно широко представлена палатализация начального **п*. В бурятских говорах и в литературном языке довольно последовательно общемонгольский **п* перед **i* отражается в виде палатализованного *н*. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
<i>нюу-</i>	<i>нуу-</i>	<i>нуу-</i>	<i>пичу-</i>	<i>пич̄у-</i>	прятать
<i>нюрган</i>	<i>нуруу</i>	<i>нурһн</i>	<i>пичурун</i>	<i>пич̄рун</i>	спина
<i>нюдэн</i>	<i>нуд</i>	<i>нудн</i>	<i>пидүн</i>	<i>пид̄үн</i>	глаз
<i>нелбоһон</i>	<i>нулимс</i>	<i>нульмсн</i>	<i>пилбусун</i>	<i>пилбусун</i>	слезы
<i>нялха</i>	<i>нялх</i>	<i>нилх</i>	<i>пилқа</i>	<i>пилқа</i>	новорожденный
<i>нютаг</i>	<i>нутаг</i>	<i>нутг</i>	<i>питуу</i>	<i>питуу</i>	родина

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
<i>нюсэгэн</i>	<i>нуцгэн</i>	<i>нуцгн</i>	<i>ničügün</i>	<i>nüčügün</i>	голый
<i>нюдарга</i>	<i>нударга</i>	<i>нудрһ</i>	<i>nidurγa</i>	<i>nudurqa</i>	кулак
<i>нягта</i>	<i>нягт</i>	<i>нигт</i>	<i>niγta</i>		плотно
<i>нялуун</i>	<i>нялуун</i>	<i>нилуун</i>	<i>niluγun</i>		приторный
<i>недонон</i>	<i>ноднин</i>	<i>нидн</i>	<i>nidunun</i>	<i>nidoni</i> (MNT)	прошлый год

Как видно из примеров, в бурятском языке более последовательно отражена палатализация, чем в халха-монгольском, а в калмыцком имеются даже случаи сохранения *i*. Это все свидетельствует, что процесс перелома **i* и палатализация предшествующих согласных проходили в монгольских языках неравномерно и в каждом языке сами по себе.

Приведенный выше материал свидетельствует также, что в тех случаях, где в халхаском и калмыцком языках отсутствует палатализация при наличии перелома гласного **i*, этот перелом произошел еще в то время, когда на месте *i* в твердорядных словах был представлен еще задний **i* (типа *ы*). В таких случаях перелом **i* не затронул предшествующего согласного [см.: Санжеев 1953, с. 119]. В этом процессе халхаский и калмыцкий языки имеют много общего. Материал монгольского языка XIV в. по памятнику "Мукаддимат ал-Адаб" свидетельствует, что уже к тому времени ряд слов (типа *nudurqa* 'кулак', *nutuq* 'родина') уже претерпели перелом на стадии **i*. Бурятский же язык, видимо, испытал перелом гораздо позднее, когда **i* и **i* конвергировались в одном *i*. Хотя единичные примеры говорят, что и в бурятском языке был возможен перелом на стадии **i*, например: бур. *нарай* 'новорожденный' — х.-монг. *нярай*, калм. *нирә*, *нира*, орд. *niṙai id*, стп.-м. *niṙai id*. Но все же бурятский язык дает в основном палатализованные формы с переломом, хотя есть формы и без перелома, например: *низа*//*ниса* 'вдребезги', ср. х.-монг. *няц*, стп.-м. *niča id*.; *нилааха* 'размазывать', ср. х.-монг. *нялах*, стп.-м. *nila*, Ма *nila* 'штукатурить'.

Наличие палатализации у **n* позволяет с уверенностью предполагать в древнем монгольском языке праформы с **i* после **n*, хотя в письменном монгольском языке это *i* уже не писалось, например:

бур. *нюхаха* 'мять, растирать, разминать' < **niqu-*, хотя стп.-м. *niqu-*, ср. х.-монг. *нухах*, калм. *нухх id*.;

бур. *нюдэхэ* 'толочь в ступе' < **nidü-*, ср. стп.-м. *nüdü-*, х.-монг. *нудэх*, калм. *нудх*, дунс. *нуду-*, баоан. *нэдэ-* 'толочь, измельчать';

бур. *няаха* 'клеить' < **niγa-*, ср. стп.-м. *niγa-*, *niγa-*, х.-монг., калм. *наах*, MNT *ni'aṗu*, МА *ni'ā-*, *ni'ā-*, дунс. *ниа-*, монгор. *нā-*, дарх. *н'алдаха* 'приклеиваться'.

Бурятский язык, видимо, довольно долго сохранял **i*, не подвергшееся перелому, что явилось условием образования палатализованных согласных, при начавшемся впоследствии переломе. Перелом гласного **i* начался в бурятском языке, вероятно, позднее, чем в халхаском и даже калмыцком, так как бурятский язык в гораздо большем объеме, чем калмыцкий, сохраняет, особенно в твердорядных словах, гласный **i*, не подвергшийся перелому, например:

бур. *бишихан*, калм. *бичкн, бичхн* — х.-монг. *бяцхан*, стп.-м. *biçiqaŋ* 'маленький';

бур. *илгаха*, калм. *илхх* — х.-монг. *ялгах*, стп.-м. *iłγaχu* 'выбирать, различать, выделять';

бур. *хилар* — калм. *хальр*, х.-монг. *хялар*, стп.-м. *kilar* 'косой (о глазах)';

бур. *химда*, калм. *кимд* — х.-монг. *хямд*, стп.-м. *kimda* 'легкий; дешевый';

зап.-бур. *н'имаан* — лит.-бур. *ямаан*, калм. *яман*, х.-монг. *ямаа(н)*, стп.-м. *imaγaŋ* 'коза'.

В середине слова *п обычно сохраняет свое качество между мягкорядными и твердорядными гласными и превращается в палатализованный *н'* перед нейтральным *і*. Примеры:

бур. *энэ* — х.-монг. *энэ*, калм. *эн*, мог. *enā*. даг. П *ēn ~ ēnē*, монгор. *не*, орд., МА, MNT, стп.-м. *ene* 'это';

бур. *уна-* — х.-монг. *унаг*, калм. *ун-*, мог. *unō-*, монгор. *уна-*, даг. П *woŋā-*, орд., МА, MNT, стп.-м. *upa-* 'падать';

бур. *тэнюун* — х.-монг. *тэнүүн*, стп.-м. *tenigiün* 'спокойный';

бур. *энеэ-* — х.-монг. *инээ-*, калм. *инә-*, MNT *ine' e-*, МА *inē-*, стп.-м. *inije-* 'смеяться', даг. П *inēd* 'смех';

Таким образом, в результате палатализирующего влияния гласного *і* в бурятском языке развилось противопоставление твердого *н* и палатализованного *н'*, развившихся, как и в анлауте, из одного *п. Примеры:

ханааха (< qaŋaγaχu) 'удов- — *ханяаха* (< qaŋiyaχu) 'кашлять' летворять'

һоноор (< sonu-bar) 'оводом' — *һонёор* (< sonin-iyar) 'интересно'

хоноо (< qoŋuγa) 'ночевал' — *хонёо* (< qoŋi-baŋ) 'свою овцу'

В конце слога, в положении перед согласным, наблюдаются случаи чередования *н* с губным носовым *м*:

хамсы//*ханишы* 'рукав', ср. х.-монг. *ханцуй*, калм. *ханцин*, стп.-м. *qaŋɕu*, *qaŋɕui*, МА *qaŋɕu*, *qaŋɕun id.*;

умда//*унда* 'напиток; жажда', ср. х.-монг. *унд*, *ундаа*, калм. *унд*, *ундн*, *умд*, *умдн*, стп.-м. *unda id.*

О чередовании *п* и *т* еще в старописьменном монгольском языке и в средневековых монгольских диалектах, например: *unta*//*umta* 'спать', *unda*//*umda* 'напиток; жажда', *dunda*//*dumda* 'середина', *öndügen*//*ömdügen* 'яйцо', писал Владимирцов [с. 348]. В современных монгольских языках подобные чередования продолжают сохраняться.

В конце слова *п, как и в халха-монгольском языке, во всех бурятских говорах перешел в заднеязычный *ŋ*. При этом в халха-монгольском языке у имен существительных в именительном падеже этот *ŋ* (< *п) исчезает, в бурятском же сохраняется. У прилагательных и числительных *ŋ* сохраняется в обоих языках. В калмыцком языке *п везде в конце слов сохраняет свое качество. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
<i>хурдан</i> (χurɖʌŋ)	<i>хурдан</i> (χurɖʌŋ)	<i>хурдн</i> (χurɖʌn)	<i>qurɖun</i>	<i>qurɖun</i>	быстрый
<i>он</i>	<i>он</i>	<i>он</i>	<i>on</i>	<i>hon</i>	год

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
(эη)	(эη)	(эп)			
<i>шуһан</i>	<i>цус (ан)</i>	<i>цуси</i>	čisun	čisun	кровь
(šuhʌŋ)	(tʃu(sʌŋ))	(tʃusʌŋ)			
<i>табан</i>	<i>тав (ан)</i>	<i>тави</i>	tabun	tabun	пять
(tabʌŋ)	(tav(ʌŋ))	(tavʌŋ)			

При склонении же основ с этим конечным η он в ряде падежей исчезает, в некоторых же падежах выступает в виде исконого переднеязычно-го *п. Ср., например, парадигмы склонения в некоторых монгольских языках слова *модон* 'дерево':

	Бур.	Калм.	Х.-монг.	Стп.-м.
Им.п.	<i>модон (η)</i>	<i>модн (п)</i>	<i>мод</i>	modun
Род.п.	<i>модоной</i>	<i>модна</i>	<i>модны</i>	modun-u
Вин.п.	<i>модо, модые</i>	<i>мод, модыг</i>	<i>мод, модыг</i>	modu-yi
Дат.п.	<i>модондо</i>	<i>моднд</i>	<i>модонд</i>	modun-du (r)
Исх.п.	<i>модонһоо</i>	<i>моднас</i>	<i>модноос</i>	modun-ača
Оруд.п.	<i>модоор</i>	<i>модар</i>	<i>модоор</i>	modu-bar
Совм.п.	<i>модтой</i>	<i>модта</i>	<i>модтой</i>	modu-tai
Соед.п.	—	<i>моднла</i>	—	modun-luγa
Напр.п.	—	<i>моднур</i>	—	—

В бурятских говорах, помимо отмеченных выше модификаций *п в виде *н*, *н'* и *η* (орф. *н(г)*), наблюдаются также случаи перехода *п в начале и середине слова в среднеязычный щелевой *ј*. Это характерно для западных говоров. Так, например, исследователь говора качугских бурят А.Г. Митрошкина [1968, с. 52] пишет: "Начальному *й* качугского говора изредка в литературном языке соответствует звук *н*: качугское сочетание *йэптэ нэрхэ* (насквозь промокнуть) соответствует литературному *нэптэ нэрэхэ* с тем же значением". В словаре К.М. Черемисова [1973] обнаруживается ряд слов, в которых на месте звука *н* других бурятских говоров и монгольских языков появляется *й*. При этом все эти слова имеют помету *зап.*, что означает их западнобурятское происхождение. Примеры:

зап.-бур. *ебтэ* — лит.-бур. *нэбтэ* 'насквозь', ср. х.-монг. *нэвт*, калм. *непт*, стп.-м. *nebte* id.;

зап.-бур. *ебтээхэ* 'мочить, размачивать' — лит.-бур. *нэбтэрхэ* 'проходить насквозь, просачиваться, промокать насквозь', ср. х.-монг. *нэвтрэх*, калм. *нептрх*, стп.-м. *nebterekü* id.;

зап.-бур. *ебтэрхэй* — лит.-бур. *нэбтэрхэй* 'сквозной; впитывающийся, просачивающийся, промокший насквозь', ср. х.-монг. *нэвтрэхий*, калм. *нептркэ*, стп.-м. *nebterkei* id.;

зап.-бур. *хүйгэн* — лит.-бур. *хунгэн* 'легкий', ср. х.-монг. *хөнгөн*, калм. *шиигн*, *гөүгн*, стп.-м. *könggen* id.;

зап.-бур. *хүйгэрхэ* — лит.-бур. *хунгэрхэ* 'стать легким; подешеветь', ср. х.-монг. *хөнгрөх*, стп.-м. *könggerekü* 'стать легким'.

Подобный же переход *п в *ј* фиксируется Б.Х. Тодаевой [1960, с. 28] в хорчинском говоре восточного диалекта монгольского языка Внутрен-

ней Монголии: *ijэ* 'смеяться' в м. *inэ*, *хоj* 'овца' в м. *хонь*, *jinгэн* 'тоикий' в м. *нимгэн*.

Появление палатализованного *н'* перед историческим гласным **i* помимо бурятского языка отмечается в дагурском языке: *он'ч* 'нож' (стп.-м. *onibči*), *хон'* овца' (стп.-м. *qonin*) [см.: Тодаева 1960, с. 56].

Переход в процессе эволюции **n* в *j* наблюдается и в некоторых калмыцких словах, при этом *j* в процессе развития языка выпал [см.: Порре 1955, р. 165], например:

калм. *хō* (*н*), 'овца' < **xōjin* < **qōjin* < **qonin*;

калм. *сō* (*н*) 'ночь' < **šōji(n)* < **sōni* (*n*).

Переход смычного **n* в щелевой *j*, как можно видеть из примеров, происходит там, где **n* произносится в виде смягченного *n'*, или в положении **n* перед **i*, где он палатализуется, превращаясь в *n'*, приближающийся к среднеязычному *ɲ*, который в свою очередь легко может переходить в среднеязычный же *j*. Фонетическое различие *ɲ* и *j* заключается лишь в том, что *ɲ* смычный, а *j* щелевой, *ɲ* — носовой, а *j* — ртовый звуки. Поэтому, при ослаблении смычки (под действием тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов) *ɲ* закономерно дает носовой щелевой *j*, который при утрате назализации превращается в обычный ртовый щелевой *j*. Таковы на наш взгляд причины, обусловившие возможность перехода **n* в *j*.

Кроме того, имеются, правда немногочисленные, случаи перехода **n* в *л*. Этот переход осуществлялся, видимо, еще в древнемонгольское время, так как чередование *n/l* наблюдается не только внутри бурятских говоров, но и среди монгольских языков, например:

зап.-бур. *малгаар* — МА *manaγār*, MNT *manaqar*, ЛР *manaγār*, *manaqar*, калм. *мауһдур* 'завтра', ср. лит.-бур. *маргааша*, х.-монг. *маргааш*, *маргаадар*, орд. *margatu*, стп.-м. *marγaši id.*;

зап.-бур. *минаа*, МА *minā*, MNT, *mina'a*, даг. П. *минā* — калм. *маля*, х.-монг. *малиа*, орд. *milā*, стп.-м. *milaγa* 'бич, кнут';

бур. *мэлхэй*, х.-монг. *мэлхий*, калм. *меклэ* — МА *menekei*, SG *menegei*, стп.-м. *menekei*, *melekei* 'лягушка'.

*1

В современном бурятском языке "фонема *л* употребляется в любой позиции слова" [Бураев 1959, с. 90].

В начале слова она встречается преимущественно в звукоподражательных и образных словах и в словах, являющихся заимствованными из других языков. Но есть и собственнобурятские слова, представляющие собой различные части речи. Примеры:

бур. *лаг*, *лай* — х.-монг. *лаг*, *лай*, калм. *ла*, стп.-м. *lai*, *lay* 'ил';

бур. *лама* — х.-монг. *лам*, калм. *лам*, стп.-м. *blam-a* 'буддийский монах' (< тиб. *blama*);

бур. *лугшэхэ* — х.-монг. *лугших*, калм. *лугших*, стп.-м. *luγši-* 'биться (о сердце)';

бур. *лабхайха* 'иметь широкое основание' — калм. *лабдэх* 'быть широким', стп.-м. *labtai-* 'раскидываться, развалиться; потягиваться';

бур. *ла*, *лэ* — х.-монг., калм. *л*, стп.-м. *ele* частица утверждения, усиления.

Гораздо чаще встречается *л* в середине и в конце бурятских слов. Вообще, обшемонгольская фонема **l* сохранилась в бурятском языке довольно хорошо во всех позициях. Примеры:

бур. *алха-* — х.-монг. *алха-*, калм. *алх-*, МА, стп.-м. *alqu-* 'шагать', орд. *alxum* 'шаг';

бур. *малта-* — х.-монг., калм. *малт-*, орд. *malta-*, даг. П *малтā*, MNT, стп.-м. *malta-* 'копать';

бур. *хулхэн* — х.-монг. *хөлс(өн)*, калм. *көлсн*, орд. *kölösш*, МА, стп.-м. *kölesün, kölüsün* 'пот';

бур. *ала-* — х.-монг., калм. *ал-*, даг. П *ал-* ~ *алā-*, монгор. *ала-*, орд., МА, стп.-м. *ala-* 'убивать';

бур. *гал* — х.-монг. *гал*, калм. *һал*, орд. *gal*, мог. *γōl*, монгор. *гал*, даг. П *гал'ї*, МА, стп.-м. *γal* 'огонь';

бур. *хул* — х.-монг. *хөл*, калм. *көл*, орд. *köl*, даг. П *күл* ~ *күл'ї*, монгор. *көл*, мог., МА, стп.-м. *köl* 'нога'.

По аналогии с разобранным выше **п* фонема **l* в бурятском языке под влиянием последующего гласного **i* получила палатализацию, в результате чего из одной фонемы **l* в бурятском языке развились две фонемы — *л* и *л'*, различающие слова, например:

аля (< *aliya*) 'шаловливый' — *алаа* (< *alaya*) 'убил'
болёо (< *boliya*) 'перестал' — *болоо* (< *boluya*) 'сделался'

Фонема **l* получила в бурятском языке также палатализацию в позиции перед **g*, стоящим перед **i*, например:

лит.-бур. *залгиха* (*zal'd'ixλ*), зап.-бур. *зальйаха* (*zal'jλxλ*) — х.-монг. *залгих* (*dzal'gix*), калм. *зальгх* (*zal'gxλ*), ср. стп.-м. *jalgiqu* 'глотать';

лит.-бур. *булгиха* (*bul'd'ixλ*), зап.-бур. *бульйаха* (*bul'jλxλ*) 'литься через край; сильно биться (о сердце)', калм. *бульгх* (*bul'glxλ*) 'бить ключом (о воде); трепетать (о сердце)', стп.-м. *bulgiqu* 'брыкаться, лягаться; сбрасывать'.

Палатализуется в произношении в бурятском языке **l* также передшипящими *ш* и *ж* (развившимися из **š* и **ʃ*, которые исторически тоже были связаны соседством с гласным **i*). например:

бур. *булшан* (*bul'šλŋ*) — х.-монг. *булчин* (*bul'ciŋ*), калм. *бульчн* (*bul'ciŋ*), стп.-м. *bulčing* 'икра (ноги)';

бур. *булжамар* (*bul'ʒλmλr*) — х.-монг. *болжмор* (*bol'dʒmλr*), стп.-м. *boljimur* 'жаворонок'.

Как можно было видеть из приведенных выше двух групп примеров, палатализация согласных перед историческим **i* глубоко затронула и калмыцкий язык, что нашло отражение и в орфографии — постановка мягкого знака.

Палатализуется **l* в бурятском языке также и перед историческим сочетанием **ki*, например: *талхиха* (*tal'χixλ* ~ *tal't'ixλ*), ср. стп.-м. *talkiqu* 'мять кожу специальной кожейалкой'.

В ряде слов в процессе развития языка произошло отпадение сонанта **l*. О том, что он первоначально был представлен в этих словах, свидетельствуют сравнительные данные из других монгольских языков, например:

бур. *таби-*, х.-монг. *тавь-*, калм. *тэв-*, дунс. *tai-*, монгор. *тэ-*, орд. *tawi-* — стп.-м. МА, MNT, ЛР *talbi-*, даг. П *тал'ї* - (наряду с *таб'ї*, *taw'ї*), калм. *тавь-* (наряду с *тэв-*) 'класть, ставить';

бур. *haxjuhan* — х.-монг. *сахуус(ан)*, калм. *сәкусн*, стп.-м. *sakiγusun* (наряду с *sakiγūsun*) 'талисман, амулет, охранитель';

бур. *дэби*, х.-монг. *дэвэ*, калм. *дев*, стп.-м. *debi* — 'опахивать, обмахивать' — МА *kei delbükü yama* 'веер', где *delbükü* имеет значение 'опахивать, обмахивать'; даг. П *дэлбур* 'веер';

бур. *мойһон* (наряду с *мойл*) — х.-монг. *моил*, калм. *мөвал*, стп.-м., MNT *moγilsun*, даг. П *мойһ* 'черемуха';

бур.-зап. *айһан* — лит.-бур. *айлһан*, х.-монг. *айлч*, калм. *ээлчн*, стп.-м. *ayilčün* 'гость' (< обшемонг. *ayil* 'дом, двор, семья').

Кроме того, в бурятском языке наблюдается в ряде случаев сохранение этого *l, выпавшего в других современных монгольских языках, например:

бур. *мульһэн* — х.-монг. *мөс(өн)*, калм. *мөсн*, орд. *mosш*, даг. П *мөйс* 'лед' (ср. МА, ЛР, SG *mölsün*, MNT *molsun*, стп.-м. *mösun*//*mölsun*, монгор. *молсе*, *мордзе*, дунс. *мэнсун id.*);

бур. *һульһэн* — х.-монг. *сөс(өн)*, *цөс(өн)*, калм. *цөсн* 'желчь' (ср. МА, SG *sölsün*, стп.-м. *čösün*, *sölsün id.*);

бур. *саарһан* — х.-монг. *цаас(ан)*, калм. *цаасн*, даг. П *чās*, орд. *tsäsu* 'бумага' (ср. монгор. *чāлдэв*, МА *čālsun*, MNT, SG *ča'alsun*, стп.-м. *čaγasun*//*čaγalsun*//*čaγarsun*; Владимирцов [с. 364] указывает на разговорную халхаскую форму *цāрс* 'бумага').

Учитывая закономерность выпадения *l перед согласными, можно предположить, например, что бур. *үсэгэлдэр* и калм. *вүклдр*, *вүклдур* 'вчера' восходят к некоей форме с *l — *očügeldür. В то же время в современных и средневековых монгольских языках для этого слова не отмечено форм с *l, ср. например, х.-монг. *өчигдөр*, *өцөгдөр*, монгор. *чигудур*, МА *öčüge ödür*, ИМ *ečigen*, ЛР *hečegen* 'вчера'. хотя в письменном монгольском языке представлены обе формы: *öčigen*, *öčügedür*, *ečügedür*, *öčügeldür*, *öčigeldür id.*

Отмеченная в баоаньском языке словоформа *джлгасоң* ~ *джласон* 'рыба' [см.: Тодаева 1964, с. 139] также позволяет предположить, что и в этом слове, известном во всех остальных монгольских языках без *l (ср. х.-монг. *загас*, калм. *зәһсн*, орд. *džagus*, даг. П *ц'агус*, дунс. *джагасун*, монгор. *джагасе*, стп.-м., МА *jīγasun*, ЛР *jīqasun id.*), этот *l, возможно, и был когда-то представлен. Таким образом, праформа для этого слова может быть восстановлена в виде *jilyasun (корень *jil- + аффиксы -γа + -sun). При сопоставлении данной праформы с материалом из тюркских языков найдем тюркскую параллель в лице общетюркского глагола *jil-//jul-* 'ползти, извиваясь (подобно змее)'. От этого глагола в тюркских языках образованы слова *jilan*//*julan* (ср. тат. *елан*, башк. *ылан*, тур. *ulan*, тоф. *чулан*, кирг. *жылан*) 'змея' и *julγun* (ср. узб. *юлгун*, кирг. *жулгун*) 'тамариск, вьющееся растение'. Это позволяет предположить очень древний характер данной тюрко-монгольской параллели, подвергшейся в монгольских языках весьма давней деформации.

Необходимо отметить также переход звука *l в н в словообразовательном деноминативном глагольном аффиксе -la- в позиции после носовых согласных. Так, например, *samla-* 'причесывается' (< *sam* 'гребенка' + -la-) дало в бурятском языке *һамна-id.*; *emle-* 'лечить' (< *em* 'лекарство' +

-ле-) дало эмнэ- id.; аᠩла- 'охотиться' (< аᠩ 'дичь' + -ла-) – агна- id. (< *ангна- < *англа- < аᠩла-).

Кроме того, в западных бурятских говорах, например баргузинском [см.: Раднаев 1965, с. 85], эхирит-булагатском [см.: Матхеев 1968, с. 6], качугском [см.: Митрошкина 1968, с. 53], в суффиксе -γүл происходит замена плавного *l на дрожащий г, например: барг., эхир.-булаг. *бар'уур* 'ручка, прихватка' – лит.-бур., вост.-бур. *барюул* (стп.-м. *bariγul*) id.; барг., эхир.-булаг. *аршуур* 'тряпка' – лит.-бур., вост.-бур. *аршуул* id. (стп.-м. *aršūγul* < *aršū-* 'чистить'); барг., эхир.-булаг. *хэруур* 'ссора' – лит.-бур., вост.-бур. *хэруул* id. (стп.-м. *kegegül*); качуг. *үруур* 'мочалка' – лит.-убр. *үруул* id.; качуг. *үрээр* 'благопожелание' – лит.-бур., вост.-бур. *юрөөл* id. (стп.-м. *iγügel*); качуг. *харуур* 'зеркало'; рубаиок' – лит.-бур., вост.-бур. *харуул* 'рубаиок' (стп.-м. *qaraγul*).

Вызывает интерес чередование *l, получившего перед i палатализацию, со среднеязычным j в словах *һандай* 'скамья, лавка'//*һандали* 'сиденье, скамейка'. Оба восходят к прототипу *sandali* с тем же значением, ср. х.-монг. *сандал*, калм. *сандл* 'стул, скамья, сиденье', ИМ, SG *sandali* 'стул'. Употребление j вместо палатализованного l отмечается как характерная черта в речи хошутов ойратского диалекта в КНР, у которых вместо *mal'ā* 'плеть' говорят *majā*, вм. *дол'* – *дој* 'сменяй', вм. *дол'гән* – *дојгән* 'волна', вм. *тол'* – *тој* 'зеркало', вм. *үл'* – *үј* 'плакать' и т.п. [см.: Тодаева 1960, с. 28]. Аналогичное явление наблюдалось нами в речи сарт-калмыков с. Бюрю-Баш возле г. Пржевальска Киргизской ССР, которые произносили *təj* 'зеркало; окно' вместо *təl'*; *majā* 'плеть' вместо *mal'ā*; *uj* 'плачь' вместо *ül'*.

Переход палатализованного (среднеязычного?) l' в j произошел и в венгерском языке в котором буквосочетание *ly* (исторически l' ~ λ) читается сейчас как j (йот) [см.: Деак, с. 46].

Таким образом, переход l' в j можно объяснить собственнофоиегическими причинами. Палатализованный l', особенно в положении перед i, очень близок к среднеязычному λ по своей артикуляции. Йот (j), как и λ, является щелевым среднеязычным звуком, только λ в отличие от j – боковой щелевой звук. При изменении места щели из среднеязычного бокового λ получается среднеязычный же срединный j.

*г

По данным И.Д. Бураева [1959, с. 92], "фонема *p* в бурятском языке употребляется в начале непервого слога или в конце слога внутри слова перед звонкими согласными в сонантных (звонких) оттенках, в исходе слога внутри слова, перед глухими согласными – в глухом оттенке, а в исходе слова – факультативно в полувзвонком оттенке. В собственно бурятских словах *p* в начале слова не встречается". Не был известен *г ванлаутной позиции и в монгольском праязыке [см.: Рорре 1955, с. 160]. В тюркском праязыке звук г в начале слова тоже не встречался [см.: Ряснянен, с. 183]. В этих языках начальный г при заимствовании иноязычных слов получал как правило протетический гласный, например: бур. *аршаан* – х.-монг. *аршаан*, калм. *аршан*, даг. П *аршаң*, орд. *agağşān*, стп.-м. *gašūan* 'источник с минеральной водой' (< санскр. *gasāyana* 'нектар').

Об этом же говорит и Б.Я. Владимирцов [с. 366]: "В монг.-письм. и в халхаском г ~ р никогда не бывает в начале слова; в монгольской письменности встречаются слова, начинающиеся с г, но слова эти являются лишь транскрипцией форм иноязычных напр. gilbu < тиб. . . . gil-bu 'пилюля' |халх. *ýpy*! id. Как в монг.-письм., так и в халхаском, а также и в других монгольских наречиях в заимствованных словах, начинающихся с г ~ р, в начале появляется гласный, одинаковый с гласным, следующим за г ~ р; если за начальным г ~ р следуют узкие гласные, *i ~ i*, *u ~ u*, то в качестве эпентезического гласного является гласный средний, *e ~ e* или *o ~ o*; в монг.-письм., впрочем, можно встретить и другие эпентезические начальные гласные под влиянием иноязычной среды, из которой произошло заимствование. Примеры:

Стар. монг.-письм. *irad-barans ~ iridubarans* < француз. *roi de France*; стар. монг.-письм. *irinčen* < тиб. ... *rin-čhen* 'драгоценность, Ринчен — собств. имя'; монг.-письм. *erengge ~ rengge* < тиб. *трең-ңа* < тиб. ... *hphren-ba* 'четки'; монг.-письм. *orus*, Халх. *ордс* «Русь, русский»; Халх.-Зап. *ардл-лпрі* 'обоюдоострый нож, род кинжала' < тиб. ... *gal-gri* 'меч, сабля, кинурл'; монг.-письм. *ügüs sara* 'весенний месяц, месяц обновления природы' < перс. *gūz* 'день', ср. перс. *naugūz* 'новый год, совпадающий с весенним равноденствием'".

В середине и в конце слова согласный *г, как и в остальных монгольских языках, хорошо сохраняется во всех бурятских говорах, например:

бур. *наран* — х.-монг. *нар(ан)*, калм. *нарн*, даг.П *нар*, орд. *nara*, монгол. *нара*, мог., МА, МНТ, стп.-м. *naṗan* 'солнце';

бур. *намар* — х.-монг. *намар*, калм. *намр*, даг.П *намдр*, орд., МА, МНТ, стп.-м. *namur* 'осеиь';

бур. *арбай* — х.-монг. *арвай*, калм. *арва*, орд. *arwā*, МА, стп.-м. *arbai* 'ячмень';

бур. *эртэ* — х.-монг. *эрт*, калм. *эрт*, орд. *erte*, даг.П *эртэ*, МА, МНТ, стп.-м. *erte* 'рано; ранний';

бур. *гар* — х.-монг. *гар*, калм. *һар*, даг.П *гарҕ*, монгол. *gar*, орд. *gar*, МА, МНТ, стп.-м. *ṗar* 'рука'.

Под влиянием *i консонант *г получил в бурятском языке палатализацию. Некоторые слова стали различаться только палатализацией г, например: *бараа* (*bara:*) 'товар, имущество' (стп.-м. *baraṗa*), а также *бараа* 'исчерпал' (< *бара-* 'исчерпать', ср. стп.-м. *baraṗa* < *bara-*) и *барья* (*bar'a:*) 'схватил' (< *бари-* 'схватить', ср. стп.-м. *bariṗa* < *bari-*); арбан (*arbʌŋ*) 'десять' (стп.-м. *arban*) и *арьбан* (*arʌbʌŋ*) 'жировой слой на животе лошади' (стп.-м. *arbin*).

Палатализованный *р'* (*р'*) "встречается в начале непервых слогов или в исходе слога внутри слова перед звонким согласным, в отличие от твердой пары — только в звонких оттенках" [Бураев 1959, с. 93]. Под влиянием *i палатализованный *р* как фонема появился и в других современных монгольских языках, например в халха-монгольском: *хар* 'черный' (*хаг*) (стп.-м. *qaga*) и *харь* (*хаг'*) 'вернись' (стп.-м. *qagi*); *бар* 'тигр', *бар* (*баг*) 'исчерпайся' (стп.-м. *bag*) и *барь* (*баг'*) 'держи' (стп.-м. *bagi*) и т.п.

Появление в единичных случаях согласного г в анлауте в бурятском, халха-монгольском, ордосском языках можно объяснить редукцией начального гласного, за которым следовал этот г. Тем более, что этот г поя-

вился в начале послелого (служебного слова): бур. *руу*, х.-монг. *руу*, *луу* (после основ с ауслатным *р*), орд. *гү ~ лү* 'вниз, по, к', который, по всей видимости, произошел от наречия, ср. бур. *уруу*, х.-монг. *уруу*, калм. *уру*, *уру*, монгор. *фуру*, МА *hugū*, MNT *huru'u*, стп.-м. *уручу* 'вниз, книзу'.

В некоторых словах в бурятском языке можно заметить выпадение исконного **г*, особенно в положении перед согласными *с*, *т*, например: бур. *ута*, калм. *ут* — х.-монг. *урт*, орд. *urtu*, монг. *urtu*, даг. *Порт ~ ортд*, МА, MNT, стп.-м. *urtu* 'длинный';

бур. *өөһэд*, MNT *о'есут* — х.-монг. *өөрсэд*, стп.-м. *obersed*, *obersud* 'сами', но в то же время бур. *өөрөө* 'сам', *өөр* 'себя', стп.-м. *ober*, MNT *о'ег* 'сам'; зап.-бур. *өөһэн* 'сам' — стп.-м. *obersün*, *obesun*, MNT *о'ег*, *о'есун id*.

СРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

**ж*

Древний общемонгольский консонант **ж* в бурятском языке в основном хорошо сохраняется в начале слова и между гласными, например:

бур. *яһан* (*jaɦʌŋ*) — х.-монг. *яс(ан)*, калм. *ясн*, орд. *jasu*, даг. *П jas* монгор. *јасе*, монг. *јосун*, дунс. *јасуң*, боан. *јасоң*, МА, MNT, стп.-м. *yasun* 'кость';

бур. *яба* (*jabʌ*) — х.-монг. *яв*, калм. *иов*, орд. *jawu*, даг. *П јав*, монгор. *јү*, дунс. *јаву*, боан. *јү*, монг. *јову*, МА, MNT, стп.-м. *yabu* 'идти';

бур. *аяга* (*ajʌqʌ*) — х.-монг. *аяга*, калм. *ааһ*, орд. *зјага*, монгор. *јага*, дунс., боан. *јига*, даг. *П ајгга*, MNT *ауаһа*, МА, стп.-м. *ауаһа* 'чашка';

бур. *наян* (*naјʌŋ*) — х.-монг. *ная*, калм. *найн*, орд. *паја*, даг. *П нај(һ)*, монгор. *најан*, МА, MNT, стп.-м. *науан* 'восемьдесят';

бур. *уя* (*ujʌ*) — х.-монг. *уя*, калм. *уй*, орд. *ија*, монгор. *фуја*, МА, MNT *һуа*, стп.-м. *уа* 'привязывать'.

В конце слога в положении перед согласным в середине слова или в абсолютном конце слова **ж* в бурятском языке ослабился, образовав с предыдущим гласным дифтонг, который в западных бурятских говорах, как и в калмыцком языке, имеет тенденцию переходить в долгий монофтонг, о чем выше уже подробно говорилось. Пример: бур. *ои* (вост.-бур. *эе ~ зап.-бур. әе*) — х.-монг. *ой*, калм. *өө*, орд. *од*, монгор. *фө*, MNT *һоі*, стп.-м. *оі* 'лес'.

Кроме того, сочетание **Vji* тоже дает дифтонг, превращающийся в западных бурятских говорах в долгий монофтонг, как и в калмыцком языке, о чем выше тоже подробно было сказано. Примеры: зап.-бур. *хөөно* (*хөө.пэ*), калм. *хөөн* — лит.-бур., вост.-бур., х.-монг. *хойно*, стп.-м. *qouina* 'позади';

зап.-бур. *аэха* (*ә:хʌ*), калм. *ээх* — лит.-бур., вост.-бур., *айха*, х.-монг. *айх*, стп.-м. *ауиқу* 'бояться';

зап.-бур. *баэха* (*bә:хʌ*), калм. *бәэх* — лит.-бур., вост.-бур. *байха*, х.-монг. *байх*, стп.-м. *бауиқу* 'быть, находиться'; бур. *тиимэ* (*t'i:mэ*), калм. *тиим* — х.-монг. *тиим*, стп.-м. *teyimü* 'такой'.

Спецификой нижеудинского говора бурятского языка является отражение анлаутного **ж* в виде палатализованного *д'* (варьирующего по нашим наблюдениям в произношении нижеудинских бурят со среднеязычным

смычным ʃ), на что впервые обратил внимание Г.Д. Санжеев [1930, с. 3]: "В некоторых случаях d' в этом (нижнеудинском. — В.Р.) говоре является заместителем палатально-альвеолярного ʃ и слабого спиранта j , чего не наблюдалось ни в одном из монгольских говоров". На эту же особенность нижнеудинского говора указывает и А.А. Дарбеева [1978, с. 63]: "Не менее характерным для НУД (нижнеудинского диалекта. — В.Р.) является употребление d' в анлауте тех слов, которые в старописьменном монгольском языке писались с yod , например:

Ст.-письм. монг.	НУД	ЛБ, ВБ, ЗБ	
yeke	$\text{d}'\text{икэ}$	ехэ	'большой'
yambar	$\text{d}'\text{амар}$	ямар	'какой'
yaγuma	$\text{d}'\text{ума}$	юума	'вещь'
yisün	$\text{d}'\text{иһең}$	юһэн	'девять'".

При этом Дарбеева [1978, с. 63] предполагает, что слова нижнеудинского говора с d' сохранили более древнюю форму звучания общемонгольских слов, поскольку, как отмечал Б.Я. Владимирцов [с. 397], древние *j и *y были очень близкими друг другу, а *j развился из *d и иногда даже с ним чередуется ($\text{*j} \sim \text{*d}$).

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

*к

Древний общемонгольский *k почти во всех случаях в бурятских говорах под влиянием тенденции ослабления смычки перешел в проточный заднеязычный x , например: $\text{xэрэг} < \text{kegeg}$ 'дело', $\text{xээр} < \text{keger}$ 'степь', $\text{архи} < \text{agaki}$ 'водка', $\text{ехэ} < \text{yeke}$ 'большой'.

Сохранение смычного характера *k наблюдается в языке ононских хамниган и в нижнеудинском говоре, в которых k имеет статус фонемы. Так, исследователь языка ононских хамниган Д.Г. Дамдинов [см.: 1968, с. 81] отмечает наличие в этом говоре смычного заднеязычного k , который употребляется лишь в мягкорядных словах. В твердорядных словах k встречается только перед гласным i . Он утверждает также [с. 83], что "употребление звука k в языке письменных памятников XIII–XIV вв., в частности в "Сокровенном сказании", совпадает с нынешним употреблением его в языке ононских хамниган. Сравним:

"Сокр. сказ."	Онон. хам.	Бур.	Монг.	Значение
idekü	идэку	эдиэхэ	идэх	кушать
bukü	букү//букэ	бухэ	бат бөх	крепкий
kodelji	//бөкө			
kobügen	көдөлжди	хүдэлжэ	хөдлөж	двинувшись
	кубуун	хубуун	хуу	сын
ičikü	ичику	эшэхэ	ичих	стыдиться
	//ичикэ			
čikin	чики//чикэ	шэхэн	чих	слух, ухо".

Относительно нижеудинского говора проф. Г.Д. Санжеев [1930, с. 2] пишет: "Исторический *к в бурНу отражается так же, как и в ойратских диалектах: *кензё* — зелень *кõиуң* — дитя, *ескё* — уставать, ... *кёрё* — поле, *кõдõ* — степь, *кõкё* — дитя".

А.А. Дарбеева [1978, с. 48] тоже свидетельствует, что фонема *к* в нижеудинском говоре восходит к историческому *к и "встречается в любой позиции мягкорядного слова, например: *куёке* 'шуметь', *кунди* 'одеяло', *кулдиргёне* 'черная смородина'".

Наши полевые записи нижеудинского говора тоже регулярно дают заднеязычный смычный *к* на месте проточного *х* других говоров и литературного языка, например:

Бур. Ну	Лит.-бур.	Значение
<i>юуш кэнзубоб</i>	<i>юуше хэнзүйб</i>	ничего не делаю
<i>мэкэлкэ</i>	<i>мэхэлхэ</i>	обманывать
<i>кундэ</i>	<i>хундэ</i>	тяжелый
<i>күрээ</i>	<i>хүрээ</i> (зап.)	изгородь
<i>кэбтэнэ</i>	<i>хэбтэнэ</i>	лежит
<i>күдмэри</i>	<i>хүдэлмэри</i>	работа, труд
<i>куургэ</i>	<i>хуургэ</i>	мост

Однако утверждение, что *к* имеется только в указанных говорах, было бы не вполне точным, т.к. исследователи других бурятских говоров тоже отмечают в некоторых из них звук *к* на месте *х*. Так, Д.А. Абашеев [с. 9], изучавший тункинский говор, пишет: "Звук *к* — заднеязычный сильный смычный. Встречается только в середине слова перед согласными и в конце слова как глухой вариант фонемы *г*. В сочетании с гласными твердого ряда звучит как глубоко заднеязычный, например: *гаракка*, лит. *гаргаха* (заставить выходить); *торокко*, лит. *торгохо* (добыть зверя). В сочетании с гласными мягкого ряда *к* продвинуто вперед. Например: *дуурэккэ*, лит. *дуургэхэ* (выполнить, наполнить); *мэдэккэ*, лит. *мэдэхэй* (не знает)". Как можно видеть из приведенных в этой цитате примеров, произнесение *к* вместо *х* в тункинском говоре обусловлено комбинаторной позицией: в результате сильной редукции либо метатезы согласный *х* оказывается в непосредственном соседстве и контакте с согласным *г*, произносимом в этих условиях глухо. В результате ассимиляции *х* тоже превращается в смычный глухой звук, т.е. в *к*. Можно предположить, что развитие *х* в *к* при этих условиях проходило, так: *мэдэхэй* → *мэдэхгэй* → *мэдэхкэй* → *мэдэккэ* 'не знает'; *дуургэхэ* → *дуурэгхэ* → *дуурэхэ* → *дуурэккэ* 'выполнить, наполнить'.

По данным Н.Н. Поппе [1930а, с. 9], в аларском говоре тоже представлен звук *к*, но только не как самостоятельная фонема, а как позиционный производительный вариант фонем *г* или *х*, например: *ук'к'ё* ~ *ух'ех'ё* 'умирать', *мөр'ек'к'ё* ~ *мөрг'ех'ё* 'кланяться', *н'ём'ек'к'ёң* ~ *н'ём'г'ех'ёң* 'тоненький'. Как видно, условия появления здесь *к* на месте *х* те же, что и в тункинском говоре.

Также обусловлено позицией, на наш взгляд, появление в некоторых случаях *к* на месте *х* и в цонгольском говоре [см.: Будаев 1965, с. 157], например, цонг. *тэбкэр* — лит.-бур. *тэбхэр*, х.-монг. *тэвхэр* стп.-м. *tebker*

'квадратный'; цонг. *мушкэхэ* — лит.-бур. *мушхэхэ*, х.-монг. *мөшгах* 'обшивать оторочкой', цонг. *мушкөөр* — лит.-бур. *мушхөөхэн*, х.-монг. *мөшгөөр* 'оторочка'. Как предполагает С.Б. Будаев [1965, с. 157], это к в цонгольском говоре является отголоском раинего общемонгольского к.

Относительно звука *к* в сартульском говоре И.Д. Бураев [1965, с. 116] пишет следующее: "Описывая звуки сартульского говора, следует особо остановиться на звуке *к*, потому что он может стать самостоятельной фонемой скорее всего в данном говоре. Встречается ряд слов, где *х* и *г*, встречающиеся в начале слога в середине слова, произносятся сильно, как звук *к*, например, *дэбэскэр//дэбэсхэр* (матрац, подстилка), *эшкы//эшгы* (войлок) и др. И это, в свою очередь, обуславливает более частое, чем в литературном бурятском языке, произношение *к* в заимствованных из русского языка словах". Однако, весь приведенный им в этой статье материал по сартульскому говору показывает, что *к* на месте *х* или *г* встречается довольно редко, да и то как их произносительные варианты, обусловленные позицией. В основном же в сартульском говоре, как и в литературном языке и в восточных говорах хоринского типа, везде употребляется проточный *х*: *хүдзуу* 'шея', *хүршэ* 'сосед', *хүчэ* 'сила', *хишхэ* 'делать', *хуухэн* 'девочка', *хүмэдхэ* 'брови' и т.п. Таким образом, не вполне правомерно утверждение, что *к* стремится в сартульском говоре стать фонемой, так как это всего лишь спорадически встречающийся комбинаторно позиционный вариант фонемы *х*.

С полным правом утверждать, что *к* является фонемой, сохранившейся от древнего состояния монгольских языков, можно лишь для нижнеудинского и ононско-хамниганского говоров. Для наглядности сравним ряд слов из этих говоров с литературным бурятским языком и некоторыми другими монгольскими языками, в том числе со старописьменным монгольским и языком словаря "Мукаддимат ал-Адаб" [см.: Поппе 1938], являющимся типичным образцом монгольской речи XIV в., например:

Бур НУ	Хам- ниг.	Лит.- бур.	Х.- монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
<i>көкө</i>	<i>көкү// күкэ</i>	<i>хүхэ</i>	<i>хөх</i>	<i>көк</i>	<i>көке</i>	<i>көке</i>	сиий,
<i>күн</i>	<i>кун</i>	<i>хун</i>	<i>хун</i>	<i>кун// кумн</i>	<i>kümün</i>	<i>kümün, küün</i>	человек
<i>көвүн</i>	<i>күбүүн</i>	<i>хүбүүн</i>	<i>хуу</i>	<i>көвун</i>	<i>köbe- gün</i>	<i>küün</i>	сын
<i>дүкэ</i>	<i>икэ</i>	<i>ехэ</i>	<i>их</i>	<i>ик</i>	<i>yeke</i>	<i>yeke</i>	большой
<i>күзүн</i>		<i>хүзүүн</i>	<i>хүзүүн</i>	<i>кузун</i>	<i>küjü- gün</i>	<i>küjün</i>	шея
<i>үкөр</i>		<i>үхэр</i>	<i>үхэр</i>	<i>укр</i>	<i>üker</i>	<i>üker</i>	корова
<i>εкэ</i>	<i>экэ</i>	<i>эхэ</i>	<i>эх</i>	<i>эк</i>	<i>eke</i>	<i>eke</i>	мать

Как видно из примеров, иижнеудинский и хамниганский говоры в отношении сохранения древнего *к полностью совпадают с калмыцким языком, тоже удержавшим заднеязычный *к* во всех позициях в словах мягкого ряда. Из других современных монгольских языков *к* сохранился как самостоятельная фонема также в дагурском, могольском, монгорс-

ком, ордосском [см.: Порре 1955, с. 139], в языке желтых уйгуров [см.: Тенишев—Тодаева, с. 49], баоанском [см.: Тодаева 1964, с. 9], дунсянском [см.: Тодаева 1961, с. 10] языках, например:

стп.-м. *kūmun*, MNT *gu'ün*, МА *kumün*, *kün*, *kü'ün*, даг.П *кү*, монгор. *кун*, орд. *кшп*, калм. *кун*, *кумн*, ш.-юг. *кун*, баоан. *кун*, дунсян. *кун* 'человек';

стп.-м., МА *kelen*, даг.П *кел'ї*, монгор. *кїліе*, орд. *ке*, калм. *келн*, дунс. *кїлїэн* 'язык';

стп.-м., МА *ken*, даг.П *кєң*, монгор. *кен*, орд. *кен*, калм. *кең*, баоан. *каң*, дунсян. *кїэн*, ш.-юг. *кен* 'кто'.

Совершенно иначе ведет себя в бурятских говорах исторический *к, стоявший перед *і. Как известно, гласный *і в процессе исторического развития всех монгольских языков оказал довольно заметное влияние на становление современных систем их консонантизма и вокализма, о чем будет сказано подробнее ниже. Здесь же хотелось показать лишь в общих чертах развитие исторического комплекса *ki, о котором совершенно верно пишет Л.Д. Шагдаров [1969, с. 23]: "Исторический *к в положении перед гласным *і отражается в восточных и южных говорах в виде *х'*, в хамниганском — *к'*, *х'*, в западных — *с'*, *т'*, *х'*, *ш'*: вост. *тамх'аң*, южн. *тамх'а*, хамн. *тамйки* ~ *тамйх'а*, зап. *тамс'аң* ~ *тамш'аң* ~ *тамт'аң* (табак). В восточных и южных говорах в непервых слогах *х'* имеет тенденцию перехода в *т'*: лит. *тул'х'эхэ* — вост. *тул'т'эхэ* (толкать), лит. *һал'х'аң* — вост. *һал'т'аң* (ветер)".

Таким образом, модификация *к под палатализирующим влиянием *і тоже имеет, как и само развитие *к либо в щелевой *х*, либо в смычный *к*, двоякий характер, а именно: в одних говорах *к* в этой позиции перешел в смычный палатализованный *т'*, в других — в щелевые палатализованные *с'*, *х'*, *ш'*. При конкретизации этих говоров выясняется, что палатализованный смычный *т'* закономерно появляется там, где сохраняется смычный характер исконного *к, т.е. в нижеудинском и хамниганском говорах, хотя хамниганский говор подчас и сохраняет комплекс *ki без изменений, переводя его иногда под влиянием бурятского языка в *хи*. Например, по нашим нижеудинским материалам: бур. НУ *t'ire*: 'пила' (< *kire: < kirüge); *t'uru*: 'инси' (< *kiru: < kirayu); *bart'irna* 'кричит' (< *barkirna); *t'il'а᠋ᠣᠯᠨ᠋ᠯ* 'ость; трава волосец' (< *kilayana); *tət'iᠣᠯ* 'нож' (метатеза от *kitoya). В языке ононских хамниган: *кивэс* 'ковер' (стп.-м. *kibes*), *кий* 'сухой навоз для подстилки', *кируу* 'иней', *киргаха* 'стричь' (стп.-м. *kiryaqu*), *кисуур* 'скобель' (стп.-м. *kisayur*); иногда *ki дает *t'i*: *салки*//*салти* 'ветер' (стп.-м. *salkin*), *талки*//*талти* 'кожемялка' (стп.-м. *talki*).

Смычный палатализованный *т'* (< *ki) на месте литературного *хи* нам приходилось слышать и у некоторых групп булагатов Иркутской области например: *сог'и* 'бей' вм. *сох'и*, *барт'ирна* 'кричит' вм. *бархирна*, *манзйт'и* 'наш' вм. *манайхи*.

В тех же говорах, в которых исконный *к перешел в щелевой *х*, сочетание *ki тоже дало щелевой палатализованный согласный, качество зависит от степени шумности. Так, в хоринском говоре, как и в литературном языке, мы имеем *хи*, то же отмечается и для сартульского [см.: Бураев 1965, с. 116] и цонгольского [см.: Будаев 1965, с. 159] говоров, например: сарт. *х'шихэ* 'делать', *цах'юур* 'кремель', цонг. *эмх'и* 'порядок'.

цонг. *х'иисхэ* 'иестись по ветру'. В тункинском говоре [см.: Абашеев, с. 11] наряду с *х'и* встречается параллельный вариант *с'и*: *халсин* (лит. *халхин*) 'ветер', *сиу//хиу* 'сухой навоз', *тахья* 'курица', *сюруу* (лит. *хюруу*) 'иной'. Переход *х'и* в *си* отмечается также в боханском говоре, в котором есть даже варианты *иш* и *ти*, что зависит от родовых групп говорящих на этом говоре. В Бохане, например, скажут вместо *тамхи* 'табак' *тамси*, *тамиш* либо *тамти* [см.: Хомонов 1965, с. 46–47]. Переход *х'* в *ш* имеется и в эхирит-булагатском говоре, например: *тамишан* 'табак' вм. *тамхи*, *шалар* 'косоглазый' вм. *хялар*, *ташаа* вм. *тахья* 'курица', *тариша* вм. *тархи* 'голова', *хальшан* вм. *халхин* 'ветер' [см.: Матхеев 1968, с. 6].

В аларском говоре тоже из *х* перед *ī* и гласным, восходящим к **i*, развился палатализованный *х'*, который чередуется с палатализованным *с'*, например: *дах'ин* ~ *дас'ин* 'опять', *х'алар* ~ *с'алар* 'косоглазый', *х'т* ~ *с'т* 'сухой навоз', *с'илгәһәң* 'обрезки конского хвоста или гривы' (лит. *хилгәһәһән* 'коиский волос'), при этом *с'* наблюдается больше в речи молодежи [см.: Поппе 1930а, с. 8].

Относительно развития исторического комплекса **ki* в языке хоринских бурят Г.Д. Санжеев писал: "Под влиянием исторического *и* на месте *х* в хоринском говоре имеется палатализованный согласный, который акустически производит впечатление среднее между палатализованным *х* и *с*, нечто близкое к немецкому *ich-Laut*'у... Этот согласный встречается в словах типа *тамхи* — табак, *тархи* — мозг, *архи*, — вино и т.п. ... Таким образом, во всех бурят-монгольских говорах в положении перед гласным *и* согласный *х* оказывается неустойчивым в своем качестве, ибо, как известно, и в западных говорах мы имеем то же самое явление" [Санжеев 1939, с. 12–13].

Наблюдается закономерность: в тех бурятских говорах, где до сих пор сохраняется смычный *к*, либо он существовал еще до недавнего времени в определенных позициях (например, после сонорных типа *халкин* 'ветер', *tülki* 'толкать'), этот *к* в положении перед *и* дал палатализованный смычный *т'* (*t'*); а в тех же говорах, в которых палатализация развилась уже при щелевом характере согласного *х* (< **k*), там перед *и* возникли щелевые палатализованные *х'*, *с'*, *ш'*.

Из других монгольских языков типологически сходное явление зафиксировано только в монгольском языке [см.: Тодаева 1973, с. 31], в котором комплекс **ki* в ряде случаев перешел в *чи* (при этом переходной ступенью от смычного *к* к шипящей аффрикате *ч* мог быть только среднеязычный смычный *ћ*, который развился в палатализованный переднеязычный *t'*, а от него в *ч*), например: монгол. *чидого* 'нож' (стп.-м. *kituγa*), ср. бур. НУ *tət'iɣɮ* id. (метатеза от **t'itɣɮ* < **kituγa*); монгол. *чирү* 'пила' (стп.-м. *kirüge*), ср. бур. НУ *t'ire*: id.; монгол. *чирга* 'стричь' (стп.-м. *kirγa*); монгол. *чимудзе* 'ноготь' (стп.-м. *kimusun*), ср. бур. НУ *t'umhɮ* (< **t'imuhɮ* < *kimusun*). Изредка такое же явление встречается и в дунсянском языке, например: *очин* 'девушка' (стп.-м. *okin*), *чирэу* 'пила' (стп.-м. *kirüge*) [см.: Тодаева 1961, с. 17].

Этот общемонгольский консонант сохранился во всех бурятских говорах в мягкорядных словах. В сочетании с любым мягкорядным гласным, кроме *i, он передается согласным г, например:

бур. гэр 'дом, жилое помещение' — х.-монг. гэр, калм. гер, даг. П гэр ~ гэр', монгор. гер, орд., мог., МА, MNT, стп.-м. ger 'дом, юрта';

бур. угэ — х.-монг., калм. уг, монгор. уге, орд шге, МА, MNT, стп.-м. üge 'слово; речь';

бур. эмэгэн — х.-монг. эмгэн, калм. эмгн, монгор. муген, орд., ИМ, стп.-м. etegen 'старуха', даг. П эмэг 'женщина';

бур. зуг — х.-монг., калм. зуг, орд. džшг, MNT jug, стп.-м. жүг 'сторона; направление';

бур. дэгдэ- — х.-монг. дэгд-, калм. дегд-, орд., стп.-м., MNT degde- 'взлетать вверх'.

Как и в случае с согласным *k, здесь тоже следует отдельно рассматривать модификацию сочетания *gi по разным бурятским говорам.

В говорах хоринского типа согласный *g перед *i дает очень палатализованный d' [см.: Бураев 1959, с. 80, 101], который, по нашим наблюдениям, весьма близок к смычному среднеязычному ħ. Так, например, слова типа ангир 'турпан', мангир 'дикий чеснок', гангинаха 'визжать' произносятся хоринцами как а᠋ᠢᠭᠢᠷ, ма᠋ᠨᠭᠢᠷ, га᠋ᠨᠭᠢᠨᠠᠬᠠ (ср. стп.-м. anggir, manggir, ɣangginaqu).

Произнесение *g в позиции перед *i в виде палатализованного d' отмечается также в тукинском говоре. Так, Д.А. Абашеев [с. 12] приводит в качестве примера слова дандина 'небесная красавица, фея' (ср. лит.-бур. дангинаа), долдоон 'волны' (ср. лит.-бур. долгёон), галдиха 'идти медленным шагом' (ср. лит.-бур. галгиха).

Переход *g перед *i в смычный палатализованный d' характерен по нашим наблюдениям и в окинском говоре, от носителей которого приходилось слышать формы типа ган'динаха 'визжать' (лит.-бур. гангинаха, стп.-м. ɣangginaqu), хон'динуур 'богало' (лит.-бур. хон звукоподражание звону колокольчика, хонгирхо 'звенеть', х.-м. хонгинох 'звенеть', хонгинуур 'колокольчик', стп.-м. qongginaur), шан'динур 'колокольчик' (ср. зап.-бур. шангинуур 'колокольчик'), тээн'ди 'опорный столб в юрте' (ср. лит.-бур. тээнги id.), ман'диһан 'дикий чеснок' (ср. лит.-бур. мангир, х.-монг. мангир, мангис, калм. мэнгрсн, стп.-м. manggir, manggisun id.), һон'дино 'дикий лук' (ср. лит.-бур. һонгино, стп.-м. songgino 'репчатый лук'), ан'диур 'турпан' (ср. лит.-бур. ангир, стп.-м. anggir id.) и т.п.

Аналогичное же явление зафиксировано и в говоре нижеудинских бурят. Так, Г.Д. Санжеев [1930, с. 3] пишет по этому поводу: "Чрезвычайно любопытно отметить, что в бур.НУ исторический *g в некоторых случаях отражается как сильно палатализованный d':

тэндё (< *тенје < *тенге) — столб

тэндёр (< *тенјер < *тенгир < *tengri) — небо

мандиһаң (< *манјһаң < *мауғһаң) — лук (растение)

диңже (< *јинже < *гінже) — цепь.

Как видно из представленных примеров, явление *g > d' произошло под влиянием последующей гласной i: в других говорах (в аларском, 7-4. Зак. 780

например) находим только *g > j... Это же отмечает для нижнеудинского говора и А.А. Дарбева [1978, с. 62–63].

Такое же явление И.Д. Бураев [1965, с. 117] находит и в сартульском говоре: "Лигерагурное сочетание *gi*, например в словах *ангир*, *мангир* и т.д. в сартульском говоре, так же, как и в других бурятских говорах, произносится как *д'* и карткий *и* (в сартульском говоре такое произношение особенно последовательное)"

В цонгольском говоре тоже произошло развитие *g перед *i* в палатализованный *д'* (*d'*). Н.И. Поппе [Porre 1971, с. 152] говорит об этом, например, следующее: "Группа консонантов *lg и *ng передается перед последующим *i* обычно как *l'd'* или *n'd'*, например: цонг. *en'd'ij šara talada* 'в энгинской желтой степи', *jan'd'ā* 'трещина, хрустя', *tan'd'ilxaŋ* (< *tangilqaŋ*) 'избалованный, изнеженный', *sel'd'ēxeŋ* (< *selgiyeken*) 'холодный'. Ср. еще *il'd'ēxe* < *il'g'ē* < *ilegē- 'посылать'" (перевод наш. – В.Р.).

Таким образом, сартульский и цонгольский говоры, входящие в группу южнобурятских говоров, в отношении развития комплекса *giv d'i родятся с хоринскими говорами, а также с говорами тункинских, окинских и нижнеудинских бурят.

Другой же южнобурятский говор, говор ононских хамниган, по свидетельству Д.Г. Дамдинова [1968, с. 86], сохраняет сочетание *gi без изменений, например: хамниг. *гилагар* – лит.-бур. *ялагар* 'блестящий, глянцеватый' (стп.-м. *gilagar*); хамниг. *эргикү* – лит.-бур. *эрвехэ* 'кружиться, обходить вокруг' (стп.-м. *ergikü*).

Отмечается сохранение *g перед *i и в баргузинском говоре [см.: Раднаев 1965, с. 85], например: барг. *гилагар* 'блестящий', барг. *гилаха* 'блестеть' (лит. *ялайха*), барг. *ниргэхэ* 'шуметь' (лит. *нэрвехэ*, х.-монг. *ниргэхэ*, стп.-м. *niргekü* 'гремять, грохотать').

В то же время в других западных бурятских говорах произошел переход *g перед *i в щелевой среднеязычный *j* (йот). Такое развитие *g можно объяснить действием тенденции ослабления смычки, когда развившийся из *g под действием палатализации согласный *d'* или среднеязычный смычный *ɟ* переходит в среднеязычный щелевой *j*.

Такой переход *g в *j* отмечен в боханском говоре, например: бох. *ганинаха* – лит. *гангинаха* 'визжать' (ср. стп.-м. *γangginaqu*); бох. *анийар* желтоватокрасный – лит. *ангир* 'турпан' (ср. стп.-м. *anggir*) [см.: Бураев 1959, с. 101]. Аналогичное развитие *g в *j* перед *i произошло и в качугском говоре, например: качуг. *манйаһан* – лит.-бур. *мангир* 'дикий лук'; качуг. *манйалай* – лит.-бур. *манлай*, *магнай*, эхирит. *мангилай*, стп.-м. *manglai* 'лоб'; качуг. *эсэнийэ* – лит.-бур. *эсэнги*, стп.-м. *eŋggi* 'усталый'; качуг. *һөвлдэнийэр* – лит.-бур. *һөвлдэнгир* 'хриплый'; качуг. *зальяаха* – лит.-бур. *залгиха*, стп.-м. *ɟalgiqu* 'глотать' [см.: Митрошкина 1958, с. 289].

Такое же положение относительно развития *g перед *i засвидетельствовано и в эхирит-булагатском говоре, например: эхир.-булаг. *гонйонхо* – лит.-бур. *гонгинохо* 'гнусавить' (ср. х.-монг. *гонгинох*, стп.-м. *γongginaqu* 'пищать, хныкать'); эхир.-булаг. *дольёон* – лит.-бур. *долгёон* 'волна' (ср. х.-монг. *долгио*, стп.-м. *dolgiyan*); эхир.-булаг. *йэрмаани* – лит.-бур. *Германи* 'Германия'; эхир.-булаг. *зальяаха* – лит.-бур. *залгиха* 'глотать' [см.: Матхеев 1956, с. 114].

По утверждению Н.Н. Поппе [1930, с. 26]. *g перед *i в аларском говоре тоже отражается в виде щелевого среднеязычного j, например: *ep'jē* 'берег' (стп.-м. ergi), *dol'joŋ* 'волна' (стп.-м. dolgiyan), *zal'jāxā* 'проглотить' (стп.-м. jalgiqu). Кроме того, *g иногда дает j и перед *e, например: *cer'jē* ~ *cerge* 'коновязь' (стп.-м. čerge), *ep'jē* 'кладеный баран' (стп.-м. irge), *heje* 'войлок' (стп.-м. esigei) [см.: Поппе 1930а, с. 26].

Таким образом, исторический комплекс *gi в середине слова дает в бурятских говорах следующее развитие: gi — в хамниганском, баргузинском, d'i (ɧi) — в хоринском, сартульском, цонгольском, тункинском, окинском, нижеудинском, ji — в эхирит-булагатском, боханском, качугском, аларском.

В то же время и в тех говорах, которые дают d'i вместо gi литературного бурятского языка, имеется немало случаев, когда из *g перед *i или *e развился щелевой j, например: тунк. *хур'jэн*, бур.НУ *күрjэ* 'зять' (ср. лит.-бур. *хурьгэн*, стп.-м. kürgen); тунк. *бэр'jэн* 'невестка' (ср. лит.-бур. *бэригэн*, стп.-м. bergen); туйк. *эр'jэнэг* 'ворота в поскотине' (ср. лит.-бур. *эргэнэг*, стп.-м. ergeneg 'посудный шкаф'). Общебурятскими являются слова типа *бурьяха* 'клубиться, бурлить' (ср. х.-монг. *бургих*, стп.-м. burgiqu); *бааяха* 'дымить' (ср. х.-монг. *баагих*, стп.-м. baagiqu); *ая* 'полюнь' (ср. х.-монг. *агь*, стп.-м. agi).

Комплекс *gi и в анлауте дал в хоринских говорах *ja* либо *jэ* в зависимости от рядности слова, например: хор., лит.-бур. *ялайха* — х.-монг. *гялайх*; стп.-м. gilayuqu 'блестеть'; хор., лит.-бур. *ялаизаха* — х.-монг. *гялазах*, стп.-м. gilaljaqu 'сверкать, сиять, блестеть'; хор., лит.-бур. *ялбаха* — х.-монг. *гялбах*, стп.-м. gilbaqu 'ярко блестеть, сверкать, слепить светом'; хор., лит.-бур. *елыхэ* — х.-монг. *гилийх*, стп.-м. giliyiku 'блестеть, лосниться'.

Также в середине и в конце слова комплексы *gi и *ge в хоринских, а через них и в литературном языке, во многих случаях наряду с d'i (ɧi) дают, как во всех западных и примыкающих к ним тункинском и окинском говорах, *ja*, *jэ*. Это подтверждает сравнение ряда словоформ с другими монгольскими языками, например:

Общбур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>эрбе</i>	<i>эрг</i>	<i>эрг</i>	ergi	берег
<i>эрбе</i>	<i>ирг</i>	<i>ирг</i>	irge	валух
<i>харья</i>	<i>харги</i>	<i>χär'g'</i> (олет.)	qargi	быстрина на реке
<i>эрбехэ</i>	<i>эргэх</i>	<i>эргх</i>	ergikü	кружиться
<i>ая</i>	<i>агь</i>	<i>аг'</i> (олет.)	agi	полюнь
<i>ааяма</i>	<i>аагим</i>	—	ayagam	зюйный
<i>урьяха</i>	<i>ургих</i>	—	urgiqu	клубиться
<i>орьёл</i>	<i>оргил</i>	<i>оргл</i>	orgil	вершина
<i>орьёхо</i>	<i>оргих</i>	<i>оргх</i>	orgiqu	фонтанировать

Появление щелевого j на месте смычного палатализованного g можно объяснить тем, что палатализации подвергся щелевой вариант этого *g — γ. Переход γ' в j возможен только при ослаблении артикуляции γ', так как различие по месту артикуляции у них незначительное и кроме того

γ произносится с большим шумом и с большим напряжением артикулирующих органов.

Такой разнобой в произношении (то j, то d' на месте *g) можно объяснить, на наш взгляд, тем, что действовавшая в прошлом тенденция ослабления смычки реализовалась в бурятских говорах неравномерно и переставала действовать тоже неравномерно. Искоинный же прамоңгольский звук *g был, кроме того, по своей природе двояким: в одних словах он был щелевым, в других — смычным. Когда монгольские языки, в том числе и протобурятские говоры, захватила тенденция ослабления напряженности артикулирующих органов при произнесении любых звуков, проточный интервокальный *g (γ) исчез, растворился, ослабившись, среди соседних гласных, в результате чего образовалась заместительная долгота гласных (о чем подробно было сказано выше в соответствующем месте), а смычный же *g перешел, ослабившись, в проточный и сохранился, опять став в бурятских говорах двояким по природе: произносится то смычно, то как щелевой звук. Затем, попав в положение перед i, этот, ставший уже проточным, γ палатализовался в бурятском языке (в котором вообще довольно сильно развилась палатализация согласных) и перешел в j. В дальнейшем, видимо, в ряде бурятских говоров действие тенденции ослабления приостановилось и на месте оставшихся щелевыми *g (γ) стали произноситься (особенно в анлауте и после сонорных согласных) также смычные варианты *g. Поэтому сейчас смычность и щелинность g факультативны и зависят от комбинаторных условий [см.: Бураев 1959, с. 98—100]. Там, где в свое время щелевой g' (γ') успел перейти в j, в тех словах этот j сохранился и утвердился, а там, где опять возобладал смычный характер g, там палатализованный смычный g дал смычный же d' (d' ~j).

Развитие *g перед *i, а в некоторых случаях и перед *e, характерно только для говоров бурятского языка и не имеет аналогий в других монгольских языках.

Влиянием ослабления артикуляции проточного g (γ) можно объяснить и развитие глухого щелевого x на месте этого *g в некоторых общебурятских словах, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Сп.-м.	Значение
<i>түхэрээн</i>	<i>төгрөг</i>	<i>төгрөг</i>	<i>tögürig</i>	круглый
<i>түхэриг</i>	<i>төгрөг</i>	—	<i>tögürig</i>	рубль
<i>хархис</i>	<i>харгис</i>	<i>хэргэ</i>	<i>qargis</i>	варварский, реакционный

Этим же объясняется и произношение в западных бурятских говорах *энээхуур*, *энээхээр* 'этим; здесь' вм. лит.-бур. *энээгуур*; *тэрээхуур*, *тэрээхээр* 'там, по тому месту' вм. лит.-бур. *тэрээгуур*; *ябахты* 'уходите' вм. лит.-бур. *ябагты* и т.п.

О том, что все эти процессы до конца еще не изжили себя в бурятском языке свидетельствуют, на наш взгляд, параллельные формы с g и j, например:

бур. *жэрьехэ*//*жэргэхэ* 'щебетать', ср. х.-монг. *жиргэх*, калм. *жиргх*, сп.-м. *jirgekü id.*;

бур. *тэрьелхэ*//*тэргэлхэ* 'убегать'.

Наличие *j* в ряде случаев может сигнализировать, что в бурятском языке в более древнее время был в данном слове **g* а не **k*, хоть если бы родственные соседние языки и давали бы здесь *x*. Так, например, халха-монгольскому слову *горхи* 'пряжка ремня' (ср. калм. *horьk*, стп.-м. *γogki*) соответствует бур. *горьё*. О том, что прабурятской формой не было *γogki*, говорит наличие в бурятском слове *j*. В таком случае для бурятского слова *горьё* следует предполагать праформу **γogki*. О справедливости такой реконструкции свидетельствует наличие олетского *gog'g'* и дэрбетского *gög'g'* с тем же значением 'пряжка', зафиксированных Г.И. Рамstedтом [1935, с. 151].

Хотя в ряде случаев в бурятском языке представлен *x* на месте *g* халха-монгольского языка, сравнение с другими монгольскими языками показывает, что в халхаском это *g* не является исконным, а бурятское *x* закономерно развилось в этих случаях из исконного **k*, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>гэшхэхэ</i>	<i>гишгэх</i>	<i>гишкх</i>	<i>giskiku</i>	шагать
<i>мушхэхэ</i>	<i>мошгөх</i>	<i>мошкх</i>	<i>möskikü</i>	расследовать
<i>мушхаха</i>	<i>мушгих</i>	<i>мошкх</i>	<i>muskiqu</i>	крутить
<i>сэдьхэхэ</i>	<i>сэтгэх</i>	<i>седх</i>	<i>sedkikü</i>	мыслить
<i>үдхэн</i>	<i>өтгөн</i>	<i>өткн</i>	<i>odken</i>	густой

Эти случаи развития *x* из **k* в отношении генезиса отличаются от рассмотренных выше фактов перехода в *x* ослаблением исконного **g*.

**ŋ*

Данный согласный во всех монгольских языках, в том числе и в бурятских говорах, встречается лишь в середине и конце слова и никогда не стоит в анлауте, чем монгольские языки и тюркские отличаются от соседних тунгусо-маньчжурских и самодийских. Причем в середине слова он сохраняется без изменения в бурятских говорах лишь перед задиеязычными и увулярными согласными *x* и *g*, стоящими перед иными, чем **i*, гласными, например:

общебур. *аŋχλŋ* (орф. *анхан*) — стп.-м. *angqan*, х.-монг. *анхан* (*аŋχλŋ*), калм. *ауһн* (*аŋχλn*), орд. *аŋхан* 'первоначальный', MNT *anqa urida* 'прежде';

общебур. *аŋ* (орф. *ан*) — стп.-м. *ang*, х.-монг. *ан* (*аŋ*), калм. *ау* (*аŋ*), орд. *аŋ* 'зверь';

общебур. *эŋ* (орф. *эн*) — стп.-м. *eng*, х.-монг. *эн* (*еŋ*), калм. *эу* (*еŋ*), орд. *еŋ* 'ширина материи';

общебур. *эŋгө:χ* (орф. *онгойхо*) — стп.-м. *ongγuyiqu*, х.-монг. *онгойх* (*эŋгэχ*), калм. *оуһах* (*эŋга:χλ*) 'раскрываться';

общебур. *эŋгэг* (орф. *энгэр*) — стп.-м. *engger*, х.-монг. *энгэр* (*еŋгег*) 'лацкан, борт одежды';

общебур. *зŋ^kхэгз* (орф. *энхэрхэ*) — стп.-м. *engkerikü* х.-монг. *энхрэх* (*еŋ^kхгех*), калм. *энкрх* (*еŋкеггхэ*) 'относиться с любовью'.

Согласный **ŋ* в позиции перед **g*, после которого следует **i*, палатализующий этот **g*, тоже палатализуется почти во всех бурятских говорах [для аларского говора, например, см.: Поппе 1930а, с. 26], перейдя перед этим из заднеязычного звука в переднеязычный. Согласный же **g* при этом

переходит по говорам либо в d' (ŋ), либо в j. В тех же немногих говорах, например в ононско-хамниганском, в которых *g перед *i сохраняется, сохраняет свое качество и *ŋ. Примеры: хамниг. *халангир* 'разлив реки по лугам и протокам' < *халиха* 'разливаться'; вост.-бур., окинск. *ман'д'ур*, зап.-бур. *ман'јahan* 'дикий лук' (ср. стп.-м. *manggir*, *manggisun*, х.-монг. *мангир*, *мангис*, калм. *мәңгерсн* id.); вост.-бур., окинск. *ан'д'ур*, зап.-бур. *ан'јар* 'турпан' (ср. стп.-м. *anggir*, х.-монг. *ангир* id.). Таким образом, *ŋ в сочетании *ŋgi под палатализирующим влиянием *i переходит в бурятских говорах в n'ja (n'je) или n'd'i (n'ji).

В процессе развития и становления фонетической системы в бурятских говорах произошел также переход *ŋ в g в тех случаях, когда исторический *ŋ оказался в положении перед *n (< *l). Первоначальный *l под влиянием ассимиляции дал n, в результате чего *ŋ оказался перед n, что было, по-видимому, нетерпимо в протобурятских говорах, поэтому сочетание *ŋn дало gn (орф. *гн*). В сочетании ŋn, видимо, чтобы как-то сохранить свое качество, звук ŋ усилил свой смычный g-образный компонент (образовалось сочетание *ŋgn*). Затем первый n-образный компонент отпал, оставив вместо ŋ только g (в мягкорядных словах) или ɟ (в твердорядных). Таким образом, современное сочетание согласных *гн* имело в прошлом вид *ŋn, восходящее к *ŋl. Это хорошо видно из сравнения с другими монгольскими языками, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Орд.	Стп.-м.	Значение
<i>агнаха</i>	<i>агнах</i>	<i>аңнх</i>	<i>аңна-</i>	<i>angna-</i>	охотиться
<i>шагнаха</i>	<i>чагнах</i>	<i>чиңнх</i>	<i>tšingna-</i>	<i>čingna-</i>	слушать
<i>тэgnэхэ</i>	<i>тэgnэхэ</i>	<i>теңнх</i>	<i>teŋne-</i>	<i>tengne-</i>	вьючить
<i>гагнаха</i>	<i>гагнах</i>	<i>һаңнх</i>	<i>gaŋna-</i>	<i>γangna-</i>	паять

Из примеров видно, что халха-монгольский язык в отношении развития комплекса *ŋn в *гн* дает такую же картину, что и бурятский язык.

В ононско-хамниганском говоре, сохраняющем многие архаичные черты монгольских языков, комплекс *ŋn продолжает существовать, о чем свидетельствует Д.Г. Дамдинов [1968, с. 87], например: хамниг. *маңнал* (*торго*) — бур. *магнал*, стп.-м. *mangnuγ* 'род шелковой материи'; хамниг. *чиунакху* — бур. *шагнаха*, стп.-м. *čingnaqu* 'слушать'; хамниг. *тэңнэку*//*тэңнэку* — бур. *тэgnэхэ*, стп.-м. *tengnekü* 'вьючить'.

Сохранение *ŋ в этой позиции наблюдалось нами и в речи бурят Окинской долины, например: *агн^х^* 'охотиться', *сагн^х^* 'слушать', *тэgnэхэ* 'вьючить'.

Таким образом, в отношении комплекса *ŋn эти говоры сохраняют более архаичное состояние бурятского языка.

В ауслaute именных основ в современном бурятском языке, во всех его говорах, вместо исторического переднеязычного *n произносится заднеязычный ŋ, который развился в этой позиции и в халха-монгольском языке, только здесь он отпал у основ имен существительных и у числительных употребляемых субстантивно, но произносится у прилагательных. В калмыцком языке сохраняется переднеязычный *n. При употреблении же существительных и числительных в атрибутивной функции этот конечный *n основы обязательно восстанавливается и в халха-монгольском языке, но уже в виде заднеязычного ŋ.

Такое же явление, как в бурятском и халхаском, отмечается и для дагурского языка, в котором ауслаятний *п основ перешел в заднеязычный *ɣ* [см.: Поппе 1930, с. 139], например: даг.П *улāɣ* 'красный' (стп.-м. *ula-γan*), даг.П *о̄ɣ* 'год' (стп.-м. *on*).

Этимологический же конечный *ɣ сохраняется во всех случаях как в бурятском, так и в халха-монгольском и калмыцком языках, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>ан</i> (aŋ)	<i>ан</i> (aŋ)	<i>аң</i>	ang	зверь
<i>зан</i> (zaŋ)	<i>зан</i> (dzaŋ)	<i>заң</i>	ɣang	характер
<i>тэн</i> (tɛŋ)	<i>тэн</i> (tɛŋ)	<i>тең</i>	teng	равный по весу
<i>эн</i> (ɛŋ)	<i>эн</i> (eŋ)	<i>эң</i>	eng	ширина материи
<i>зоболон</i> (zɔbɔlɔŋ)	<i>зовлон</i> (dzɔβlɔŋ)	<i>зовлң</i>	ɣobalang	мучение
<i>баясхалан</i> (bajɤsxɤlɔŋ)	<i>баясгалан</i> (bajisgɤlɔŋ)	<i>баясхлң</i>	bayasɣulang	радость

В словарях бурятского и монгольского языков в заглавном слове словарной статьи приписной маленькой буквой *ɣ* в скобках указывают на заднеязычный характер *ɣ. Пишут, например, *ан(ɣ)* 'зверь', *зан(ɣ)* 'характер', *зоболон(ɣ)* 'мучение', *баясхалан(ɣ)* 'радость', *эн(ɣ)* 'ширина материи' и т.п. В калмыцкой же орфографии для *ɣ принят особый знак *ң*. В старописьменном монгольском языке на уйгурской графике *ɣ обозначали сочетанием букв нүн + кяф: *ᠨᠦᠨ* (ng) — в середине слова и *ᠨᠦᠨᠠ* (ng) — в конце слова [см.: Владимирцов, с. 71]. Это значит, что еще в древности, при создании старомонгольского алфавита, люди осознавали этот звук *ɣ* и отличали его от обычного переднеязычного *n*.

Рассмотрим теперь, сравнив те же языки, сохранность и отражение конечного *п основы, например:

Стп.-м.	Калм.	Х.-монг.	Бур.	Значение
aman	<i>амн</i> (amɤn)	<i>ам</i> (am)	<i>аман</i> (amɤŋ)	рот
ɕilaɣun	<i>чолун</i> (ɕɔlu:n)	<i>чулуу</i> (ɕulu:)	<i>шулуун</i> (ɕulu:ŋ)	камень
ɕibaɣun	<i>шовун</i> (ɕɔvu:n)	<i>шувуу</i> (ɕuvu:)	<i>шубуун</i> (ɕubu:ŋ)	птица
tabun	<i>тавн</i> (tavɤn)	<i>тав</i> (tav)	<i>табан</i> (tabɤŋ)	пять
on	<i>он</i> (ɔn)	<i>он</i> (ɔŋ)	<i>он</i> (ɔŋ)	год

При этом в калмыцкой орфографии буквой *n* обозначен переднеязычный *п, как и в старописьменном монгольском языке. В халха-монгольском же и бурятском, хотя и пишется *n*, но произносится он в ауслате всегда как *ɣ* ~ *ɣ* в зависимости от рядности слова. Только два обстоятельства различают этимологический *ɣ и этот *ɣ*, возникший на месте исконного *п, в бурятском и халха-монгольском языках:

а) этимологический *ɣ в конце слова при склоении всегда сохраняется, а *ɣ*, развившийся из *п, в ряде падежей всегда отпадает;

б) в тех же падежах, где должна быть полиая основа с конечным *п, там этимологические *ɣ и *п основы сохраняются без всяких изменений.

Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
а᠋ᠢ (ан)	аᠢ (ан)	аᠢ (аᠢ)	ang	зверь
аᠢᠳᠠᠯ (анда)	аᠢᠳ (анд)	аᠢᠳ (аᠢᠳ)	ang-du	зверю
оᠢ (он)	оᠢ (он)	оᠢ (он)	on	год
оᠢᠳᠠᠯ (ондо)	оᠢᠳ (онд)	оᠢᠳ (онд)	on-du	в году.

Особенно явственно разница между этимологическим *ᠢ и п, развившимся из *п, выявляется в бурятском языке при наращении аффиксов родительного, винительного, исходного и орудного падежей. Даже орфография закрепляет это различие путем ввода вставного согласного г между аффиксом и конечным и основы, например:

ан 'зверь' — ангаᠢ (род.п.), ангые (Вин.п.), ангаар (оруд. п.), анghaa (исх. п.);

зоболон 'мучение' — зоболонгой (род.п.), зоболонгые (вин.п.), зоболонгоор (оруд.п.), зоболонghoo (исх.п.).

При склонении же основ с этимологическим *п, хотя и произносимым сейчас в основном падеже как ᠢ, уже не наблюдается вставного г. В некоторых падежах (винительном, орудном, частично совместном) этот п даже отпадает, в других же сохраняется в виде того же первоначального *п. Сравним, например, склонение бурятских слов аᠢ (орф. ан, стп.-м. ang) 'зверь' и мᠣᠷᠢᠨ (орф. морин, стп.-м. morin) 'лошадь':

Осн.	аᠢ	(ан)	мᠣᠷᠢᠨ	(морин)
Род.	аᠢᠭае	(ангаᠢ)	мᠣᠷᠢᠨᠭе	(мориной)
Дат.-мест.	аᠢᠳᠠᠯ	(анда)	мᠣᠷᠢᠨᠳᠠᠯ	(мориндо)
Вин.	аᠢᠭ ᠲᠤᠵ	(ангые)	мᠣᠷᠢᠨᠵ	(морише)
Оруд.	аᠢᠭаᠰᠢᠷ	(ангаар)	мᠣᠷᠢᠨᠰᠢᠷ	(мореор)
Совм.	аᠢᠭае	(ангаᠢ)	мᠣᠷᠢᠨᠭе	(моритой, моринтой)
Исх.	аᠢgha:	(анghaa)	мᠣᠷᠢᠨghᠠ:	(моринghoo)

Таким образом, в бурятском языке в историческом аспекте следует различать этимологический исконный консонант *ᠢ и звук ᠢ, развившийся в ауслате из конечного исконного *п основы.

УВУЛЯРНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

*q

В истории монгольских языков этот согласный встречался лишь в начале и середине твердых рядных слов. Как и в других монгольских языках, развитие *q в бурятских говорах связано с развитием гласного *i → i. Слог *qi перешел в *ki в результате слияния *i и *i в одной фонеме i. Под влиянием этого i увулярный *q в данном сочетании перешел в заднеязычный k. О развитии *k в позиции перед i в различных бурятских говорах уже было сказано выше, поэтому здесь на этом останавливаться не будем.

Рассмотрим подробнее эволюцию *q в позиции соседства с другими, чем i, гласными.

Из всех современных бурятских говоров лишь в двух, нижеудинском и ононско-хамниганском, сохраняется смычный характер этой фонемы,

в то время как во всех остальных говорах и в литературном языке на месте *q представлен проточный глухой согласный х.

Исследователь нижеудинского говора Г.Д. Санжеев [1930, с. 1–2] пишет: "Исторический согласный *q в бур.НУ отражается в виде смычного и сильно аспирированного k̄ в следующих случаях

а) Если он следовал и следует непосредственно за л, р:

<i>alkā</i> — убить	<i>бурkāң</i> — бог
<i>yhālkā</i> — поить	<i>амlkā</i> — дышать
<i>дүлкā</i> — петь	<i>талkāң</i> — мука
<i>тарkā</i> — уходить	<i>дарkāң</i> — кузнец

б) Если его заместитель ныне находится в слогах, которым предшествуют слоги с переднеязычными т, д, з:

<i>takā</i> — подкова	<i>tākā</i> — угадать
<i>dakā</i> — доха	<i>даkākā</i> — следовать
<i>kхазākā</i> — откусить	<i>tābākā</i> — поставить.

Во всех остальных условиях *q в бур.НУ превратился в аффрикативный k̄x:

<i>kхарā</i> — черный	<i>kхадā</i> — гора ...
<i>kхарәүt</i> — путь ...	<i>kхojār</i> — два ...
<i>mi^kхāң</i> — мясо ...	<i>но^kхē</i> — собака ..."

Однако А.А. Дарбеева, занимавшаяся нижеудинским говором длительное время, отмечает смычный характер данной фонемы [1978, с. 46]: "Фонема *k* в современном НУД представляет собой увулярный смычный сильный глухой согласный звук, встречающийся в начале слога в любой позиции слова с твердоядным вокализмом и перед *ā*, например: *kāша* 'ножницы', *кара* 'черный', *какарkā* 'рваный', *окор* 'короткий', *утурkā* 'половина'. В НУД фонема *k* артикулируется сильной смычкой увулы с задней частью спинки языка..." Она особо подчеркивает, что "аффрикативный звук *kx* в НУД — не самостоятельная фонема, а лишь оттенок..." [Дарбеева 1978, с. 47]. Встречается *kx* преимущественно перед долгим *ā*, например: *kхāң* 'хан', *kхājaka* 'шуметь'. Таким образом, материалы А.А. Дарбеевой свидетельствуют о наличии в нижеудинском говоре фонемы *k*, а не *kx*. Наши наблюдения над говором нижеудинских бурят подтверждают выводы Дарбеевой относительно преобладания смычного характера фонемы *k* в данном говоре. Нижеудинская фонема *k* абсолютно идентична по своим фонетическим параметрам и акустическому эффекту тюркской фонеме *q*. Причем нам слышалось произношение *q* и перед долгим *ā*, т.е. бур.НУ *qā:ң* 'хан', *qā:q̄l̄j̄l̄* 'закреть' и т.п. В этой позиции у *q* все же преобладал смычный элемент, хотя последующий долгий широкий гласный несколько ослаблял смычку, за счет чего происходил призвук х.

Относительно языка оноиских хамниган Д.Г. Дамдинов [1968, с.82] сообщает: "Кроме заднеязычных звуков *k* и *k'* в говоре оноиских хамниган встречается заднеязычная аффриката *kx*, смычная часть которой артикулируется неясно. Эту аффрикату можно назвать глубоко-заднеязычным согласным, образующимся в результате одновременного действия спирации и смычки более дальнего участка задней части спинки языка с мягким не-

бом. По горизонтальному положению языка аффриката *kx* как бы стоит между звуком *k* и *x*. Эта аффриката употребляется в начале и середине слова в сочетании с твердорядными гласными вместо увулярного спиранта *x*, если за ним или за слогом с этим согласным следует палатализованный слог или согласный звук. Аффриката *kx* не играет смыслоразличительной фонематической роли и является оттенком фонемы *x*, например: *kxони* (овца), *kхуджир* (солончак). Аффриката *kx* также встречается между гласными в середине слова и в последнем слоге, если за ним следует гласный звук *у*, например: *цокху* (жук), *токхукху* (седлать), *онг^ошилгокху* (открывать)”).

Увулярный смычный глухой *k* отмечается в тункинском говоре как позиционный вариант в твердорядных словах увулярных фонем *g* и *x*, оказавшихся рядом из-за редукции стоявших между ними гласных звуков (о появлении в аналогичной позиции заднеязычного *k* на месте *g* и *x* в мягкорядных словах нами выше уже сообщалось), например: *гаракка* ‘заставить выходить’ – лит. *гаргаха*, *торокко* ‘добыть зверя’ – лит. *торгохо* [см.: Абашеев, с. 9]. Во всех же остальных случаях из **q* в тункинском говоре развился проточный *x*, например: *хара* ‘черный’, *баха* ‘лягушка’, *хура* ‘дождь’, *хоро* ‘зло; яд’ [см.: Абашеев, с. 10]. Такая же картина и в окинском говоре.

Аналогично обстоит дело и в говоре аларских бурят, например: *гарйк^кка* ~ *гаргәхә* ‘заставить выходить’, *о^лдкк^ко* ~ *о^лгдх^о* ‘понимать’ [см.: Поппе 1930а, с. 9].

Во всех же остальных бурятских говорах, как и в соседних с бурятским монгольских языках – халха-монгольском, калмышском, дагурском **q* дал в начале и середине слова проточный *x*. Лишь в дагурском и иногда в халхаском в середине слова появляется *g* на месте **q*. Примеры:

бур. *хада* – стп.-м., MNT *qada*, даг.П *хад* ~ *хадä*, орд. *hada*, х.-монг., калм. *хад* ‘скала’;

бур. *хурдан* – стп.-м., МА, мог. *quḡdun*, х.-монг. *хурдан*, калм. *хурдн* ‘быстрый’;

бур. *хоер* – стп.-м., МА *qoуag*, даг.П *хојір* ~ *хојр*, мог. *qojör*, орд. *хојог*, х.-монг. *хоер*, калм. *хойр* ‘два’;

бур. *мяхан* – стп.-м., МА *miqan*, даг.П *м'агä*, мог. *miqön*, орд. *таха*, х.-монг. *мах*, калм. *махн* ‘мясо’;

бур. *нохой* – стп.-м. *noqai*, МА *noqai*, даг.П *ног* ~ *ног^о*, мог. *noqei*, орд. *похб*, х.-монг. *нохой*, калм. *ноха*, *нохэ* ‘собака’;

бур. *удха* – стп.-м. *udqa*, орд. *udxa*, х.-монг. *утга*, калм. *утх* ‘смысл’;

бур. *хадхаха* – стп.-м. *qadququ*, МА *qatququ*, даг.П *хархү*, х.-монг. *хатгах*, калм. *хатхх* ‘колоть, пронзать’.

Зачастую бурятские традиционные говоры, западные и восточные, а через них и литературный язык, сохраняют в виде *x* этот исконный **q*, который в других монгольских языках, например в халхаском, перешел в звонкий *g*. Примеры:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>удха</i>	<i>udqa</i>	<i>утга</i>	<i>утх</i>	смысл
<i>хадхаха</i>	<i>qadququ</i>	<i>хатгах</i>	<i>хатхх</i>	пронзать
<i>худхаха</i>	<i>quḡququ</i>	<i>хутгах</i>	<i>хутхх</i>	размещивать
<i>садхалан</i>	<i>ṣadqulang</i>	<i>цатгалан</i>	<i>цадхлң</i>	сытый
<i>баясхалан</i>	<i>bayasqulang</i>	<i>баясгалан</i>	<i>баясхлң</i>	радость

Как видно из примеров, бурятский язык в этом отношении однотипен с калмыцким, тоже сохранившим исконный *q в виде x.

Во многих случаях в традиционных бурятских говорах x появляется там, где был, наоборот, исконный *γ, сохраняющийся в халхаском и калмыцком языках. Примеры:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>дохолхо</i>	doɣulqu	<i>доголох</i>	<i>дохлх</i>	хромать
<i>хахалха</i>	qayalaqu	<i>хагалах</i>	<i>хахлх</i>	разорвать
<i>хухасаа</i>	quɣasaɣ-a	<i>хугацаа</i>	—	срок
<i>тохорюун</i>	toɣurɣuun	<i>тогоруу</i>	<i>тоһрун</i>	журавль
<i>сахариг</i>	ɕaɣariɣ	<i>цагариг</i>	<i>цаһрг</i>	обруч, круг
<i>хасуури</i>	ɣaɕur-a	<i>гацуур</i>	<i>һацур</i>	ель
<i>хагнаха</i>	ɣangnaqu	<i>гагнах</i>	<i>һаңнх</i>	паять

(эхирит.)

Встречаются случаи, когда и в калмыцком языке, подобно бурятскому, появляется x на месте *γ. Примеры:

Бур.	Калм.	Стп.-м.	Х.-монг.	Значение
<i>дахаха</i>	<i>дахх</i>	daɣaqu	<i>дагах</i>	следовать
<i>бахана</i>	<i>бахн</i>	baɣana	<i>багана</i>	столб

Эти примеры вкупе с предыдущими, показывающими сохранение *q в виде x вместо халхаского g, показывают, что в данном отношении бурятский язык состоит ближе к калмыцкому. В калмыцких говорах это явление распространено гораздо шире, чем оно представлено в литературном языке. Так, например, по нашим наблюдениям, иссыккульские сарт-калмыки (близкие по языку торгутам) говорят *толха* 'голова' вместо лит.-калм. *толһа* (ср. стп.-м. *toluɣai*, бур. *тологой*, х.-монг. *толгой*); *захси* 'рыба' вместо лит.-калм. *заһси* (ср. стп.-м. *ɣiɣasun*, бур. *загаһан*, х.-монг. *загас*) и т.п.

Южные же бурятские говоры, сартульский, цонгольский и хамниганский, связанные своим происхождением с монгольским языком, продолжают, как и халхаский язык, удерживать согласный g там, где в других бурятских говорах представлен x, например:

сарт. *хагалха* 'пахать землю, разрывать', ср. х.-монг. *хагалах*, лит.-бур. *хахалха* id. [см.: Бураев 1965, с. 128];

хамниг. *цагариг* 'круг, обруч', ср. х.-монг. *цагариг*, лит.-бур. *сахариг* id. [см.: Дамдинов 1968, с. 89];

цонг. *дагаха* 'следовать за', ср. х.-монг. *дагах*, лит.-бур. *дахаха* id.;

цонг. *хагалха* 'раскалывать', ср. х.-монг. *хагалах*, лит.-бур. *хахалха* id.;

цонг. *догOLON* 'хромой', ср. х.-монг. *догOLON*, лит.-бур. *дохOLON* id. [см.: Будаев 1965, с. 158].

Однако, в цонгольском говоре, видимо, уже под влиянием литературного бурятского языка и соседних бурятских говоров появляется в ряде случаев x на месте g, например: цонг. *бахалдзуур* 'горло', ср. лит.-бур. *бахалзуур*, х.-монг. *багалзуур* id.; цонг. *уйдхар* 'крусть, печаль', ср. лит.-бур. *уйдхар*, х.-монг. *уйггар* id. [см.: Будаев 1965, с. 159].

Этот согласный в основном сохраняется во всех бурятских говорах в тех же позициях начала, середины и конца слов твердого ряда, что и во всех остальных современных монгольских языках. Причем в положении перед глухим согласным и в конце слова *γ оглушается и произносится как глухой слабый заднеязычный звук *g*, почти *k*, например: *ябаг* 'пусть уходит' (произносится *jabl̥g* – *йабак*); *худаг* 'колодец' (произносится *χudl̥g* – *ху-дак*); *огто* 'совсем, совершенно' (произносится *ɔgt̥* – *окто*); *загсаха* 'застыть (о масле)' (произносится *zagsl̥χl̥* – *заксаха*). Учитывая такое произношение *γ, А.Д. Руднев [1913, с. XI] везде в своих материалах по хоринскому говору употреблял в данной позиции букву *k*, например: *унт̥акту* 'спите' (ср. лит.-бур. *унтагты*), *худаг* 'живущий' (ср. лит.-бур. *хуудаг*), *сак* 'время' (ср. лит.-бур. *саг*).

В зависимости от положения в слове и соседних звуков *γ в бурятском разговорном языке представлен либо смычным увулярным *ɣ*, либо щелевым увулярным *ɟ* (орфографически оба звука обозначены одинаково – *ɣ*), например: *ɣаг* 'рука' (орф. *гар*, стп.-м. *γаг*); *баγл* 'маленький' (орф. *бага*, стп.-м. *баγа*); *аγл* 'способ' (орф. *арга*, стп.-м. *аγа*); *аγзүшл* 'охотник' (орф. *ангууша*).

И.Д. Бураев [1959, с. 99] пишет об этом следующее: "Смычные оттенки (*ɣ* – В.Р.) употребляются: в начале слова, в исходе слова, внутри слова в исходе слога или в начале слога после согласных, кроме *p* и часто *l*. Щелевые дрожащие оттенки употребляются внутри слова в интервокальном положении и после *p*, а также иногда после *l*, при этом они являются всегда только звонкими. Смычные оттенки бывают в начале слова звонкими, а в исходе слова – глухими, внутри слова в начале слога – звонкими, а в исходе слога являются звонкими, если последующий слог начинается со звонких согласных, и являются глухими, если последующий гласный – глухой". Для современного бурятского языка, как его говоров, так и литературной формы, смычность и щелинность у *ɣ* не являются фонематическими, это только позиционно-комбинаторные варианты одной и той же фонемы.

Сравнение с другими монгольскими языками показывает, что в бурятском языке *γ сохраняется там же. Примеры:

бур. *гахай* – стп.-м. *γагай*, МА *γагай*, даг.П *гаг*, орд. *гаха*, х.-монг. *гахай*, калм. *наха* 'свинья';

бур. *гушан* – стп.-м., МА *γүчин*, даг.П *гоч'и(ң)*, орд. *gütši*, х.-монг. *гуч*, калм. *нучн* 'тридцать';

бур. *гар* – стп.-м., МА *γаг*, даг.П *гар'и*, орд. *гаг*, х.-монг. *гар*, калм. *нар* 'рука';

бур. *аяга* – стп.-м. *ауаγа*, МА *ауага*, даг.П *ајага*, орд. *ајага*, х.-монг. *аяга*, калм. *ааһ* 'чашка';

бур. *арга* – стп.-м. *аγа*, орд. *арга*, х.-монг. *арга*, калм. *арһ* 'способ', МА *аγа* 'хитрость';

бур. *балгааһан*, *булгааһан* 'летняя юрта' – стп.-м. *balγasan* 'дворец; город', МА *balγasan* 'стена; город', х.-монг. *балгас* 'развалины древнего города', калм. *балһсн* 'город';

бур. *загаһан* – стп.-м. *jiγasan*, MNT *jihasun*, даг.П *ц'агүс*, орд. *džagasu*, х.-монг. *загас*, калм. *захсн* 'рыба';

бур. *нютаг* — стп.-м. *nutuγ*, MNT *nuntuγ*, даг. *П нотѳг*, орд. *nutuk*, х.-монг. *нутаг*, калм. *нутг* 'родное кочевье'.

Согласный *γ, находившийся первоначально в положении перед *i, при дальнейшем развитии монгольских языков, когда два гласных *i и *i слились в одном i, перешел под влиянием этого i в разряд заднеязычных, т.е. g, и палатализовался. О модификации же комплекса *gi в современных бурятских говорах выше уже подробно говорилось, поэтому здесь повторное касаться данного вопроса не будем.

Выше также уже было сказано и о том, что в бурятских традиционных говорах на месте *γ развился в ряде случаев, как и в калмыцком языке, глухой щелевой согласный х.

Кроме того, в процессе развития монгольских языков интервокальный *γ во многих случаях выпал, в результате чего произошло стяжение соседивших с этим *γ гласных в один долгий гласный звук. Поскольку данное явление подробно уже рассмотрено выше в разделе о долгих гласных, здесь его тоже рассматривать не будем.

Глава III

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В процессе развития бурятского народного разговорного языка под влиянием различных факторов как внешнего, так и внутреннего характеров произошли некоторые сдвиги фонетического облика слов по сравнению с постулируемым древним прамонгольским языковым состоянием и со всеми современными монгольскими языками. Произошло это, по всей вероятности, вследствие развития некоторых фонетических явлений бурятского языка. К таким явлениям, на наш взгляд, следует отнести изменение системы вокализма и консонантизма, развитие долгих гласных и монофтоингазцию дифтонгов. При этом наиболее значительные изменения, затрагивающие эволюцию как гласных, так и согласных, произошли под влиянием так называемого перелома *i.

Появление долгих гласных, развитие проточных согласных на месте смычных, исчезновение аффрикат, да по сути дела и сам перелом *i связаны с явлением ослабления напряженности артикулирующих органов. При этом представляется, что все фонетические явления, наблюдаемые в истории развития звуковой системы бурятского разговорного языка, можно в общем-то свести к двум группам: явления, связанные с историей развития гласного *i, и явления, возникшие и получившие разные фазы развития в разных монгольских языках и диалектах, связанные с ослаблением напряженности при артикуляции как согласных, так и гласных, что закономерно повлекло за собой различные модификации консонантов, развитие долгих гласных, а также ассимиляцию кратких гласных. Кроме того, эти две группы явлений в истории эволюции звукового строя бурятского языка, и соответственно остальных монгольских языков, теснейшим образом взаимодействовали с захватившей в свое время все монгольские языки

тенденцией изменения слоговой акцентуации и передвижкой ударения, следствием чего явилось перераспределение мест сильных и слабых слогов.

Рассмотрим подробнее эти две группы фонетических явлений, имевших место в процессе эволюции звукового строя бурятского языка, в отдельности.

ЯВЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ИСТОРИЕЙ РАЗВИТИЯ ГЛАСНОГО *i

Как известно, в истории развития фонетики монгольских языков большую роль сыграли гласные *i и *i, слившиеся впоследствии в одном гласном i. Гипотезу о том, что древнему монгольскому языку был свойствен, также как и тюркским языкам, гласный *i задней артикуляции, выдвинул Г.И. Рамстедт [1908, с. 52]: "В некоторых односложных словах i иногда перешел в а, а, что, пожалуй, указывает на существование первоначального i". Б.Я. Владимирцов [с. 170–190] обосновал эту гипотезу о существовании в раннем монгольском языке двух гласных типа i – переднеязычного i и заднеязычного i – на материале алтайских языков с опорой на старый письменный монгольский язык. Довольно наглядно противопоставление гласных i и i в системе вокализма древнего монгольского языка представил Г.Д. Санжеев 1964, с. 31–33].

В письменном монгольском языке, видимо, под влиянием разговорного очень рано произошло сближение этих фонем – i и i. На месте двух гласных оказался только один – i. В твердорядных словах тоже появился i, и его стал сопровождать согласный k, присущий мягкому ряду, в то время как с i применялся твердорядный q. Как считает Б.Я. Владимирцов [с. 220], уже в половине XIII в. монголы перестали различать i и i. Будучи звуком среднеязычного образования, гласный i оказал сильное палатализующее влияние на соседние звуки, гласные и согласные.

Опереднение гласных

Появившись на месте древнего *i, звук u в твердорядных словах оказал в некоторых монгольских языках воздействие на предшествующие гласные, выразившееся в их опереднении, т.е. на месте a развились a и даже a, на месте o – o или o, на месте y – y или y. Хотя выше, в 1-й главе уже говорилось подробно об этом явлении при обзоре соответствующих гласных, вернемся к данному вопросу еще раз.

Так, относительно появления смягченного a в языке дархатов Г.Д. Санжеев [1931, с.7] говорит следующее: "a – палатализованный вариант a перед u под влиянием последующих палатальных; встречается только как комбинаторный вариант a. В отличие от бурятского и халхаского a дархатский очень близок к a. Примеры: бар'ixā (почти – бар'ixā) – держать, амй – жизнь, хар'ixā – уходить домой". Б.Я. Владимирцов [с. 144] отмечал для халха-монгольского языка, что в нем общемонгольский a первого слога реализуется в двух вариантах – a и a. При этом a появляется обычно там, где за ним следует исторический *i, а согласный перед этим i палатализован.

Этими же комбинаторными условиями вызвано произношение вариантов a и в бурятских восточных говорах, а через них и в литературном языке

[см.: Бураев 1959. с. 129], например: *бар* *ᠢ* 'держи', *таб* *ᠢ* 'пятьдесят', *ам* *ᠢ* *ᠠ* 'дыхание' (ср. х.-монг. *бар*, *тав*, *ам*). Но в западных бурятских говорах исследователями [см.: Хомонов 1965, с. 41; Раднаев 1965, с. 84; Дарбеева 1978, с. 29; Цыдендамбаев 1972а, с. 67] отмечается тенденция перехода *а* в более мягкий звук *ä*, в результате чего эти слова из твердого ряда переходят в мягкий, например:

Стп.-м.	Лит.-бур.	Зап.-бур.	Значение
qari-	хари-	хари-	возвращаться
bari-	бари-	бäри-	держать
narin	нарин	нäрин	тонкий
tabi-	таби-	тäби-	поставить.

Гласный *а* под влиянием последующего *и* и палатализации согласных произносится смягченно почти во всех современных монгольских языках, колеблясь от *ä* до *а*. При этом дагурский, ордосский, халхаский, бурятский (литературный и восточные говоры) дают *ä*, а калмыцкий — *ä* [см.: Порре 1955, р. 26]. Примеры:

стп.-м.; монгор. *bari-*, даг.П *бар*¹, х.-монг. *bar*¹-, калм. *bar-*, бох., барг. *bär*¹-i, лит.-бур. *bär*¹-i 'держать', орд. *bär*¹ät 'взяв', мог. *barinä* 'держит'; стп.-м. *qari-*, монгор. *qari-*, даг.П *хär*¹-i, орд. *qari-*, х.-монг. *qär*¹-, калм. *qär*¹-, бох., барг. *qär*¹-i, лит.-бур. *qär*¹-i 'возвращаться', мог. *qarina* 'возвращается'.

Общемонгольский *о* переходит в смягченный *ö* перед гласным *и* следующего слога в ордосском, халхаском и восточнобурятском, а в западнобурятском, калмыцком и чахарском *о* в этой позиции дает *ö* [см.: Порре 1955, р. 28]. Примеры:

стп.-м., мог. *mo᠒in*, даг.П *мор*¹, монгор. *mo᠒i*, орд. *mö᠒i*, х.-монг. *mög*¹, лит.-бур. *mög*¹i᠋, чахар. *mö᠒i*, калм. *mö᠒ᠢ*, зап.-бур. *mög*¹i᠋ 'лошадь';

стп.-м. *qo᠒in*, монгор. *horin*, даг.П *хор*¹(᠋), орд. *qö᠒i*, х.-монг. *qog*¹, лит.-бур. *qög*¹i᠋, барг. *qög*¹i᠋, чахар. *qö᠒i*, калм. *qo᠒ᠢ* 'двадцать'.

Перед *и* второго слога общемонгольский гласный **и* тоже артикулируется более мягко, но лишь в калмыцком языке он получает довольно сильное смягчение и превращается в переднерядный звук *ü*, вследствие чего все слово переходит из твердого ряда в мягкий. Примеры:

калм. *ᠰᠢᠨᠢ* ~ *ᠰᠢᠨ* 'свадебный пир', ср. стп.-м. *qurim*, орд. *qo᠒im*, х.-монг., бур. *хурим* id.;

калм. *ᠰᠢᠠᠪᠢᠯ* 'перевоплощаться', ср. стп.-м. *qubil*, орд. *ᠰᠢᠠᠪᠢᠯ*, х.-монг. *хувил*, бур. *хубил* id.

Из всех гласных монгольских языков более всего подвержен палатализации гласный *а*, который опередняется почти во всех монгольских языках, а более же всего в калмыцком языке и в эхиритских говорах бурят. Меньше смягчается гласный *о* и еще меньше *и*. Пожалуй, лишь калмыцкий язык довольно последовательно проводит опереднение и перевод в мягкий ряд твердорядных слов с этимологическим **и*, что заметно отличает этот язык от других современных монгольских языков, например:

калм. *зэкрх* 'повелевать' < *ᠵäᠵäᠭä*-, ср. х.-монг. *захирах*, бур. *захирха* id.;

калм. *дэжд* 'еще, снова' < *ᠳäᠵᠢᠶäᠳ*-, ср. х.-монг. *дахиад*, бур. *дахяд* 'снова, повторно';

дэрбет. *хөмх*//торгут. *хумх* 'сгребать' < *qumī-*, ср. х.-монг. *хумих*, бур. *хумиха* 'складывать, свертывать'.

Калмыковеды [см.: Кичиков, с. 27–28] правильно объясняют это влиянием гласного **i*, который в калмыцком языке исчез, дав опереднение заднерядных гласных. Г.Д. Санжеев [1953, с.34] также считает особенностью ойратского (соответственно и калмыцкого) языка то, что "в ойратских диалектах многие слова заднего ряда, некогда имевшие в своем составе гласный *i*, перешли в передний ряд под палатализирующим влиянием этого же гласного, после чего последний сам подвергся ассимиляции, например:

морin → *мөрin* → *мөрön* → *мөрн* 'лошадь';
бiрагу → *бiрү* → *бурү* 'теленек по второму году' ...

Этого не случилось в тех словах, в которых перелом гласного *i* произошел еще тогда, когда данный гласный сохранял свой заднеязычный характер, т.е. артикулировался в виде *i̯*, — отсюда слова типа *мах* ← *mika* 'мясо'".

То, что в ряде бурятских говоров (в основном в языке бурят-эхиритов) проявляется тенденция довольно сильного опереднения заднеязычных гласных по типу калмыцкой, а также наличие общих моментов в лексике, грамматике, в родовых названиях позволяют ставить вопрос об участии ойрат-монголов в образовании бурятских племен [см.: Цыдендамбаев 1972а, с. 66–68].

Довольно сильная, типа калмыцкой, тенденция опереднять заднеязычные *a*, *o*, *u* отмечается Д. Кара [см.: Kara 1970, с. 241–245] и в языке джарутов Внутренней Монголии. Так, для джарутов характерно произношение *em* (стп.-м. *amin*) 'жизнь', *hob* (стп.-м. *qubi*) 'часть', *el* (стп.-м. *ali*) 'который', *hōgin* (стп.-м. *qurim*) 'свадебный пир', *mōg* (стп.-м. *mōrin*) 'лошадь', *delē* (стп.-м. *dalai*) 'океан', *hōg*, *hōgin* (стп.-м. *qogin*) 'двадцать', *hūi* (стп.-м. *qui*) 'вихрь' и т.п.

В восточном диалекте Внутренней Монголии, который охватывает арухорчин-баринский, хорчинский и харачин-тумутский говоры, Б.Х. Тодаевой [1960, с. 22–23] также отмечены как самостоятельные фонемы гласные *ā*, *ō*, *ū* (*ā*, *ō*, *ū*) в твердорядных по происхождению словах, например:

ā — ару-хорч. *гāна* 'узнать' (ср. бур. *гани-*), хорч. *сāлхән* 'ветер' (ср. бур. *halxin*), харач. *āрван* 'много' (ср. бур. *арьбан*);
ō — ару-хорч. *мōр* 'конь' (ср. бур. *морин*), харач.-тум. *хōрмō* 'подол' (ср. бур. *хормой*), хорч. *ōрō* 'вечер' (ср. бур. *орой* 'поздно');
ū — ару-хорч. *ūсгār* 'скука' (ср. бур. *уйдхар*), харач. *ūна* 'падать' (ср. бур. *уна-*).

Об этой особенности монгольских говоров Внутренней Монголии писал и А.Д. Руднев [1911, 188].

Таким образом, опереднение заднерядных гласных под влиянием *i*, отмечаемое в западных (эхиритского происхождения) говорах бурятского языка представляет собой явление, характерное в общем-то для многих монгольских языков. Наиболее сильно же и последовательно оно развилось в ойратском языке и в тех диалектах других монгольских языков, которые каким-либо образом связаны своим происхождением либо контактами с ойратскими диалектами.

В системе фонем бурятского языка палатализация согласных играет смысловозначительную роль, т.е. она фонематична [см.: Бураев 1959, с. 49]. Так, например, как уже отмечалось выше, только мягкостью согласных различается смысл таких слов: *нуур* 'озеро' и *н'уур* (орф. *нюур*) 'лицо'; *ханааха* 'удовлетворить' и *хан'ааха* (орф. *ханяаха*) 'кашлять'; *ноноор* 'оводом' и *нон'оор* (орф. *нонеор*) 'интересно'; *арбан* 'десять' и *ар'бан* (орф. *арьбан*) 'брюшной жир лошади'; *бараа* 'исчерпался' и *бар'аа* (орф. *баряа*) 'схватил', *алаа* 'убил' и *ал'аа* (орф. *альяа*) 'шаловливый'; у булагатов *татаа* 'тянул' и *таг'аа* 'курица'.

Подобные же пары слов наблюдаются и в халха-монгольском языке, например: *бар* 'тигр', 'исчерпайся' и *барь* 'схватил'; *тав* 'пять' и *тавь* 'поставь'; *хап* (орф. *хана*) 'стена' и *хан*' (орф. *хань*) 'интимный друг', *ам* 'рот' и *амь* 'жизнь'; *ал* 'убей' и *аль* 'который', *зад* 'волшебный камень, который по старинному поверью вызывал дождь' и *задь* 'мускатный орех'.

Как самостоятельные фонемы отмечает Б.Х. Тодаева [1960, с. 28] смягченные согласные, противопоставленные несмягченному, в баргу-бурятском диалекте (охватывает говоры хучин-баргутский, шинэ-баргутский и бурятский) Внутренней Монголии, например: *нур* 'озеро' — *н'ур* 'лицо'; *алā* 'убил' — *ал'ā* 'шаловливый'.

В калмыцком языке, благодаря переходу слов из твердого ряда в мягкий, в подобных случаях представлены обычные смягченные согласные, которые в данной ситуации не противопоставлены несмягченному [см.: Биткеев 1965, с. 20–22]. Поэтому в калмыцком языке подобные слова противопоставляются не палатализованными согласными, как обстоит в халхаском и бурятском языках, а принадлежностью всего слова к твердому или мягкому ряду, например: *амн* 'рот' — *амн* 'душа', *нур* 'озеро' — *нур* 'лицо', *хув* 'янтарь' — *хув* 'часть, доля', *хорх* 'робеть' — *хөрх* 'запрещать'. Но в то же время и в калмыцком языке в ряде случаев мы имеем на месте палатализованных согласных бурятского и халхаского языков соответствующие среднеязычные согласные [см.: Биткеев 1965, с. 22], развившиеся из палатализованных. Слово при этом не теряет свою былую принадлежность к твердому ряду. Примерами могут служить следующие пары слов, противопоставляемые и в калмыцком языке только согласными: *ханях* (χара:χλ) 'кашлять' — *ханах* (χапа:χλ) 'удовлетворять', *ал* 'убей' — *аль* 'дай-ка сюда', *залхх* 'присоединять' — *зальгх* 'проглатывать', *зал* 'зал' — *заль* 'пламя', *бот* 'боты' — *боть* 'том'. Но таких пар слов в калмыцком языке немного.

Зато в дагурском языке палатализованные согласные представлены в составе большого количества слов [см.: Поппе 1930, с. 142] тоже под влиянием гласного *i, например: *м'āзā* 'мясо', *āл'ī* 'какой' (ср. *ал* ~ *ал'ā* 'убивать'), *ам'ī* 'жизнь' (ср. *ам* ~ *амā* 'рот'), *б'āl* 'сразу' (ср. *бал* ~ 'хоронить'), *бār'ī* 'держатъ' (ср. *барā* 'кончатъ'), *бār'ī* 'невестка' (ср. *бērē* 'женщина'), *мор*' ~ *мор'ī* 'конь', *хоб'ī* 'удел, счастье', *нар'тң* 'тонкий', *н'īд* ~ *н'īдē* 'глаз', *н'īрō* 'конек крыши', *н'омбос* 'слеза', *ор'ē* 'завязать, запутать', *тар'ē* ~ *тār'ē* 'пашня', *хон*' ~ *хон'ī* 'овца'.

Палатализация согласных, однотипная с бурятской, широко представлена и в языке дархатов [см.: Санжеев 1931, с. 13–16, словарь на с. 44–57], у которых имеются палатализованные *л', р', т', м', н', б', х', ч', ш', ж'*, на-

пример: *ан'аха* 'закрыть глаза', *ам'иң* 'жизнь' (ср. *амаң* 'рот'), *ар'уң* 'чистый', *ерг'ихэ* 'вернуться', *инехэ* 'смеяться', *он'ж'ихэ* 'дневагь', *хараха* 'уходить домой' (ср. *харха* 'смотреть'), *хихэ* 'делать', *халгаха* 'слегка отсечь что-либо', *хон'ч'ар* 'рыло', *хор'иң* 'двадцать', *хор'им* 'пир, свадьба', *хуб'а* 'доля', *хур'игаң* 'ягненок', *т'ише* 'туда', *т'имэ* 'такой', *н'ур* 'лицо' (ср. *нур* 'озеро'), *н'ургаң* 'спина', *н'алдах* 'прилипаться', *м'ила* 'пир у новорожденного'.

Таким образом, палатализация согласных и бытование этих согласных как фонем не является особенностью лишь бурятского языка и довольно заметна в ряде других монгольских языков, во всяком случае бесспорна для дагурского и дархатского языков. В этой связи требует уточнения следующее высказывание Г.Д. Санжеева [1953, с.40]: "Но наиболее характерным для всего бурятского языка является то, что в нем, за весьма редкими исключениями, устойчиво и последовательно отражается исторический гласный *i* в виде палатализации соответствующих согласных ... Как известно, во всех современных монгольских языках, кроме бурятского, сохранение и отражение исторического гласного *i* отмечается сравнительно редко". Если в первой своей части, касающейся бурятского языка, это утверждение Г.Д. Санжеева абсолютно справедливо, то относительно отражения **i* в виде палатализации согласных в других монгольских языках как редкого явления необходимо внести некоторые коррективы. Дело в том, что это суждение опровергается, кроме дагурского и дархатского языков, сам халха-монгольский язык, в котором широко представлены палатализованные согласные как фонемы, причем возникли они под влиянием гласного **i* как остаточное явление после его перелома, например: х.-монг. *ам* 'рот' — *амь* 'жизнь' (ср. стп.-м. *амап* — *амин*), *хар* 'черный' — *харь* 'вернись' (ср. стп.-м. *цага* — *цаги*), *бар* 'тигр' — *бяр* 'сила, мощь' (ср. стп.-м. *баг* — *бира*), *налах* 'прислоняться, облакачиваться' — *нялах* 'размазывать' (ср. стп.-м. *налуқ* — *нилақ*) и т.п. Таких слов в халха-монгольском языке, в которых **i* исчезло, оставив после себя палатализацию согласного, насчитывается десятки, если не сотни.

Однако палатализованные согласные, возникшие в монгольских языках как следствие влияния **i*, не всегда совпадают по языкам, что свидетельствует о неравномерности этого процесса. Сравним некоторые примеры:

Бур.	Даг.П	Дархат.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.
<i>мяхан</i>	<i>м'ага</i>	<i>мах</i>	<i>мах</i>	<i>махн</i>	<i>miqan</i> 'мясо'
<i>нялха</i>	<i>н'алх</i>	<i>налх</i>	<i>нялх</i>	<i>нилх</i>	<i>nilqa</i> 'младенец'
<i>нюдэн</i>	<i>н'ид</i> ~ <i>н'иде</i>	<i>н'уде</i> ~ <i>нуде</i>	<i>нуд</i>	<i>нудн</i>	<i>nidün</i> 'глаз'
<i>нюрган</i>	<i>н'ир</i> 'конек кры-ши'	<i>н'ург</i>	<i>нуруу</i>	<i>нурһн</i>	<i>niγuγun</i> 'спина'
<i>нелбоһон</i>	<i>н'омбос</i>	—	<i>нулимс</i>	<i>нульмсн</i>	<i>nilbusun</i> 'слеза'
<i>орёо-</i>	<i>ор'е-</i>	—	<i>ороо-</i>	<i>ора-</i>	<i>oγiγa-</i> 'обверты-вать'
<i>тарьян</i>	<i>тар'е</i> 'пашня'	—	<i>тариа</i>	<i>тарэн</i>	<i>tariyan</i> 'хлеб, зерно'

Бур.	Даг.П	Дархат.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.
хоцин	хон' ~ хон'й	хон'йң	хонь	хөн	qopin 'овца'
морин	мор' ~ мор'й	мөр'йң	морь	мөрн	morin 'лошадь'
хуби	хоб'й	хуб'а	хувь	хув	qubi 'доля, удел'
амин	ам'й	ам'йң	амь	эмн	amin 'жизнь'
арюун	—	ар'уң	ариун	эрун	arjyun 'чистый'
нюур	—	н'ур	нуур	нур	niyur 'лицо'
хурьган	—	хур'игаң	хурга	хурһн	quragan 'ягненок'

Как можно видеть из примеров, в бурятском языке совпадений среди палатализованных согласных гораздо больше с дагурским и дархатским языками, что свидетельствует о некоторой однотипности этих языков. Халхаский же и калмыцкий зачастую просто переводят слова из твердого ряда в мягкий, особенно это характерно для калмыцкого языка. Но в то же время, как подтверждает приводимый выше материал, и в халхаском, и в калмыцком имеется достаточно много слов, в которых представлены палатализованные гласные. Однако, отдавая дань справедливости, следует все же отметить, что в отношении палатализации согласных бурятский язык остается среди современных монгольских языков поистине непревзойденным. В нем палатализация согласных проявляется в громадном количестве слов, где ее нет ни в халхаском, ни в калмыцком языках (ввиду ограниченности материалов по языку дагуров и дархатов их данные не приводим). Ср., например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
нютаг	нутаг	нутг	nituy	nutuq	кочевье
нюу-	нуу-	нуу-	niyu-	ni'ü-	прятать
няа-	наа-	наа-	niya-	ni'ä-	клеить
хюмһан	хумс	хумсн	kimusun	qimusun	ноготь
нюха-	нух-	нух-	niqu-	—	размять
заряа	зараа	зара	jariy-a	jari'ä	еж
буляа-	булаа-	була-	buliya-	—	отнять
долёо-	долоо-	доло-	doliya-	dola-	лизать
злез	злээ	злә	eliye	—	коршун
зрезн	зрээн	зрэн	eriyen	—	пестрый
нюдэ-	нүд-	нүд-	nidü-	—	толочь
здеэн	идээ	идэн	idegen	ide'en	пища
булезн	булээн	булэн	büliyen	—	теплый

Как видно из примеров, палатализация в бурятском языке представлена и в мягкорядных словах, если в них в прошлом был этимологический *i. Таким образом, является закономерностью развитие в бурятском

языке палатализации там, где после палатализованного согласного исторически был гласный *i независимо от принадлежности слова к твердому или мягкому ряду. Во всех приводимых выше примерах твердоядных и мягкорядных слов на месте *i развились уже другие гласные, что явилось следствием так называемого перелома *i, который исчез, оставив после себя палатализацию согласного. В тех же случаях, где не развилась палатализация согласного, как, например, во многих случаях в халхаском и калмыцком языках, особенно в халхаском, хотя в бурятском языке имеется палатализация, а в старописьменном монгольском сохраняется гласный *i, там, действовали другие причины и следует искать другое объяснение, нежели влияние *i.

Дело в том, что, как уже упоминалось выше, в истории монгольских языков восстанавливается система вокализма, для которой был характерен гласный *i, твердоядный антипод мягкорядного гласного *i [см.: Владимирцов, с. 118—123, 170—190]. Система была такова:

Задний ряд:	а	о	u	ï	ǰ	ǰ	ǰ
Передний ряд:	е	ö	ü	i	ɨ	ɨ	ɨ

Эта система получила выражение и в начальном этапе развития старомонгольской письменности на основе уйгурского алфавита. При этом, по свидетельству Б.Я. Владимирцова [с. 120—121], мягкорядный i (ǰ) сочетался только со знаком k и g (буквой kaph ʔ), например: kiged 'и', endekin 'здесь', činggis 'Чингис', sedkiǰü 'подумав', а твердоядный i (ɨ) сочетался с q и γ (буквой heth ʔ ~ ʔ), например: joqıqu 'годиться', orııl 'вершина', urıdaqı 'прежний', taqıyčid 'приносящие жертву', qılınca 'грех', qıjaıar 'граница, край'. Уже, вероятно, в половине XIII в. монголы перестали различать в произношении i и i. Гласный i слился с гласным i. Аналогичную картину мы наблюдаем и в языке современных уйгуров, которые перестали различать гласные i и i. У них как в твердом, так и в мягком ряду представлена одна фонема i. В твердоядных словах она сочетается с увулярными согласными, а в мягкорядных — с заднеязычными, например:

Др.-тюрк.	Кирг.	Уйг.	Узб.	Значение
qiz	qiz	qiz	qiz	дочь
qizil	qizil	qizil	qizil	красный
ayir	oor	eıyr		тяжелый
qırq	qırq	qiriq	qırq	сорок
iki, eki	eki	ikki	ikki	два

"И — исторически возникло в результате конвергенции контрастирующих пар гласных ы и i в одной индифферентной фонеме" [Кайдаров, с. 366].

Аналогичное развитие ы и i в одну фонему i произошло и в узбекском языке, по всей вероятности под влиянием уйгурского языка, с которым они объединяются в одну карлукско-хорезмийскую подгруппу, входящую в карлукскую группу тюркских языков [см.: Баскаков, с. 29^о, 304].

Хотя еще в XIII в. в произношении монголы перестают различать i и i, но по традиции в письменности, сохраняющей уйгурское начертание,

вплоть до XVI в. продолжали писать буквосочетания qī и γī в твердорядных словах, а ki и gi в мягкорядных. В конце XVI в., когда была произведена реформа монгольской письменности, которая устранила архаизмы, непонятные пишущим и читающим на этом языке, изменила начертание букв и ввела некоторые новые знаки (галик), было устранено и написание qī, γī. Вместо них в твердорядных словах стали писать буквосочетания ki, gi, например: orgil 'вершина' (вм. orγil), kiḡaγar 'граница' (вм. qīḡaγar), ḡokiq 'годиться' (вм. ḡoqīqu), takīqu 'приносить жертву, чтить' (вм. taqīqu) [см.: Владимирцов, с. 122].

Под влиянием переломов гласного *ī → i, начавшихся еще в дописьменный период монгольских языков (по Санжееву [1953, с. 109], 1-й перелом произошел около VII–X вв., 2-й — X–XII вв., 3-й — XIV–XVI вв.), в монгольских языках на месте ī и i развились другие гласные. В приводимых выше примерах из бурятского языка, сохраняющих палатализацию на месте *i, перелом этого гласного происходил в довольно позднее время. Во всяком случае тогда, когда на месте *i в твердорядных словах уже развился переднерядный i. То, что в халха-монгольском и калмыцком языках в этих словах отсутствует палатализация согласных и они произносятся твердо, свидетельствует о переломе, произошедшем еще тогда, когда здесь произносился заднерядный ī.

Развивая теорию переломов i, выдвинутую Г.И. Рамstedтом [см.: 1908] и обоснованную Б.Я. Владимирцовым, Г.Д. Санжеев [1953, с. 119] справедливо пишет: "Палатализация, как фонологически значимый фактор, представляет собой явление, которое обязано своим происхождением именно влиянию гласного i, действующему и после исчезновения этого гласного, и относится к периоду второго и третьего переломов i. ... В условиях первого перелома гласного *i, еще не перешедшего в передний ряд, т.е. не ставшего гласным i, палатализация не имеет места, например: халхаск. мах ← мака ← мiка 'мясо' = бур. махā ← миha ← мiка ← мiка; халхаск. нāх ← наḡаху ← нiḡаху ← нiḡаку 'клеить' = бур. н'āха ← нiḡаху ← нiḡаху ← нiḡаку. В ойратском языке ... именно под влиянием гласного i слова заднего ряда переходят в передний ряд...".

Таким образом, продолжая и развивая эту мысль, мы можем восстанавливать в тех случаях, где отсутствует палатализация, хотя в старописьменном монгольском языке и пишется i, гласный *i, который претерпел перелом еще на этой стадии. Пользуясь этим правилом, мы можем предполагать, например, для халхаского, калмыцкого и бурятского языков следующие праформы:

Калм.	Х.-монг.	Праформа	Бур.	Праформа	Значение
махн	мах	*miqan	м'ахан	*miqan	мясо
нудрi	нударга	*nidurya	н'ударга	*nidurya	кулак
нуге	нутаг	*nituy	н'утаг	*nituy	кочевье
нуу-	нуу-	*niyu-	н'уу-	*niyu-	прятать
хумсн	хумс	*qimusun	х'умһан	*kimusun	ноготь
була-	булаа-	*buliya-	бул'аа-	*buliya-	отнять
ора-	ороо-	*oriya-	ор'оо-	*oriya-	обмотать
дола-	долоо-	*doliya-	дол'оо-	*doliya-	лизать
наа-	наа-	*niya-	н'аа-	*niya-	клеить

Опираясь на эту закономерность, мы можем также предполагать, что в тех единичных словах бурятского языка, в которых отсутствуют палатализованные согласные, хотя в других монгольских языках они представлены, перелом произошел тоже еще на стадии *i. Ср., например:

Бур.	Праформа	Калм.	Х.-монг.	Праформа	Значение
<i>буруу</i>	*birayu	<i>буру</i>	<i>б'аруу</i>	*birayu	теленос
<i>нарай</i>	*nirai	<i>нирэ,</i> <i>нира</i>	<i>н'арай</i>	*nirai	новорожденный
<i>ургы</i>	*irγui	—	<i>яргуй</i>	*irγui	подснежник

В истории монгольских языков перелом i~i начался и проходил в разное время и завершался отнюдь не синхронно. По-видимому, тенденция перелома i~i, связанная с тем, что эти гласные, занимая неустойчивую позицию, вероятно, в слабом слоге, стали ассимилироваться гласным сильного слога¹, началась очень давно, еще на стадии *i и продолжалась и завершалась уже на стадии i. В халхаском языке эта тенденция еще, по-видимому, не совсем изжила себя, так как в устной речи словоформы типа *бид нар* 'мы', *перевоз* (< русск.) произносятся как *б'аднар*, *б'арваас*. В бурятском языке массовый перелом начался относительно поздно, уже на стадии i, в то время как в халхаском и калмыцком довольно рано, на что указывает значительное количество словоформ без палатализации согласного. В бурятском языке в этих словах палатализация.

Но в то же время и в этих языках имеется целый ряд слов, в которых перелом произошел на стадии i, следствием чего явилась палатализация согласных, например:

Калм.	Х.-монг.	Бур.	Стп.-м.	Значение
<i>алья</i>	<i>алиа</i>	<i>алья</i>	<i>aliya</i>	озорник
<i>сунья-</i>	<i>суниа-</i>	<i>һунья-</i>	<i>suniya-</i>	потягиваться
<i>ханья-</i>	<i>ханиа-</i>	<i>ханья-</i>	<i>qaniya-</i>	кашлять
—	<i>боль</i>	<i>боли</i>	<i>boli</i>	перестань

Форм без палатализации в монгольских языках все же не так много. Основная масса слов, в которых в старомонгольском языке был представлен i, и в халхаском и в калмыцком языках претерпела перелом на стадии i, на что указывает палатализация. Ср., например, халхаские слова типа *бяцхан* (стп.-м. bičiqan) 'маленький', *мянга* (стп.-м. mingγan) 'тысяча', *хятай* (стп.-м. kitai) 'тонкие кишки лошади', *хяр* (стп.-м. kira) 'гребень горы', *нягт* (стп.-м. niγta) 'плотно', *хялбар* (стп.-м. kilbar) 'легкий', *хярмаг* (стп.-м. kiγmaγ) 'пороша', *хянах* (стп.-м. kinaqu) 'контролировать', *хялгас* (стп.-м. kilyasun), 'конский волос', *мяндас* (стп.-м. mindasun) 'шелковая нить', *нялх* (стп.-м. nilqa) 'новорожденный', *хямд* (стп.-м. kimda) 'дешевый', *хялгана* (стп.-м. kilγana) 'ковыль' и т.п. В бурятских параллелях ко многим из этих халхаских слов в основном тоже представлены палатализованные согласные, например:

¹ Близок к истине был Б.Я. Владимирцов [с. 190], предполагая, что "монг. письм. i < *i и i < *i является фонемой слабой, легко подвергающейся в дальнейшей жизни языка различным изменениям и легко уступающей место другим фонемам".

Х.-монг.	Бур.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>мянга</i>	<i>мянган</i>	<i>миңһн</i>	<i>mingyan</i>	тысяча
<i>хятай</i>	<i>хята</i>	<i>кит</i>	<i>kitai</i>	тонкие кишки лошади
<i>хяр</i>	<i>хяра</i>	<i>кир</i>	<i>kira</i>	гребень горы
<i>нялх</i>	<i>нялха</i>	<i>нилх</i>	<i>nilqa</i>	младенец
<i>нягт</i>	<i>нягта</i>	<i>нигт</i>	<i>niyta</i>	плотный

В калмыцком языке, как видно из примеров, перелом гласного *i в этих словах не произошел, что говорит о том, что тенденция перелома i в калмыцком языке завершилась и перестала действовать гораздо раньше, чем это произошло в халхаском и бурятском языках. В последних двух языках перелом гласного i наблюдается во многих словах там, где в калмыцком этот i остался без перелома, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>жабар</i>	<i>жавар</i>	<i>живр</i>	<i>jibar</i>	холодный ветер
<i>жада</i>	<i>жад</i>	<i>жид</i>	<i>jida</i>	пика, штык
<i>жарга-шанар</i>	<i>жарга-чанар</i>	<i>жирһ-чинр</i>	<i>jirya-činar</i>	наслаждаться качество
<i>шагна-шадал</i>	<i>чагна-чадал</i>	<i>чиңһ-чидл</i>	<i>čingpa-čidal</i>	слушать сила, мощь
<i>шарай</i>	<i>царай</i>	<i>чирэ</i>	<i>čirai</i>	лицо

Однако имеется и большое отличие бурятского языка от халха-монгольского в том, что бурятский, как и калмыцкий, все же в очень большом количестве слов сохранил древний гласный *i непереломленным, хотя согласный перед ним получил палатализацию. В халхаском же языке в этих случаях перелом i произошел. Это свидетельствует о том, что перелом гласного *i проходил в этих языках по-разному, довольно рано прекратившись в калмыцком и бурятском языках и продолжаясь в халха-монгольском языке, в котором она еще действует. Сравним для примера ряд слов из этих языков, имевших гласный *i:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>бишыхан</i>	<i>бяцхан</i>	<i>бичһн</i>	<i>bičiqan</i>	маленький
<i>илааһан</i>	<i>ялаа</i>	<i>илэһн</i>	<i>ilaya (n)</i>	муха
<i>илгаха</i>	<i>ялгах</i>	<i>илһх</i>	<i>ilyaqu</i>	различать
<i>илзарха</i>	<i>ялзрах</i>	<i>илжрх</i>	<i>iljaraq</i>	гниль
<i>инаг</i>	<i>янаг</i>	<i>иньг</i>	<i>inaγ</i>	возлюбленный
<i>миндаһан</i>	<i>мяндас</i>	<i>миндсн</i>	<i>mindasun</i>	шелковая нить
<i>хилбар</i>	<i>хялбар</i>	<i>килвр</i>	<i>kilbar</i>	легкий
<i>хилгана</i>	<i>хялгана</i>	<i>килһн</i>	<i>kilyana</i>	ковбель
<i>хима</i>	<i>хям</i>	<i>ким</i>	<i>kima</i>	колбаса
<i>хиргаха</i>	<i>хяргах</i>	<i>кирһх</i>	<i>kiryaqu</i>	стричь
<i>хирмаг</i>	<i>хярмаг</i>	<i>кирмг</i>	<i>kirmaγ</i>	пороша
<i>хинаха</i>	<i>хянах</i>	<i>кинх</i>	<i>kinaqu</i>	проверять
<i>бидэнэр</i>	<i>бяднар</i>	<i>бидн</i>	<i>bidanar</i>	мы

Кроме того, имеется ряд слов, в которых гласный, образовавшийся в результате перелома *i, стоит сейчас после согласных *й, дз* (орф. *э*), *дж* (орф. *ж*), *ч, ц, ш* в халхаском языке; после *й, э, ж, ш, с* в бурятском и

после *й*, *дж* (орф. *ж*), *з*, *ш*, *ц*, *ч* в калмыцком. Эти согласные не имеют здесь явно выраженной палатализации, как мы наблюдали в случаях со смычными согласными, рассмотренными выше, поэтому на первый взгляд трудно решить, на какой стадии произошел перелом, на стадии **i* или на стадии **i*. Отсутствие палатализации должно бы формально говорить в пользу **i*. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это далеко не так. И здесь перелом произошел на стадии **i* во всех привлеченных трех языках (халха-монгольском, калмыцком и бурятском), о чем свидетельствует уже само наличие указанных согласных, происхождение которых в монгольских языках связано именно с гласным **i*. Слова эти следующие:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>зааха</i>	<i>заах</i>	<i>заах</i>	<i>ǰiyaqu</i>	указывать
<i>загаһан</i>	<i>загас</i>	<i>заһсн</i>	<i>ǰiyasun</i>	рыба
<i>зургаан,</i> <i>жоргоон,</i> <i>жоргоон</i>	<i>зургаан</i>	<i>зурһан</i>	<i>ǰirγuyan</i>	шесть
<i>зураха</i>	<i>зурах</i>	<i>зурх</i>	<i>ǰiruqu //</i> <i>// juruqu</i>	чертить
<i>зурхэн</i>	<i>зурх</i>	<i>зурхн</i>	<i>ǰirüken</i>	сердце
<i>жолоо</i>	<i>жолоо</i>	<i>жҗола</i>	<i>ǰiluya</i>	поводья
<i>жороо</i>	<i>жороо</i>	<i>жҗора</i>	<i>ǰiruya</i>	иноходец
<i>жүтөөн</i>	<i>жөтөө</i>	<i>жүтән</i>	<i>ǰitügen</i>	ревность
<i>жүһэн</i>	<i>зус</i>	<i>зусн</i>	<i>ǰisün</i>	масть
<i>шааха</i>	<i>шаах</i>	<i>шаах</i>	<i>šiyaqu</i>	вбивать
<i>шабаха</i>	<i>шавах</i>	<i>шавх</i>	<i>šibaqu</i>	обмазывать
<i>шабар</i>	<i>шавар</i>	<i>шавр</i>	<i>šibar</i>	глина, грязь
<i>шара</i>	<i>шар</i>	<i>шар</i>	<i>šira</i>	желтый
<i>шараха</i>	<i>шарах</i>	<i>шарх</i>	<i>širaqu</i>	жарить
<i>шоно</i>	<i>чоно</i>	<i>чон</i>	<i>činu-a</i>	волк
<i>шубуун</i>	<i>шувуу</i>	<i>шовун</i>	<i>šibayun</i>	птица
<i>шулуун</i>	<i>чулуу</i>	<i>чолун</i>	<i>čilayun</i>	камень
<i>шуһан</i>	<i>цус</i>	<i>цусн</i>	<i>čisun</i>	кровь
<i>шүдэн</i>	<i>шүд</i>	<i>шүдн</i>	<i>šidün</i>	зуб, зубы
<i>шүлэн</i>	<i>шөл</i>	<i>шөлн</i>	<i>šilün</i>	бульон
<i>сүлөө</i>	<i>чөлөө</i>	<i>чөлэн</i>	<i>čilüge</i>	свобода
<i>ямаан</i>	<i>ямаа</i>	<i>яман</i>	<i>imayan</i>	коза
<i>яргай</i>	<i>яргай</i>	<i>ярһэ</i>	<i>irγai</i>	кизил

В старомонгольском языке этим согласным соответствуют шипящие аффрикаты *ǰ* и *š*, гласный *i*, очень узкий и палатальный уже сам по своей природе, получивший в этих языках протетический *j*, который в данном случае остался после перелома *i*, и щелевой шипящий согласный *š*, развившийся из **s*. Сами шипящие *ǰ*, *č* и *š* развились, по общепринятой и широко известной в монголоведении теории из **d*, **t* и **s* в позиции перед **i*. После того как **i* → *i*, ранние сочетания **d**i*, **t**i*, **s**i* перешли в **d**i*, **t**i*, **s**i*. Согласные *d*, *t* и *s* превратились здесь в мягкие шипящие аффрикаты *ǰ* и *č* и шипящий проточный *š*. Таким образом, и в приведен-

ных выше словах, хотя начальные согласные современных языков *й, ш, ж, з, ц, ч, с* не имеют противопоставленных пар по палатализованности и непалатализованности, мы можем с твердой уверенностью сказать, что и в них перелом произошел на стадии *i*, когда уже развились *j, ç* и *š* из **d, *t* и **s* в позиции перед *i*. А бурятские словоформы *шуһан* 'кровь', *жоргоон* 'шесть', в которых *ш* и *ж* закономерно развились непосредственно из шипящих аффрикат *ç* и *j*, хотя в халхаском и калмыцком здесь свистящие звуки *ц* и *дз~з*, дополнительно свидетельствуют, что это была стадия *i*, а не **i*.

Итак, перелом, захватив **i*, главным образом в халхаском и калмыцком языках, продолжал развиваться еще и на стадии, когда **i* перешел в **i*, результатом чего явилась палатализация смычных согласных и формы с *й*, аффрикатами и *ш*, характерные для всех трех языков, халхаского, калмыцкого и бурятского. Далее, заглухнув по каким-то причинам в калмыцком (ойратском) языке, а затем и в бурятском, тенденция перелома *i* сохраняется и продолжает действовать в халха-монгольском языке. В результате в халхаском после исчезновения *i* осталась палатализация согласных, а в бурятском после палатализованных согласных гласный *i* продолжает сохраняться, так и не претерпев перелома. В калмыцком языке сохранилось гораздо больше форм с гласным *i*, который не претерпел перелома, но палатализации в калмыцком не развилось, как это произошло в бурятском языке. Для калмыцкого языка исследователями [см.: Биткеев 1964, с. 22] устанавливается либо переход всего слова в мягкий ряд, либо наличие смягченных вариантов согласных. В некоторых случаях и в калмыцком развились палатализованные согласные, но они представлены в разрозненных словах и не образуют целостной системы палатализованных фонем, противопоставленных непалатализованным, как это развилось в халхаском и бурятском языках.

Тенденция палатализовать согласные перед *i* сохраняется в бурятском языке довольно устойчиво. Под ее влиянием палатализация согласных появилась в современном бурятском языке даже там, где не было исторического **i*, а *i* в бурятском языке развился из **e*, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
т'иймэ	тийм	тиим	teyimü	такой
т'ишхэ	тэгэх	тиигх	teyikü	делать так
д'ишлэхэ	дийлэх	дишлх	deyilekü	победить
н'ишлэхэ	нийлэх	нишлх	neyilekü	соединиться
эд'ир	идэр	идр	ider	молодой
эд'ихэ	идэх	идх	idekü	кушать, есть
эт'игэл	итгэл	иткл	itegel	доверие

Под влиянием этой тенденции палатализация захватывает даже стечение двух согласных, если они оказывались перед историческим **i*, например: бур. *сэт'х'эл* 'чувство' (ср. стп.-м. *sedkil*, х.-монг. *сэтгэл*), *тур'х'ихэ* 'намазывать' (ср. стп.-м. *türkikü*, х.-монг. *турхэх*), *тар'х'и* 'голова' (ср. стп.-м. *tarkı*, х.-монг. *тархи* 'головной мозг').

Под палатализирующим влиянием гласного **i* в бурятских говорах произошли также довольно значительные модификации смычных **g* и **k*.

Так, *g в комплексах -ŋg-, -lg- перед *i в хоринских говорах [см.: Шагдаров 1969, с. 23], а также в сартульском [см.: Бураев 1965, с. 117], цонгольском [см.: Будаев 1962, с. 124] дает палатализованный смычный d' (вариативно среднеязычный ħ), согласные ŋ и l при этом тоже получают палатализацию, а заднеязычный ŋ переходит в разряд переднеязычных. В западных же бурятских говорах здесь развился щелевой среднеязычный j [см.: Шагдаров 1969, с. 23], например:

Стп.-м.	Х.-монг.	Лит.-бур.	Хор.	Сарт.	Цоиг.	Зап.-бур.
anggir	ангир	ангир	ан'д'ир	ан'д'ир	ан'д'ир	ан'jar 'турпан'
manggir	мангир	мангир	ман'д'ир	ман'д'ир	ман'д'ир	ман'jar 'дикий лук'
dolgiyan	долгион	долгёон	дол'дон	дол'дон	долдон	дол'joон 'волна'
jalgi-	залги-	залги-	зал'д'и-	зал'д'и-	зал'д'и-	зал'ja-'глотать'

Появление смычного сильно палатализованного d' (по нашим наблюдениям среднеязычного смычного ħ) на месте *g перед i в этих же комплексах отмечается также в нижнеудинском говоре [см.: Санжеев 1930, с. 3], например: *тэн'д'ё* 'опорный столб в юрте' (ср. лит.-бур. *тээнги*), *тэн'д'ёр* 'небо' (ср. стп.-м. *tnggi*, лит.-бур. *тэнгэри*), *ман'д'иһаң* 'дикий лук' (ср. стп.-м. *manggirsun*, лит.-бур. *мангир*).

Смычный же сильно палатализованный d' развился здесь и в говоре окинских бурят, например: окинск. *ман'д'иһан* 'дикий чеснок', *тээн'д'и* 'опорный столб в юрте', *ан'д'ир* 'турпан'.

Согласный *g перед *i в позиции после дрожащего r и l в интервокальном положении почти во всех бурятских говорах [см.: Шагдаров 1969, с. 23; Абашеев, с. 11; Будаев 1965, с. 159; Мигрошкина 1968, с. 52; Матхеев 1956, с. 114] переходит в щелевой среднеязычный j как в корневых словах, так и в аффиксах, например:

Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Бур.	Значение
ergi	эрэг	эрг	эрье	берег
burgi-	бурги-	буркр-	бурья-	клубиться
baγagi-	бааги-	—	баая-	клубиться (о дыме)
jasay-i	засгийг	засгийг	засае	власть (вин.п.)
bulay-i	булгийг	булгийг	булае	родника
čigi	ч	чиги	шье	уступ. частица
ergineg	эргэнэг	эргнег	эрьенэг (тунк.)	посудный шкаф
agi	агь	эгь	ая	попынь
ergi-	эрги-	эрг-	эрье-	кружиться
qargi	харги	—	харья	быстрина на реке

В то же время в восточных бурятских говорах, а через них и в бурятском литературном языке наряду со случаями перехода палатализованного g' в щелевой j, широко распространенными в западных бурятских говорах, отмечаются моменты сохранения этого g' (вост.-бур. d'), что свидетельствует о том, что процесс ослабления смычки, обусловивший

переход $z' \rightarrow j$, захвативший когда-то и восточные бурятские говоры, давно в них прекратил свое действие, продолжаясь, напротив, в западных бурятских говорах и широко их захватив. Примеры:

Стп.-м.	Х.-монг.	Лит.-бур.	Вост.-бур.	Зап.-бур.
jalgi-	залги-	залги-	зал'д'и-	зал'ja- 'глотать'
bulgi-	бул'и-	булги-	бул'д'и-	бул'ja- 'сбрасывать' — о коне'
γanggina-	гангина-	гангина-	ган'д'ина-	ган'jana- 'визжать'
qanggil	хангил	хангил	хан'д'ил	— 'гольцы'

Исторический *g перед *i в восточных говорах и в литературном языке в анлауте тоже дает щелевой j, в западных же говорах z в этой позиции сохраняется, например:

Стп.-м.	Х.-монг.	Лит.-бур.	Зап.-бур.	Значение
gilayi-	гялай-	ялай-	гилай-	сверкать
gilalja-	гялалза-	ялалза-	гилалза-	сиять
gilba-	гялба-	ялба-	гилба-	сверкать
giliyi-	гилий-	елы-	гилы-	блестеть
gileger	гилгэр	елэгэр	гилгэгэр	лоснящийся

Переход палатализованного переднеязычного *g в среднеязычные ɧ и j объясняется тем, что под влиянием гласного i, артикуляция которого совпадает со среднеязычной артикуляцией у согласных, этот g начинает образовываться смычкой средней части спинки языка, что как раз и дает среднеязычный смычный ɧ , весьма близкий акустически к сильно палатализованному d', являясь для бурятского языка, видимо, его произносительным вариантом. В случае же фрикативного произнесения этого g' перед i получается щелевой среднеязычный звук j. Для современных бурятских говоров произнесение g как щелевого или как смычного звука представляет собой сугубо вариативное явление. Так, общебурятское слово *убгэн* 'старик' в одних говорах и даже одними лицами произносится со щелевым z как $\text{übz}\eta$, а в других — со смычным z — $\text{übgz}\eta$. Произношение g как щелевого звука в бурятском языке связано с действием общей тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов, как и сам переход палатализованного z' в щелевой j.

Перехода *gi в ji не произошло, по свидетельству Д.Г. Дамдинова [1968, с. 86], в языке олонских хамнигаи, которые сохраняют сочетание gi без изменения во всех позициях в слове, например: хамниг. *гилагар* 'блестящий' (лит.-бур. *ялагар*), хамниг. *эргику* 'кружиться' (лит.-бур. *эрхэхэ*), хамниг. *царги харг'уи* 'утоптанная, протореинная дорога' (лит.-бур. *сарья харгы*), хамниг. *хонончиги* 'с ночлегом' (лит.-бур. *хононшье*).

Под влиянием i палатализуется также исторической согласный *k. При этом в говорах с этим *k в позиции перед i произошли различные модификации.

Так, в восточных говорах, как и в литературном бурятском языке,

на месте исторического комплекса *ki в анлауте развилось сочетание х'и, т.е. *k ослабился и перешел в проточный согласный, палатализация осталась, например: х'иима 'колбаса', х'иу 'воздух', сэт'х'эл 'душа', тар'х'и 'голова', ар'х'и 'водка'. В то же время в непервых слогах *k перед *i в восточных говорах дает палатализованный смычный т', отражаясь в литературном языке в виде хи, например: вост.-бур. *һал'т'ан*, лит.-бур. *һалхин* – стп.-м. *salkin* 'ветер'; вост.-бур. *тамт'ан*, лит.-бур. *тамхин* – стп.-м. *tamakı* 'табак' и т.п. [см.: Шагдаров 1967, с. 97].

Палатализованный щелевой х' представлен в сартульском говоре [см.: Бураев 1965, 116], например: х'иихэ 'делать', цах'уур 'кремень', цох'илто 'удар'; в цонгольском говоре [см.: Будаев 1965, с. 153, 158, 159], например: эрх'им 'лучший', эмх'и 'порядок', х'иисхэ 'нестись по ветру', цорх'ируу 'куропатка', х'ялгоос 'коиские волосы'.

В языке оноиских хамниган комплекс *ki в основном сохраняется, не переходя в щелевой х' [см.: Дамдинов 1968, с. 85, 88], например: кивзе 'ковер' (стп.-м. *kibes*), кий 'сухой навоз для подстилки' (ср. як. *кии*, др.-тюрк. *qıy* 'навоз'), кируу 'иной' (стп.-м. *kirayı*), киргаха 'стричь' (стп.-м. *kiryaqu*), кисуур 'скобель' (стп.-м. *kisuyur*). Иногда, особенно в непервых слогах, *ki дает в хамниганском т'и, например: салти//салки 'ветер', талти//талки 'кожемялка', кунтинэку 'гудеть' (ср. лит.-бур. *хунхинэхэ id.*).

Палатализованный х' на месте исторического комплекса *ki сохраняется в качугском говоре [см.: Митрошкина 1968, с. 52], например: тах'я 'курица', тамхин 'табак', мулх'ихэ 'ползаты'.

В тункинском говоре [см.: Абашеев, с. 11] отмечаются случаи как сохранения х', так и перехода его в палатализованный свистящий с', например: с'ити//х'иу 'сухой навоз', тах'я 'курица', с'ерхо//х'ерхо 'наблюдательный', с'юруу//х'юруу 'иной', с'яра 'ребень горы' (лит. *хяра*), эрс'ин 'верхняя колода двери' (лит. *эрхин*), һальс'ин 'ветер' (лит. *һалхин*).

По свидетельству Н.Н. Поппе [1930а, с. 8], это же характерно и для аларских бурят, например: дах'иң~дас'иң 'опять', х'и~с'и 'сухой навоз'.

В окинском говоре, по нашим наблюдениям, на месте *ki, как правило, выступает палатализованных х', например: сах'иха 'высекать огонь' (стп.-м. *şakıqu*), сах'уур 'кремень' (стп.-м. *şakıyur*), х'алгана 'ковьяль' (стп.-м. *kılana*), х'уруу 'иной' (стп.-м. *kirayı*), х'армаг 'пороша' (стп.-м. *kirmağ*), жэрх'и 'бурундук' (стп.-м. *jirki*), һах'иха 'стеречь' (стп.-м. *sakıqu*), мох'ин 'жевательная сера' (стп.-м. *bokı*). Но в то же время в единичных словах встретился смычный палатализованный т', например: һальт'ин 'ветер', талт'и 'кожемялка', тулт'ихэ 'толкать' (стп.-м. *tülkikü*), мулт'ихэ 'ползаты', а также палатализованный свистящий с', который варьировал в произношении с х', например: сох'ихо~сос'ихо 'бить' (стп.-м. *şokıqu*), дах'ин~дас'ин 'еще, опять', орх'ихо~орс'ихо 'бросать', арх'и~арс'и 'водка', тамх'и~тамс'и 'табак'. Встретились предложения, в которых *ki в разных словах дал разные рефлекссы, например: саарһан һал'т'инда х'иидээ 'бумагу унесло ветром' (ср. лит.-бур. *саарһан һалхинда хиидээ id.*).

В боханском говоре отмечается переход палатализованного х' (< *ki) сразу в с', т' и ш', что правильно объясняется М.П. Хомоновым принадлежностью людей к разным родовым группам [см.: 1965, с. 46–47]:

Улус Тараса	Улусы Эрхидэй, Шаралдай	Улус Обуса	Лит.-бур.	Значение
<i>арси</i>	<i>арши</i>	<i>арти</i>	<i>архи</i>	водка
<i>тамси</i>	<i>тамши</i>	<i>тамти</i>	<i>тамхи</i>	табак
<i>сируу</i>	<i>шируу</i>	<i>тируу</i>	<i>хюруу</i>	иней

Для эхирит-булагатского говора характерен переход *х'* в шипящий щелевой *ш* [см.: Матхеев 1956, с. 115], например: *арша* 'водка', *тамшан* 'табак', *шалар* 'косой' (лит.-бур. *хилар*, стп.-м. *kilar*), *ташаа* 'курица' (лит.-бур. *тахяа*, стп.-м. *takiya*), *эршэн* 'верхняя колода двери' (лит.-бур. *эрхин*, стп.-м. *erkin*), *шилгаанан* 'конский волос' (лит.-бур. *хилгаанан*, стп.-м. *kilyasun*), *тарша* 'голова' (лит. *тархи id.*, стп.-м. *tarki* 'головной мозг').

Нижнеудинский говор [см.: Санжеев 1930, с. 2; Дарбеева 1978, с. 49–50] дает отражение исторического **k* перед **i* в виде палатализованного смычного *т'*, например: *һал'т'иң* 'ветер', *хан'т'иркә* 'звенеть' (лит.-бур. *хан-хирха*), *арт'а* 'вино', *тамг'а* 'табак', *т'уру* 'иней'.

Такой же разницей, как и в боханском говоре, отмечается и у аларунгинских бурят [см.: Бураев 1968, с. 132], которые варьируют произношение *с'*, *х'*, *ш'*, *т'*.

Таким образом, исторический **k* перед **i* палатализуется во всех бурятских говорах и при этом отражается в виде *к'*, *х'*, *т'*, *с'*, *ш'*, что указывает на разнообразные разновременные фонетические процессы, имевшие место в бурятских говорах. *Т'* в массовом количестве представлено у нижеудинцев, хотя встречается у хамниган и спорадически в восточных говорах. Сохранение смычного характера исторической фонемы **k* явилось причиной того, что вместо палатализованного *к'* выступает тоже смычный палатализованный *т'*. Переход *к'* в *т'* мог произойти через промежуточную степень в образе среднеязычного смычного согласного *ћ*, который очень близок по артикуляции к *к'*. Затем, под действием тенденции развития переднеязычной артикуляции на месте среднеязычной, особенно при эволюции аффрикат, развившихся из палатальных смычных согласных, захватившей монгольские языки на определенном этапе развития их звуковых систем, этот среднеязычный согласный *ћ* закономерно перешел в обычный переднеязычный палатализованный *т'*. Для типологии напомним чередование палатализованных *т'* и *к'* в русских диалектах: *т'есто~к'есто*, *т'етрадь~к'етрадь* и т.п.

Появление палатализованного смычного *т'* на месте литературного *х* в хоринских говорах свидетельствует о том, что и в этих говорах в тех словах, где представлен *т'*, довольно долго сохранялся смычный характер **k*, так как именно смычный *к*, а не щелевой *х* мог дать смычный же палатализованный *т'*. В тех же говорах, где на месте **k* развились щелевые *х'*, *с'*, *ш'*, сначала произошло ослабление исторического **k* в щелевой *х*, а затем уже *х*, получив под влиянием *i* палатализацию, дал в некоторых говорах, главным образом западнобурятских, модифицированный согласный щелевого же характера. Прав И.Д. Бураев [1968, с. 134], объясняя, что "от заднеязычного *х* образовался *ç* — среднеязычный щелевой глухой звук, который противопоставляется звонкому *j*. Из *ç* образо-

вались переднеязычные звуки \int и s . Наблюдается закономерное передвижение активного органа вперед: $\kappa > x > \zeta > \int > s$. Каждый переход характеризуется сменой только одного фонетического признака: заднеязычность сменяется среднеязычностью, среднеязычность — переднеязычностью. Первоначально произошел переход смычности на щелинность”.

ЯВЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОСЛАБЛЕНИЕМ НАПРЯЖЕННОСТИ Артикулирующих органов

В истории развития и становления звуковых систем современных монгольских языков, и особенно бурятского, большую роль сыграла также тенденция ослабления напряженности артикулирующих органов как у согласных звуков, так и у гласных. В системе вокализма эта тенденция теснейшим образом взаимодействовала с изменением акцентуации слова, с перераспределением мест сильных и слабых слогов, что вызвало в свою очередь различные ассимилятивные и диссимилятивные процессы.

Под влиянием этой тенденции ослабления в бурятских говорах произошли довольно значительные и заметные изменения как в области консонантизма, так и вокализма. Рассмотрим все эти изменения в отдельности.

Ослабление артикуляции согласных

Действие этой закономерности в системе бурятского консонантизма повлекло за собой перестройку почти всей системы согласных звуков бурятского языка. При этом в ряде случаев картина эволюции меняется в зависимости от говора или группы говоров. Все эти изменения произошли оттого, что на каком-то этапе развития монгольских языков, в том числе и бурятского, начала действовать тенденция ослабления артикуляции. Возникнуть она могла как спонтанно, так и под воздействием экстралингвистических факторов, одним из которых могло быть действие субстрата. Произшедшая в силу этой тенденции перестройка захватила всю систему консонантизма бурятского языка. Возможно, что тенденция эта попросту связана с общечеловеческой тенденцией к экономии произносительных усилий, проявившей себя во всех языках мира [см.: Серебrenников 1974, с. 101].

Как следствие этой причины в системе консонантизма бурятских говоров произошли следующие наиболее существенные изменения.

Переход аффрикат в щелевые

Как известно, аффрикаты состоят из двух компонентов — смычки и щели. В зависимости от характера смычки они могут быть переднеязычными, среднеязычными и др., в зависимости от характера щели — либо шипящими, либо свистящими. По степени участия работы голосовых связок они могут быть глухими или звонкими. Аффрикаты могут произноситься с разной степенью шума.

Когда в общем настрое произносительного аппарата происходит ослабление напряженности артикулирующих органов, то при произнесении аффрикат ослабевает смычка, самый “напряженный”, “трудоемкий” участок в аффрикатах. После ослабления смычки усиливается щелевой

элемент. В зависимости от того, каким был щелевой элемент в аффрикате, таким по характеру будет и щелевой согласный, развившийся на месте аффрикаты после ее ослабления и утраты смычки. Так, шипящие аффрикаты *tʃ* и *dʒ* состоят из смычных элементов *t* и *d* и щелевых шипящих элементов *ʃ* и *ʒ*. Свистящие аффрикаты состоят из смычных компонентов *t* и *d* и свистящих щелевых компонентов *s* и *z*. После ослабления и утраты смычных элементов *t* и *d* на месте *tʃ* и *dʒ* развиваются шипящие щелевые согласные *ʃ* и *ʒ*, а на месте *tʃ* и *dʒ* — свистящие *s* и *z*.

В говорах бурятского языка как раз и произошло такое явление. На месте исконных общемонгольских шипящих аффрикат **ʃ* и **ʒ* (свистящих аффрикат в прамонгольском языке не было) мы находим в бурятском языке щелевые звуки *ʃ*, *ʒ*, *s*, *z*. Наличие свистящих щелевых, которые могут развиваться лишь после утраты смычки свистящими аффрикатами, указывает, что в бурятском языке до начала действия тенденции ослабления смычки у согласных наличествовали и свистящие аффрикаты *ʃ* и *ʒ*, которые из всех монгольских языков имеются ныне лишь в халхаском и калмыцком языках. В других монгольских языках мы имеем здесь шипящие аффрикаты, например:

Стп.-м.	Х.-монг.	Бур.	Калм.	Орд.	Значение
časun	цас	саһан	цасн	dʒasu	снег
caγan	цагаан	сагаан	цаһан	tʃagan	белый
čad-	цад-	сада-	цад-	tʃad-	наестся
čisun	цус	шуһан	цусн	dʒusu	кровь
či	чи	ши	чи	tʃi	ты
čilayun	чулуу	шулууун	чолун	tʃilū	камень
jalgi-	залги-	залги-	залг-	dʒalgi-	глотать
jīyasun	загас	загаһан	заһсн	dʒagasu	рыба
jegün	зуу	зуун	зун	dʒū	игла
jajil-	жажил-	жажал-	жажл-	dʒadzil-	жевать
jiluya	жолоо	жолоо	жола	dʒolo	поводья

В говорах бурятского языка мы имеем довольно пеструю картину развития аффрикат *ʃ* и *ʒ*, например:

Стп.-м.	Хор.	Эхирит.	Бур. НУ	Юж.-бур.	Значение
jida	жада	јада	д'ида	джад	копье
jiryal	жаргал	јаргал	ж'иргал	джиргал	счастье
jīyasun	загаһан	загаһан	загаһан	дзагасу	рыба
jiryγan	зургаан	жоргоон, јоргоон	д'иргоон, ж'иргоон	дзургаа	шесть
čisun	шуһан	шуһан	шуһан	чусу	кровь
čida-	шада-	шада-	ш'ида-	чида-	мочь
časun	саһан	са'ан	саһан	цасу	снег
čoki-	сохи-	сос'и-, сот'и-	сот'и-	цохи-, цоки-	бить

На месте **ʃ* развились *s*, *ш*, *ц* и *ч*, а на месте **ʒ* — *z*, *ж*, *дз*, *дж*, *ј* и *д'* (его произносительный вариант — среднеязычный *j*). Это развитие отражает различные исторические судьбы и особенности формирования, сложения

тех или иных бурятских племен, их разнообразнейшие связи и взаимоотношения с другими народами.

В зависимости от того, насколько и как модифицировались аффрикаты, все говоры бурятского языка можно разбить на три группы. Одну группу составляют говоры, в которых аффрикаты полностью, во всех позициях утратили смычку и перешли в щелевые звуки. Вторую группу составляют говоры, частично удерживающие в некоторых позициях аффрикаты, хотя в основной массе слов они утрачены. И третью группу составляют говоры, полностью сохраняющие аффрикаты. Рассмотрим подробнее эти группы в отдельности.

В группу говоров, полностью утративших аффрикаты, входят все хоринские говоры и все западные бурятские говоры, включая тункинский. В них исходные монгольские аффрикаты *č* и *č̣* дали во всех случаях щелевые звуки *ш* и *ж*, *с* и *з*, а также *ј*, например:

Стп.-м.	Хор.	Аларск.	Эхир.-булаг.	Барг.	Тунк.	Качуг.
ʃiγasun	загаһан	загаһан	загаһан	загуу'ан	загаһан	загу'ун 'рыба'
ʃiγuγan	зургаан	жоргоон	јоргоон	зургаан	жоргоон	зургаан 'шесть'
ʃidkü-	зүтхэ-	жүтхэ-	јүтхэ-	зүтхэ-	зүтхэ-	зүтхэ- 'тянуть'
ʃiγal	жаргал	жаргал	јаргал	јаргал	жаргал	јаргал 'счастье'
ʃigi-	жи-	жи-	зи-	жи-	зи-	зи- 'вытянуть'
činu-a	шоно	шоно	шоно	шоно	шоно	шоно 'волк'
časun	саһан	саһан	саһан	саһан	саһан	саһан 'снег'

Аффриката *č* во всех этих говорах одинаково дает щелевые *ш* и *с*, причем *с* появляется обычно там, где в халхаском и калмыцком языках из **č* развилась свистящая аффриката *ц*, а *ш* там, где шипящая аффриката *ч*. Но бывают иногда и отклонения от этой закономерности как между бурятскими говорами, так и между монгольскими языками. Примеры:

Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Хор.	Зап.-бур.	Значение
qasar	хацар	хачр	хасар	хасар	щека
γaγar	гадзар	һазр	газар	газар	земля
jögelen	дзөөлөн	жөөлн	зөөлэн	зөөлэн	мягкий
čabči-	чавч-	чавч-	сабиша-	сабиша-	рубить
čisun	цус	цусн-	шуһан	шуһан	кровь
küčün	хуч	кучн	хүсэн	хүшэн	сила
čayan	цагаан	цаһан	сагаан	сагаан	белый

Наиболее разнообразное развитие дает в этой группе говоров исходная аффриката **č̣*. Здесь мы видим и *ж*, и *з*, и *ј*. При этом *ј* чаще всего появляется в эхиритских по происхождению говорах там, где в хоринском и аларском представлен *ж*, но нередко и *з*. Наличие *ј* отмечается в эхирит-булагатском, боханском, качугском, баргузинском, ольхон-

ском. Б.В. Матхеев [1968, с. 6], например, приводит для эхирит-булагатского говора такие соответствия литературному (хоринскому) ж~з, причем эти соответствия представлены лишь в анлауте:

Эхир.-булаг.	Хор.	Стп.-м.	Значение
<i>jarгал</i>	<i>жаргал</i>	<i>ǰiryal</i>	счастье
<i>jalга</i>	<i>жалга</i>	<i>ǰilγa</i>	овраг, лощина
<i>jabар</i>	<i>жабар</i>	<i>ǰibar</i>	холодный ветер
<i>јада</i>	<i>жада</i>	<i>ǰida</i>	копье
<i>јаа</i>	<i>жаа</i>	<i>ǰaγa</i>	маленький
<i>јандарган</i>	<i>зандарган</i>	<i>ǰangdurγan</i>	грубый, резкий
<i>јоргоон</i>	<i>зургаан</i>	<i>ǰirγuγan</i>	шесть
<i>јэрхэ</i>	<i>жэрхи</i>	<i>ǰirki</i>	бурундук
<i>јэл</i>	<i>жэл</i>	<i>ǰil</i>	год
<i>јүһэн</i>	<i>зүһэн</i>	<i>ǰisün</i>	масть; разный
<i>јүтхэхэ</i>	<i>зүдхэхэ</i>	<i>ǰidkükü</i>	тягиуть; стараться
<i>јүһэлээ</i>	<i>зүһэмэг</i>	<i>ǰisümeg</i>	ломоть
<i>јорон</i>	<i>жаран</i>	<i>ǰiran</i>	шестьдесят
<i>јороо</i>	<i>жороо</i>	<i>ǰiruγa</i>	иноходец

Появление *ǰ* следует рассматривать как дальнейшее развитие процесса ослабления артикуляции согласных.

В группу говоров, частично сохраняющих аффрикаты, можно включить окинский говор, в котором нами зафиксировано произнесение аффрикат вместо щелевых *у* многих лиц во многих десятках слов, например:

Окинский.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Значение
<i>индзаган</i>	<i>инзаган</i>	<i>яндзга</i>	детеныш айтилопы
<i>янгарцаг</i>	—	<i>янгиурцаг</i>	вьючное седло
<i>олонцог</i>	<i>олонсог</i>	<i>олонцог</i>	подушка седла
<i>гандзага</i>	<i>ганзага</i>	<i>гандзага</i>	торока
<i>ганцхан</i>	<i>гансахан</i>	<i>ганцхан</i>	единственный
<i>ганцаараа</i>	<i>гансаараа</i>	<i>ганцаараа</i>	в одиночку
<i>яндз буриин</i>	—	<i>яндз буриин</i>	всевозможный
<i>яндз бурээр</i>	—	<i>яндз бурээр</i>	по-разному
<i>үлэмджи</i>	<i>үлэмжэ</i>	<i>үлэмж</i>	более, весьма
'остаток'			
<i>һэньджи</i>	<i>һэнжэ</i>	<i>сэндж</i>	дужка ведра
<i>андзаһан</i>	<i>анзаһан</i>	<i>анджис</i>	соха
<i>бэльчир</i>	<i>бэлиэр</i>	<i>бэлчир</i>	перекресток
<i>хөнджил</i>	<i>хунжэл</i>	<i>хөнджил</i>	одеяло
<i>мөлджихэ</i>	<i>мүлжэхэ</i>	<i>мөлджих</i>	обгладывать

Многие слова употребляются параллельно то с аффрикатами, то со щелевыми согласными, например:

Окинский.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Значение
<i>цагаан~сагаан</i>	<i>сагаан</i>	<i>цаа буга</i>	северный олень
<i>хүлһэнчи~хүлһэншэ</i>	<i>хүлһэншэ</i>	—	батрак
<i>хабчаг~хабшаг</i>	—	—	заплечная сумка
<i>тоньчихо~тоньшихо</i>	<i>тоншохо</i>	<i>тонших</i>	стучать
<i>хэмджихэ~хэмжихэ</i>	<i>хэмжэхэ</i>	<i>хэмджих</i>	измерять

Окинск.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Значение
<i>эрээлдзэй~эрээлзэй</i>	—	—	детеныш кабарги
<i>тэрмээльджин~</i> <i>~тэрмээльжин</i>	<i>тэрмээлжэн</i>	<i>тэмээлдэгэнэ</i>	стрекоза
<i>һараальджин~</i> <i>~һараальжин</i>	<i>һараалжан</i>	<i>сараалджин</i>	бекас
<i>бөбөөльджин~</i> <i>~бөбөльжин</i>	<i>бүбөөлжэн</i>	<i>бөвөөлдж</i>	удод

Очень часто приходилось слышать у окинцев произнесение аффикса соединительного деепричастия *-жа* в виде *-джи*, *-дж*, как и в монгольском языке, но только в позиции после сонорных, например: окинск. *Газаа ехэ һальтин больджи баэна* 'На улице сильный ветер' (ср. лит.-бур. *Газаа ехэ һалхин боложо байна*); окинск. *тордж унаха* 'споткнуться и упасть' (ср. лит.-бур. *торожо унаха*); *ольдж ядаад баэна* 'не смог найти' (лит.-бур. *оложо ядаад байна*); *гал носодж баэна* 'огонь горит' (лит.-бур. *гал носожо байна*); *зохольдж баэна* 'чешется' (лит.-бур. *зохолжо байна*). Довольно часто вместо афф. *-жа* произносится глухая аффриката *ч*, развившаяся, видимо, из *дж* вследствие его оглушения в определенных комбинаторных условиях, например: окинск. *һиидч ямна* 'летит' (лит.-бур. *һиидэж ябана*); *һаадч баэна* 'играет' (лит.-бур. *һаадажа байна*); *хурч йирээ* 'приехал' (лит.-бур. *хүрэжэ ерээ*).

Но в то же время в громадном количестве случаев и в окинском говоре на месте исходных монгольских аффрикат *с* и *ј* развились, как и в традиционных бурятских говорах, щелевые согласные, в данном случае *ш*, *ж*, *с*, *з*, например:

Окинск.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>саз</i>	<i>сай</i>	<i>цай</i>	<i>cai</i>	чай
<i>шэхэн</i>	<i>шэхэн</i>	<i>чих</i>	<i>čikin</i>	ухо
<i>шэхэ</i>	<i>сэхэ</i>	<i>цэх</i>	<i>čike</i>	прямо
<i>угжа</i>	<i>угжа</i>	<i>угдж</i>	<i>uγji</i>	рожок
<i>сахюур</i>	<i>сахюур</i>	<i>цахиур</i>	<i>čakiγur</i>	кремень
<i>зэмэ</i>	<i>зэмэ</i>	<i>дзэм</i>	<i>jeme</i>	вина
<i>заһаха</i>	<i>заһаха</i>	<i>дзасах</i>	<i>jasaqu</i>	наладить
<i>зулзага</i>	<i>зулзага</i>	<i>дзулдзага</i>	<i>juljaya</i>	птенец
<i>забжа</i>	<i>жабжа</i>	<i>дзавдж</i>	<i>jabaji</i>	углы рта
<i>угалза</i>	<i>угалза</i>	<i>угалдз</i>	<i>uγalja</i>	узор
<i>олзо</i>	<i>олзо</i>	<i>олдз</i>	<i>olja</i>	добыча
<i>шоно</i>	<i>шоно</i>	<i>чоно</i>	<i>činu-a</i>	волк
<i>шарга</i>	<i>шарга</i>	<i>чарга</i>	<i>čirγa</i>	сани

Таким образом, окинский говор представляет собой явный пример смешанного говора, в котором аффрикаты сосуществуют со щелевыми. Это, видимо, следствие сложного этнического происхождения самих окинских бурят, в составе которых значительная примесь сойотов, которые сейчас хотя и говорят на бурятском языке, но переселились они в Окинскую долину из Монголии. Так что сохранение аффрикат окинцами можно рассматривать как результат влияния соседнего монгольского языка. Включать в эту группу тункинский говор, в котором изредка встречается

аффриката *ч* на месте бурятских *ш* и *ж*, нет смысла, поскольку явление это характерно, по утверждению исследователя этого говора Д.А. Абашеева [с. 8], главным образом для речи старшего поколения и улигеров, например: *эльчэ* 'посланец' (вм. *элиэ*), *оичи* 'идя' (вм. *ошожо*), *бодчо* 'думая' (вм. *бодожо*), *юнч баэккээ* 'ничего нет' (вм. *юншые байхагуй*). Вся же остальная масса слов, в отличие от окинского говора, имеет вместо аффрикат щелевые согласные.

В некоторой мере подходит к этой группе говоров нижеудинских бурят, в котором заметно сохранение смычного элемента у исторических аффрикат. Так, нижеудинский говор характеризуется наличием смычного *д'* (по нашим наблюдениям, это среднеязычный смычный *ħ*), появляющегося на месте аффрикаты **ǰ* и древнего **у*. Г.Д. Санжеев [1930, с. 3] писал: "В некоторых случаях *д'* в этом говоре является заместителем палатально-альвеолярного *ж* и слабого спиранта *ǰ*, чего не наблюдалось ни в одном из монгольских говоров:

<i>алдадэ</i>	вместо	<i>алдаǰ</i>	—	теряя
<i>мартадэ</i>	"	<i>мартаǰ</i>	—	забывая
<i>дihεң</i>	"	<i>ǰihεң</i> < * <i>yisün</i>	—	девять
<i>дipεң</i>	"	<i>ǰipεң</i>	—	девяносто
<i>дида</i>	(чаще — <i>ǰида</i>)		—	копье".

Наши полевые записи позволяют расширить этот список. Так, нижеудинские буряты произносили *ħikz* 'большой' (лит.-бур. *ехэ*), *ħila:ħlɥ* 'мелкие мухи, гнус' (лит.-бур. *илааһан*), *ħahɥɥ* 'кость' наряду с *ǰahɥɥ* (лит.-бур. *яһан*), *kul'ħirgənz* 'черная смородина' (зап.-бур. *хулзэргээнэ*). Исследователь говора нижеудинских бурят А.А. Дарбеева [1960, с. 123—124] также отметила несколько случаев появления аффрикаты *дж* на месте *ж* других бурятских говоров: *унтаджи* 'засышая' (лит.-бур. *унтажа*), *шоголджи* 'шутя' (лит.-бур. *шогложо*), *борноэлджи* 'боронуя' (лит.-бур. *борноиложо*). Кроме того, ею [1960, с. 121] же были записаны некоторые слова, сохраняющие аффрикаты: *цэцэглэхэ* 'известить' (ср. лит.-бур. *сэсэглэхэ*, х.-монг. *цэцэглэх*), *чи* 'ты' наряду с *ши* (ср. лит.-бур. *ши*, х.-монг. *чи*), *гакцаараа* наряду с *гаксаараа* 'только один, в одиночестве' (ср. лит.-бур. *гагса* 'только один'), *Гар кулни укэчнэ, модон болчна* 'Руки немеют, становятся одеревенелыми' (ср. лит.-бур. *үхэшинэ, болишоно*). Общебурятский аффикс деепричастия *-жа* имеет в нижеудинском говоре, по данным А.А. Дарбеевой [1978, с. 123—124], наряду с *-жа* производительные варианты *-ша* и *-д'и*. При этом *-д'и* чаще употребляется в разговорной обиходной речи и встречается преимущественно после мягкого *л'* и кратких гласных, например: *бол'д'и* 'становясь' (лит.-бур. *боложо*), *тал'д'и* 'снимая' (лит.-бур. *тайлажа*), *дуул'д'и* 'напевая' (лит.-бур. *дуулажа*), *каткад'и* 'укальывая' (лит.-бур. *хадхаж*), *унтад'и* 'засышая'. Но в общем же аффрикаты *дж*, *ч*, *ц* для говора нижеудинских бурят не характерны. В нем, как и в окинском говоре, основная масса слов содержит вместо аффрикат щелевые согласные, например:

Бур. НУ	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>кензе</i>	<i>хэнзэ</i>	<i>хэндз</i>	<i>kenje</i>	отава
<i>еске</i>	<i>эсэхэ</i>	<i>эцэх</i>	<i>esikü</i>	устать
<i>сааша</i>	<i>сааша</i>	<i>цааш</i>	<i>cinayši</i>	туда

Бур. НУ	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>сагаан</i>	<i>сагаан</i>	<i>цагаан</i>	<i>caγan</i>	белый
<i>сай</i>	<i>сай</i>	<i>цай</i>	<i>cai</i>	чай
<i>зун</i>	<i>зун</i>	<i>дзун</i>	<i>jun</i>	лето
<i>шуткур</i>	<i>шүдхэр</i>	<i>чөтгөр</i>	<i>čidkur</i>	черт
<i>ошоко</i>	<i>ошохо</i>	<i>очих</i>	<i>očiqu</i>	пойти

В группу говоров, сохраняющих аффрикаты, входят сартульский, цонгольский и хамниганский говоры, т.е. южнобурятские говоры, связанные своим происхождением с халха-монгольским языком [см.: Будаев 1977, с. 32]. Для всех их характерно наличие на месте древних аффрикат **č* и **č* двух видов аффрикат — шипящих *ч* и *дж*, свистящих *ц* и *дз*, т.е. таких же, как и в современных халхаском и калмыцком языках [см.: Будаев 1977, с. 32; 1978, с. 28; Бураев 1965, с. 115–116, 117; Будаев 1965, с. 153; Раднаев 1960, с. 129; Дамдинов 1968, с. 80–81], например:

Сарт.	Цонг.	Хамниг.	Х.-монг.	Бур.	Стп.-м.	Значение
<i>чоно</i>	<i>чоно</i>	<i>чоно</i>	<i>чоно</i>	<i>шоно</i>	<i>činu-a</i>	волк
<i>чүлөө</i>	<i>чүлөө</i>	<i>чилөө</i>	<i>чөлөө</i>	<i>сүлөө</i>	<i>čilüge</i>	свобода, досуг
<i>дзам</i>	<i>дзам</i>	<i>дзам</i>	<i>дзам</i>	<i>зам</i>	<i>jam</i>	дорога
<i>джаргал</i>	—	<i>джиргал</i>	<i>джаргал</i>	<i>жаргал</i>	<i>jirγal</i>	счастье
<i>чихэн</i>	—	<i>чики</i>	<i>чих</i>	<i>шэхэн</i>	<i>čikin</i>	ши
<i>чулуу</i>	<i>чулуу</i>	—	<i>чулуу</i>	<i>шулуун</i>	<i>čilayun</i>	камень
<i>дзургаа</i>	<i>дзургаа</i>	<i>дзургаа</i>	<i>дзургаа</i>	<i>зургаан</i>	<i>jirγuyan</i>	шесть

Таким образом, в современном бурятском языке по сути дела выделяются две группы говоров в отношении развития аффрикат — группа, в которой аффрикаты перешли в проточные (переходная группа примыкает сюда) и группа, сохраняющая аффрикаты в полном объеме. Как щелевые заместители аффрикат, так и сохраняющиеся аффрикаты дают в говорах неоднородную картину: на месте древних шипящих аффрикат **č*, **č* наряду с шипящими *ч*, *дж*, *ш*, *ж* образовались также свистящие звуки *ц*, *дз*, *с*, *з*. Наличие свистящих щелевых свидетельствует, что и в тех говорах, которые утратили аффрикаты, тоже в свое время были представлены свистящие аффрикаты по типу южных бурятских говоров, а также халхаского и калмыцкого языков, с которыми был связан своим происхождением и протобурятский язык, утративший впоследствии аффрикаты.

Закономерен вопрос, каким образом в истории монгольских языков из шипящих аффрикат развились свистящие и почему это произошло только в трех языках — халхаском, калмыцком и бурятском? А в тех языках, где существуют и шипящие и свистящие аффрикаты (и их щелевые субституты), почему в одних и тех же фонетических условиях в одних случаях сохраняется шипящий характер звуков, а в других развились свистящие звуки? Обратимся к примерам. Так, слово **jirγuyan* 'шесть' дало х.-монг., цонг., сарт., хамниг. *дзургаа*, хор. *зургаан*, калм. *зурһан*, аларск. *жоргоон*, бур. НУ *д'иргоон*~*жиргоон*~*ж'иргоон*, даг. *джиргоо*, монгор. *джирг оон*, орд. *дзургаа*; слово **jilyasun* 'рыба' дало х.-монг.

дзагас, хамниг. дзагас, сарт. дзагас~дзагос, цонг. дзагос, хор. загаһан, зап.-бур. загаһан, зага'ан, загуун, загуу'ан, калм. захсн, даг. джаг ус, орд. джагасу; слово *čisun 'кровь' дало х.-монг. цус, калм. цусн, вост.-бур., зап.-бур. шуһан, цонг. чосо, дархаг. чусу, даг. чос, мог. чусун, орд. джусу; слово *jīγa- 'показывать' дало х.-монг. дзаа-, калм., вост.-бур., зап.-бур. заа-, сарт., цонг. дзаа-, даг. джаа-, орд. джаа-. Таково положение в разных языках.

В то же время есть масса примеров, когда в одном и том же языке в одной и той же по сути дела фонетической позиции развились аффрикаты (или их щелевые субституты) с разными характеристиками – либо шипящие, либо свистящие. Так, например, слова *jīγuγ 'рисунок' и *jīγum 'порядок' дали следующие рефлексy:

*jīγuγ → х.-монг. дзураг // бур. зураг // калм. зург;

*jīγum → х.-монг. джурам // бур. журам // калм. журм.

Показательно, что выявляется ряд слов, в которых бурятский язык обнаруживает свистящий *s*, тогда как в халхаском и калмыцком сохраняет шипящая аффриката, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
сэмгэн	чөмөг	чимгн	čimügen	костный мозг
сулөө	чөлөө	чөлэн	čilüge	досуг
мусэ	мөч	мөч	möcö	член тела
сохом	чухам	чохм	čiqum	достоверно
умсэ	өмч	өмч	ömči	собственность
			'доля наследства'	
хусэн	хуч	кучн	küčün	сила, мошь
усөөн,	өчүүхэн,	учукн	öcüken	маленький
усөөхэн	өцүүхэн			

В то же время имеется немало случаев, когда бурятский язык, наоборот, дает шипящий звук, а в халхаском и калмыцком представлен свистящий, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
шуһан,	цус	цусн	čisun	кровь
чосо (цонг.)				
жоргоон (зап.-бур.)	дзургаан	зурһан	jirγuγan	шесть
жулдэ	зүлд	зүлд	jülde	голова вместе с осердием
жажалха	дзаджлах	жажлх	jažilaqu	жевать
жэбэ	дзэв	зев	jebe	ржавчина
жолоо (зап.-бур.)	дзулаи	зулэ	julai	родничок (у ребенка)
эжэн	эдэ	ээн	ežen	хозяин
жуһэхэ	дзусэх	зусх	jisükü	резать лентами

В калмыцком языке тоже есть ряд слов, которые дают шипящий согласный вместо свистящих халхаского и бурятского языков, например:

Калм.	Х.-монг.	Бур.	Стп.-м.	Значение
хачр	хацар	хасар	qaɕar	щека
учукн	вцуухэн	усөөхэн	öcüken	маленький
жөөлн	дзөөлөн	зөөлэн	jögelen	мягкий
ажрһ	адзарга	азарга	aʃirɣa	жеребец
илжрх	ялдэрах	илзарха	ilʃaraqu	гнить

Выявляется также ряд слов, в которых и в бурятском, и в калмыцком произносятся свистящие звуки, а в халхаском — шипящий, например:

Калм.	Х.-монг.	Бур.	Стп.-м.	Значение
вцкдр	өчигдөр	усэгэлдэр	öcügedür	вчера
өвцуун	өвчүү	убсуун	ebcüün	грудная кость
цар	шар	сар	ɕar, ʃar	вол
һацуур 'пихта'	гачуур	хасуури	ɣacur-a	ель
урэн	уржнан	урзанан	urjinun	позапрошлый год

Таким образом, становится очевидным, что развитие свистящих аффрикат (и их щелевых субститутов), хотя и затрагивает халхаский, калмыцкий и бурятский языки, что является одним из объединяющих их моментов, не представляет собой в то же время единого процесса. Создается впечатление, что в этих трех языках действовала в какой-то период их развития общая тенденция образования свистящих аффрикат, но осуществлялась она в каждом из этих языков по-своему. А возможно, что дело обстояло так, что в течение какого-то отрезка времени все эти три языка развивались как одно целое, или сразу же одновременно испытали на себе действие тенденции перехода шипящих аффрикат в свистящие, а потом, выйдя из этой общности или освободившись от влияния этой тенденции, которая могла быть экстралингвистическим фактором, каждый из данных трех языков развивался по-своему и независимо друг от друга. Результатом всего этого и явился разноречивый в оформлении слов то свистящими, то шипящими звуками, который мы сейчас и наблюдаем. Основная же масса слов, в которых развились свистящие звуки, совпадает во всех трех языках.

То, что в самих бурятских говорах тоже нет единства в оформлении слов шипящими и свистящими звуками, свидетельствует, что бывшие племенные языки, лежащие в основе современных говоров, также каждый самостоятельно испытывал действие этой тенденции и осуществлял ее тоже самостоятельно. Поэтому сейчас в бурятских говорах чередуются:

хусэн~хүшэн	сила, мощь
хабсал~хабшал	ущелье
сошохо~шошохо	испугаться
сабсаха~сабшаха	косить траву
балсан~булшан	мышцы рук, ног
сэхэ~шэхэ	прямо
зүһэхэ~жүһэхэ	резать ломтями
зүһэн~жүһэн	масть

зүдхэхэ~жүдхэхэ	тянуть, стараться
ажалха~жажалха	жевать
зургаан~жоргоон	шесть
заа~жаа	мизерный
зулай~жолоо	темя ребенка
зиихэ~жиихэ	вытянуть ноги
зээн~эжэн	хозяин

К тому же, если учесть, что в эхиритских по происхождению говорах вместо ж и з других говоров в большинстве представлен щелевой среднеязычный j (йот), который мог развиваться только из среднеязычного смычного звука либо среднеязычной аффрикаты, каковой и была, видимо, первоначально общемонгольская аффриката *j̥, что свидетельствует о наличии в этих говорах большего количества слов с шипящими первоначально звуками, чем со свистящими, (например, эхирит. *jaa* в м. *заа* или *жаа* 'маленький, мизерный'; *jaḥa-* в м. *заḥa-* 'делать, налаживать'; *joḡoон* в м. *зургаан* или *жоргоон* 'шесть'; *jaḡdarḡan* в м. *зандарган* 'грубый'; *juḡэлээ* в м. *зүхэмэг* 'ломоть'; *juḡэн* в м. *зүхэн* 'масть, внешний вид'), то это усиливает предположение, что бурятские говоры представляют собой результат самостоятельного развития древних племенных языков в условиях действия одной и той же тенденции образования свистящих аффрикат.

Теперь ниже попытаемся ответить на вопрос, почему свистящие аффрикаты появились из всех монгольских языков только в трех — халхаском, калмыцком и бурятском (в нем сохранились их щелевые субституты), а все остальные монгольские языки продолжают употреблять шипящие аффрикаты.

Как известно, в монголоведении [см.: Владимирцов, с. 399—400; Санжеев 1953, с. 99—103; Рорре 1955, с. 110—119] относительно разиобя в оформлении слов то шипящими, то свистящими звуками принято объяснять, что, якобы, в тех случаях, где в старомонгольском письменном языке мы имеем j̥ или č̥ + любой гласный, кроме i, то из этих j̥ или č̥ развились свистящие аффрикаты, а там, где был после j̥ или č̥ гласный i, там эти аффрикаты сохранили свой шипящий характер. Например, *jida* > > *джида* 'копье', *ḡil* > *джил* 'год', *činar* > *чанар* 'качество', *jarliḡ* > *дзарлиг* 'указ', *ḡaḡar* > *гадзар* 'земля', *qačar* > *хацар* 'щека', *saḡ* > *цаг* 'время'. Но в то же время монголоведы заметили, что здесь существует масса исключений, например, *jige* > *дзээ* 'племянник', *ḡiya-* > *дзаа-* 'указывать', *ḡiyasun* > *дзагас* 'рыба', *ḡiḡuḡan* > *дзургаан* 'шесть' и т.п. В таких случаях объясняют факты тем, что тут ассимиляция гласного i после j̥ произошла в разное время. Но чем же тогда объяснить в таком случае, что в других монгольских языках в этих же фонетических иоложениях аффрикат č̥ и j̥ появления свистящих звуков не произошло и в них во всех случаях продолжают сохраняться шипящие аффрикаты? Например: орд. *džarlig* 'указ', *džagasu* 'рыба', *džē* 'племянник', *džā-* 'указывать' и т.п. Таким образом, в монголоведении дело пока не пошло дальше констатации факта, а причина, вызвавшая развитие свистящих звуков на месте шипящих общемонгольских аффрикат только в указанных трех языках, так и не была найдена.

Однако все встает на свои места и получает убедительное объяснение, если рассмотреть, опираясь на положения общей фонетики, само появле-

ние и развитие аффрикат в монгольских языках, привлекая при этом сравнительный материал из других алтайских языков и в первую очередь из тунгусо-маньчжурских, как древнейших ближайших и непосредственных соседей монгольских языков.

Вообще объяснение появления и развития аффрикат в монгольских языках в истории монголоведения стало возможным лишь с привлечением данных алтаистики. С разработкой теории происхождения аффрикат в монгольских языках на широком алтаистическом фоне блестяще справился Б.Я. Владимирцов [с. 297–398, 405–406]. Так, им было доказано, что монг. $\dot{j}i < *di < *d\dot{i}$, а монг. $\dot{c}i < *ti < *t\dot{i}$, например:

монг. $bi\dot{c}ig$ 'письмо' < * $bitig$, ср. тюрк. уйг. $bitig$, маньчж. $bitxe$ id.;

монг. $a\dot{c}i$ 'внук' < * ati , ср. тюрк. орх. ati id.;

монг. $\dot{c}i\eta na$ 'слушать' < * $\dot{c}i\eta la$ < * $t\dot{i}\eta la$, ср. тюрк. $t\dot{i}\eta la$ id.;

монг. $a\dot{j}i\eta ya$ 'жеребец' < * $ad\dot{i}\eta ya$, ср. тюрк. орх. $ad\dot{i}\eta r$, як. $at\dot{i}\eta r$, кирг. $at\dot{i}\eta r$, солои. $adyrga$, $adygga$, эвенк. $ad\dot{i}\eta rga$ id.;

монг. $ge\dot{j}ige$ 'коса' < * $gedige$, ср. письм.-монг. $gederge$ 'назад', ср. тунг. $gedemuk$ 'затылок', якут. $ketex$ id., тюрк. $ke\dot{d}in$ // $ke\dot{j}in$ 'сзади'.

Таким образом, бесспорно, что в монгольских языках перед тем, как перейти в аффрикаты, звуки * d и * t побывали в позиции перед i , где получили палатализацию, а затем среднеязычную артикуляцию, благодаря чему и смогли в дальнейшем развиться шипящие аффрикаты \dot{j} и \dot{c} .

В тунгусо-маньчжурских языках тоже имеют широкое распространение аффрикаты \dot{j} и \dot{c} , произношение которых колеблется от среднеязычных смычных \dot{h} , \dot{h} до палатализованных дорсальных смычных d' , t' , которые могут кроме того произноситься с разной степенью аффрицированности. Очень палатализованные переднеязычные d' (\dot{h}) и t' (\dot{h}) перед широкими гласными приближаются акустически к свистящим аффрикатам $\dot{d}z$ ($\dot{d}z$) и $\dot{t}z$ ($\dot{t}z$). Все исследователи тунгусо-маньчжурских языков отмечают либо среднеязычный характер этих аффрикат, либо, чаще всего, их большое сходство с аффрицированными палатальными d' (\dot{h}) и t' (\dot{h}), которые в ряде языков и их диалектов могут переходить в свистящие $\dot{d}z$ ($\dot{d}z$) и $\dot{t}z$ ($\dot{t}z$), как, например, в нанайском, солонском, о чем будет сказано ниже. Так, крупнейших знатоков тунгусо-маньчжурских языков, разработавшая их сравнительно-историческую фонологику, проф. В.И. Цициус [с. 210] пишет следующее по поводу тунгусо-маньчжурских аффрикат и связанных с ними одной системой среднеязычных согласных: "Группа среднеязычных (фонем. — В.Р.) тунгусо-маньчжурских языков представлена согласными \dot{c} , \dot{j} , n' , j . Данное положение экспериментально установлено для эвенского и удэйского языков. Для одного из эвенкийских говоров соответствующие фонемы определены как палатализованные переднеязычные аффрицированные t' , d' , n' , с оговоркой, что развились они "из типа среднеязычных согласных". Как переднеязычные аффрикаты, непалатализованные \dot{c} , \dot{j} и палатализованные \dot{c}' , \dot{j}' определяются корреспонденты интересующих нас согласных в солонском языке".

Относительно \dot{c} В.И. Цициус [с. 210] пишет подробнее: "Глухой среднеязычный аффрицированный \dot{c} в начале слова во всех языках, за исключением солоицкого и орокского, находит соответствие $\dot{c} \sim t'$. В солонском начальныи $\dot{c} > c > c^u \sim \dot{c}$, $\dot{c}' + u > \dot{u}' + u$. В орокском $\dot{c} > t$... Между гласными в солонском $\dot{c} > c \sim \dot{c} \sim \dot{u}' + u$, в орокском $\dot{c} > t$, в удэйском

$ч > с ...$ ". Примеры она приводит такие: эвенк. *ч̄албан* 'береза', эвен. *ч̄албан*, сол. *ч̄алба^H ~ с̄алба^H*, нег. *чалбан*, ороч. III *ч̄алба id.*, уд. *чафакт'аи* 'заросли березы', ма. *чалфа* 'береза'; эвенк. *ичэ-* 'видеть', эвен. *ичи-*, сол. *исэ- ~ иссэ-*, нег. *ичэ*, ороч. *ичэ-*, уд. *исэ-*, орок. *итэ-*, ульч. *ичэ-*, нан. *ичэ-* *id.*

Относительно звонкого $\check{ж}$ В.И. Цинциус [с. 211] сообщает: "В начале слова обычно $\check{ж} // д' // жж$. Лишь в орокском языке $\check{ж} // д$. Перед узкими $и \sim е$ в негидальском, нанайском, орокском $\check{ж}$ обнаруживает склонность к потере аффрицированности, т.е. $\check{ж} > д'$ или, как это имеет место в эвенском языке, $\check{ж} + и // г + и$ ". Ее примеры: эвенк. *жава-* 'схватить, взять', эвен. *жава-*, сол. *жава-*, нег. *жава-*, ороч., уд. *жава-*, орок. *дана-*, ульч., нан. *jana-*, ма. *чафа-* *id.*; эвенк. *житэ* 'голубица, черника', эвен. *гйт*, нег. *диктэ*, ороч. III *житэ*, ульч. *жустэ*, нан. *жусиктэ*, ма.(?) *дукси id.*

Исследователь нанайского языка проф. В.А. Аврорин [с. 35] определяет нанайские аффрикаты следующим образом.

"Фонема [ч] — шумная, аффрицированная, с очень кратким вторым щелевым компонентом, глухая, среднеязычная дорсальная. Акустически имеет сходство с русскими звуками [ч], [ц], [г']. Вследствие этого для нанай стоит большого труда различить три указанных выше звука. Русские слова: *чех, цех, тех* — для нанай, не имеющих достаточной выучки в области русского произношения, представляются неразличимыми. Фонема [ч] имеет два диалектных варианта: в юго-западных говорах, включая найхинский, она звучит несколько ближе к русскому звуку [ц], а в северо-восточных говорах — ближе к русскому звуку [ч], не утрачивая, однако, ни в том, ни в другом случае своего сходства с палатализованным [г']. Примеры: [чапа] 'икра', [ч̄олчон] 'хорек', [ч̄ико] 'курица', [кэччкэ^H] 'щенок', [гучи] 'еще', [бичхэ] 'письмо, грамота', [арчока^H] 'девочка'.

Фонема [ж] — шумная, аффрицированная, с очень кратким вторым щелевым компонентом, звонкая среднеязычная, дорсальная. Акустически напоминает русский палатализованный звук [д'], отличаясь от него аффрикативным характером, который, впрочем иногда, особенно в положении перед гласными переднего ряда, слабо выражен. Фонема [ж] имеет два диалектных варианта, точно так же, как и фонема [ч]: в юго-западных говорах, включая найхинский, второй компонент ее напоминает русский звук [з], а в северо-восточных говорах ее второй компонент напоминает русский звук [ж], не утрачивая своего сходства и с палатализованным [д']. Примеры: [жа] 'легко, дешево', [жар^H] 'песня', [сэжзэ^H] 'красный', [жо] 'дом', [жукэ] 'лед', [жиха] 'деньги', [жизи] 'идет', [ун'жи] 'говорит'".

Об аффрикатах кур-урмийского диалекта нанайского языка О.П. Суник [с. 44] пишет: "Аффриката *ч* встречается в начальной и срединной позициях... Как и в среднеамурских говорах очень часто звучит как *ч (ч~ч)*... Аффриката *ж* вместе с вариантами *дэ, дж*, аффрицированным *д'* и палатальным *дь* встречается в начальной и срединной позициях...".

Звонкий согласный *ч* определяется как "среднеязычный, смычный, чистый (без аффрицированности), глухой; в конце слова не встречается" [Константинова, с. 21]. Для эвенкийского языка отмечается также, что "д' — среднеязычный смычный, чистый (без аффрицированности), звонкий, соответствующий глухому *ч*; в конце слова не встречается

ся... Среднеязычному неаффрицированному d' полигусовского говора в других говорах эвенкийского языка, например в качугском и тимптонском говорах восточного наречия, соответствует среднеязычный аффрикативный $ʃ...$ ” [Константинова, с. 21–22].

Относительно аффрикат эвенского языка К.А. Новикова [с. 65] пишет: “Фонемы $чн$, $ʃʃ$ являются смычными среднеязычными согласными, близкими в произношении к сложным согласным или аффрикатам. В произношении отдельных представителей ольского говора на слух они производят впечатление звуков, несколько напоминающих переднеязычные палатализованные t' , d' , при этом колебания в произношении согласных $ч - t'$, $ʃ - d'$ наблюдаются не только у представителей различных селений Ольского района, но даже у одного и того же лица. Фонема $ч$ является глухим согласным, $ʃ$ – звонким”.

В.И. Цинциус [с. 181, 188] отмечает, что для южных тунгусо-маньчжурских языков, например нанайского и маньчжурского, характерно произношение аффрикат $ч$ или $чж$ на месте исходных тунгусо-маньчжурских смычных t и d в позиции перед гласным и (сравним в этой связи развитие в истории монгольских языков аффрикат $ʧ$ из $*ti$ и $ʃ$ из $*di$), например: эвенк. *тирү*~*тирэнтун* – нан. *читун*^Н~*чирэнкү*, ма. *чирку*~*чирэку* ‘подушка’;

эвенк. *тимātнэ*~*тимī* ‘утром, завтра’ – нан. *чемана* ‘завтра’, *чемај*~*чеми* ‘утро’, ма. *чимари* ‘утро’;

эвенк. *дилган* ‘голос’ – нан. *ʃелга*^Н ‘голос’, *ʃелган* ‘подать голос, заговорить’, ма. *чжилган* ‘голос, говорить’;

эвенк. *дирам* – нан. *ʃерами*, ма. *чжирамин* ‘толстый’.

Таким образом, для всех тунгусо-маньчжурских языков характерна среднеязычность аффрикат $ч$ и $ʃ$ и чередование их с сильнопалатализованными t' и d' , при этом для южных тунгусо-маньчжурских языков характерны наряду с шипящими $ч$ и $ʃ$ их свистящие варианты $ц$ и $дз$, т.к. акустически они к ним приближаются.

Видимо, поэтому в бурятском и халхаском языках в заимствованиях из тунгусо-маньчжурских языков на месте этих своеобразных тунгусо-маньчжурских аффрикат в качестве их субститутов выступают свистящие: в бурятском языке $з$, в халхаском $дз$, например: бур. *зантах* ‘росомаха’ < эвенк. *дянтакī* id.; х.-монг. *завь* ‘челн’ < тунг.-маньчж., ср. эвенк. *дяв*, *дява*, сол. *дяви*, нан. *ʃаі* ‘лодка-берестянка’. Такова закономерность восприятия тунгусо-маньчжурских аффрикат перед широкими гласными. Перед узкими же $и~е$, под влиянием которых артикуляция аффрикат приближается к среднеязычной, тунгусо-маньчжурские аффрикаты воспринимаются как шипящие, например: бур. *жэрхи*, х.-монг. *джирх* ‘бурундук’ < тунг.-маньчж., ср. эвенк. *делэки*, эвен. ульч. *дилики*, удэйск. *делэхи*, маньчж. *чжэлкэн* ‘колонок либо горноста́й’.

Чередование в тунгусо-маньчжурских языках аффрикат $ʧ$ и $ʃ$ с переднеязычными смычными t и d , переход t и d , попавших в позицию перед узкими гласными $и~е$, в аффрикаты $ʧ$ и $ʃ$, отмечаемый исследователями [см.: Цинциус, с. 181, 188], свидетельствуют, что и в тунгусо-маньчжурских языках аффрикаты $ʧ$ и $ʃ$ связаны своим происхождением со смычными согласными t и d . Этим тунгусо-маньчжурские языки напоминают монгольские языки, в которых исторические смычные $*t$ и $*d$, оказав-

шись в позиции перед *i, развились в шипящие аффрикаты с и ж, которые, в свою очередь, перед широкими гласными дали в халхаском, калмыцком и бурятском языках свистящие рефлексy.

Вообще переход в определенных фонетических условиях смычных аффрикаты характерен для многих языков и представляет собой общеязыковую универсалию. Достаточно вспомнить теорию появления аффрикат Л.В. Щербы, считавшего, что аффриката — это не механическое сочетание двух согласных, а оди согласный, хотя и сложный в отношении способа образования шума, что аффрикаты в славянских и германских языках, например, возникли не из слияния смычных со щелевыми, а в результате развития смычных [см.: Зиндер, с. 142]. Так, в русском языке аффриката ц (ts) развилась из палатализованного смычного т'(t').

Таким образом, наблюдается типологически закономерное явление — возникновение свистящих ц и дз из палатализованных переднеязычных дорсальных т' и д'. Такое развитие происходит тогда, когда эти палатализованные оказываются в позиции перед широкими гласными, а перед узким же i обычно развиваются шипящие аффрикаты. Как видим, монгольские языки — халхаский, калмыцкий и бурятский — дают ту же картину.

В современном халхаском языке образование аффрикат из палатализованных смычных продолжается и в настоящее время. Так, для халхамонголов характерно произношение русских заимствованных слов с аффрикатами вместо русских палатализованных смычных т' и д', например: русское слово *платье* перешло в монгольский язык в виде *палааччи* с тем же значением, русское *ботинки* — х.-монг. *бачинк* ~ *баджинк* id., русск. *радио* > х.-монг. *арааджи* id., русск. *социализм* > х.-монг. *социализм* id. и т.п.

Возвращаясь снова к истории монгольских аффрикат и помня о характере аффрикат в тунгусо-маньчжурских языках, можно с уверенностью предполагать, что на том этапе эволюции, когда исходный монгольский гласный *i совпал и в твердорядных словах с исходным *i, а *d и *t оказавшиеся перед i, стали испытывать на себе палатализирующее влияние, то из этих *d и *t, как и в тунгусо-маньчжурских языках, развились палатализованные d' и t', перешедшие в аффрикаты типа тунгусо-маньчжурских, но не типа современных монгольских ч и дж, которые уже не переходят в свистящие перед широкими гласными. Артикуляция аффрикат типа тунгусо-маньчжурских очень близка к аффрицированным палатализованным переднеязычным т' и д', а также к свистящим ц и дз, только у ц и дз язык несколько отодвинут назад.

Как раз такой тип аффрикат представлен в современном дагурском языке, в котором письменно-монгольскому с соответствует шипящая же аффриката ч, ч' и ч', при этом палатализованный ч' "производит акустически впечатление звука, среднего между ч и ц" [Поппе 1930, с. 130], поэтому дагурское ч'iki 'ухо' Ивановский передавал как цiki (стп.-м. šikin). Письменно-монгольскому ж в дагурском соответствует тоже шипящая аффриката ц с сильно палатализованным вариантом ц', который представляет собой звук средний между дж и дз, иногда же его вариантом выступает палатализованный д', например: д'irgδ 'шесть' (ср. стп.-м. žirγuan), ход'ir 'солончаковая соль' (ср. стп.-м. qufir) [см.: Поппе 1930, с. 135].

Таким образом, становится реальным предположение, что на каком-то этапе развития монгольских языков тот языковой массив, который составляли древние халхаский, ойратский и бурятский, представлявшие собой, видимо, языки самой северной группы древних монгольских племен, обитавших в бассейне истоков Амура, племен шивэй, в течение какого-то времени испытывал сильное влияние тунгусо-маньчжурских языков, с которыми он непосредственно контактировал на той территории, следствием чего явилась не только перестройка системы вокализма в бурятском языке, но и развитие на месте палатализованных t' и d' аффрикат типа тунгусо-маньчжурских. Такая своеобразная артикуляция аффрикат была переиесена и на те аффрикаты, происхождение которых не связано с палатализацией $*t$ и $*d$ перед $*i$.

Затем, после перелома $*i$ палатализованные t' и d' оказались в позиции перед широкими гласными (например, $*t'isun > *t'usun$ 'кровь', $*d'iyasun > *d'ayasun$ 'рыба', $*d'iya- > *d'aya-$ 'указывать'), сохраняя произношение на манер тунгусо-маньчжурских t' и d' , приближаясь в позиции перед широкими гласными артикуляционно и акустически к свистящим $ц$ и $дз$. В тех же словах, в которых еще не произошел перелом $*i$, эти t' и d' соответственно произносились при более высоком положении языка, приближаясь к среднеязычным звукам, что дает шипящие звуки. Иначе говоря, определились позиционные оттенки аффрикат. При дальнейшем развитии звукового строя монгольских языков после утраты тенденции иметь (или сохранять?) эту своеобразную артикуляцию аффрикат произошел сдвиг в артикуляционной базе и эти позиционные аллофоны фонологизовались. Оттенок перед i с более среднеязычным настроем и шипящим произношением перешел в шипящую переднеязычную аффрикату и при дальнейшем, продолжавшемся переломе давал уже только шипящие аффрикаты, а оттенок, стоявший перед другими гласными, которые уже к этому моменту успели образоваться на месте i в результате его перелома, перешли в свистящие переднеязычные аффрикаты. Своеобразный характер аффрикат мог поддерживаться какое-то время соседством и тесными контактами носителей тех северных протомонгольских племен с соседними тунгусо-маньчжурскими племенами.

Кроме того, возможность появления подобных аффрикат имела и в самих монгольских языках как раз в тот период, пока звуки, развившиеся на месте $*d$ и $*t$ перед i сохраняли еще характер сильно палатализованных переднеязычных дорсальных согласных. Контакты и соседство тунгусо-маньчжурских языков, их влияние на древние монгольские языки, предки современных бурятского, халхаского и калмыцкого языков, явились в то время как бы экстралингвистическим фактором, тем толчком или катализатором, который повлиял на реализацию этой возможности. Пока существовали эти контакты, данная артикуляция поддерживалась. Когда же эти контакты прекратились и рассматриваемые монгольские языки вышли из-под влияния той артикуляционной базы, их артикуляционная база изменилась под влиянием различных факторов и позиционные оттенки фонологизовались.

В другой же группе монгольских языков, которые не испытали такого сильного влияния тунгусо-маньчжурских языков и в которых перелом гласного i начался гораздо позднее (а в ряде языков так почти и не раз-

вился и они сохраняют в большинстве случаев более древнюю форму с *i*), развился шипящий характер аффрикат с более среднеязычной, видимо, более задней, чем в тех трех языках, артикуляцией *d'* и *t'* перед *i*. При этом, когда в результате перелома этот *i* превращался в широкий гласный, более отодвинутая назад и близкая к среднеязычной артикуляция *t'* и *d'* смогла дать только шипящие аффрикаты *č* и *ǰ*, что мы и имеем во всех остальных монгольских языках.

Итак, обобщая все сказанное выше, можно сделать следующий вывод. Происхождение свистящих аффрикат только в трех из всех монгольских языков, халхаском, калмыцком и бурятском, вероятно, связано с тем, что у предков современных халха-монголов, ойратов и бурят, представлявших некогда единый племенной и языковой массив, развившаяся предположительно под иноязычным влиянием, возможно, под влиянием тунгусо-маньчжурских языков, особая палатально-дорсальная артикуляция *d'* и *t'* перед *i* в течение какого-то отрезка времени стала взаимодействовать с начавшейся еще, вероятно, в период, когда были **d'i* и **t'i*, тенденцией перелома сначала **i*, а потом **i* (< **i*). Затем под влиянием разных причин монгольские племена продвинулись несколько на запад, вследствие чего эти протохалха, протоойраты и протобуряты утратили влияние тунгусо-маньчжурских языков, поддерживавшее у них существование особой палатально-дорсальной артикуляции *d'* и *t'* и развивавшихся из них аффрикат, при этом выходили они из-под этого влияния, видимо, не одновременно, иначе не возник бы тот разнобой в оформлении слов то шипящими, то свистящими аффрикатами. После продвижения на запад эти северные монгольские племена под влиянием южных монгольских племен, живших вне тесных контактов с тунгусо-маньчжурскими племенами, несколько изменили артикуляцию аффрикат, сдвинув ее немного назад, вследствие чего свистящие аллофоны в позиции перед широкими гласными дали закономерно свистящие аффрикаты *ц* и *дз*, а аллофоны со среднеязычным настроем перед *i* закономерно дали шипящие аффрикаты *ч* и *дж* либо с переднеязычной, либо со среднеязычной артикуляцией смычного элемента, как это и наблюдается сейчас по различным монгольским языкам [напр., см.: Биткеев 1965, с. 22–23].

Таким образом, в тех словах, в которых к моменту утраты отмеченной специфической артикуляции *č* и *ǰ* уже успел произойти перелом **i*, фонологизовавшиеся аллофоны дали свистящие *ц* и *дз* перед широкими гласными, а в тех же словах, где продолжал сохраняться непереломленный **i*, фонологизовавшиеся аллофоны дали шипящие аффрикаты *ч* и *дж*, которые в дальнейшем уже при продолжавшемся переломе **i* не давали свистящих вариантов. Хотя тенденция перелома продолжала действовать, захватывая все новые и новые слова во все новых и иовых монгольских племенных языках, образовавшиеся уже на месте палатально-дорсальных аффрицированных *d'* и *t'* в результате сдвига назад артикуляционной базы переднеязычно-среднеязычные аффрикаты при переломе **i* и появлении вместо него широких гласных не могли дать свистящих звуков, только шипящие. Поэтому-то мы имеем, например, при однотипных исходных основах *ǰigum* и *ǰiguu* разные их рефлексy: *журам* и *зураг*, так как они представляют собой результаты развития аффрикат на разных этапах их эволюции.

Смычный палатализованный d' (нами он характеризуется как смычный среднеязычный ᠳ) нижеудинского говора и щелевой среднеязычный j (йот) эхиритских по происхождению говоров бурятского языка следует рассматривать как рефлексы аффрикаты $*j$ того периода, когда она, пройдя стадию d' , стала произноситься как среднеязычный звук, причем скорее смычный, нежели аффриката. А возможно, что его смычность и аффрицированность были обычными варьировавшими оттенками, как и вообще смычность и щелинность у некоторых согласных современного бурятского языка (напр., у b , z). О том, что период палатально-дорсальной артикуляции был позади, свидетельствуют слова из этих говоров, в которых успел развиться z на месте $*j$, например: *зам* 'дорога' (ср. стп.-м. *jam*), *загаһан* 'рыба' (ср. стп.-м. *jiyasun*), *зэрэг* 'ряд' (ср. стп.-м. *jerge*). Но многие слова в этих говорах претерпели перелом $*i$ гораздо позже, уже при среднеязычности $*j$, дававшей шипящие рефлексы, поэтому в этих говорах *д'иргоон~ж'иргоон~јоргоон* 'шесть' (ср. вост.-бур. *зургаан*, стп.-м. *jiγuγan*), *јутхэхэ* 'тянуть' (ср. вост.-бур. *зудхэхэ*, стп.-м. *jidkükü*) и т.п.

Образование j в данном случае было возможно только из среднеязычного смычного звука при ослаблении его смычки. Аналогичное явление мы имеем в тех языках, где представлена среднеязычная аффриката и где она ослабляется в некоторых фонетических позициях. Так, например, в соседнем тофаларском языке имеется среднеязычная аффриката ᠳ , которая произносится с разной степенью аффрицированности — от настоящей аффрикаты до чисто смычного среднеязычного ᠳ . В произношении сосуществуют, например, варианты *b'eᠱᠵen~b'eᠱen* 'пятьдесят' (< *beᠱ* 'пять' + *on* 'десять'), *ᠱᠰa:laᠳᠵыр~ᠱᠰa:laᠳыр* 'воюя' (*ᠱᠰa:laᠰ-* 'воевать с кем-либо'). При этом ᠳ иногда настолько ослабляется, особенно в интервокальном положении, что переходит в обычный щелевой среднеязычный же j , например: *ᠱᠰa:laᠳыр* 'воюя', *bo ᠳᠵыл~bo ᠳыл* 'этот год', *bo ᠳᠵагық~bo ᠳагық* 'эта сторона'.

Общefonетические условия допускают переход в щелевой среднеязычный j только среднеязычного же смычного звука, каковым и является ᠳ , после его ослабления и утраты смычки. Происходит это обычно под влиянием общей тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов вообще во всей звуковой системе. Это и произошло, видимо, на каком-то этапе развития эхиритских говоров, результатом чего и явился массовый переход среднеязычной общемонгольской аффрикаты $*j$ в щелевой среднеязычный j . Нижеудинцы же сохраняют в некоторых случаях смычный характер этого $*j$, отражаемый смычным d' (либо ᠳ), который у них даже стал замещать исконный общемонгольский $*j$ (йот). Отсюда произношение у нижеудинцев слов *ᠳикэ* 'большой' вм. *jikэ* (ср. лит.-бур. *ехэ*, стп.-м. *jeke*), *ᠳила:ᠱᠯᠦ* 'мошकारа' вм. *jila:ᠱᠯᠦ* (ср. лит.-бур. *илаһан*, стп.-м. *ilayan*) и т.п. Это лишний раз подтверждает, что эхиритский j — результат ослабления среднеязычного звука.

Видимо, предки йокающих бурят давно уже оторвались от основной массы протобурят, еще тогда, когда $*j$, пройдя стадию палатально-дорсальной артикуляции, стал произноситься как среднеязычный звук и еще не успел перейти в переднеязычную аффрикату, каковая затем развилась в других протобурятских говорах и рефлексом которой стал современный

бурятский переднеязычный щелевой ж. Впоследствии, далеко уйдя на север Прибайкалья и находясь в отрыве от основной массы протобурятских племен, протоэхириты сохраняли среднеязычность *j. Затем, в результате сильного влияния тенденции ослабления артикуляции они стали произносить вместо среднеязычного *j щелевой j (йот), сохранив з в тех словах, в которых к этому моменту уже произошла фонологизация свистящих аллофонов прежней палатально-дорсальной фонемы d'. У эхирит-булагатских племен вообще произошло сильное ослабление напряженности артикулирующих органов, гораздо больше, чем у носителей всех остальных бурятских говоров. Следствием этого явилось не только преобразование *j в щелевой j (йот), но и переход смычного z в щелевой x, например: *уухты* в м. *уугты* 'пейте', *бахана* в м. *багана* 'столб', *энээхээр* в м. *энээгуур* 'здесь, этим местом', ослабление h в интервокальном положении, например, *са'ан*, *саан* в м. *саһан* 'снег', *зага'ан*, *загаан*, *загуу'ан*, *загуун* в м. *загаһан* 'рыба' и т.п.

Нижеундинцы меньше ослабили смычку, благодаря чему у них сохраняется не только d' (ᠳ) на месте *j, но и общемонгольские смычные *k и *q.

Развитие ж на месте *j у аларских бурят в тех случаях, где в восточных бурятских говорах и других монгольских языках оказывается свистящий звук, например аларск. *жоргоон* — вост.-бур. *зургаан*, х.-монг. *дзургаа*, калм. *зурһан*, стп.-м. *ᠵᠢᠷᠭᠤᠨ* 'шесть', аларск. *жүһэн* — вост.-бур. *зүһэн*, х.-монг. *зус*, калм. *зүсн*, стп.-м. *ᠵᠢᠰᠦᠨ* 'масть, внешний вид', свидетельствует о том, что аларские буряты тоже оторвались от основной массы протобурят одновременно с эхиритами, но в силу сложившихся исторических условий, да и территориально это позволяло, постоянно испытывали на себе влияние других монгольских племен (главным образом хонгодоров), а также других групп протобурят. Это выразилось в том, что аларцы ослабили смычку у согласных уже в то время, когда *j, пройдя стадию среднеязычности, стала в протобурятском языке переднеязычной аффрикатой, рефлексом которой явился щелевой переднеязычный ж.

Таким образом, судя по развитию аффрикат, нижеундинцев и йокающие группы бурят (эхирит-булагатов) следует рассматривать как наиболее древние группы протобурят, довольно рано оторвавшиеся от основной массы, рано обособившиеся и пошедшие по своему пути развития.

Переход смычных в щелевые

Как уже отмечалось в предыдущей главе, в древнем общемонгольском языке были смычные согласные *b, *k, *g, *q и *ɣ (смычный вариант заднерядного *γ). Захватившие единым процессом ослабления напряженности артикулирующих органов, смычные согласные в бурятском языке тоже претерпели соответствующие модификации. При этом при утрате или сильном ослаблении смычного элемента образовались соответствующие щелевые согласные. Рассмотрим эволюцию этих смычных по отдельности.

Согласный *b оказался более устойчивым и сохранил в бурятских говорах смычность в анлауте и ауслауте, а также после согласного, например:

бур. *бай-* — стп.-м. *baɣi-*, х.-монг. *бай-*, калм. *бээ-* 'быть';

бур. *бага* — стп.-м. *baɣa*, х.-монг. *бага*, калм. *bah* 'маленький';

бур. *аб* — стп.-м. *ab*, х.-монг., калм. *ав* 'чары, волшебство';

бур. *хоб* — стп.-м. *qob*, х.-монг., калм. *хов* 'сплетни';
 бур. *арбан* — стп.-м. *arbal*, х.-монг. *арав*, *арван*, калм. *арвн* 'десять';
 бур. *һэрбээ* — стп.-м. *serbege*, х.-монг. *сэрвээ*, калм. *сэрвэ* 'плавник у рыбы'.

Зато слабая напряженность *б* позволяет ему при определенных комбинаторных условиях в неустойчивом для согласного положении (особенно в интервокальном) переходить в соответствующий губно-губной щелевой звук β , обычно замещающий *б* при быстром темпе речи. В медленной речи смьгчный характер у *б* остается. Так, например, сосуществуют в традиционных бурятских говорах произносительные варианты *аба* и *аβа* 'папа', *табан* и *таβан* 'пять', *шабар* и *шаβар* 'грязь', *ерэбэ* и *ерэβэ* 'пришел'. В южных бурятских говорах в этой позиции *б* обычно дает щелевой β , например [см.: Будаев 1978, с. 29]: юж.-бур. *давас* — зап.-бур., вост.-бур. *даβһан* 'соль'; юж.-бур. *гурва* — зап.-бур., вост.-бур. *гурβан* 'три'.

В халхаском и калмыцком языках **b* в этой позиции тоже дает щелевой звук β , например:

Зап.-бур.	Вост.-бур.	Юж.-бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.
<i>яба-</i>	<i>яба-</i>	<i>ява-</i>	<i>я в-</i>	<i>йов-</i>	<i>уаба</i> 'пойти'
<i>баабэз</i>	<i>баабэз</i>	<i>баавай</i>	<i>баавай</i>	<i>баав</i>	<i>baba</i> 'отец, предок'
<i>табан</i>	<i>табан</i>	<i>тава</i>	<i>тав</i>	<i>тавн</i>	<i>tabun</i> 'пять'
<i>һабар</i>	<i>һабар</i>	<i>савар</i>	<i>савар</i>	<i>савр</i>	<i>sabar</i> 'когти'
<i>һаба</i>	<i>һаба</i>	<i>сава</i>	<i>сав</i>	<i>сав</i>	<i>saba</i> 'посуда, сосуд'
<i>сэбэр</i>	<i>сэбэр</i>	<i>цэвэр</i>	<i>цэвэр</i>	<i>цевр</i>	<i>ceber</i> 'чистый'

Как результат ослабления **b* следует также рассматривать его переход в носовой сонант *м*, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>мохи</i>	<i>бохь</i>	<i>мокн</i>	<i>boki</i>	жевательная сера
<i>намша</i>	<i>навч</i>	<i>намч</i>	<i>пabči</i>	листья, листва
<i>номшо</i>	<i>новш</i>	<i>новш</i>	<i>пobši</i>	хлам, рухлядь
'логово'				
<i>эмдэрхэ</i>	<i>эвдрэх</i>	<i>эвдрх</i>	<i>ebderekü</i>	сломаться
<i>намтар</i>	<i>навтар</i>	<i>намтр</i>	<i>nabtar</i>	низкий
<i>хомор</i>	<i>ховор</i>	<i>ховр</i>	<i>qobur</i>	редкий

Как видно из примеров, переход *б* → *м* захватил также и калмыцкий язык.

Согласные **k* и **q* почти во всех бурятских говорах, за исключением нижеундического и хамниганского, утратили смьчку и перешли в соответствующий щелевой заднеязычный *x*, о чем было уже сказано в предыдущей главе. При этом **k*, в позиции перед *i* получивший щелевой характер, перешел в щелевые же *x'*, *c'*, *ш* (*ш'*). Сохраняющий же смьчность **k* давал соответственно либо *к'*, либо *т'*. Подробнее см. в предыдущей главе.

Согласный **g* в бурятских говорах тоже ослабился. При этом его ослабление наблюдается как в восточных говорах (соответственно оно получило отражение и в литературном языке), так и в западных. Южные говоры сохраняют этот **g*, как и халха-монголы [см.: Будаев 1978, с. 29].

Ослабление **g* произошло двояким образом. Во-первых, **g*, находящийся в сочетании с **i*, палатализовался и получил более среднеязычный

настрой артикуляции, а при ослаблении смычки перешел в соответствующий щелевой сонант *j*. Более всего этот процесс загронул западные говоры (эхирит-булагатские), в которых вообще процесс ослабления смычки проявил себя более последовательно. Там даже древняя аффриката **ʃ*, имея, вероятно, среднеязычную артикуляцию, при ослаблении и утрате смычки перешла в соответствующий щелевой *j*, чего не произошло в других бурятских говорах. Во-вторых, в этих же западных бурятских говорах гораздо больше, чем в восточных, наблюдается случаев ослабления **g* в щелевой *x*: зап.-бур. *тэрээхуур* 'там, тем местом' вм. вост.-бур. *тэрээгуур* *id.* и т.п.

Согласный **ɟ* в твердорядных словах (предполагаемый вариант **ɣ*) тоже ослабился, перейдя, как и **g* мягкорядных слов, там, где он сохранился в процессе исторического развития бурятского языка, в слабый согласный, который в анлауте и ауслауте обычно смычный, причем в анлауте звонкий, а в исходе слов глухой, а в середине слова, особенно в интервокальном положении, выступает обычно со щелевым оттеиком. Обо всем этом было сказано во второй главе, поэтому здесь рассматривать этот вопрос мы не будем.

Развившийся из смычного **ɟ* в процессе ослабления щелевой *ɟ*, получив в западных говорах еще большее ослабление, перешел в глухой щелевой *x*, например: зап.-бур. *бахана* 'столб', ср. вост.-бур. *багана*; зап.-бур. *хагнаха* 'пять', ср. вост.-бур. *гагнаха* и т.п. Но в то же время и в восточных говорах, а соответственно и в литературном языке, есть немало слов, в которых на месте исконного **ɟ* развился тоже проточный глухой *x*, в халха-монгольском же языке этот *ɟ* сохраняется, например:

Вост.-бур.	Х.-моиг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>дохолхо</i>	<i>доголох</i>	<i>дохлх</i>	<i>doɣulaqu</i>	хромать
<i>хасуури</i>	<i>гацуур</i>		<i>ɣaɕur-a</i>	ель
<i>тохорюун</i>	<i>тогоруу</i>	<i>тоһрун</i>	<i>toɣuriɣun</i>	журавль
<i>хахалха</i>	<i>хагалах</i>	<i>хайлх</i>	<i>qayalaqu</i>	разорвать
<i>хаха</i>	<i>хага</i>	<i>хай</i>	<i>qaya</i>	вдребезги
<i>тосхон</i>	<i>тосгон</i>	—	<i>tosɣun</i>	село

Исчезновение щелевых

Когда в бурятском языке, как и в других монгольских языках, начал действовать процесс ослабления артикуляции, то закономерно произошло еще большее ослабление щелевых фонем того времени, бывших тогда самым слабым звеном фонетической системы. Такими сверхслабыми щелевыми, не имевшими достаточного напряжения артикулирующих органов, чтобы противостоять тенденции ослабления, оказались звонкие щелевые сонанты **ɣ*, **ɣ'*, **β*, **у* (йот), стоявшие в интервокальном положении перед долгими гласными, получившими долготу как результат ослабления напряжения бывшего здесь сильного ударного гласного. В процессе ослабления эти сонанты вокализовались и растворились среди соседних гласных. В дальнейшем произошло стяжение этих гласных в один долгий монофтонг, качество которого определилось по 2-му гласному комплекса, бывшему здесь в сильной позиции. Выше, в первой главе уже было подробно рас-

сказано обо всех процессах развития долгих гласных, поэтому повторять этого здесь мы не будем.

Подобное выпадение щелевых интервокальных согласных произошло во всех современных монгольских языках, но стяжение в долгий монофтонг осуществилось не во всех. В некоторых языках, особенно периферийных, таких, как дагурский, могольский, ряд слов так и остался на стадии сочетания разных гласных.

Ослабление и выпадение щелевых согласных в монгольских языках началось давно. Б.Я. Владимирцов [с. 193] пишет, например, по этому поводу: "В очень раннюю эпоху, во всяком случае до возникновения монгольского государства при Чингис-хане, эти проточные $\gamma \sim g$ в большинстве случаев исчезли, а два гласных, между которыми они находились, впоследствии слились в один долгий гласный звук. То, что в старом монгольском языке, в древних монгольских наречиях, в положении между гласными, там, где теперь имеется долгий гласный, действительно имелись заднеязычные шумные проточные $\gamma \sim g$, подтверждается рядом соответствий в родственных языках".

Исчезновение интервокальных щелевых с последующим стяжением гласных в один долгий монофтонг в бурятских говорах, но главным образом в западных, как и в калмыцком языке, захватило также комплексы **ay*, **oy*, **ey*, **uy*, **üy* и развившиеся из них *ai*, *oi*, *ei*, *ui*, *üi*, в то время как в халхаском языке из них развились лишь дифтонги.

Относительно того, как происходило ослабление и выпадение интервокальных **g* и **ɟ*, можно обобщенно предположить следующее.

Ударение в древнем монгольском языке, вероятнее всего, не обязательно было строго фиксированным на первом слоге, как это принято считать. Оно было подвижным и могло быть и на других слогах. Смычные **g* и **ɟ*, находящиеся перед ударным гласным, т.е. гласным сильного слога, подчиняющего себе все остальные, постепенно начали между гласными ослабляться, переходя в щелевые. Произносительные усилия, концентрируясь на сильном слоге, в данном случае на долгом гласном, способствовали дальнейшему ослаблению этого щелевого согласного и растворению его среди соседних гласных.

В тех же словах, где интервокальные согласные **g* и **ɟ* оказались в позиции после ударного гласного, они продолжали сохранять относительную напряженность артикуляции и дольше оставались смычными. Впоследствии, когда признаки, связанные с ослаблением, накопившись количественно, дали новое качество артикуляции и новое качество звуков, комплексы VCV, в которых второй гласный не был ударным, сохранились, не дав вместо себя долготы гласных, а интервокальные смычные **g* или **ɟ*, ослабившись, перешли в щелевые.

Для примера сравним развитие бурятских слов *хаха* 'вдребезги' и *хаа* 'закрой':

*qáqa → qáqa → qáqa → qáya → qáya → хаха;

*qaga → qaya → qaya → qa'a → qa → хаа.

Точку зрения относительно увязывания смычности и щеливости интервокальных согласных **g* и **ɟ* с разным качеством 2-го гласного комплекса VCV, с его краткостью и долготой, выдвинул Широ Хаттори

[см.: Hattori, p. 456—462], о чем подробно уже было сказано в первой главе. Эта точка зрения хорошо увязывается с нашим предположением о явлении ослабления артикуляции, послужившим причиной столь коренных преобразований системы консонантизма в бурятских говорах и вообще в монгольских языках.

Процесс ослабления и выпадения щелевых согласных в интервокальном положении в современном бурятском языке еще продолжается. Характерен он для западных бурятских говоров эхиритского происхождения, в которых тенденция ослабления напряжения вообще проявила себя в гораздо большей степени, чем в других бурятских говорах. В данном случае имеется в виду выпадение фарингального щелевого *h* в положении между гласными, о чем в предыдущих главах было уже сказано подробно. Так, например, общебурятские слова типа *саһан* 'снег', *загаһан* 'рыба' дают в западных говорах словоформы *са'ан*, *саан*, *зага'ан*, *загаан*, *загуу'ан*, *загуун*. Однотипное же выпадение *h* наблюдается еще только в старобургутском языке, связанном своим происхождением с бурятским языком.

Выпадение сонорных перед другими консонантами

Сравнительный материал показывает, что в бурятских говорах и в литературном языке есть словоформы, у которых отсутствуют некоторые согласные звуки, бывшие когда-то здесь в позиции перед другим консонантом. Такому выпадению подвержены главным образом сонанты, причем максимальное количество случаев приходится на долю сонорных *л* (l) и *р* (r). О том, что эти согласные когда-то были в составе данных словоформ, свидетельствует наличие их в словоформах из других говоров и из других монгольских языков. При этом учитывались данные как современных монгольских языков (халхаского, калмыцкого, дагурского, могольского, монгорского, дунсянского, баоаньского), так и материалы из памятников средневекового монгольского языка (Сокровенного сказания, Мукаддимат ал-Адаб, Лейденской рукописи, Синомонгольского глоссария XIV в. Хуа-и и-ю), а также данные классического старомонгольского языка. Рассмотрим конкретные примеры:

бох. *хүдэмэри*, аларск. *хөдэмэр*, бур. НУ *күдмэри*, цонг. *хүдүмур* — лит.-бур., вост.-бур. *хүдэлмэри* 'труд, работа' < *хүдэл* 'двигаться, работать', ср. х.-монг. *хөдөлмөр*, калм. *көдлмиш*, стп.-м. *ködelmüri* 'работа';

цонг. *бахирха* — лит.-бур. *бархирха*, ср. х.-монг. *бархирах*, стп.-м. *barkiraqu* 'кричать';

эхир.-булаг. *ээжэн* — лит.-бур. *ээлжэн*, ср. х.-монг. *ээлж*, стп.-м. *egelji* 'очередь';

бур. *отолхо* — х.-монг. *огтлох*, стп.-м. *otulaqu* 'отрезать';

бур. *нютаг*, х.-монг. *нутаг*, калм. *нутг*, МА *nutuq* 'родное кочевье' — стп.-м. *nuntuγ~nutuγ*, MNT *puntuḡ~putuḡ*, SG *nuntuḡ*, монг. *nuntuq id.*;

бур. НУ, окинск. *маньдиһан*, зап.-бур. *маньйаһан* 'дикий лук' — лит.-бур., *мангир*, вост.-бур. *маньдир*, х.-монг. *мангир*, *мангис* 'дикий лук', калм. *мәңгирсн* 'лук', MNT *manggirsun*, стп.-м. *manggir*, *manggirsun* 'дикий лук';

бур. *үйһэн*, х.-монг. *үйс*, калм. *уусн*, стп.-м. *üyisün* — MNT *uyilsun* 'береста'.

Кроме того, вызывают интерес случаи, когда бурятский язык наряду с некоторыми другими монгольскими языками сохраняет согласные *л* (*l*) или *р* (*r*), в то время как в остальных монгольских языках они выпали, например:

бур. *үсэгэлдэр*, калм. *өцклдр*, *өцклдүр* – х.-монг. *өчигдөр*, МА *öcüge ödür*, ЛР *hecegen*, ИМ *eügen*, монг. *uĉkādür*, монгол. *чигудур*, стп.-м. *öcügedür* 'вчера';

бур. *нугархан*, калм. *нуһрсн*, МА *nuqursun*, стп.-м. *nuγursun*, *niγursun* – х.-монг. *нугас* 'спинной мозг';

бур.-вост. *мүгөөрхэн*, *мэнгээрхэн*, зап.-бур. *мөөрхөн*, калм. *мөөрсн*, стп.-м. *mögersün* – х.-монг. *мөгөөс*, *мөгөөрс* 'хрящ'.

Кроме того, в некоторых словах можно предположить наличие в прошлом согласных *l* или *r*, исходя из данных некоторых современных монгольских языков, хотя в старописьменном монгольском и в памятниках средневекового монгольского языка слова бытуют без этих *l* и *r*, например:

даг. П *хайлāрс~хайлās* 'вяз' – бур. *хайлааһан*, х.-монг. *хайлаас*, стп.-м. *qayılasun* 'ильм, вяз';

монгол. *коһорсе*, ИМ *köler* – бур. *хулзһэн*, х.-монг. *хөлс*, калм. *көлсн*, даг. К *χulsu*, стп.-м. *kölesün* 'пот';

монгол. *кōрсе* 'пена, накипь' – бур. *хөөһэн*, х.-монг. *хөөс*, калм. *көөсн*, стп.-м. *kögesün* 'пена' < *köge-* 'всплывать, подниматься вверх на поверхность жидкости'.

Как можно видеть из приведенных выше примеров, эти выпадающие или сохраняющиеся *l* и *r* находятся зачастую перед аффиксом *-һан* (бур.), *-сан* (х.-монг.), *-сн* (калм.), *-sun* (стп.-м.) и т.п. Если обратиться опять к сравнительному материалу, то найдем примеры, в которых эти согласные всегда сохраняются перед данными аффиксами:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>алирһан</i>	<i>алирс</i>	<i>алирсн</i>	<i>alirsun</i>	брусника
<i>нууһрэн</i>	<i>нуурс</i>	<i>нуурсн</i>	<i>negürsün</i>	каменный уголь
<i>хашарһан</i>	–	<i>хачрсн</i>	–	чешуя

Согласные *l* и *r* в некоторых словах типа только что приведенных не выпали либо по той причине, что, видимо, просто еще не успели выпасть, либо, что более вероятно, сохранились, чтобы не допустить излишней омонимии, так как в противном случае эти слова совпали бы, например, со словоформами *нууһэн* 'кочевал', *хашаһан* 'загороженный' и т.п.

Кроме того, в ряде других случаев в памятниках средневекового монгольского языка, особенно в языке "Сокровенного сказания монголов" [MNT], встречается довольно большое количество слов с таким же структурным типом, содержащим в конце слов элементы *-lsun* или *-rsun*, например:

MNT *eri'ulsun* 'нищий' (< *eri-* 'просить');

MNT *hamha'ulsun* 'трава, сорняк', ср. SG *hamha'ul* 'сорняк', х.-монг., бур. *хамхуул*, калм. *хамхул*, стп.-м. *qamqayul* 'перекати-поле';

MNT *ĉigorsun*, SG *ĉigorsun* 'можжевелик', ср. MNT *ĉigot* (множ. число; здесь показатель множественного числа заменяет *-rsun*, что свидетельствует об его аффиксальности);

MNT *ħaliyarsun* 'дикий лук', ср. х.-монг. *халиар*, бур. *халаяр*, стп.-м. *qaliyar* 'черемша';

MNT *olirsun* 'дерево дикой груши', ср. бур. *улир*, х.-монг. *өрөл* 'плоды дикой сибирской яблони', стп.-м. *ögil* 'дикая сибирская яблоня';

SG *öregelsun* 'единственный', ср. MNT *oge'ele~ogo'ele*, х.-монг. *өрөөл*, *өрөөсөн*, калм. *өрэл*, *өрэск*, бур. *үрөөлэ*, *үрөөһэн*, стп.-м. *örgel*, *örgesün* 'один из пары, симметричная половина'.

Как видно из материала, здесь комплексы *-lsun*, *-rsun* представляют собой сочетание двух аффиксальных элементов *-sun* и *-l* или *-r*, которые могут быть словообразовательными аффиксами, а возможно, и составными элементами корневой основы. Об этом свидетельствуют факты из того же "Сокровенного сказания", когда употребляются параллельно слова с *-sun* и без него, а также когда *-sun* и *-l* взаимозаменяются, например:

MNT *kimul* 'ноготь'~*kimusu* 'ногти, когти', ср. бур. *хюмһан*, х.-монг. *хумс*, калм. *хумсн*, монгол. *чимудзе*, дунс. *ымысун*, SG *kimusun*, MA *qimusun*, стп.-м. *kimusun* 'ноготь';

MNT *ħara'ul~ħaga'ulsun* 'караул, дозор', ср. бур. *харуул*, зап.-бур. *харуур*, х.-монг. *харуул*, калм. *харул*, стп.-м. *qaga'ul* 'караул, стража, дозор' < *qaga'* 'смотреть, наблюдать';

MNT *kebte'ul~kebte'ulsun* 'ночная стража' < *kebte-* 'лежать'.

В самом бурятском языке тоже немало случаев, когда в разных говорах, а подчас и в одном и том же говоре употребляются параллельно словоформы, в которых аффиксальные элементы *-l* и *-һан* взаимозаменяются, либо же слово бытует в одном говоре с суфф. *-һан*, в другом же — без него, например:

Зап.-бур.	Вост.-бур.	Х.-монг.	Значение
<i>годоһон</i> 'унты'	<i>гутал~гутаһан</i>	<i>гутал</i>	обувь, сапоги
<i>аргаһан</i>	<i>аргал</i>	<i>аргал</i>	кизьяк
<i>намша</i>	<i>набша~набшаһан</i>	<i>навч</i>	лист, листва
<i>хашар</i> (туик.)	<i>хашарһан</i>	—	чешуя
<i>хасуурһан</i>	<i>хасуури.</i>	<i>гацуур</i>	ель
<i>хашааһан</i> (аларск.)	<i>хашаа</i>	<i>хашаа</i>	ограда, двор
<i>харуур</i>	<i>харуул~харууһан</i>	<i>харуул</i>	дозор, присмотр
—	<i>сагдуул~сагдууһан</i>	—	деревце

Таким образом, факт отсутствия *l* и *r* в комплексах аусланта *-rsun* или *-lsun* в современных монгольских языках или же их говорах не всегда сигнализирует об обычном выпадении согласных. Иногда слово изначально может содержать только один словообразовательный элемент — либо *-sun*, либо *-r* или *-l*, но не их комплексы (*-lsun* или *-rsun*).

Сравнительный материал показывает, что неустойчивость сонантов *r* или *l* перед другими согласными наблюдается не только в бурятских говорах. В единичных словах она отмечается также в монгорском и баоанском языках (ср. монгол. *магаше* 'завтра', баоан. *махше* id., ср. стп.-м. *marγaši* id.; баоан. *этэ*, стп.-м. *erte* 'рано'), но более заметно это выпадение в дунсянском языке, например:

дунс. *мата-* — монгол. *март-*, баоан. *мартэ-*, бур. *марта-*, х.-монг. *март-*, стп.-м. *unarta-* 'забывать':

дунс. *куган* — монгор. *хурга*, баоан. *хурган*, бур. *хурьган*, калм. *хурһи*, х.-монг. *хурган*, стп.-м. *qıgayaŋ* 'ягненок';

дунс. *джыгъуан* — монгор. *джирѣдн~джурѣоң*, баоан. *джирѣон*, бур., х.-монг. *зургаан*, стп.-м. *ǰıgıyaŋ* 'шесть';

дунс. *мугу* — 'молиться' — монгор. *мургу*, баоан. *мэргэ*, бур. *мургэ*, х.-монг. *мөргө*, стп.-м. *mǰgü* — 'кланяться; молиться';

дунс. *сауза* — монгор. *сүлза*, баоан. *сулзэ*, бур. *һуулга*, х.-монг. *суулга*, стп.-м. *saɣulɣa* 'ведро';

дунс. *тазун* 'жирный, тучный' — монгор. *тарзун* 'упитанный (о животном)', баоан. *тарѣон*, бур. *тарган*, стп.-м. *taɣuŋ* 'жирный, упитанный'.

Сонанты *г* и *л* выпадают также и в тюркских языках [см.: Севортян, с. 289—292]. Их выпадение вообще связано со слабой артикуляцией и неустойчивостью сонантов и может быть отнесено к типологическим явлениям.

Ослабление *s в *h* и *d*

В традиционных бурятских говорах (кроме сартульского, цоигольского и хамниганского), а соответственно и в современном литературном бурятском языке на месте исконного общемонгольского сибиланта *s в анлауте и между гласными, а также в постконсонантно-превокальной позиции представлен фарингальный *h*, а ауслaute слога и слова — смычный оглушенный слабый *d*. При этом *s → *h* перед любым гласным, кроме *i, поскольку *s + i → *ʃi*. Выше все эти процессы были рассмотрены подробно, поэтому здесь их касаться не будем. В данном случае нас интересуют причины, вызвавшие из всех монгольских языков лишь в бурятском и связанном с ним общностью происхождения баргутском языках развитие *s в *h* и *d*. Разберем эти причины.

В свое время выдающийся французский лингвист Антуан Мейе объяснил переход индо-европейского *s в *h* в позиции перед гласным влиянием ослабления артикуляции. Он писал по этому поводу [с. 121—122]: "Отражение и.-е. *s — одна из сложнейших частей индоевропейской фонетики, потому что здесь большое влияние оказывают соседние артикуляции. Для начала слова соответствия следующие: *s* в хеттском (где употребление *š* вместо *s* в клинописи, по-видимому, указывает на особое произношение *s*), в "тохарском", в санскритском, в славянском, в балтийском, в германском, в гальском и газльском, в итальянском; *h* в иранском, в армянском, в греческом, в бриттском; переход в *h* объясняется слабостью произношения и обнаруживается независимо друг от друга (это очевидно в отношении бриттского) в тех случаях, где артикуляция смычных не отличается твердостью... Между гласными *s подвергается значительным изменениям: в тех трех языках, в которых начальное *s уже с древних времен дало *h*, оно переходит в *h*, которое сохраняется в иранском и исчезает в армянском и греческом...".

Разбирая причины превращения начального *s в *h* в башкирском языке, Б.А. Серебрянников [1973, с. 10—15] поддерживает предположение А. Мейе и считает [с. 13], что "следующий за начальным *s* гласный особо благоприятствует ослаблению *s*, преобразуя его в простое придыхание". И действительно, приводимые им примеры из других языков, древних и современ-

ных, показывают, что остальные согласные этих языков тоже ослабили смычку, перейдя в проточные, т.е. все изменения согласных, в том числе и $s \rightarrow h$, представляют собой целостную систему.

Однако Б.А. Серебrenников убежден в том, что переход s в h , наблюдаемый из других тюркских языков еще в якутском, проходил иначе, здесь действовал иной механизм, чем в башкирском языке. Причину превращения s в h в башкирском языке он [1973, с. 14–15] усматривает в том, что в результате перехода s в середине слова и в конце его в межзубной s (δ) общий объем s уменьшился и начальное s ослабло, утратив фонематические функции, до степени простого придыхания. Недостаток s восполнился переходом аффрикаты * ʃ через * c в s . При этом Б.А. Серебrenников [1973, с. 10] считает, что "превращение начального s в h , интердентализация s в остальных положениях и возникновение нового s из аффрикаты c представляют три совершенно разных процесса, проходивших в различное время". Соглашаясь в целом с этой концепцией для башкирского языка и с тем, что в якутском языке механизм перехода s в h был несколько иным, чем в башкирском, мы склоняемся к мысли, что и в бурятском языке переход s в h и d осуществлялся немного иначе, чем в башкирском, и больше аналогий имеет в якутском языке.

Опираясь на теорию А. Мейе о спирализации согласных под влиянием ослабления артикуляции, что впрочем представляет собой весьма закономерное общезвоническое явление, мы предполагаем, что в процессе исторического развития бурятского языка, да и других монгольских языков, на каком-то этапе развилась и укрепилась тенденция ослабления напряженности артикулирующих органов. Это соответствующим образом повлияло на модификацию не только всей системы консонантизма, но и вокализма, а также на просодию слова. Эта тенденция, заложенная, вероятно, диалектически в потенции развития любого языка, могла усилиться и проявиться под влиянием экстралингвистических факторов. Этими факторами могли быть субстратно-адстратные воздействия на язык протобурятских племен как еще на прежней территории их обитания со стороны тунгусо-маньчжуров, так и после их продвижения в Прибайкалье со стороны аборигенных племен.

Поскольку тюркские предки якутов тоже какое-то время обитали на той же территории в Прибайкалье, что и протобуряты, то, возможно, и они испытали на себе воздействие того же субстрата или адстрата. Поэтому в якутском языке развились сходные с бурятским языком фонетические явления перехода * s в h , а также в t , дезаффрикатизация, широкое развитие палатализованных согласных, противопоставленных непалатализованным, развитие смычного увулярного * q в щелевой x и ряд других более мелких моментов. Но при этом якутский язык отличается от бурятского тем, что в якутском совершенно отсутствуют шипящие звуки в собственно тюркских по происхождению словах. Бурятский же язык, хотя и перевел аффрикаты в щелевые, но удержал шипящие ш и ж . Объяснить это можно тем, что эти оба языка получили одинаковый внешний толчок, каковым явился один и тот же субстрат или адстрат, под влиянием которого у них произошло однотипное направление развития артикуляционной базы. Затем тюркские предки якутов ушли на север, унеся с собой эту тенденцию, поддерживаемую там контактами с аборигенами тех краев. Бурят-

ские же племена испытывали воздействие все прибывающих вновь к ним других протобурятских и многольских племен. В результате чего языки этих вновь прибывших племен тоже начинали подвергаться воздействию той же тенденции. Но только воздействие той тенденции под влиянием притока новых племен ослабело и бурятский язык не лишился шипящих, как это произошло с якутским языком.

Итак, обобщенно картина перехода *s в h и d представляется нам в следующем виде.

До прихода в Прибайкалье протобурят, что произошло, вероятно, где-то в XI–XII вв. [см.: Окладников, с. 206], здесь обитали различные самодийские, кетские и эвенкийские племена. Для звуковых систем многих из них как раз характерно отсутствие или весьма слабое развитие шипящих звуков, развитая система противопоставления палатализованных и непалатализованных согласных, чередование по говорам смычных и щелевых согласных, а также чередование по говорам s и h. Для всех почти этих языков отмечается особое произношение сибиланта s, на слух несколько "шепелявое". Такая особая артикуляция s характерна для всех финно-угорских, самодийских, кетских и тунгусо-маньчжурских языков, т.е. проходит широкой полосой по всей Сибири, захватывая Европейский Север. И как раз в этих языках нет противопоставления s и š: они как бы совпали в одном этом щелевом шумном апиальном š, отличающемся некоей шепелявостью. Очень точно охарактеризовал этот звук для нанайского языка В.А. Аврорин [с. 34]: "Нанайская фонема [с] обладает без труда воспринимаемой на слух шепелявостью, всегда обращавшей на себя внимание русских исследователей. Такой характер этой нанайской фонемы служит для нанай помехой в различении русских фонем [с] и [ш]". Аналогичное произношение имеет эта фонема в эвенском [см.: Новикова, с. 71], эвенкийском [см.: Константинова, с. 23], орокском [см.: Петрова, с. 12], кетском [см.: Дульзон, с. 44–45; Вернер, с. 14–15], самодийских языках [см.: Терещенко, с. 366].

В эвенкийском языке по диалектам эта фонема реализуется по-разному: то в виде апиального шепелявого š, то в виде шипящего s, то в виде h (h). Эвенкийский язык вообще не различает s и h [см.: Новикова, с. 72], для него это аллофоны одной фонемы. В ненецком языке в начале слова s встречается только как чередующийся с h [см.: Вербов, с. 41]. В финском языке h и d считаются слабой ступенью согласного s, появившейся между гласными [см.: Бубрих, с. 154]. например: mies 'мужчина' — miehiet 'мужчины'; paras 'лучший' — parhaassa 'в лучшем'; nopeus 'скорость' — nopeudella 'со скоростью'; viisi 'пять' — viides 'пятый' и т.п. В башкирском языке, как было уже сказано выше, развитие *s → h связано с передвижением *s → š [см.: Серебренников 1973, с. 10–15; Гарипов, с. 131, 137]. В венгерском языке h развился из общевенгерского s через промежуточную ступень š [см.: Серебренников 1973, с. 12].

Таким образом, происхождение фарингального h в этих языках связано не просто с s, а с особым s: либо межзубным š, либо апиальным шепелявым š. Теперь подойдем к этому явлению чисто фонетически и представим, что у этих š или š ослабилась артикуляция, вследствие чего значительно расширилась щель, через которую проходит воздушная струя.

Расширение щели при произнесении этого \acute{s} в бурятском языке вследствие ослабления могло взаимодействовать и быть поддержано сдвигом назад вообще всей артикуляции бурятского языка по отношению к постулируемому древнемонгольскому состоянию. При этом окажется, что при узкой щели струя создавала свистящий оттенок звука (если же этот \acute{s} стоял перед i , то имел уже более шепелявый оттенок, приближающийся акустически к шипящему звуку), теперь же, после расширения щели, струя воздуха проходит с глухим шумом, который при сохранении работы голосовых связок как раз и дает фарингальный придыхательный h . Но это возможно только в предвокальной и интервокальной позициях, а также в постконсонантном положении перед гласным, т.к. гласное окружение способствует образованию еще большей щели. При сильном же ослаблении артикуляции у \acute{s} и \acute{t} , находящихся в конце слога перед согласным, а также в абсолютном конце слова, происходит резкое уменьшение свистящего щелевого элемента за счет возросшей широты щели и время на его произнесение укорачивается, вследствие чего быстро наступает импозивный смык артикулирующих органов. Появляется смычный слабый глухой звук. Им может быть только d , так как артикуляционная фаза у d и \acute{s} одна, разница лишь в том, что \acute{s} щелевой, а d смычный звук.

Итак, в этой связи представляется возможным предположить, что протобурятские племена, войдя в Прибайкалье в контакт с аборигенными племенами (эвенков, самодийцев или кетов, пока это точно не известно), имеющими особую артикуляцию \acute{s} , испытали их влияние в виде субстрата и адстрата, усвоив их артикуляционную базу, для которой было характерно сильное развитие палатализованных согласных (что и развилось в бурятском языке), особая среднеязычная артикуляция шипящих аффрикат (что повлияло на сохранение шипящего характера аффрикат, давших $ж$ или щелевой среднеязычный йот — j в западнобурятских говорах на месте свистящего $з$ восточных), а также чередование \acute{s} и h (что и было тоже усвоено протобурятами). Затем, когда усилилась и начала оказывать свое разрушающее действие тенденция ослабления напряженности артикулирующих органов, то последовательную перестройку претерпела буквально вся система звуков протобурятского языка, гласных и согласных. У согласных произошло ослабление аффрикат в проточные, смычных в щелевые, выпадение щелевых, выпадение сонантов перед другими согласными (глухими), ослабление \acute{s} в h и d . На место изменившегося \acute{s} пришло s , развившееся из аффрикаты $t\acute{s}$, а на месте шипящей аффрикаты $t\acute{t}$ возник шипящий щелевой. Таким образом, перестройка всей системы произошла, видимо, за относительно непродолжительный срок единым процессом под влиянием сдвига в характере всей артикуляционной базы.

А возможно, что особый шепелявый характер \acute{s} (обусловивший впоследствии переход в h) протобуряты получили, как и качество палатально-дорсальных аффрикат, способствовавших развитию свистящих аффрикат из их аллофонов перед широкими гласными, как и особое произношение гласного $\acute{э}$ как звука смешанного ряда, как и слияние древних * \acute{o} и * \acute{u} в одном центральнорядном \acute{u} , еще на прежней территории своего обитания от тунгусо-маньчжуров задолго до переселения в Прибайкалье. На эту мысль наталкивает особый характер произношения * \acute{s} как звука среднего

между *ш'* и *с'*, подмеченный А.Д. Рудневым [1911, с. 180–181] во Внутренней Монголии в ее самом северо-восточном углу в говорах дурбубэйсэ, северный горлос и джалаит, а также переход в этих говорах *s в *т*. Все это тоже свидетельствует о том, что и здесь представлен особый характер произношения *s, давший, видимо, шепелявое *š* и смычный глухой *т*. Наблюдается это вдали от Прибайкалья и от байкальских звонков. Значит, эти монгольские говоры получили особый характер данных звуков под другим влиянием. Это могло быть влиянием местных тунгусо-маньчжурских племен Приамурья, населяющих смежные территории. Тунгусо-маньчжурским же влиянием вызвано, видимо, и особое произношение древнего исконного *e как звука неясной артикуляции, произносимого как *é*, *i*, *э*, *о*, *ó*, *ú*, *у*, *у* [см.: Руднев 1911, с. 189]. Аналогичный характер гласного *e отмечается и в дагурском языке, в котором он тоже произносится как звук смешанного ряда, слегка иногда лабиализованный. Этот звук сопоставляется с аналогичным бурятским и тунгусо-маньчжурским [см.: Поппе 1930, с. 105–106]. А как известно из истории, именно в данном районе обитали в прошлом племена протомонголов, протоириатов и протобурят, входившие в племенное объединение шивэй. Здесь-то еще в то время протобуряты и могли получить от тунгусо-маньчжуров те свои особенности произношения гласных и согласных, которые способствовали такому значительному изменению звуковой системы бурятского языка в Прибайкалье, видимо, под влиянием аборигенных языков.

Относительно предполагаемой датировки перехода *s в *h* можно предположить, что он произошел и завершился давно, во всяком случае раньше, чем *тš* → *š*, а *тs* → *s*, так как *s*, равнившийся из *тs*, уже не переходил в *h*. О давности появления *h* в бурятских говорах, особенно в западных, самых древних из бурятских говоров, свидетельствует еще и то, что *h* здесь уже перестал ассоциироваться с *s и давно начал соотноситься с *x*. Кроме того *h* стал выпадать между гласными подобно *g*.

К сожалению, нет ранних письменных памятников бурятского языка, а те свидетельства современников бурят XVII–XVIII вв., которые известны сейчас, дают весьма противоречивые факты. Так, например, у швейцарца Ранье [см.: Meusel, s. 119–180], который в 1769 г. жил в Иркутске, приведен небольшой словарь [200 слов и выражений] бурятского языка. Там имеются слова, в которых *h* обозначен как *ch* или *g*, и в то же время даны слова, сохраняющие *s*, например: *chaga* 'луна' (ср. лит.-бур. *hapa*, х.-монг. *сар*), *ubichun* 'трава' (ср. лит.-бур. *убһэн*, х.-монг. *өвс*), *chochog* 'слепой' (ср. лит.-бур. *hoxop*, х.-монг. *сохор*), *chaga urochun* 'медведь' (ср. лит.-бур. *хара гурөөһэн* и *id.*, х.-монг. *гөрөөс* 'антилопа'), *sagun* 'снег' (ср. лит.-бур. *саһан*, х.-монг. *цас*), *gedegun* 'желудок' (ср. лит.-бур. *гэддһэн*, х.-монг. *гэдэс*), *chugun* 'береза' (ср. лит.-бур. *хуһан*, х.-монг. *хус*), *dabasu* 'соль' (ср. лит.-бур. *дабһан*, х.-монг. *давс*), *otosu* 'чулки' (ср. лит.-бур. *оймһон*, х.-монг. *оймс*), *usu* 'волосы' (ср. лит.-бур. *уһэн*, х.-монг. *ус*), *usin* 'вода' (ср. лит.-бур. *уһан*, х.-монг. *ус*), *guros* 'дикая коза' (ср. лит.-бур. *боро гурөөһэн*, х.-монг. *гөрөөс*), *su* 'молоко' (ср. лит.-бур. *һун*, х.-монг. *сүү*), *buse* 'пояс' (ср. лит.-бур. *буһэ*, х.-монг. *бус*), *sagasun* 'рыба' (ср. лит.-бур. *загаһан*, х.-монг. *загас*).

Создается впечатление, что переход *s → *h* в это время только начался и еще не завершился. Некоторые монголоеды так и склонны считать, что

переход *s → h произошел где-то в XVII—XVIII вв. [см.: Санжеев, 1953, с. 9]. Однако материалы Палласа, приведенные им в "Сравнительных словарях" за 1787 г., очень часто дают для бурятского языка параллельные словоформы, явно принадлежащие к двум разным диалектам, например:

Паллас	Лит.-бур.	Х.-монг.	Значение
<i>шалунъ ~ челонъ</i>	<i>шулуун</i>	<i>чулуу</i>	камень
<i>сагазунъ ~ сагасунъ</i>	<i>загаһан</i>	<i>загас</i>	рыба
<i>хуса ~ хуца</i>	<i>хуса</i>	<i>хуц</i>	баран
<i>узунъ ~ усунъ</i>	<i>уһан</i>	<i>ус</i>	вода
<i>югунъ ~ юсунъ</i>	<i>юһэн</i>	<i>ес</i>	девять
<i>сапсаганъ ~ цаганъ</i>	<i>сагаан</i>	<i>цагаан</i>	белый
<i>серкунъ ~ дзурканъ</i>	<i>зурхэн</i>	<i>дзурх</i>	сердце
<i>җара ~ сара</i>	<i>һара</i>	<i>сар</i>	месяц
<i>бишаханъ ~ бацаханъ</i>	<i>бишыхан</i>	<i>бяцхан</i>	маленький

В то же время множество слов у него имеют h (в его передаче x, z), а также другие, явно бурятские черты, например:

Паллас	Лит.-бур.	Х.-монг.	Значение
<i>дабугунъ</i>	<i>дабһан</i>	<i>давс</i>	соль
<i>шуху</i>	<i>шуһан</i>	<i>цус</i>	кровь
<i>мулухунъ</i>	<i>мульһэн</i>	<i>мес</i>	лед
<i>мяханъ</i>	<i>мяхан</i>	<i>мах</i>	мясо
<i>шикюнъ</i>	<i>шэхэн</i>	<i>чих</i>	ухо
<i>илхунъ</i>	<i>элһэн</i>	<i>элс</i>	песок
<i>газаръ</i>	<i>газар</i>	<i>гадзар</i>	земля
<i>онгоссу</i>	<i>онгосо</i>	<i>онгоц</i>	судно
<i>отхаху</i>	<i>адхаха</i>	<i>асгах</i>	лить
<i>хунъ ~ зунъ</i>	<i>һун</i>	<i>суу</i>	молоко
<i>напшезу</i>	<i>намшаһан</i>	<i>навч</i>	листья
<i>боръ, тотхо</i>	<i>бор, тоодха</i> (зап.-бур.)	—	глина
<i>шаборъ</i>	<i>шабар</i>	<i>шавар</i>	глина
<i>бузе</i>	<i>буһэ</i>	<i>бус</i>	пояс
<i>зуке</i>	<i>һухэ</i>	<i>сух</i>	топор

Таким образом, материалы Палласа, хотя тоже неоднородные, позволяют предположить, что в то время, как и сейчас, бурятские племена не были однородными. Часть из них представляла собой сравнительно недавних выходцев из Монголии (хонгодоры и др.), которые к тому времени, видимо, полностью еще не адаптировались среди бурятских племен и в какой-то мере могли сохранять некоторые черты монгольского языка. Это среди бурят Прибайкалья. Среди восточных же бурят в то время уже обитали сартулы и цонголы, сохранявшие в большей степени, чем сейчас, монголь-

ские черты в языке. Этим, наверно, и объясняется то, что для бурят тогда было характерно два типа облика слов — сохраняющий монгольские черты (аффрикаты *дз, дж, ч, ц, сибилант с*) и собственно бурятский (щелевые *ш, ж, с, з* вместо аффрикат и *h* вместо сибиланта *с*). Все это и находило отражение в словарях того времени.

Ослабление артикуляции гласных

Система вокализма в бурятских говорах под воздействием той же тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов также претерпела ряд существенных модификаций. На каком-то этапе исторического развития монгольских языков произошла смена акцентуации слогов, с которой вступила во взаимодействие тенденция ослабления артикуляции звуков. Гласные слабых, неударных слогов стали либо совсем отпадать, либо ассимилироваться гласными сильных слогов. В результате корневые основы (условно-непроизводные), да и аффиксальные элементы в монгольских языках, в том числе и в бурятском, претерпели в ряде случаев значительные изменения. Первоначальный облик слова изменился до неузнаваемости (например, *аγуба čigī* дало современное бурятское *убашье*, х.-монг. *уувч* 'хотя бы и выпил'). Существовавшие в праязыке одно-, двух- и трехсложные корневые основы под влиянием ослабления смычки а затем смены слоговой акцентуации видоизменились. Взаимовлияние этих двух тенденций повлекло за собой развитие долгих гласных с характером долготы по гласному сильного слога, в данном случае по второму гласному долготного комплекса. Гласный же первого слога в таких комплексах в этих случаях полностью утратил свое качество, ассимилировавшись гласным сильного второго слога. Схема развития такова, например:

**agūla* 'гора' → **aγūla* → **ahūla* → **a'ūla* → **o'ūla* → **u'ūla* → *ūla* (ср. современное бурятское *уула* 'гора');

**sigū-* 'цедить' → **šigū-* → **š'i'ū-* → **šū'ū-* → *šū-* (ср. современное бурятское *шуу-* 'цедить').

При этом монгольские языки стали стремиться к корневой основе с меньшим количеством слогов. Произшедшая затем смена акцентуации и закрепление главного ударения на 1-м слоге слова привели в некоторых языках к сильной редукции гласных последующих слогов не только открытых, но и закрытых. В ряде языков произошло даже не только отпадение конечного -п основы, но вообще полная редукция и отпадение всего последнего слога (как, например, в халха-монгольском, в котором из *naγan* стало *нар* 'солнце', ср. бур. *наран*, калм. *нарн id.*; из *γasun* стало *яс* 'кость', ср. бур. *яһан*, калм. *ясн id.* и т.п.). В халха-монгольском языке основным типом корневой основы стал тип с одним кратким или долгим гласным, т.е. (C)V(:)C, характерный для тюркских языков [см.: Котвич, с. 34] и, возможно, развившийся под их влиянием. В калмыцком языке возобладала, видимо, акцентуация несколько иного типа, чем в халхаском, так как в калмыцком языке удержался последний слог и сохранилось конечное -п основы. Господствовать в калмыцком языке стали типы слогов (C)V(:)C и (C)V(:)C(C)VC, т.е. односложные и двусложные (имеются в виду только корневые основы). Конечный слог, особенно с конечным -п, сохраняется. Его сохранение при явной тенденции редуцировать гласные непер-

вых слогов и особенно конечный гласный ауслата объясняется, видимо, особенностями слоговой акцентуации, поддерживаемой стремлением удерживать этот -п как морфологический показатель имени. Исськукульские же калмыки утверждают даже, что главное ударение у них падает в слове на последний гласный перед этим конечным -п, например: *махан* 'мясо', *сээхан* 'красивы', *мөрйн* 'конь', *кумун* 'человек'. Произношение же с русским ударением на 1-м слоге этих слов они считают неверным, искажающим данные слова. Следовательно тип ударения в калмыцком языке иной, чем в русском, а второй слог имеет дополнительное, возможно, музыкальное ударение.

В бурятском языке положение аналогично калмыцкому. И в нем основы имен удерживают конечный -п. Вопрос относительно характера ударения в бурятском языке пока до конца не выяснен. Видимо, и в нем ударение не всегда было на 1-м слоге, так как в разговорном языке встречается немало случаев, когда гласный 1-го слога слова отпал, например:

окинск. *мээл* 'седло', ср. лит.-бур., х.-монг. *эмээл*, стп.-м. *emegel* id.;

общебур. *марта-*, х.-монг., калм. *март-* 'забывать', ср. стп.-м. *umarta-* id.;

общебур. *нээрээ*, х.-монг. *нээрээ* 'действительно', ср. стп.-м. *ünen-iyer-iyen* id.;

тунк. *нөөдөр* 'сегодня', ср. лит.-бур. *үнөө удэр*, х.-монг. *өнөөдөр* id.;

зап.-бур. *неэн* 'корова', ср. лит.-бур. *унезн*, х.-монг. *унээ*, стп.-м. *üniyen* id.;

барг. *неэдэн* 'смех', ср. лит.-бур. *энеэдэн*, х.-монг. *инээд*, стп.-м. *iniyeden* id.;

зап.-бур., цонг. *неэхэ* 'смеяться' ср. лит.-бур. *энеэхэ*, х.-монг. *инээх*, стп.-м. *iniyekü* id.;

тунк. *нөөнени* 'сегодня ночью', ср. лит.-бур. *үнөө хүни* id.;

цонг., хор. *нөөхи* 'тот самый', ср. лит.-бур. *унөөхи*, х.-монг. *өнөөх* id.

Сильная редукция начальных гласных и даже слогов наблюдается в монгорском языке, а также в баоаньском и шира-югурском и связано с их ударением на последнем слоге. По этому поводу Б.Х. Тодаева [1973, с. 17—18] пишет: "В отличие от остальных монгольских языков в монгорском ударение падает на последний слог слова. В силу этого в нем наблюдается ослабление гласных начального, неударного слога. Если в других монгольских языках, где ударение падает на первый слог, ослабляются конечные гласные, то в монгорском существует явление обратного порядка — выпадают неударные гласные в начальной позиции:

	Мгр. х.	Монг. письм.	Совр. монг.
<i>лосе-</i>	'проголодаться'	ölüšü-	<i>алсө-</i>
<i>мосе-</i>	'иадевать'	emüš-	<i>амсө-</i>
<i>наза</i>	'жеребенок'	unayа	<i>унаган</i>
<i>ре-</i>	'приходить'	ire-	<i>ирэ-</i>
<i>гуле-</i>	'говорить'	ügüle-	<i>өгүлэ-</i>
<i>сага-</i>	'спрашивать'	asayu-	<i>асуу-</i>

Подобная утрата гласных происходит в баоаньском и в языке шира-югуров. В них, так же как и в монгорском языке, ударение падает на последний слог слова и как результат предельной редукции происходит выпадение гласных в начальном слоге".

Таким образом, только иной, чем теперь, акцентуацией прамонгольского

языка и сильным ослаблением артикуляции звуков, в том числе и гласных, можно объяснить отпадение в бурятских говорах гласных 1-го слога слова и те ассимилятивные процессы, которые произошли с гласными первых слогов, в том числе и перелом *i.

Как показывают материалы по монгольским языкам, этот позднейший по классификации Г.Д. Санжеева [см.: 1953, с. 94] перелом *i захватил также и гласный *e. Попросту же это была утрата в результате ослабления гласными *i и *e начальных слогов своих артикуляционных особенностей и подчинение гласному последующего более сильного ударного слога (обычная ассимиляция). Затем же, когда ударение передвинулось и закрепилось на начальном слоге, сильная позиция перешла к нему, и те гласные *i и *e, которые к этому моменту не успели ассимилироваться, сохранились, так как стали ударными. Гласные же последующих слогов, даже бывшие в прошлом сильными (ударными) и когда-то ассимилировавшие другие, теперь стали ослабевать, терять свое качество и редуцироваться. Рассмотрим это конкретнее. Так, например, у основ типа *nidün 'глаз', *sidün 'зуб', *nilqa 'новорожденный', *jida 'пика', *ebül 'зима', *ebesün 'трава' и т.п., имевших ударение на последнем слоге, гласные 1-х слогов в результате ослабления подчинились по своей артикуляции гласным сильным (ударным) слогов, вследствие чего развились формы: n'üdün, südün, n'ä lqa, ĵada, öbül, öbüsün и т.п. (что, между прочим, и зафиксировано в памятниках средневекового монгольского языка; ср.: МА öbül 'зима' и другие основы такого типа ödür < edür 'день', örgü- < ergü- 'поднять' и т.п.). При передвижении ударения и закреплении его на 1-м слоге здесь усилилась гласная, уже успевшие к этому моменту развиться здесь на месте прежних *i и *e. Последующие же слоги стали ослабляться, оказавшись в неустойчивой позиции, и их гласные начали утрачивать свое качество. Так появились бурятские разговорные диалектные формы типа нуду// нудэ 'глаз', шуду// шудэ 'зуб', убүл// убэл 'зима' и т.п.

Гласный *i, стоящий в первых слогах, в бурятских говорах тоже утратил свои артикуляционные особенности, подчинившись гласному сильному, теперь уже 1-го, слога, например: бур. горье < ğorgi 'пряжка', бур. арт'а, арс'а, арш'а < arki 'водка', ошохо < öšiqü 'пойти', сабшаха < śabšiqü 'рубить', шье < šigi 'хотя' и т.п.

В бурятском языке перелом *i начался, вероятно, как и в калмыцком, позднее, чем в халха-монгольском языке, о чем упоминалось уже выше, и завершился быстрее, так и не успев дать к моменту передвижения ударения на первый слог слова других гласных на месте *i, который во многих случаях сохранился, например бур. химда, калм. кимд 'дешевый' < kimda, ср. х.-монг. хямд; бур. нилха, калм. нилх 'новорожденный' < nilqa, ср. х.-монг. нялх; калм. ĵид 'пика', ср. бур., х.-монг. жада < ĵida. Ср. также в бурятских говорах н'идэн 'глаз' < nidün (ср. лит.-бур. нюдэн), шидэн 'зуб' < sidün (ср. лит.-бур. шудэн), шитаха 'гореть' < šitaqu (ср. лит.-бур. шатаха) и т.п.

Таким образом, развившаяся в бурятском языке, особенно в эхиритских говорах, тенденция ослабления артикуляции вызвала вполне закономерное изменение во всей системе гласных и согласных, а также преобразования слоговой структуры корневых основ в сторону сокращения количества слогов. Развившаяся далее смена слоговой акцентуации закрепила

возникшие модификации звуков и новую слоговую структуру. В бурятских говорах (главным образом западных) под воздействием этих процессов происходит отпадение в ряде слов гласных анлаута, а также стяжение слогов и образование долгих гласных за счет выпадения интервокального *h*, развившегося из **s*.

Как показывает сравнительный материал, и в других современных монгольских языках наблюдаются рефлексии, связанные как с историей развития гласного **i*, так и ослаблением напряженности артикулирующих органов. Так, например, опереднение гласных сильно развито в калмыцком языке, в языке дархатов и монголов Внутренней Монголии, палатализация согласных — в халхаском и дагурском, переход аффрикат и смычных в щелевые встречается еще в калмыцком, халхаском, дагурском языках и диалектах Внутренней Монголии, во всех современных монгольских языках развились долгие гласные за счет ослабления и исчезновения щелевых согласных между гласными, во всех языках также отмечается спорадическое выпадение сонорных и редукция гласных в слабой позиции. Но все же следует признать, что в бурятском языке и его говорах все эти явления получили наибольшее развитие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая и обобщая все сказанное выше относительно развития звукового строя бурятского языка в свете данных других монгольских и алтайских языков, можно сделать ряд следующих выводов.

1. Древний бурятский язык до того, как в нем произошел в области фонетики столь существенный сдвиг, выразившийся главным образом в появлении h ($< *s$) и щелевых согласных на месте исконных аффрикат $*\check{s}$ и $*\check{j}$ (\check{s} и s на месте $*\check{s}$ и \check{z} , z , j на месте $*j$), имел в звуковом отношении вид языка типа современных ойратского или халха-монгольского, поскольку бурятские свистящие щелевые s и z , появившиеся на месте древних $*\check{s}$ и $*j$, могли развиваться только из свистящих аффрикат типа \check{c} (ts) и \check{d} (dz), представленных из всех современных монгольских языков лишь в ойратском и халха-монгольском. Это объединяет бурятский язык с данными языками в одну группу северных монгольских языков [см.: Поппе 1930 а, с. 17]. О былой тесной общности этих языков говорит и морфология [см.: Цыдендамбаев 1979].

Ранее нами уже выдвигалась гипотеза о развитии свистящих аффрикат на месте исконных шипящих в группе северных монгольских языков под тунгусо-маньчжурским влиянием [см.: Рассадин 1975, с. 65–69]. Вероятно, на каком-то этапе своего развития группа северных монгольских языков, включавшая протобурятский, протоойратский и протохалхаский языки, испытывала сильное влияние языков типа южных тунгусо-маньчжурских, у которых аффрикаты \check{c} и \check{d} , соотносимые исторически с t и d , произносятся как палатально-дорсальные аффрицированные звуки, имеющие свистящие аллофоны перед широкими гласными и более шипящие перед узкими i и e . Монгольские аффрикаты $*\check{c}$ и $*\check{j}$, особенно развившиеся из $*t$ и $*d$ перед $*i$, вероятно, тоже имели в то время подобную артикуляцию, дававшую свистящие аллофоны перед широкими гласными и шипящие перед узкими. Впоследствии, когда группа северных монгольских племен, обитавшая в древности в верховьях южных истоков Амура (монгольские племена шивэй), продвинулись на запад, их языки вышли из-под тунгусо-маньчжурского влияния, а позиционные огтенки — аллофоны аффрикат (свистящие перед широкими гласными и шипящие перед узким i) фонологизовались, перейдя в соответствующие свистящие и шипящие аффрикаты. Южная же группа монгольских языков, не испытывавшая этого влияния, развила во всех позициях шипящие варианты аффрикат. В свое время Б.Я. Владимирцов [с. 397] высказывал догадку, что аффриката $*\check{j}$ имела особый характер: "По всей вероятности общемонгольское $*\check{j}$ было средним между $*d\check{z}$ ' и $d\check{y}$, почему оно и могло развиваться на монголь-

ской почве в $\check{y}, \check{y}, \check{y}, j, d \sim d, \check{z}, \check{z}, \check{z}'$. Так что выдвигаемое нами предположение имеет реальную основу.

2. Хотя бурятский, халха-монгольский и ойратский языки по многим сближающим их признакам объединяются в одну группу, у каждого из них имеются специфические черты, выделяющие его среди остальных. Представлены такие черты и в бурятском языке.

Так, в области вокализма для бурятского языка (для всех его традиционных говоров) характерно произношение фонемы *е как гласного смешанного ряда, обозначаемого в фонетической транскрипции знаком э (орф. э), а фонем *о и *ü — как соответствующих центральнорядных звуков \check{o} (орф. ө) и \check{u} (орф. у). В ойратских же диалектах (а соответственно и в калмыцком языке) здесь произносятся переднеязычные гласные е, о (ө) и у (у). В халхаском языке на месте *е представлен, как и в ойратском, переднеязычный открытый е (типа русского э), а на месте *о и *ü — центральнорядные гласные типа бурятских. Произношение остальных гласных в общих чертах совпадает. Только в западных бурятских говорах развилось сильное опереднение гласных, как и в ойратском языке, под влиянием исторического *i (типа *baḡ'xā* 'брать' < *бариха*, *toḡ'iu* 'конь' < *морин* и т.п.), а также образовались, как и в ойратском, долгие опередненные монофтонги на месте исторических дифтонгов и дифтонговых комплексов (типа *bā* 'будь' < *бай*, *ō* 'лес' < *ой* и т.п.). Таким образом, вокализм бурятского языка, с одной стороны, имеет общие черты с ойратским, а с другой — с халхаским, сохраняя в то же время и свою специфику в виде гласного э смешанного ряда.

Кроме того, все традиционные бурятские говоры делятся на два крупных массива в отношении сохранения фонемы *о: группу западных говоров, в которых центральнорядный \check{o} (< *ö) сохраняет статус фонемы, и группу восточных говоров хоринского типа, в которых такой же звук \check{o} (< *o) утратил фонемные свойства и выступает лишь как оттенок фонемы \check{u} (< *ü), слившись с нею.

Если выйдем за пределы ареала указанных трех языков, то увидим, что бурятское смешаннорядное э, а также слияние в одном центральнорядном \check{u} (орф. у) двух исторических фонем *о и *ü находят свою полную аналогию в дагурском языке (ср. дагурские $\epsilon \sim \epsilon$ и \check{y}) и в языке джарутов Внутренней Монголии (ср. джарутские ϵ и \check{u}). Полное соответствие бурятскому и дагурскому $\epsilon \sim \epsilon$ уже было отмечено в тунгусо-маньчжурских языках [см.: Поппе 1930, с. 105–107], для которых вообще повсеместно характерно произношение гласного э как звука смешанного ряда с различной степенью лабиализации [см.: Цинциус, с. 78].

Таким образом, появление гласного этого типа на месте *е в рассматриваемых монгольских языках можно объяснить тунгусо-маньчжурским влиянием. Этим же влиянием можно объяснить и слияние исторических *о и *ü в одном центральнорядном \check{u} , представленном в этих же языках, поскольку для тунгусо-маньчжурских языков тоже не характерно противопоставление фонем *о и *ü. Для них обычно наличие одного гласного у (ш) на месте о и ü других алтайских языков [см.: Ряснен, с. 28, табл.]. Тем самым напрашивается предположение о принятии бурятским, дагурским языками и некоторыми восточномонгольскими говорами тунгусо-

маньчжурской системы гласных с ее особенностями артикуляции. Именно взята вся система, а не отдельные звуки. Произойти это могло, возможно, еще в то время, когда протобуряты продолжали обитать на своей прежней территории в верховьях истоков Амура и когда ими была воспринята от тунгусо-маньчжуров та особая артикуляция аффрикат *č и *j̄, давшая впоследствии свистящие аффрикаты перед широкими гласными.

Сохранение фонемы ɔ (орф. ɸ) в западных бурятских говорах можно объяснить их большей древностью, а скорее всего включением в более позднее время в состав западных бурят ойратских и монгольских племенных групп, под влиянием которых ɸ удержало статус фонемы.

В области к о н с о н а н т и з м а традиционные бурятские говоры отличаются от ойратского и халхаского языков полной дезаффрикатизацией, т.е. развитием щелевых звуков с, з, ш, ж на месте соответствующих аффрикат ц, дз, ч, дж. Лишь в ойратском, как и в бурятском, на месте аффрикаты дз образовался свистящий щелевой з. Кроме того, в бурятском языке исторические смычные *k и *q дали щелевой х, как и в халхаском (исключение составляет из традиционных бурятских говоров нижнеудинский, сохраняющий в данном случае смычность этих фонем). В ойратском же в х перешел *q, а *k везде сохранил смычность. Исторический *g в позиции перед *i, палатализуясь, часто дает в бурятских говорах щелевой j̄. В прошлом это было характерно для всех бурятских говоров, ныне же только для западных. В западных говорах, главным образом эхиритских, произошло, кроме того, развитие аффрикаты *j̄ в щелевой j̄, видимо, еще на стадии среднеязычности артикуляции *j̄.

В отношении развития аффрикат традиционные бурятские говоры тоже распадаются на два массива: группа западных бурятских говоров, в которых в гораздо большем количестве слов представлены шипящий рефлекс ж (в аларском говоре) и среднеязычный щелевой j̄ (в эхиритбулагатских говорах) как результат непосредственного развития шипящей аффрикаты *j̄, и группа восточных говоров, в которых во многих словах содержатся свистящие рефлексы этой аффрикаты, развившиеся здесь на месте свистящей аффрикаты дз.

За пределами группы северных монгольских языков переход аффрикат в щелевые наблюдается еще в дагурском (*č иногда дает č̣) и в джарутском (*č регулярно дало č̣). Аффриката же *j̄ в дагурском и джарутском сохраняется. Объяснить дезаффрикатизацию влиянием тунгусо-маньчжурских языков не представляется возможным, поскольку для всех их как раз характерно наличие аффрикат ч и č̣, а также смычного к (анлаутный х во многих из них является развитием *пф). Таким образом, для дезаффрикатизации бурятского и некоторых других монгольских языков следует искать иные причины.

3. Ряд моментов исторического развития звукового строя бурятского языка носит общемонгольский характер, например: развитие *q в х, а в ряде языков и *k в х (халхаский, ойратский, дагурский, ордосский, монгорский языки, восточномонгольские говоры); появление долгих гласных на месте долготных комплексов VCV за счет исчезновения интервокальных согласных (все современные и средневековые монгольские языки);

ассимиляция гласных анлаута *i и *e (в разной степени все современные монгольские языки). Объяснить это можно только действием общей для всех монгольских языков тенденцией ослабления напряженности артикулирующих органов. Этим же объясняется и дезаффрикатизация, как одно из звеньев общей системы перестройки всего звукового строя бурятского языка под действием этой тенденции. Захватив некогда все монгольские языки, она проявила себя в них по-разному, остановив свое действие в одних (за счет чего сохраняется смычный характер *q и *k, аффрикаты, непереломленный *i, иногда и *e, а в некоторых периферийных языках и двослога после выпадения интервокальных согласных, не успевшие стянуться в долгий монофтонг) и продолжив в других. Сильнее же всего эта тенденция проявила себя в бурятских говорах (*ʃ → ʒ; *č → ʒ; *dʒ → z; *tʂ → s; *s → h ~ d; *q и *k → x), более всего разившись в группе западных бурятских говоров (ослабление палатализованного *g в щелевой j, аффрикаты *j тоже в j, исчезновение фарингального h между гласными и образование вторичных долгот гласных). Только влиянием тенденции ослабления можно объяснить утрату смычки у *k и *q и у аффрикат, а также исчезновение интервокальных *g, *γ, *у (йот), а затем и h (< *s) и образование заместительных долгот гласных, переломы (ассимиляцию) гласных *i и *e.

Тенденцию ослабления, как общемонгольскую, протобурятский язык мог принести с собой в Прибайкалье. А здесь она могла получить поддержку и стимуляцию к усиленному развитию под субстратно-адстратным влиянием аборигенных племен, что явилось экстралингвистическим фактором для развития внутренних потенций языка протобурят. На эту мысль наталкивает тот факт, что типологически аналогичное развитие получил якутский язык, вернее его тюркская часть, в которой тоже, видимо, под однотипным же воздействием извне на месте исторических аффрикат развились щелевые согласные, *q дал щелевой x, а на месте *s появились h и t. Только в отличие от бурятского языка в якутском полностью исчезли шипящие звуки. Это могло развиваться в якутском языке под влиянием тех звенкийских диалектов, в которых отсутствуют шипящие звуки.

В бурятском языке тенденция ослабления, по всей вероятности, не могла усилиться под влиянием местного звенкийского языка, так как во всех звенкийских диалектах и говорах, как уже упоминалось, сохраняются смычный k и аффрикаты ч и ʒ. Следовательно, звенки не могли быть тем аборигенным народом, вызвавшим такое сильное развитие ослабления смычки в бурятских говорах. В данном случае обращает на себя внимание ареал соседних тюркских языков Саяно-Алтайского нагорья и Минусинской котловины — языки шорский, хакасский, тувинский, и тофаларский, в которых тоже прослеживается действие аналогичной тенденции ослабления смычки, выразившееся в развитии x или h на месте *q и *k, ослабление (оглушение) *ʒ в ʒ, переход аффрикаты *č в щелевой ʃ, развитие долгих гласных на месте двослога VC'V после ослабления и выпадения интервокальных согласных. Этот ареал тюркских языков, таким образом, смыкается с монгольскими языками, а особенно с бурятским, образуя вместе с ними и якутским языком один более широкий ареал с результатами действия одной тенденции ослабления.

Задачей является отыскание тех аборигенных племен, которые могли вызвать такое сильное ослабление напряженности артикулирующих органов в бурятском языке. Этими племенами могли быть как кетоязычные, так и палеазиатскоязычные племена.

Ослабление захватило бурятские говоры, вероятно, очень давно, поскольку оно прослеживается, как однотипное с бурятским, и в старобургутском диалекте, а также и потому, что тот особый по артикуляции сибилант *s*, который мог появиться в бурятском языке еще на прежней территории под тунгусо-маньчжурским влиянием, ослабившись, дал *h* в анлауте и между гласными и *d* в конце слова. А этот *h* в свою очередь стал уже замещаться согласным *x* (< *q и *k), а кое-где и *z*, а также стал выпадать в интервокальной позиции. После перехода **s* в *h* стали развиваться шелевые *s* и *z* на месте аффрикат *tʃ* и *dʒ*.

Развитие **s* в *h* могло быть, с другой стороны, поддержано влиянием и эвенкийского языка, в некоторых говорах которого тоже отмечается переход **s* в *h*. Вполне вероятно также, что местный эвенкийский язык мог быть тем фактором, под влиянием которого в бурятском языке закрепились те тунгусо-меньчжурские черты в фонетике (особенно в вокализме), которые протобуряты принесли с собой в Прибайкалье и которые, ввиду отсутствия подобного влияния, исчезли у халха-монголов и ойратов.

4. Нельзя не упомянуть еще об одной тенденции, охватившей в прошлом почти все монгольские языки, — это тенденция переноса ударения в слове на начальный слог, следствием чего явилось перераспределение мест сильных и слабых слогов в слове. Действовать эта тенденция начала уже после того, как под влиянием перелома **i*, а точнее говоря ассимиляции гласных **i* и **e*, некогда стоявших в слабых, безударных слогах, развились другие гласные: на месте **i* — *a*, *o*, *u*, *ü*, а на месте **e* — *o*, потому что после закрепления ударения на первом слоге слова усилился гласный, уже успевший развиться на месте **i* или **e*, а гласные последующих слогов, бывшие некогда ударными и подчинившие себе эти **i* и **e*, ослабев, стали редуцироваться и в ряде языков совсем отпали (явление типа **nidün* 'глаз' → **nüdü*n → **nüdü*n → **nüdü*n → **nüdü* → *nud*).

Развитие долгих гласных из долготных комплексов VCV с характером, определившимся по второму гласному комплексу, в прошлом ударному, а также ассимиляция (так называемый перелом) **i* и **e* свидетельствуют, что когда-то ударение в монгольских языках, в том числе и в бурятском, было подвижным, оно могло быть не только на первом слоге, но и на втором, и на третьем и т.п. Затем в силу неизвестных пока причин оно стало передвигаться на первый слог слова. На этот сдвиг в развитии слоговой акцентуации монгольских языков могли вполне повлиять тюркские языки, у которых исторически была несколько иная корневая структура, преимущественно односложная [см.: Котвич, с. 34].

Таким образом, сравнительно-исторический анализ звукового состава современных бурятских говоров показывает, что традиционные бурятские говоры распадаются в фонетическом отношении на два крупных массива: более архаичную группу западных говоров и группу восточных говоров хоринского типа. Вокализм бурятских говоров обеих групп, сближаясь в своих основных характерных чертах с таковым дагурского языка и не-

которых восточномонгольских говоров, сформировался под сильным тунгусо-маньчжурским влиянием. В консонантизме тунгусо-маньчжурское влияние выразилось в развитии свистящих звуков на месте исторических шипящих аффрикат и особом характере сибиланта *s, давшего впоследствии, при сильном развитии ослабления напряженности артикулирующих органов, фарингальный h и дорсальный слабый d. Тунгусо-маньчжурские черты в звуковом облике протобуряты принесли на новую территорию своего обитания, в Прибайкалье, где они закрепились и усилились под вторичным влиянием тунгусо-маньчжурского языка, на этот раз эвенкийского, а также аборигенных языков других групп. Пока остается открытым вопрос о том, какими были языки, способствовавшие столь сильному развитию тенденции ослабления, вызвавшей утрату бурятским языком аффрикат и переход *s в h и d.

Появление h в бурятском языке под влиянием эвенкийского субстрата [см.: Бураев 1977, с. 40] сейчас окончательно установить довольно трудно, поскольку группа хакающих эвенков (у которых *s → h во всех позициях в слове), объединяемая в составе северной группы эвенкийских говоров [см.: Василевич, с. 645], локализуется в районе Северного полярного круга между Нижней Тунгуской и Хатангой. Восточная группа эвенкийских говоров, у которых h дает только интервокальный *s а анлаутный *s сохраняется [см.: Василевич, с. 645–646, 648], локализуется к востоку от Бодайбо и Муи вплоть до Охотского моря. Те же эвенкийские говоры, которые располагаются возле Байкала, в районе непосредственных контактов с бурятскими говорами, классификационно относятся к южной группе эвенкийских говоров, у которых *s либо дал š, либо сохранился [см.: Василевич, с. 644–645]. К ним относятся говоры баунтовских и северо-байкальских эвенков. Говор эвенков Баргузина в своей основе секающий (т.е. *s → s), но включает и некоторые черты восточной группы.

Таким образом, предстоит еще определить, какие группы эвенков, да и эвенков ли?, могли дать h традиционным бурятским говорам. А может быть, это просто результат перестройки всей звуковой системы бурятского языка из-за того, что некий субстрат или адстрат сыграл роль внешнего толчка и направил внутреннее развитие бурятской фонетики в иную сторону, чем в других монгольских языках. Во всяком случае остается бесспорным, что бурятские говоры в прошлом испытали на себе сильное влияние тунгусо-маньчжурских языков.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

- Абашев Д.А.* Гункинский говор. В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1, Улан-Удэ, 1965.
- Аврорин В.А.* Грамматика нанайского языка. Т. I. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.-Л., 1959.
- Алексеев Д.А.* О "территориальных" диалектах бурят-монгольского языка. - В кн.: Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955.
- Бажеева Т.П.* Библиография публикаций по фонетике бурятского языка. Труды института общественных наук БФ СО АН СССР, сер. языковед. Улан-Удэ, 1976, вып. 29.
- Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. М., 1969.
- Бертагаев Т.А.* Заметки лингвиста о хоринском говоре. - Зап. ГИЯЛИ. Улан-Удэ, 1936, вып. 1.
- Бертагаев Т.А.* Сингармонизм, ударение и изменение звукового строя языка. - ВЯ, 1968, № 2.
- Бертагаев Т.А.* Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969.
- Бертагаев Т.А.* Количественные чередования гласных и аблаут в монгольских языках. - ВЯ, 1971, № 6.
- Биткеев П.Ц.* Неясные гласные калмыцкого языка. Зап. Калм. НИИЯЛИ, сер. филол., 1964, вып. 3.
- Биткеев П.Ц.* Экспериментальное исследование звукового строя калмыцкого языка. Автореф. канд. дис. Л., 1965.
- Биткеев П.Ц.* Согласные фонемы калмыцкого языка. Улан-Удэ, 1965а.
- Биткеев П.Ц.* Фонетические причины сингармонической трансформации слов в монгольских языках. - Изв. СО АН СССР, сер. обществ. наук, 1968, вып. 3, № 11.
- Биткеев П.Ц.* Проблемы графики и орфографии современного калмыцкого языка. Элиста, 1969.
- Биткеев П.Ц.* Фонематические оппозиции в результате количественных изменений в системе гласных калмыцкого языка. - В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конференции 11-13 мая 1969 г. Томск, 1969а.
- Биткеев П.Ц.* Количественные изменения гласных в монгольских языках. - В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии, вып. 5. Улан-Удэ, 1970.
- Биткеев П.Ц.* Твердый гласный *i* в монгольском языке Гуву. - Учен. зап. Калм. НИИЯЛИ, сер. филол., 1973, вып. 11.
- Биткеев П.Ц.* Проблемы фонетики калмыцкого языка. Элиста, 1975.
- Биткеев П.Ц.* Мягкие согласные в алтайских языках. - В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Материалы Всесоюзной конференции (Элиста, 17-19 мая 1972 г.). М., 1975а.
- Биткеев П.Ц.* Сравнительно-типологическая характеристика гласных фонем монгольского и калмыцкого языков. - В кн.: Исследования по монгольской филологии. М., 1978.
- Бобровников А.А.* Грамматика монголо-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- Бубрих Д.В.* Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948.

- Будаев Ц.Б.* Фонетические особенности цонгольского говора. Кратк. сообщ. БКНИИ СО АН СССР, сер. ист.-филол., 1962, вып. 4.
- Будаев Ц.Б.* Цонгольский говор. В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965.
- Будаев Ц.Б.* Формирование южнобурятских говоров как результат взаимодействия монгольского и бурятского языков. В кн.: Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть. Улаанбаатар, 1977.
- Будаев Ц.Б.* Североселенгинский говор бурятского языка (Опыт сравнительно-статистического анализа материалов, собранных по программе диалектологического атласа). В кн.: Исследование бурятских и русских говоров. Улан-Удэ, 1977а.
- Будаев Ц.Б.* Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1978.
- Бураев И.Д.* Краткий обзор работ по фонетике бурят-монгольского языка. — Сб. трудов по филологии. Улан-Удэ, 1958, вып. 3.
- Бураев И.Д.* Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959.
- Бураев И.Д.* Сингармонизм в бурятском языке. — Труды БКНИИ СО АН СССР, сер. вост., 1960, вып. 3.
- Бураев И.Д.* Сартульский говор. — В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965.
- Бураев И.Д.* Некоторые фонетические особенности говора аларо унинских бурят. — В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2, Улан-Удэ, 1968.
- Бураев И.Д.* Фарингальный *h* в бурятских диалектах. — В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1976.
- Бураев И.Д.* Длительность гласных и согласных звуков байкало-кударинского говора бурятского языка. — Труды БИОН БФ СО АН СССР, сер. языковед., 1967а, вып. 29.
- Бураев И.Д.* Спирантизация согласных в монгольских языках. — В кн.: Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть. Улаанбаатар, 1977.
- Бураев И.Д., Бажеева Т.П., Павлова Е.С.* Атлас звуков бурятского языка. Улан-Удэ, 1975.
- Бэйшэ Л.* Об аффрикатах хоринского диалекта. — Кратк. сообщ. ин-та народов Азии. 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964.
- Бэйшэ Л.* Об иволгинском говоре хори-бурятского диалекта. — В кн.: О зарубежных монголоведческих исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968.
- Вандуи Э.* К вопросу классификации говоров и подговоров в халхаском наречии. — В кн.: Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. 1-р боть. Улаанбаатар, 1973.
- Василевич Г.М.* Грамматический очерк эвенкийского языка. — В кн.: Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
- Верба Н.К.* К истории изучения долгих гласных и их роли в монгольских языках. — В кн.: Вопросы грамматики и лексики современного калмыцкого языка. М., 1976.
- Верба Н.К.* Древнемонгольский комплекс с интервокальным согласным и его эквиваленты в современных монгольских языках. Автореф. канд. дис. М., 1978.
- Вербов Г.Д.* Диалект лесных ненцев. — В кн.: Самодийский сборник. Новосибирск, 1973.
- Вернер Г.К.* Звуковая система сымского диалекта кетского языка. Автореф. канд. дис. Томск, 1966.
- Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
- Гаджиева Н.З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975.
- Гарипов Т.М.* Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979.
- Дамдинов Д.Г.* Этио-лингвистический очерк хамниганского говора. — В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Дамдинов Д.Г.* О языке закаменских (армакских) хамниган. — В кн.: Исследование бурятских и русских говоров. Улан-Удэ, 1977.
- Дамдинсүрэн Ц.* "Рамаяна" в Монголии. М., 1979.
- Дарбеева А.А.* Предварительные данные о языке нижеудинских бурят. — Труды БКНИИ СО АН СССР, сер. вост., 1960, вып. 3.
- Дарбеева А.А.* О сказках нижеудинских бурят. — В кн.: Исследования по монгольской филологии. К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. М., 1974.

- Дарбеева А.А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта. На материале монгольских языков. М., 1978.
- Деж Ш. Учебник венгерского языка, т. 1. Будапешт, 1970.
- Дельзон А.П. Очерки по грамматике кетского языка. Гомск, 1964.
- Жамьян Г. Обозначение долгих гласных в ойратском "ясном письме". — Народы Азии и Африки, 1970. № 5.
- Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960.
- Золотов В.И. Сильные и слабые позиции гласных фонем в бурятском языке. — В кн.: Вопросы бурятской филологии, вып. 2. Улан-Удэ, 1973.
- Каударов А.Т. Уйгурский (новоуйгурский) язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Туркские языки. М., 1966.
- Калмыцко-русский словарь. Под редакцией Б.Д. Муниева. М., 1977.
- Кичиков А.Ш. Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка. — Учен. зап. Калм. НИИЯЛИ, сер. филол., 1967, вып. 5.
- Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.—Л., 1964.
- Котвич В. Исследование по алтайским языкам. Пер. с пол. М., 1962.
- Лигети Л. Рецензия на книгу Г.Д. Санжеева "Сравнительная грамматика монгольских языков", т. 1. М., 1953. — ВЯ, 1955, № 5.
- Лигети Л. Табгачский язык диалект сяньбийского. — Народы Азии и Африки, 1969, № 1.
- Лувсандан Ш. Дистрибуция гласных и ударение в монгольских языках. — В кн.: Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. М., 1974.
- Лувсандан Ш. К проблеме долгих гласных среднемонгольского языка. — В кн.: Олон улсын монгол эрдэмтний III их хурал. II боть. Улаанбаатар, 1977.
- Матхеев Б.В. Эхирит-булагатский говор. — Зап. Бур.-Монг. НИИК, 1956, вып. 22.
- Матхеев Б.В. Звуковой состав эхирит-булагатского говора. — Учен. зап. Бур.-Монг. гос. пед. ин-та им. Д. Банзарова, 1957, вып. 11.
- Матхеев Б.В. Очерки эхирит-булагатского говора. — В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Матхеев Б.В. О фонетической дифференциации бурятских диалектов Прибайкалья. — В кн.: Вопросы филологии (Учен. зап. Бур. гос. пед. ин-та им. Д. Банзарова). Улан-Удэ, 1970, вып. 37.
- Матхеев Б.В. Некоторые особенности модификации фонем в говоре тункинских бурят. — В кн.: Вопросы бурятской филологии, вып. 1. Улан-Удэ, 1972.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Пер. с фр. М.—Л., 1938.
- Мельников Г.П. Монгольский вокализм как система и алтайская гипотеза. — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- Митрошкина А.Г. О некоторых фонетических особенностях говора качугских бурят. — В кн.: Сборник трудов по филологии, вып. 3. Улан-Удэ, 1958.
- Митрошкина А.Г. Говор качугских (верхоленских) бурят. — В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Монгольско-русский словарь. Под общей ред. А. Лувсандэндова. М., 1957.
- Наделяев В.М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка. — Вестн. ЛГУ, сер. ист., яз. и лит., 1957, вып. 1, № 8.
- Наделяев В.М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М., 1960.
- Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 1. М.—Л., 1960.
- Номинханов Ц.Д. К вопросу об общих законах развития долгих гласных в тюркских и монгольских языках. — Зап. Калм. НИИЯЛИ, сер. филол., 1964, вып. 3.
- Окладников А.П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье. — В кн.: Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б.Я. Владимиридзе. М., 1958.
- Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.
- Павлов Д.А. Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста, 1963.
- Павлов Д.А. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка. — Зап. Калм. НИИЯЛИ, сер. филол., 1964, вып. 3.
- Павлов Д.А. Развитие дифтонгов в монофтонги в калмыцком языке. — В кн.: Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. М., 1974.

- Петрова Т.И.* Язык ороков (ульта). Л., 1967.
- Поппе Н.Н.* Дагурское паречие. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР, вып. 6. Л., 1930.
- Поппе Н.Н.* Аларский говор, ч. 1. Л. 1930а.
- Поппе Н.Н.* Заметки о говоре агинских бурят. Труды монгольской комиссии, № 8. Л., 1932.
- Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукалдимат ал-Адаб, ч. I—II. — Труды ин-та востоковедения. М.—Л., 1938, вып. 14.
- Поппе Н.Н.* Изучение говоров бурят-монгольского языка. — Зап. БМ НИИЯЛИ, 1941, вып. 3—4.
- Раднаев Э.Р.* О фонетических своеобразиях баргузинского говора. — В кн.: Сборник трудов по филологии, вып. 3. Улан-Удэ, 1958.
- Раднаев Э.Р.* Заметка о цонгольском говоре. — Труды БКНИИ СО АН СССР, сер. вост., 1960, вып. 3.
- Раднаев Э.Р.* Баргузинский говор. — В кн.: Исследования бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965.
- Рамstedт Г.И.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхатургинского говора. Пер. с нем. СПб., 1908.
- Рассадин В.И.* Туркизмы в халха-монгольском языке. — В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии, вып. 5. Улан-Удэ, 1970.
- Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
- Рассадин В.И.* Развитие монгольских аффрикат в свете данных других алтайских языков. — В кн.: Финно-угорские народы и восток. Тезисы докладов. Тарту, 1975.
- Рассадин В.И.* История развития отдельных фонетических явлений бурятского языка. — В кн.: Лингвистические исследования 1976. Вопросы фонетики, диалектологии и истории языка. М., 1976.
- Рассадин В.И.* Об этимологии некоторых бурятских диалектных слов. — В кн.: Исследование бурятских и русских говоров. Улан-Удэ, 1977.
- Руднев А.Д.* Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.
- Руднев А.Д.* Хори-бурятский говор. Вып. 1. Опыт исследования. Петроград, 1913—1914.
- Рыгдылон Э.Р.* О некоторых особенностях говоров бурят Иркутской области. Зап. БМ НИИК, 1957, вып. 23.
- Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Пер. с нем. М., 1955.
- Санжеев Г.Д.* Фонетические особенности говора нижеудинских бурят. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР, вып. 8. Л., 1930.
- Санжеев Г.Д.* Дархагский говор и фольклор. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР, вып. 15. Л., 1931.
- Санжеев Г.Д.* Лингвистические наблюдения в Еравне и Хорн. — Зап. БМ НИИЯЛИ, 1939, вып. 1.
- Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1. М., 1953.
- Санжеев Г.Д.* Б.Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков. В кн.: Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б.Я. Владимирцова. М., 1958.
- Санжеев Г.Д.* Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
- Санжеев Г.Д.* Заметки по тюркско-монгольскому вокализму. — В кн.: Studies in General and Oriental Linguistics. Present to Shiro Hattori on the Occasion of his 60-th Birthday. Tokyo, 1970.
- Санжеев Г.Д.* Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
- Санжеев Г.Д.* Об аллофонах долгих гласных фонем в монгольских языках. — ВЯ, 1978, № 1.
- Севортян Э.В.* Выпадение согласных в южных тюркских языках. В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. 1. Фонетика. М., 1955.
- Серебрянников Б.А.* Что было первичным r^2 или z ? Советская тюркология, 1971, № 1.

- Серебрянников Б.А.* О причинах превращения начального *s* в *h* в башкирском языке. - Советская тюркология, 1973, № 2.
- Серебрянников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Симонов М.Д.* К вопросу о реконструкции празненкийского вокализма. - В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1976.
- Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки, ч. I. СПб., 1787.
- Суник О.П.* Кур-урмийский диалект. Л., 1958.
- Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х.* Язык желтых уйгуров. М., 1966.
- Терещенко Н.М.* Самодийские языки. Введение. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.
- Тодаева Б.Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951.
- Тодаева Б.Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.
- Тодаева Б.Х.* Дунсянский язык. М., 1961.
- Тодаева Б.Х.* Баоаньский язык. М., 1964.
- Тодаева Б.Х.* Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. М., 1973.
- Хаттори С.* Начальные взрывные в протомонгольском языке и их дальнейшее развитие. - В кн.: Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. М., 1974.
- Хомонов М.П.* Некоторые данные о говоре боханских бурят. В кн.: Сборник трудов по филологии, вып. 3. Улан-Удэ, 1958.
- Хомонов М.П.* Боханский говор. - В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965.
- Цинциус В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Одналекталных различиях в разговорном бурятском языке. - Труды БКНИИ СО АН СССР, сер. вост., 1960, вып. 3.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Краткая характеристика говора кударинских бурят. В кн.: Краткие сообщения ин-та народов Азии. 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят. - В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, 1972.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Ойрат-монгольские элементы в этническом составе и языке бурят. - В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции. Элиста, 1972а.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Об ойрат-монгольских элементах в этническом составе и языке бурят. - В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Материалы Всесоюзной конференции (Элиста, 17-19 мая 1972 г.). М., 1975.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Об эвенкийских элементах в этническом составе и языке бурят. - В кн.: Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
- Чагдуров С.Ш.* Заметки о сартульском говоре. - Зап. БМ НИИК, 1951, вып. 11.
- Черемисов К.М.* Заметки по бурят-монгольскому языку. III. Несколько замечаний о тункинском диалекте. Зап. БМ НИИЯЛИ, 1941, вып. 3-4.
- Черемисов К.М.* Заметки по бурят-монгольскому языку. IV. О кабанском подговоре. Зап. БМ НИИКЭ, 1947, вып. 7.
- Черемисов К.М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973.
- Шагдаров Л.Д.* Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1967.
- Шагдаров Л.Д.* О некоторых языковых особенностях тунгуйских и агинских бурят и степени их отражения в литературном бурятском языке. В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Шагдаров Л.Д.* Разработка вопросов фонетики, диалектологии, лексики и орфографии бурятского языка за советский период. В кн.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969.
- Шагдаров Л.Д., Дамдинов Д.Г.* О языке олонских хамниган (в связи с работами

- К. Урай-Кехальми и Л. Мишига по языку монгольских хамниган). — В кн.: О зарубежных монголоведческих исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968.
- Шагдаров Л.Д., Казанцева А.М. О языке моголов Афганистана (По материалам Ш. Ивamuры и Х.Ф. Шурмана). — В кн.: О зарубежных монголоведческих исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968.

На монгольском языке

- Вандуи Э. Дөрвөд аман аялгуу. Улаанбаатар, 1965.
- Лувсанвандан Ш. Монгол хэл аялгууны учир. — *Studia Mongolica*, Улаанбаатар, 1959, т. 1, fasc. 32.
- Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний зүй. Монгол хэлний авианы бүтэц. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 1967.
- Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний урт эгшгийн гарлын тухай асуудалд. — В кн.: Хэл зохиол. Монгол хэл уран зохиолын зарим асуудал. 4-р боть. Улаанбаатар, 1967а.
- Лувсанвандан Ш. Дөрвөлжин үсгийн дурсгалын зүйлд эгшгийн урт богиныг ялгасан нь. — В кн.: Хэл зохиол. Монгол хэл уран зохиолын зарим асуудал. 4-р боть. Улаанбаатар, 1967б.
- Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний авиа зохицох тухай асуудалд. — *Studia Mongolica*, Улан-Bator, 1975, т. II (10).
- Мишиг Л. Монгол Ард Улсын зарим нутгийн хамниган аялгууг сурвалжилсан нь. — Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. 1-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1961.
- Моемее С. Об общих фонетических особенностях монгольского языка. — В кн.: Хэл зохиол судлал. X боть. Улаанбаатар, 1975.
- Моемее С. Система вокализма современного монгольского языка. — *Studia Mongolica*, Улан-Bator, 1975а, т. II (10).
- Сүхбаатар Ц. Орчин цагийн монгол хэлний фонемын байрлалын асуудалд. — В кн.: Хэл зохиол судлал. IX боть. Улаанбаатар, 1972.
- Төмөргөо О. Дундад үеийн монгол хэлний эгшиг авианы ижилшил. — В кн.: Монголын судлал. VIII боть. Улаанбаатар, 1971.
- Төмөрцэрэн Ж. Халхын аялгууны эгшиг авианы тагнайшрал. — В кн.: Хэл зохиолын судлал. VII боть. Улаанбаатар, 1970.
- Төмөрцэрэн Ж. Халхын аялгууны уужимших зохицол. — В кн.: Монголын судлал. VII боть. Улаанбаатар, 1970а.
- Төмөрцэрэн Ж. Монгол хэлний үе хураагдах ес. — В кн.: Хэл зохиолын судлал. VIII боть. Улаанбаатар, 1971.
- Төмөрцэрэн Ж. Баргын тухай товч тэмдэглэл. — В кн.: Монголын судлал. VIII боть. Улаанбаатар, 1971а.
- Халхын аялгуу. Ред. Ш. Барайшир. Улаанбаатар, 1960.
- Цолоо Ж. Орчин үеийн монгол хэлний авиазүй. Улаанбаатар, 1976.
- Činggeltei. Dumdadu ulus-taki mongγul torul-un kelenugūd ba mongγul kelen-ü ayaγu-niγud-un yerüngkei bayidal. — *Mongγul kele bičig*, 1957, N 11–12; *Mongγul teuke kele bičig*, 1958, N 1–4, 6–7, 12.
- Činggeltei. Baγarin-u amаn ayaγul-un u abiya-yin jüi ba uges-un jüi. — In: Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. 2 дэвтэр. Улаанбаатар, 1961.

На европейских языках

- Castrén A.M. Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Worterverzeichniss, hrsg. von A. Schiefner. St.-Pb., 1857.
- Doerfer G. Langvokale im Urmongolischen? — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1964, N 65, 4.
- Doerfer G. Langvokale im Urmongolischen? II. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1970, 70.
- Haensch E. Sinomongolische Glossare. I. Das Hua-I ih-yu. Berlin, 1957.
- Haensch E. Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Yuan-ch ao pi-shi). Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1962.

- Hattori Shiro.* The Length of Vowels in Proto-Mongol. — In: Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал, 2 дэвтэр. Улаанбаатар, 1961.
- Katczyński St.* Dagurisches Wörterverzeichnis nach F.V. Muromski's handschriftlichen Sprachaufzeichnungen. — Rocznik Orientalistyczny (Warszawa), 1970, t. 33, z. 1–2.
- Kara Gy.* Sur le dialecte ujumucin. — Acta Orient. Hung., 1962, t. 14, fasc. 2.
- Kara Gy.* Un glossaire ujumucin. — Acta Orient. Hung., 1963, t. 16, fasc. 1.
- Kara Gy.* Chants d'un barde mongol. Budapest., 1970.
- Lessing F.* (general editor). Mongolian-English Dictionary. Berkeley — Los Angeles, 1960.
- Ligeti L.* Un vocabulaire mongol d'Istanbul. — Acta Orient. Hung., 1962, t. 14, fasc. 1.
- Ligeti L.* Notes sur le Vocabulaire Mongol d'Istanbul. — Acta Orient. Hung., 1963, t. 16, fasc. 2.
- Ligeti L.* Les voyelles longues en moghol. — Acta Orient. Hung., 1964, t. 17, fasc. 1.
- Meusel J.G.* Beschreibung der Buraten. . . — Beiträge zu Erweiterung der Geschichtkunde. Augsburg, 1780.
- Mostaert A.* Dictionnaire ordos, T. I–III. Peking, 1941–1944.
- Murayama Sh.* Die Entwicklung der Theorie von den Primären langern Vokalen im Mongolischen. — Mongolian Studies. Budapest, 1970.
- Poppe N.* Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. — Бюллетень СССР, 1927, с. 1009–1040, 1251–1274; 1928, с. 55–80.
- Poppe N.* Skizze der Phonetik des Bargu–Burjatischen. — Asia Major, Leipzig, 1932, v. 7.
- Poppe N.* Über die Sprache der Daguren. — Asia Major, Leipzig, 1935, v. 10.
- Poppe N.* The Groups *uya and *üge in Mongol Languages. — Studia Orientalia. Editio societatis orientalis finnica (Helsinki), 1950, 14, 8.
- Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
- Poppe N.* On the So-Called Breaking of *i in Mongolian. — Ural-Altäische Jahrbücher, 1956, Bd. 28, H. 1–2.
- Poppe N.* The Mongolian Affricates *č and *č̥ — Central Asiatic Journal (Wiesbaden), 1957, v. 2, N 3.
- Poppe N.* The Primary long Vowels in Mongolian. — Journal de la Société Finno Ougrienne (Helsinki), 1962, 63, 2.
- Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965.
- Poppe N.* On the Long Vowels in Common Mongolian. — Journal de la Société Finno-Ougrienne (Helsinki), 1967, 68, 4.
- Poppe N.* Ueber einige Besonderheiten des Tsongol-Dialektes. — Zentralasiatische Studien (Wiesbaden), 1971, 5.
- Ramstedt G.J.* Mogholica. Beiträge zur Kenntniss der Moghol-Sprache in Afghanistan. — Journal de la Société Finno-Ougrienne (Helsinki), 1905, 23, 4.
- Ramstedt G.J.* Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache. — Journal de la Société Finno-Ougrienne (Helsinki), 1916–1920, 32, 2.
- Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- Rona-Tas A.* A Study on the Dariganga Phonology. — Acta Orient. Hung., 1960, t. 10.
- Weiers M.* Zu den langen Vokalen in der Moghol Sprache. — Zentralasiatische Studien (Wiesbaden), 1970, 4.
- Weiers M.* Das Moghol-Vokabular von W.R.H. Merk. — Zentralasiatische Studien (Wiesbaden), 1971, 5.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия языков, диалектов и говоров

агинск.	—	говор агинских бурят
аларск.	—	аларский говор бурятского языка
байк.-кудар.	—	байкало-кударинский говор бурятского языка
баоан.	—	баоаньский язык
барг.	—	баргузинский говор бурятского языка
баргу-бур.	—	баргу-бурятский язык
башк.	—	башкирский язык
бох.	—	боханский говор бурятского языка
булаг.	—	язык бурят-булагатов
бур.	—	бурятский язык
бур. НУ	—	нижнеудинский говор бурятского языка
вост.-бур.	—	восточные говоры бурятского языка
даг. К	—	дагурский язык (по материалам Ф. Муромского, изданным Ст. Калужинским [см.: Kałuzuński])
даг. П	—	дагурский язык (по материалам Н. Поппе [см.: 1930])
дарх.	—	язык дархатов
дербет.	—	язык дербетов
джарут.	—	язык джарутов Внутренней Монголии
др.-монг.	—	древнемонгольский язык
др.-тюрк.	—	древнетюркский язык
дуис.	—	дунсянский язык
зап.-бур.	—	западные говоры бурятского языка
каб.	—	кабанский говор бурятского языка
калм.	—	калмыцкий язык
качуг.	—	качугский говор бурятского языка
кирг.	—	киргизский язык
лит.	—	литературный язык
лит.-бур.	—	литературный бурятский язык
лит.-калм.	—	литературный калмыцкий язык
ма., маньчж.	—	маньчжурский язык
монг.	—	монгольский язык
мог.	—	могольский язык (по материалам Г.И. Рамштедта [см.: Ramstedt 1905])
мог. М	—	могольский язык (по материалам М. Вайерса [см.: Weiers])
монгор.	—	монгорский язык
нан.	—	нанайский язык
общибур.	—	общибурятское слово
окинск.	—	окинский говор бурятского языка
олет.	—	язык олетов
ойр.-письм.	—	ойратский письменный язык
орд.	—	язык монголов Ордоса
орф.	—	орфографическая форма
орх.	—	язык древних тюрок Орхона
перс.	—	персидский язык

разг.	- разговорная форма
санскр.	- санскрит
сарт.	- сартульский говор бурятского языка
сол.	- солонский язык
ср.-монг.	- средневековый монгольский язык
стп.-м.	- старонисьменный монгольский язык на уйгурской графике
тат.	- татарский язык
тиб.	- тибетский язык
торгут.	- язык торгутов
тугн.	- язык бурят Тугнуйской долины
тунк.	- тункинский говор бурятского языка
тюрк.	- тюркский язык
удэйск.	- удэйский язык
узб.	- узбекский язык
уйг.	- уйгурский язык
ульч.	- ульчский язык
унг.	- говор унгинских бурят
хамниг.	- хамниганский говор бурятского языка
х.монг.	- халха-монгольский язык
хор.	- хоринский говор бурятского языка
цонг.	- цонгольский говор бурятского языка
чахар.	- язык чахаров Внутренней Монголии
ш.-юг.	- монгольский язык шира-югуров (желтых уйгуров)
эвен.	- эвенский язык
эвенк.	- эвенкийский язык
эхир.	- язык бурят-эхиритов
эхир-булаг.	- эхирит-булагатский говор бурятского языка
юж.-бур.	- южные говоры бурятского языка
як.	- якутский язык

Источники

ИМ	- Список монгольских слов из глоссария Ибн-Муханны по кн.: <i>Ponne H.H.</i> Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. 1-2. М.-Л., 1938; ч. 3 - 1939.
ЛР	- <i>Ponne H.H.</i> Монгольской языковой материал одной Лейденской рукописи. - Бюллетень АН СССР, 1927, с. 1009- 1040, 1251-1274; 1928, с. 55- 80.
МА	- <i>Ponne H.H.</i> Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. 1-2. М.-Л., 1938; ч. 3 - 1939.
MNT	- <i>Haenisch E.</i> Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Yuan-ch'ao pi-shi). Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1962.
Rainst. KW	- <i>Ramstedt G.I.</i> Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
SG	- <i>Haenisch E.</i> Sinomongolische Glossare. I. Das Hua-I ih-yu. Berlin, 1957.
VM1	- <i>Ligeti L.</i> Un vocabulaire mongol d'Istanboul. - Acta Orient. Hung., 1962, t. 14, fasc. 1.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- > — дало . . . , заимствовано в виде . . .
- < — заимствовано из . . . , взято из . . .
- — развилось в . . .
- // — параллельная форма
- ~ — вариант
- ≡ — равнио, соответствует
- ⊕ — плюс
- * — предполагаемая форма
- ˘ (над буквой) — долгота гласного (наряду с удвоением буквы)
- ː (в фонетической транскрипции) — долгота
- ˑ (между гласными) — хиатус (зияние)
- ˑ или ˑ (справа от согласного) — палатализация согласного

УКАЗАТЕЛЬ АНАЛИЗИРУЕМЫХ В РАБОТЕ БУРЯТСКИХ СЛОВОФОРМ

а

- аамагар 69
 аамайха 69
 аараг 69
 ааша 82
 ааяма 105
 аб 149
 аб- 71
 абаадаха 27
 аба 71, 150
 аба- 6
 абага 45
 збарга 36
 абаха 27
 абдар 72
 абир-шэбэр 69
 абха 27
 аба 71, 150
 аворго 36
 агаар 58
 аглар 72
 агна- 95
 агнаха 108
 агсам 85
 агтай сай 67
 адагуусан 58
 адууһан 58
 адха- 74
 адхаха 36, 81, 161
 ажал 30
 азарга 140
 ай 63
 айдаг 61
 айлшан 94
 аймхай 60
 айха 97
 айхабтар 61
 айшан 94
 ата- 93
 алаа 93, 119
 алагана 67
 алаганай 67
 алас 84
 алах 32
 алаха 32
 алдад'и 137
 алирһан 154
 алка 111
 алкху 37
 алух 32, 33
 алха (шагай) 37
 алха (молоток) 55
 алха- 93
 алху 55
 альган 69
 аляа 40, 93, 119, 124
 ал'аа 119
 ал'и 29
 аман 109
 амбар 46
 амгалан 55, 58
 амгуулан 55, 58
 амин 121
 амисхал 84
 амсаха 84
 амһаха 84
 ам'ида 29
 ам'илка 111
 ан 107, 109, 110
 ан(г) 109
 ангир 103, 104, 128
 ангууша 114
 андзаһан 135
 анзаһан 30, 77, 135
 анзэуун 54
 анһар 104
 анхан 107
 ан'д'ир 29, 32, 103, 108, 128
 ан'и- 29
 ан'яр 32, 108, 128
 арав 32
 арал 35
 арас 32, 33
 арасо 32, 33
 араһан 32, 33
 арбад'хад 27
 арбай 96
 арбан 32, 68, 69, 71, 96, 119, 149
 арбанаа 56
 арбанһаа 56
 арва 32
 арга 114
 аргал 155
 аргаһан 155
 арол 35, 36
 арси 131
 арс'а 164
 арс'и 73, 130
 артн 131
 арт'а 164
 арт'я 131
 арт'и 73
 арус 33
 арусо 33
 архагар 69
 архайха 69
 архи 98, 102, 130
 арх'и 73, 130
 арша 131
 аршаан 95
 арши 73, 131
 аршуул 95
 аршуур 95
 арш'а 164
 арьбан 96, 118, 119
 арьятан 58
 арюун 121
 ар'бан 119
 ар'х'н 130
 асарха 36
 асууха 84
 атаархаха 27
 аха 7
 ахар 69
 ацарха 36
 ашаан 40
 аэл 60
 аэха 97
 ая 105, 128
 аяга 97, 114

а

- ам'иң 7
 ам'иң 117
 а

а

- а 63
 ал 61
 амка 60

б

- баабай 57, 59
 баабаз 150
 баабгай 67
 бааваз 150
 бааја- 29
 баатар 45
 баатха 27

баяа- 128
баяаха 105
бага 114, 149
багана 149, 151
бай 67
бай- 149, 167
байна 15, 61, 63, 85, 136
байха 97
балгаан 57, 114
балгоос 57
балсан 8, 76, 140
балжалдаха 8
баяаха 8
бара- 96
барса 96, 119
баргаан 8
барн- 71, 96, 117
баригдаар 56
барнгаааар 56
бариха 7, 167
баргирна 101
бархирна 101
бархирха 153
барюул 95
барья 96, 119
баряад 8
бар'аа 119
бар'уур 95
баха 112
бахалдзуур 113
бахалзуур 113
бахана 113, 149, 151
бахирха 153
бацахань 161
баэна 136
базха 97
баясхалан 109
баясхалан (г) 109, 112
баба 59
бар'и 7
бар'и 117
барн- 117
бар'ьха 7
ба'ха 60
бана 61, 63
беш'иц 46
би 24, 38, 57, 71
биди 25
бидэ 23
бидэнэр 125
бии (есть) 38
бии (я) 57
биирэ 57
бичиг 32
бишахань 161
бишыхан 25, 90, 125, 161

бишэхэ 25
богоол 58
бод- 74
бодо- 82
бодожо 137
бодоод (встав) 83
бодохо (думать) 82
бодохо (вставить) 81, 82, 83
бодчо 137
бол 6
болео 93
болжомор 11
боли 124
боло- 9, 71
болод 74
боложо 136, 137
болоо 93
болохо 27
болчна 137
болшоно 137
больджи 136
бол'д'и 137
боол 58
бор 161
борнойложо 137
борноэлджи 137
боро (глина) 11
боро гүрөөһэн 160
борь 161
боһоод 83
боһохо 84
бөбөөльджин 136
бөбөөльжин 136
бөкө 37, 98
бөө 41
бөөмөзлө 66
бөөмэйлхэ 66
бөөрз 41, 45
бөхө 19
бүгэ 161
булад 13
булае 128
булар 13
булгаан 57, 114
були- 129
булгнха 93
булжамар 11, 93
булшан 8, 76, 93, 140
бульяха 93
буляа- 121
буляалдаха 8
буляаха 8
бул'аа- 123
бул'д'и- 129
бул'ја- 129
бур 11

бургаан 8, 57
бурн- 72
буркац 111
буруу (вина) 40
буруу (телок) 25, 124
буруун 25
бурья- 128
бурьяха 105
буряад 8, 74, 83
буряадаар 83
буряадые 83
бурясаар 74, 83
бурясые 83
буряаһаар 74
бур'аһаараа 56
бур'азаараа 56
бур'ја- 29
бууха 38
буха 38
бухал 55
бүбөөлжэн 72, 136
бүдэрхэ 72
бүкү 98
бүкэ 37, 98
бүлээн 121
бүлсыхэ 62
бүлтыхэ 62
бүлэ- 17
бүри 18
бүтүү 24
бүтэ 72
бүхэ 34
бүхэ 19, 34, 37, 98
бүһэ 17, 160, 161
бый 15
бэди 25
бэлтыхэ 62
бэлшэр 135
бэльчир 135
бэлэ- 17
бэри (очень) 18
бэригэн 105
бэрэ (совсем не) 18
бэр'јэн 105
бэтэ 72
бэхэ 17
бэчэг 35
бэшаан 55
бэшэг 23, 29, 32, 35
бэшэхэ 25
бэшэхэн 55
бэшээн 55
бээлэи 61
бээлээ 61
б'эна 15

Г

гагнаха 108, 151
 гагса 137
 газса 136
 газар 134, 161
 газарь 161
 гака 60
 гаксаараа 137
 га^кха 60
 гакцаараа 137
 гал 93, 136
 галгнха 103
 галд'иха 103
 гангина- 129
 гангинаха 103, 104
 гандзага 135
 ганзага 135
 ганяанаха 104
 гансаараа 135
 гансхан 135
 ганцаараа 135
 ганцхан 135
 ган'дина- 129
 ган'динаха 103
 ган'яна- 129
 гар 6, 96, 114, 137
 гаража 32
 гаража 99, 112
 гаража 112
 гаргаха 99, 112
 гаргаха 112
 гарч 32
 гарша 32
 гахай 60, 79, 114
 Германи 104
 гилагар 104, 129
 гилай- 129
 гилалза- 129
 гилазха 104
 гилба- 129
 гилы- 129
 гилэгэр 23, 129
 годонон 56, 155
 годоон 56
 гое 41
 гоилга 66
 голомто 13
 гонгинохо 104
 гонйонохо 104
 гоншохо 11
 гоо 41
 горогор 11
 горьё 107, 164
 гөлгө 31
 гөлгөн 37
 гөлөгө 19, 37

гөрөөнөн 18
 гуах 66
 губаагүй 41
 гуилга 61
 гуйла 66, 67
 гурагар 11
 гурбан 150
 гурва 150
 гутал 155
 гутаһан 155
 гушан 114
 гуй- 60, 66
 гүгөөлжэн 72
 гүдэргээ 23
 гүдэрхэ 72
 гүдэһэн 22
 гүй- 60, 66
 гүйхэ 62
 гүлгэн 19, 31, 37
 гүрөөһэн 18
 гыр 15
 гырыл 15
 гэдэргээ 23
 гэдэһэн 22, 160
 Гэлэг 15
 гэр 103
 гэртэ 63
 гэртэй 63
 гэртээ 63
 гэшхэ- 83
 гэшхэхэ 107

Г

гара 161
 гүке 161
 гунь 161

Д

дааха 45
 дабаһан 55, 150
 дабкхур 37
 дабугунь 161
 дабуу'ан 55
 дабуун 55
 дабу: хэх 27
 дабхар 37
 дабһан 160, 161
 давас 150
 дагаха 45, 113
 дайн 67
 дайра- 39
 дака 111
 дакака 111
 далай 65
 дала 60
 дангинаа 103

данд'ина 103
 дара- 59, 74
 даркаң 111
 дасан 56
 дас'ин 130
 дас'иң 102, 130
 даха 59
 дахаха 45, 113
 дахяад 117
 дах'ин 130
 дах'иң 102, 130
 даэн 60
 даһн 61
 дигайха 74
 диилгэ 74
 диилэхэ 62, 64, 74
 добуун 13
 доголон 113
 долгёон 103, 104, 128
 долд'оон 103
 долёо- 40, 121
 долоон 41
 дольноон 104, 128
 дол'дон 128
 дол'јоң 105
 дол'оо- 123
 донгорог 73
 досоо 73
 досоодо 73
 досбошо 73
 дохолон 113
 дохолхо 113, 151
 дошо 73
 дөлөһөн 20
 дөлэн 18
 дөрбөн 19, 31, 32
 дөшөн 18, 31, 32
 дубуун 13
 дура 36
 дурагүй 67
 дуран 36
 дутуу 74
 дуудаха (кончатъ) 84
 дуулажа 137
 дуул'ди 137
 дууһаха 84
 дулка 111
 дүлни 61, 62
 дүлэн 18
 дүлээ 61
 дүрбөөд 83
 дүрбөөһөөр 83
 дүрбэ 37
 дүрбэн 19, 31, 32, 34, 37
 дүрвэ 34
 дүрсэ 84

дүрхэн 84
дүрэв 32
дүтөлхө 35
дүтүлхү 35
дүү 40, 45
дүүргэхэ 99
дүүрэккэ 99
дүчин 37
дүчэ 32
дүшэ (наковальня) 82
дүшэн 18, 31, 32, 37
дэбдихэ 81, 82
дэби- 94
дэбисхэр 84
дэбһэн 84
дэбһэхэ 82
дэбэскэр 100
дэбэсхэр 100
дэбэсэ 84
дэгдэ- 103
дэгэл 43
Дэлэг 15
дэлэһэн 20
дэмы 61, 67
дэмээ 61
дээрэ 39
дээһэн 39, 45
д'амар 98
д'ида 133
д'иилэхэ 127
д'икэ 98
д'иргоон 133, 138, 148
д'идä 137
д'икэ 100
д'ин'жэ 103
д'ирёң 137
д'иһең 98
д'иһең 137
д'ума 98

ДЖ

джад 133
джаргал 138
джиргал 133, 138
джирукү 37
джирэку 26

ДЗ

дзаа- 139
дзагас 139
дзагаса 25
дзагасу 25, 133
дзагос 36, 139
дзам 138
дзөөхөз 66
дзургаа 25, 133, 138

дзуркань 161
дзугин 37
дзүрэкү 37

е

ебтэ 91
ебтэрхэй 91
ебтээхэ 91
елы- 129
елыхэ 105
елэгэр 129
ераан 5
ерхэ 45
ерэ- 17
ерэбэ 150
ерэвэ 150
ерэх 33
ерэхэ 15, 16, 27, 33, 35, 37
ерэһэйб 55
ерэһэн 55
ерээб 55
ерээн 55
еске 99, 137
ехэ 79, 98, 100, 136, 148
ёрбехе¹ 61
ер'је 105

елоон 77
ергоон 12
еро 12
ер'је 105

Ж

жаа 135, 141
жабар 25, 125, 135
жабжа 136
жада 25, 125, 133, 135, 164
жажал- 133
жажалха 77, 139, 141
жалга 26, 135
жаран 135
жарга 26
жарга- 125
жаргал 133, 134, 135, 138
жин- 134
жинимэгэр 24, 57
жинир 24, 57
жинрэй 24, 57
жинихэ 141
жидä 137
жолоо (повод) 12, 126, 133
жолоо (темя) 77, 139, 141
жоргоон 12, 41, 126, 127,
133, 134, 138, 139, 141,
149

жороо 12, 41, 126, 135
журам 24, 139, 147
жүдхэхэ 77, 141
жүлдэ 77, 139
жүтөөн 126
жүтхэ- 134
жүһэн 77, 126, 140, 149
жүһэхэ 77, 139, 140
жэбэ 77, 139
жэбэр 58
жэгүүр 58
жэжэг 23
жэл 15, 135
жэргэхэ 106
жэрхи 135, 144
жэр'и 130
жэрьехэ 106
ж'илга 26
ж'ирга 26
ж'иргал 133
ж'иргөң 26
ж'иргоон 133, 138, 148

З

заа 45, 141
заа- 40, 139
зааха 24, 38, 45, 126
забжа 136
забһар 81
зага'ан 139, 149, 153
загаан 54, 149, 153
загаһан 8, 24, 36, 45, 54, 55,
113, 114, 126, 133, 134,
139, 148, 149, 153, 160,
161
загсаха 114
загу'ун 56, 134
загуу'ан 55, 134, 139, 149,
153
загуун 54, 55, 139, 149, 153
загуунаан 55
зажалха 77, 141
залги- 128, 129, 133
залгиха 93, 104
зальйаха 93, 104
зал'дн- 128, 129
зал'ја- 128, 129
зал'јахя 105
зам 138, 148
замга'ан 56
зан 109
зан (г) 109
зандарган 135, 141
зантахн 144
зарна 121
засае 128

зас'аа 73
 зат'аа 73
 заха 38
 захирха 117
 зах'аа 73
 заһа- 141
 заһаха 136
 заьууи 55
 за:бари 27
 зни- 134
 знихэ 141
 зоболго 13
 зоболон 109, 110
 зоболон (г) 109
 зохолжо байна 136
 зохольдж баэна 136
 зөмөлхө 20
 зөө- 41
 зөөлэн 134, 140
 зөөхэй 66
 зубалга 13
 зугаа 58
 зулай 77, 141
 зулзага 136
 зумгаһан 56
 зун 138
 зураг 139, 147
 зураха 126
 зургаан 11, 12, 24, 25, 26, 41,
 126, 133, 134, 135, 138,
 141, 148, 149, 156
 зүй- 66
 зүйл 61
 зүг 103
 зүгы 37, 62
 зүдхэхэ 77, 135, 141, 148
 зүйл 61
 зүй- 66
 зүргэ 23
 зүрхэн 26, 37, 126, 161
 зүтхэ- 134
 зүһэмэг 135, 141
 зүһэн 77, 135, 140, 141, 149
 зүһэхэ 77, 140
 зүүн 133
 зэмэ 136
 зэмэлхэ 20
 зэргэ 23
 зэрэг 148
 зэхэхэ 79
 зэхээтэй 79
 зээ 40

И

идсэн 25
 иднихэ 16

идэку 98
 изагуур 58
 нимэ 62, 64
 икэ 100
 илааһан 26, 125, 137, 148
 илалта 23
 ила 6
 илаха 26
 илгаха 23, 25, 26, 90, 125
 илдам 23
 илзарха 125, 140
 илхунь 161
 ннаг 23, 125
 индзаган 135
 инзаган 135
 инеэхэ 16
 нисагаа- 58
 ирагуу 58
 иргаха 23
 ирзайха 25
 ирөкө 37
 ичикү 98
 ичикэ 98
 идагаң 13
 имэ 61

Й

йалааһан 26
 йалаха 26
 йалхаха 26
 йасу 37
 йирхэ 16
 йоргоон 11, 41
 йосо 31
 йоһон 31
 йэптэ 91
 йэрмаани 104

Ј

јаа 135, 141
 јабар 135
 јабаха 27
 јада 133, 135
 јалга 135
 јандарган 135, 141
 јаргал 134, 135
 јаһа- 141
 јиргоон 138
 јоргоон 126, 133, 134, 135,
 141, 148
 јорон 135
 јороо 135
 јүтхэ- 134

јүтхэхэ 135, 148
 јүһэлээ 135, 141
 јүһэн 135, 141
 јэк хүбүүм'и 27
 јэл 135
 јэрхэ 135

К

какарка 111
 каисы 60
 кара 111
 каргы 60
 каткад'и 137
 каш'иргаң 79
 каша 60, 111
 келжэ 60
 кензэ 99, 137
 керөсгө 60
 кивэс 101, 130
 кий 101, 130
 кимусу 37
 киргаха 101, 130
 кируу 101, 130
 кисуур 101, 130
 китең 60
 коа 66
 коа даркаң 66
 орма 60
 ормө 60
 кодо 99
 коко 18
 коко 100
 кокшоң 18
 көвүң 99, 100
 көкө 99
 көдөлджи 98
 көкү 37, 100
 көнджиле 19
 күң 100
 кузуң 100
 күл'д'иргене 99
 күнд'ил 99
 күрјө 105
 күјеке 99
 күбүүн 98, 100
 күдмэри 99, 153
 күкэ 37, 100
 күлни 137
 күн 100
 күндэ 99
 күнтинэкү 130
 күрээ 99
 күүргэ 99
 кэбгэнэ 99
 керө 99

КХ

к хадā 111
 к хазāкā 111
 к харā 111
 к харг^{үт} 111
 к хојар 111
 к хурā 60

кх

кхāјака 111
 кхāң 111
 кхони 112
 кхуджир 112
 кхулашиг 79
 кхурнам 79
 кхуна 79

Л

ла 92
 лабхайха 92
 лаг 92
 лай 92
 лама 92
 лимбэ 23
 Лодой 59
 Лодб 59
 лүгшэхэ 92
 лэ 92

М

маараха 67
 маахай 67
 магнай 104
 магнал 108
 майраха 67
 майхай 67
 малгаар 92
 малта-93
 манайхи 101
 мангилай 104
 мангир 103, 104, 128, 153
 мандаха 87
 манйалай 104
 манйаһан 104
 манлай 104
 мансы 67
 мантагар 87
 маньдир 153
 маньдиһан 153
 маньйаһан 153
 ман'йт'и 101

ман д'нр 108, 128
 ман д'иһан 103, 128
 ман д'иһаң 103, 128
 ман'јар 128
 ман'јаһан 108
 маҗнал 108
 марайтай 67
 маргааша 92
 марта- 155, 163
 мартад'е 137
 маряатай 67
 минаа 92
 минга 25
 минган 25
 мнндаһан 25, 125
 минии 23, 24
 мнхан 25
 миһэлээ- 24
 миһэлээхэ 77
 могой 67
 модон 13, 30, 37, 59, 91, 137
 моду 37
 можо 11
 мойл 94
 мойһон 60, 94
 монсогор 87
 морнд 74, 83
 моридоо 83
 морин 9, 85, 110, 118, 121, 167
 морисые 83
 морншиие 74, 83
 мориһоо 83
 мориһы 74
 морьтой 63
 мор'ин 29
 мор'ты 63
 мор'т'ээ 63, 73
 мор'ши 74
 мохн 150
 мох'ии 130
 морни 9
 мөлиһэн 21
 мөльджихэ 135
 мөльһөн 21
 мөнгөн 18, 31
 мөөрһөн 154
 мөргө- 21
 мөргөхө 99
 мөрөк'к'е 99
 мулухунь 161
 мушхаха 107
 муу 72
 мүгөөрһэн 154
 мүйлэ 62, 71
 мүлжэхэ 135

мүлхихэ 130
 мүльһэн 21, 94, 161
 мүл'тихэ 130
 мүн 17
 мүнгө 35
 мүнгө 34
 мүнгэн 18, 31, 34, 35
 мүргөхө 35
 мүргүхү 35
 мүргэ- 21, 156
 мүсэ 75, 139
 мүшкөөр 100
 мүшкэхэ 100
 мүшхөөһэн 100
 мүшхэхэ 100, 107
 мүшэи 18
 мьлэ 62, 71
 мытчи 15
 мэдшэ 32
 мэдэдж 32
 мэдэжэ 15, 32
 мэдэжкээ 99
 мэдэхэгүй 99
 мэкэлкэ 99
 мэлхэй 92
 мэн 17
 мэнгээрһэн 58, 154
 мэн даа 17
 мэтэ 72
 мэхэлхэ 99
 мэшэн 18
 мээл 163
 мянган 25, 125
 мяхан 8, 25, 112, 120, 161
 мяхань 161
 м'ахан 123
 м'икаң 8
 м'и'хаң 111
 м'ориң 9
 м'оһоң 60
 м'оһең 60

' Н

наадажа байна 136
 наадч баэна 136
 набтар 71
 набтаһан 71
 набша 71, 155
 набшаһан 71, 155
 нагаса 35
 нагоцо 35
 нагуцо 33, 34
 намар 36, 88, 96
 намор 36

намтай 59
намтар 71, 150
намтаһан 71
намтā 59
намша 71, 150, 155
намшаһан 71, 161
напшегу 161
нара 36
нараан 54
нарай 89, 124
наран 27, 36, 96, 162
нараһан 54, 55
нарин 117
нарос 36
наруу'ан 55
наруун 55
наруунн 55
нарһан 36
насо 36
наһан 36, 80
наян 97
нарнн 7, 117
неэдэн 163
неэн 28, 163
неэхэ 163
недонон 89
нёлбоһон 88, 120
нидү 26
нидхэ 23
низа 89
ниндхэ 57
ниндч ямна 136
нинджэ ябана 136
ниндэхэ 24, 81
ниилхэ 62
нилааха 89
нилха 23, 25, 164
нимаан 25
нимгэн 24
ниргэхэ 104
ниругу 37
ниса 89
никё 60
ноёр 67
нойтон 62
нокā 60
нокё 60
но^кхё 60, 111
номо 88
номо (н) 11
номшо 150
носодж баэна 136
носожо байна 136
ноход 82
нохой 60, 61, 65, 67, 82, 112
нохээ 61

но^ттоң 60
нөөдөр 163
нөөхн 163
нөөһөни 163
нөхөд 19
нөхөдөз 66
нөхөр 19
нугарһан 154
нугаһан 36
нураха 88
нуур 88, 119
нүдү 164
нүдэ 164
нүү- 40
нүү рһэн 154
нүүһэн 154
нүхэд 19
нүхэр 19
нэбтэ 91
нэбтэрхэ 91
нэбтэрхэн 91
нэбшаа 28
нэгэ бишыхан 28
нэгэн 17
нэрүүн 55
нэрүүнаа 55
нэрүүэн 55
нэрүх 32, 33
нэрьехэ 104
нэрэ 17, 88
нэрэх 32
нэрэхэ 32, 91
нэрэһэн 55
нэхы 62
нээрэ 163
нюдарга 14, 89
нюдэ- 121
нюдэн 24, 26, 35, 88, 120,
164
нюдэхэ 89
нюрган 37, 43, 45, 88, 120
нюсэгэн 89
нютаг 88, 115, 121, 153
нюу- 88, 121
нюур 40, 88, 119, 121
нюха- 121
нюхаха 89
няа- 40, 121
няаха 89
нягта 89, 125
нялуун 89
нялха 88, 120, 125
н'аа- 123
н'емгэхёң 99
н'емёк'к'ёң 99
н'ндэн 164

н'идэң 26
н'иилэхэ 127
н'нмаан 9, 90
н'имāң 26
н'имāң 8
н'угус 36
н'ударга 123
н'утаг 123
н'уу- 123
н'уур 119
н'үдө 35

0

обойлхо 67
обоолхо 67
огсом 85
огто 114
одёгон 13
одигон 11
одон 13, 30, 59, 69
одьроорой 28
оёмһон 56
ожроорой 28
ой 63, 67, 97, 167
ойлгосотой 67
ойлгохо 62
оймһон 67, 160
ойрхон 62
окёр 111
олзо 30, 136
оло-9
оложо 136
олон 30
олонсог 135
олонцог 135
ольдж 136
ол'иг 29
ол'төwхā 46
он 9, 58, 90, 109, 110
онг^онилгокху 112
онгойхо 107
онгосо 161
онгоссу 161
оноод 10
онохо 10
он'н 29
оргомол 10
орёо- 40, 120
оро- 13
ород 81
орожо 28
орой 118
оройжо 59
оройтоод 59
орон 13

орохы 15
ороз 61
орб 61
орбж 59
орб 61
орбт 59
орс'нхо 130
орто 10
орх'нхо 130
орьёл 105
орьёхо 105
ор'оо- 123
осо 10
ото 10
отолхо 153,
отхаху 161
оһон 10
оһоор 10
очих 32, 33
очох 32, 33
очохо 33
ошаан 55
ошаэб 55
ошо- 30
ошожо 137
ошоко 138
ошоон 55
ошохо 27, 28, 32, 138, 164
ошоһойб 55
ошоһон 55
ошхо 27, 28
ошчи 137
оэ 60
оюун 11

О

обор 18
обдр 18
олге 18
оншбн 18
оргең 18
оркб 18
б 61, 63
б 1 лгбхб 112
б 1 лбккб 112

Ө

өбдө- 21
өбөгөн 21, 31, 32
өбөдөг 21, 37
өбөл 18, 21
өбөһөн 20, 31
өбшэн 21
өбэл 18

өвгөн 32
өвэл 18
өгө 19
өгө- 19
өгөм 20
өгөтт'өо 73
өгөхө 37
өдөр 18, 19, 31, 37
өкө 19, 37
өлдөхө 31
өлөһөн 20
өмөгөө 20
өмөөл 20
өндөгөн 21
өнтэлэг 18
өөдэ 41
өөр 97
өөрөө 97
өөһэд 97
өөһэн 97
өргө- 21
өргөн 6
өрө 19
өрэккэ 18
өтхөн 18
өһөө 19
өцөгөлдөр 19

Ө

өбөл 18
өбөһөң 18
өдөр 18
өргө- 18

П

паар 70
пагдайха 70
паг харанхы 70
пад хара 70
пад харанхы 70
палаад 8
палаати 13
палааха 13
пал-пал гэхэ 70
пампайха 70
пилтаа 70
пинтагар 23
пиртан 70
питайд 70
пшааги 13
погли 70
поршбнхб 46
пос-пос гэшхэхэ 70

пулаад 8
пулаатн 13
пулааха 13
пууяса 70
пүү! 70
пэй! 70
пэлдэн 70
пэхь! 70

Р

руу 97

С

саажа 46
саан 54, 149, 153
са'ан 133, 149, 153
саарһан 94, 130
сааша 137
сабсаха 140
сабха 85
сабша- 30, 134
сабшаха 140, 164
сава 150
савар 150
саг 114
сагаан (белый) 58, 75, 133,
134, 138, 161
сагаан (олень) 135
сагагунь 161
сагасунь 161
сагдуул 155
сагдууһан 155
сада- 133
садаад 83
садхалан 112
сай 136, 138
сайн 85
сайхан 85
сак 114
салки 101, 130
салти 101, 130
сапсагань 161
сар 140
сара 161
сарьдаг 85
сарья харгы 129
сахариг 113
сахол 35, 36
сахюур 136
сах'иха 130
сах'уур 130
саһаад 83
саһан 32, 54, 133, 134, 149,
153, 160

саз 136
сā 60, 138
серкунь 161
сибар 25
сибуу 37
сидү 26, 37
сидэ 26
сни 102
сиидэм 62
синнага 25
сира 9
сируу 131
ситакху 25
соёл 84
соктоо 10
солхѳвб 46
сомон 11, 85
сонни 85
сонос- 13
сонѳсхо 84
соохор 41
сос'и- 133
сос'ихо 130
сот'и 101, 133
сохи- 133
сохом 139
сох'и 101
сох'ихо 130
сошохо 76, 140
сөөн 28
субад 85
сугтаа 10
суран 85
суранзан 14
суусари 85
сүйд 85
сүлдэ 85
сүлөө 37, 41, 75, 126, 138,
139
сүсэги 63
сүү 58, 65
сэбэр 150
сэгээн 58
сэдьхэл 80
сэдьхэхэ 107
Сэдэб 15
сэмгэн 19, 75, 139
сэнтэй 87
сэсэглэхэ 137
сэсэги 63
сэсэн 34
сэт'х'эл 127, 130
сахэ 76, 136, 140
сергѳ 105
серје 105
сюруу 102

с'алар 102
с'ёрхо 130
с'ибар 83
с'ии 130
с'инага 83
с'итакху 83
с'илгāhāң 102
с'ї 102, 130
с'идѳхѳ 61
с'юруу 130
с'яра 130

Т

та 57
таа (вы) 57
таархаха 27
тааха 38
табан 71, 91, 109, 150
таби- 93, 117
тава 150
таван 150
тайлажа 137
тайра- 39
так'а 111
тала 28
талк'аң 111
талки 101, 130
талти 101, 130
талхиха 93
тал'с'и 32
тал'т'и 32, 130
тал'ш'и 32
тамāки 101
тамарха 80
тамāх'а 101
тамси 131
тамс'аң 101
тамс'и 102, 130
тамти 131
тамг'а 131
тамт'ан 130
тамт'аң 101
тамт'и 102
тамхи 102, 131
тамхин 130
тамх'а 101
тамх'аң 101
тамх'и 102, 130
тамһан 81
тамшан 131
тамши 131
тамш'ан 102
тамш'аң 101
тамш'и 102
танай 59

танā 59
тани- 118
тарагуун 57
тарган 36, 55, 156
таргон 36
таргуун 55, 57
тарк'а 111
тархи 102, 131
тарша 131
тарш'а 102
таряан 120
тар'х'и 127, 130
тас'аа 73
тата- 73
татаа 119
татаха 27
татха 27
таг'аа 73, 119
таха 38, 55
таху 55
тахяа 40, 102, 130, 131
тах'аа 73
тах'яа 130
таһа мартаба 10
ташаа 131
таш'аа 102
тāк'а 111
тāб'и 7
тāб'ї 117
таб'ик'а 111
таби- 117
тāл'д'ї 137
тєн'д'є 103, 128
тиибһэн 57
тиимэ 62, 97
тииргэн 73
тируу 131
тисэн 85
тиихэ 62, 73
тииһэн 85
титим 23, 24, 29
тогол 10
тогтохо 30
тодохо (подхватить) 10, 8
84
тодохо (попасть) 10
тойро- 41
токхукху 112
толго 10
толгой 67, 113
толог'и 68
тонгорог 73
тоншохо 135
тоньчихо 135
тоньшинхо 135
тоо 41, 45

тоо- 41
тоодог 41
тоодха 161
тоохон 41
торгохо 99, 112
тордж 136
торожо 136
торокко 99, 112
тосхон 151
тотхо 161
тохо- 73
тохорюун 113, 151
тоһон 30
тоһохо 84
тошон 73
төмөр 19
төөм 80
төөрсэг 46
тугал 10, 36
тугул 36
туд 81, 84
тудаха 10, 81
тудухо 34
туйба 66
туйба 66
тулга 10
тус 84
туулай 41
түд'т 61
түл'т'эхэ 101
түл'х'эхэ 101
тү'мөр 61
түбэд 72
түгэд (Тибет) 72
түгэд (полный) 48
түгэс 84
түн 61
түнимэр 61
түймэр 62
түл'т'ихэ 130
тү: 35
түм'һэн 57
түмэр 35
түргэн 21, 31
түрин 62
түр'х'ихэ 127
түсэб 84
түүхэ 41
түүхэй 40
түхэрээн 106
түхэриг 106
түмэ 73
тэбхэр 99
тэбхэр 99
тэгнэхэ 108
тэды 63

т'нимэ 68
тэјнмү 68
тэлхэгэр 80
тэн 109
тэнгэрн 128
тэнхээ 80
тэнюун 40, 90
тэн'д'ир 34
тэјизкү 108
тэјнэкэ 108
тэргэлхэ 106
тэрмээлэжн 136
тэрмээльджин 136
тэрмээльжин 136
тэрьелхэ 106
тэрэ 15, 54
тэрээгүүр 106, 151
тэрээхүүр 106, 151
тэрээхээр 106
тэсэхэ 85
тэтхэл 80
тээнгн 103, 128
тээн'д'н 103, 128
тээ тэрэ 15
тэн'д'ёр 103, 128
т'етраад' 73
т'ээбин 73
т'ээд 73
т'ээмэ 73
т'эжникэ 73
т'нимэ 73, 127
т'ииргэн 73
т'иихэ 127
т'имэ 61
т'урү 131

у

угаа 14
угааха 66
угалза 136
угжа 136
ујуиъ 161
удаган 11, 13
удха 112
узуур 58
уи 61
ујдхар 113, 118
ујтан 60, 66
ујтаң 60, 66
ула 12
улаагана 67
улаан 12, 13, 39, 68, 69
улад 28, 74, 81, 84
уладаа 54
уладаһа 54

улам (подпруга) 14
улам (брод) 14
улас 84
улһан 14
ули- 29
умда 90
умтарха 36
умшаха 35, 36
уна- 90, 118
унаад 10
унаха 10, 136
унда 90
унгн 14
унтагты 114
унтаджн 137
унтад'и 137
унтажа 137
унтактү 114
унтарха 36
унтаха 36
унишаха 35, 36
уныхы 15
урай 67
урал 12
уран 13, 28
ургамал 10
ургаха 36
ургуху 36
ургы 60, 63, 124
ургы 60
урзанан 140
уруу 69, 97
урьяха 105
уряа 67
ур'ид 29
уса 31
усо 31, 34, 36
усу 36, 37
усунь 161
ута 6, 10, 12, 69, 97
утуркә 111
уубашье 162
ууган 41
уугты 149
уула 44, 45, 162
уур 40
уураг 39
ууртай 67
уута 73
уухты 149
уушха 40, 83
ухаа 41, 66
уһаар 10
уһалк'а 111
уһан 10, 12, 31, 36, 37, 81,
160, 161

ушар 12, 30
уюун 11
уя- 13, 97

У

убеште 59
ук'к'е 99
урге- 18
ухехе 99

У

укёр 100
улге 18
ургең 18
урке- 18
у'лаха 61
у'наң 61

У

убгэн 21
убдэ- 21
убдэг 21, 37
убсүүн 140
Убул 164
Убһэн 18, 20, 31, 35, 160
Убшэн 18, 21
Убэгэн 31, 32, 35
Убэй 72
Убэл 18, 21, 22, 72, 164
Убэр 18
Убэштэй 59
Убээ 54, 61
Увгөн 35
Увөс 35
Угы 61, 67
Угэ(слово) 19, 21, 103
Угэ(дай) 19
Угэ- 19
Угэй 56, 72
Угэл 72
Угэхэ 19, 37
Угэхэб 28
Удөр 35
Удөр 34
Удүр 34, 35
Удхэн 18, 107
Удхэхэ 81
Удэр 18, 19, 31, 34, 35, 37,
163
Удэхэ 81
Уйһэн 62, 81, 153

Укэчнэ 137
Улгы 18
Улгээ 18
Улдэхэ 31, 81
Улир 155
Ултэнэг 18
Улүү 24, 69
Улэмджн 135
Улэмжэ 135
Умсэ 75, 139
Ундэгэн 21
Ундэр 22, 28
Ундэс 35
Ундэһэн 35
Унеэн 28, 40, 163
Унөө 163
Унөөхн 163
Унтэлэг 18
Унүр 32, 33
Уншэн 18
Унэн 28
Унэр 6, 32, 33
Ургэ- (поднять) 18, 21
Ургэ- (пугаться) 18
Ургэйхэ 67
Ургэйхэ 30
Ургэн (челюсть) 18, 43
Ургэн (широкий) 18, 28
Ургээхэ 67
Урмэдүүн 55
Урөөлэ 155
Урөөр 41
Урөөһэн 155
Урүү 95
Урүүр 95
Урхэ 18
Урэ 19
Урэккэ 18
Урээр 95
Усөөн 28, 139
Усөөхэн 75, 139, 140
Устэр 28
Усү 37
Усэгэлдэр 19, 28, 94, 140,
154
Уудхэхэ 81
Ух'аан 55
Ухэб 28
Ухэр 100
Ухэшнэ 137
Уһөөн 78
Уһүн 85
Уһгы 63
Уһн (волосы) 28, 37, 160
Уһэн (молоко) 58
Уһээ 19

Х

хаа 45, 152
хаабшаг 46
хаанаа 56
хаанаһаа 56
хааха (закреть) 38, 78
хааха (донть) 78
хабаар- 72
хабар 28
хабсал 76, 140
хабхаа/н/ 57
хабчаг 135
хабшаг 135
хабшал 76, 140
хага 45
хагалха 113
хагнаха 113, 151
хада 112
хадаха 36
хадохо 36
хадхажэ 137
хадхаха 112
хажгээд 28
хайлааһан 154
хайр 67
хайха 61
хайша 60
хайшан гээд 28
халангир 108
халиха 108
халуун 7, 44
хальһан 81
халюун 40
халяар 155
хамаар- 72
хамс'т 61
хамсы 60, 62, 90
хамхуул 154
ханаан 78
ханааха 90, 119
хангил 129
хансы 64
ханхирха 131
ханшы 90
ханяа- 124
ханяаха 90, 119
хан'ааха 119
хан'дл 129
хан'т'ркэ 131
хара (черный) 7, 79, 112
хара (луна) 78
хараан 56
хара гүрөөһэн 160
харанхы 63, 67
харгана 67

харганаан 67
харгы 60, 64, 67
хари- 117
харуул 95, 155
харуур 95, 155
харууһан 155
хархис 106
харья 105, 128
харюу 40
хар'и 32
хар'ја 29
хасар 75, 134, 140
хасаха 84
хасуури 113, 140, 151, 155
хасуурһан 155
хаха 38, 45, 151, 152
хахалха 113, 151
хаһаха 84
хашаа 155
хашааһан 155
хашар 155
хашарһан 79, 154, 155
хашаһан 154
хашхар- 83
хазн 78
хәри 7
хари- 117
хаха 61
хибэн 24, 29
хибэхэ 24
хизаалан (г) 57
хизаар 23, 58
хизагаар 58
хии 102
хийдж 32
хиндээ 130
хиихэ 100
хилар 90, 131
хилбар 25, 125
хилгааһан 57, 102, 131
хилгана 125
хилэ 29
хилэн 24
хима 125
химда 25, 90, 164
хинаха 125
хиргаха 125
хирзага 23
хирмаг 125
хирээ 24
хоб 71, 149
хобол 71
ховол 71
ходжохо 35
ходок 10
хоер 112

хоертой 62
хожохо 35
хойно 61, 97
хойном 85
хойнохн 66
холо 13
холтос 32
холтоһон 13, 32
холтгуун 55
холхихо 79
хол'ихо 32
хомигор 13
хомор 71, 150
хои 103
хонгрхо 103
хонео 90
хонид 74
хонидоор 83
хонин (овца) 121
хонин (новость) 78
хонийһой 74
хонийһоор 83
хонийһууд 74
хонийһы 74
хонончиги 129
хоноо 90
хон'д'инуур 103
хоолой 62
хорбоһон 78
хорин 9
хорлохо 30
хормой 60, 118
хоро 112
хоршогонохо 13
хотөгө 12
хотиго 11
хот'огор 73
хошоод 83
хошооһоор 83
хошохо 11
хөшхө 46
хори 9
хөно 61
хөдэмэр 153
хөл 19
хөнджил 135
хөргөхө 19
хөрөккө 18
хөрөнгө 18
хөрөхө 31
хөрэккэ 18
хөөнө 97
хөөһэн 154
хөхө 21
хөл 18
хуа 66

хуаа 41, 66
хуантаэдж 66
хуба 42
хубаһаң 78
хуби 121
хубил- 117
хубырык 15
худаг 10, 12, 32, 33, 36, 11
худуг 32, 33, 36
худхаха 112
хужар 30
хулгана 67
хулганаан 67
хулганай 67
хултуу'ан 13
хулһан 81
хумалгаң 78
хумигар 13
кумиха 118
хун тайжа 66
хунь 161
хура 112
хурган 37, 43
хурдан 13, 90, 112
хурнм 117
хуругу 37
хуршаганаха 13
хурьган 121, 156
хурьха 78
хурья- 40
хуса 161
хутага 11, 12
хуу 41
хуулах 32
хуулаха 32
хуулга 78
хуулух 32
хуури 78
хуушан 45
хухасаа 113
хуһан 160
хуца 161
хушаха 11
хүдү 59
хүни 79
хүбүүн 55, 98, 100
хүбүүнһэн 56
хүбүүнэ'эн 56
хүгжэ-30
хүгшэн 18
хүдзүү 100
хүдүмүр 153
хүды 64
хүдэл-153
хүдэлжэ 98
хүдэлмэри 27, 99, 153

хүдэмэртн 153
хүдэн 22
хүзүүн 40, 100
хүйгэн 91
хүйгэрхэ 91
хүйтэн 60, 62, 65, 67
хүйһэн 62, 67
хүл 18, 19, 93
хүлээ- 40
хүлээргэнэ 137
хүлөрхө 35
хүлүг 85
хүлүрхү 35
хүлһэн 93
хүлһэнчи 135
хүлһэншэ 135
хүлэһ 85
хүлэлэн 154
хүмэдхэ 31, 81, 100
хүн 100
хүнгэн 91
хүнгэрхэ 91
хүндэ 99
хүнжэл 19, 135
хүнхннэхэ 130
хүргэхэ (доводить) 18, 19
хүргэхэ (морозить) 18
хүрөө 67
хүрч йнрээ 136
хүршэ 100
хүрьгэн 105
хүрэг 79
хүрэжэ ерээ 136
хүрэй 67
хүрэккэ 18
хүрэнгэ 18
хүрэхэ (донти) 27
хүрэхэ (остыть) 31
хүрээ 99
хүр'јэн 105
хүсэи 21, 76, 134, 139, 140
хүсэхэ 84
хүүгэд 41
хүүн 55
хүүргэ 99
хүүхэн 41, 100
хүхэ 18, 21, 37, 100
хүһөө 7
хүчэ 100
хүшөө 77
хүшэн 21, 76, 134, 140
хүшэр 30
хэ-17, 58
хэбтэнэ 99
хэды 22, 59, 62, 63
хэдэн 22

хэжэ 32
хэлхөө 66
хэлхы 60
хэлэ 15
хэлэн 79
хэлэхэ 27
хэлээ 15
хэл'ин 28
хэмджихэ 135
хэмжихэ 135
хэмжэхэ 135
хэнээ 137
хэрүүл 95
хэрүүр 95
хэрһэн 81
хэршэ- 30
хэрэг 98
хэсүү 40
хэсэг 84
хэнэг 84
хэшэг 23
хээр 98
хюмһан 14, 37, 81, 121, 155
хюрөөсгэй 60
хюруу 102, 131
хялар 102
хяра 25, 125, 130
хята 15, 125
х'алгана 130
х'армаг 130
х'ал'ар 102
х'ерхо 130
х'ин (воздух) 130
х'ин (навоз) 130
х'т 102, 130
х'индээ 130
х'инма 130
х'нисхэ 102, 130
х'инхэ 101, 130
х'ил'емөң 46
х'оруу 10
х'умһан 123
х'уруу 10, 130
х'юруу 130
х'ялгоос 130

h

һаа- 39
һаамагар 69
һаамайха 69
һаараг 69
һаарал 78
һааха 78
һаба 150
һабар 150

һабир-шэбэр 69
һайн 85
һайхан 85
һала 78
һалсин 102
һалхин 102, 118, 130, 136
һалхинда 130
һалс'ин 130
һальтин 136
һальт'ин 130
һальш'ан 102
һал'т'ан 130
һал'т'ал 101
һал'т'ин 29
һал'т'инда 130
һал'т'иң 131
һал'х'ал 101
һамарха 80
һамиа- 94
һанаан 78
һандай 95
һандали 95
һара 78, 160, 161
һараалжан 136
һараальджин 136
һараальжин 136
һаринан 56
һархагар 69
һархайха 69
һарьдаг 85
һаряан 56
һахал 7, 35, 78
һахар 69
һахюуһан 94
һах'иха 130
һазн 60, 78
һама 54
һа'х'аң 61
һанг 61
һаң 61
һахан 61
һинхэ 62
һойр 60, 67
һолхихо 79
һомо (н) 11
һомон (стрела) 72
һомон (сомон) 11, 85
һонгино 103
һонго- 13
һонёор 90, 119
һонин 78, 85
һоноор 90, 119
һон'д'ино 103
һон'оор 119
һорьмоһон 79
һохор 160

hōr 60, 61
hөөлдэнгир 104
hөөлдэнйэр 104
hөөм 80
hуба'ан 78
hубад 85
hубаһан 78
hуга 43
hулашаг 79
hулашиг 79
hумалһан 78
hуняа- 124
hуран 85
hураха 27, 78
hурна 27
hурнаб 79
hуринам 79
hуу- 40, 45
hуудаг 114
hуулга 78, 156
hууна 79
hуури 78
hудāk 114
hүна 79
hүгe¹ 61
hүнтe 46
hүни 79
hү¹тe 61
hүйд 85
hүлдэ 38, 85
hүльһэн 94
hүн 58, 85, 160, 161
hүни 22, 77, 79, 163
hүнэлгэ 35
hүрэг 79
hүрэхэ 69
hүүл 44, 78
hүүлдэ 38
hүүшэ 77
hүхэ 161
hэбэрхэ 71
hэеы 62, 63
hэлхэгэр 80
hэмэрхэ 71
hэнжэ 135
hэнхээ 80
hэньджи 135
hэрбээ 149
hэрюун 40
hэтхэл 80
hejē 105

Ц

цагаан (олень) 135
цагань 161

цагариг 113
царгн харг^yни 129
цас 32, 33
цаса 32, 33
цасу¹ 133
цах'уур 130
цах'юур 101
цоки- 133
цокху 112
цорх'нуру 130
цохи- 133
цох'илто 130
цөмөгө 19
цэвэр 150
Цэдэб 15
ц^эийдэм 68
цэжидэм 68
цэцэглэхэ 137
цэцэн 34

Ч

челонь 161
чи 75, 137
чида- 133
чии 57, 75
чики 98, 138
чикэ 98
чилөө 37, 138
чилнакху 108
чихэн 138
чоно 138
чосо 139
чудхохо 36
чулуу 138
чусу 139
чүлөө 138

Ш

шаад 86
шаара 38
шааха 126
шабар 25, 71, 83, 126, 150,
161
шабаха 126
шаборь 161
шабар 71, 150
шагаа- 58
шагна 26
шагна- 75, 125
шагнаха 25, 108
шагтайха 87
шада- 8, 74, 133
шадал 125
шалар 131

шалбааг 57
шалбайха 87
шалд 86
шалунь 161
шал-шал гэхэ 87
шал-шул гэхэ 87
шанага 25, 83
шанар 25, 125
шангинуур 103
шан-шан гэхэ 87
шан'д'инуур 103
шара 8, 24, 38, 82, 126
шарай 75, 76, 125
шараха 126
шарбага-шорбого гэхэ 87
шарга 136
шар-шар гэхэ 87
шар-шур гэхэ 87
шасаргана 67
шасарганван 67
шасарганай 67
шатаха 25, 83, 164
ши 24, 57, 75, 133, 137
шибар 25
шибуу 37
шидү 26, 37
шидэн 164
шииг 39
шиидам 57
шиидхэ- 57
шинхан 39
шикюнь 161
шилгааһан 131
шинага 25
шинэ 25
шира 9
шируу 131
шитаха 25, 164
шида- 9
шоб-шоб гэхэ 87
шобойхо 87
шогложо 137
шоголджи 137
шолмо 11
шолмос 11
шоно 12, 24, 126, 134, 136,
138
шоргоолжон 13
шоро 12
шошохо 76, 140
шөлөөн 56
шөнөһө 20
шөрмөһөн 18
шубуун 14, 24, 37, 40, 82,
109, 126
шуг-шуг 86

шудха- 75, 76
шудхаха 36
шулуун 14, 109, 126, 133,
138, 161
шунгухо 33, 34
сургалжан 13
сургалзан 13
шуу 86
шуурд 86
шуху 161
шухан 14, 24, 75, 76, 91, 126,
127, 133, 134, 139, 161
шүткүр 138
шүдү 164
шүдхэр 138
шүдэ 164
шүдэн 24, 26, 37, 126, 164
шүлэн 126
шүлэһэн 56
шүмбыхэ 87
шүрбэһэн 18
шүү- 162
шье 128, 164
шэлэ (стекло) 17
шэмэхэ 35
шэнүүн 55
шэнүү'эн 55
шэнэ 15, 25, 82
шэнэһэн 20, 55
шэраан 55
шэхэ (прямо) 76, 136, 140
шэхэн 98, 136, 138, 161
шээ- 40
ш'алар 102
ш'нвар 83
ш'игна 26
ш'ида- 133
ш'инага 83
ш'нтаха 83

Ы

ыкы 15
ысыгынь 15
ыхы 15

Э

эбһээлхэ 77
эбшэн 18
эгэм 20, 43
эдеэн 25, 121
эди 29, 74
эди- 17, 74
эдир 23
эдиэхэ 15, 16, 98

эды 63
эд'ир 127
эд'ихэ 127
эжэгүй 67
эжэл 30
эжэн 77, 139, 141
эзэгүй 67
эзэн 77, 141
экэ 100
элеэ 121
эли 23, 29
элһэн 20, 81, 161
элшэ 137
эльбэ 23
эльчэ 137
эльүүн 55
эл'и 35
эм 72
эмгэн 20
эмдэрхэ 71, 150
эмнэ- 95
эмх'и 101, 130
эмэгэн 103
эмээл 15, 17, 20, 39, 163
эи 107, 109
эи (г) 109
энгэр 107
энеэ- 90
энеэдэн 163
энеэхэ 15, 16, 163
энхэрхэ 107
энэ 6, 15, 17, 56, 90
энээгүүр 106, 149
энээхүүр 106
энээхээр 106, 149
эрбэд 81
эрбээхэй 56, 57
эргикү 104, 129
эргэ (берег) 34
эргэнэг 105
эрд'им 28
эрэн 40, 121
эрид 81
эрийэ (берег) 34
эрс'ин 130
эртэ 96
эрхин 130, 131
эрх'им 130
эршэн 131
эрье (берег) 34, 105, 128
эрье (валух) 29, 105
эрье- 128
эрьенэг 128
эрьехэ 104, 105, 129
эрээлдээн 136
эрээлэй 136

эр'яэ (берег) 29
эр'жэнэг 105
эсаэш 55
эсхэхэ 85
эсэгынь 15
эсэнги 104
эсэнйэ 104
эсэргүү 84
эсэс 28
эсэхэ 31, 137
эсэһэнш 55
эт'игэл 127
эхи (и) 68
эхэ 15, 17, 28, 100
эһэгы 63
эцэх 31
эшгы 100
эшкы 100
эшэ 17, 30
эцэ- 23
эцэхэ 98
эжжэн 153
ээлжэн 153
еке 100

Ю

югунь 161
юмэ 56
юрөөл 41, 95
юсунь 161
юума 98
юнч баэккээ 137
юуншье байхагүй 137
юуш кэнэубоб 99
юушье хэнэгүйб 99
юһэн 98, 161

Я

яасан 85
яаһан 85
яба- 71, 97, 150
ябаан 55, 56
ябаг 114
ябагты 106
ябат'ёо 73
ябахты 106
ябаһан 55, 56
ява- 150
ягаан 58
ялаан 54
ялааһан 54
ялагар 104, 129
ялаһанхэ 82

ялай- 129
ялайха 82, 104, 105
ялалза- 129
ялалзаха 105
ялба- 129
ялбаха 105
ямаан 8, 24, 25, 26, 126
ямар 98
янгарцаг 135
яндэ бүрээр 135
яндэ бүрнин 135
яргай 24, 126
яһан 27, 27, 80, 97, 137, 162

a

adūnahā 56
aqtāe sae 67
aḡḡḡḡḡ 108
aḡḡiḡ 103

æ

æ: d'ḡḡ 61
æ: t'ḡḡḡḡḡ 61

b

ba:βoḡḡ 67
bart'ma 101
bār'i- 117
bār'i- 117
bae 67
bō 39
buse 160

c

chara 160
chara urochun 160
chochor 160
chugyn 160

d

dabasu 160
dæḡ 67
demei 67
d'i:l̥ 74
durḡḡ 67
dule: 62

ε

erbe:xej 67
eḡeḡej 62

з

зd'i 74
зme:l 15

энэ 15
зззḡḡ 67

g.

ganhjinḡḡ 103
gedegun 160
gerehe 56
garte: 63
guiloḡḡ 67
guros 160
gū:ḡḡ 62

h

hэγe: 62
hэγi: 62
həir 67
hoeer 67

ḡ

ḡahḡḡ 137
ḡikə 137, 148
ḡila:hḡḡ 137, 148

j

jahḡḡ 137

k

kun 39
kḡkōḡ(n) 39
kūl'ḡirgəḡ 137

m

manssi 67
manḡḡ 103
mi:l̥ 62
mḡḡ 67
mḡḡḡ 67
mər'te: 63
mōlōhu 56
mōr'inḡ 117
mōr'inḡ 117

n

nexe: 62
nḡḡḡ 67
nḡḡḡḡ 67
noe'er 67
noe:ḡḡḡ 62
omосу 160

ö

ödeḡḡ 39

oe

oe 67
oe'eḡḡḡḡḡḡ 67
oe'eḡḡḡḡḡḡ 67
oe:ḡḡḡḡḡ 62
oe:l̥ḡḡḡḡḡ 62
oe:l̥ḡḡḡḡḡ 62

q

qa:ḡ 111
qa:ḡḡḡḡḡ 111

s

sagasun 160
sagun 160
si:d'əm 62
su 160

š

šahḡḡḡḡḡ 108
šasḡḡḡḡḡḡḡ 67

t

te:təḡ 15
təḡḡḡḡḡ 708
təḡ 15
təloḡḡ 67
tohu 56
tər'iḡḡḡḡḡ 101, 102
tōro- 41
tūr'e: 62
tūr'e:ḡḡ 62
tū:mər 62
t'i:l̥oḡḡḡḡḡ 101
t'ire: 101, 102
t'i:me 62
t'umhḡḡḡḡ 102
t'uru: 101

u

ubuchun 160
ula:ḡḡḡḡḡḡ 67
usin 160
usu 160
uhü 56

u:rt æe 67
u 39
ûla 39
ûr 39

U

ûden 39
ûr 39

U

uqe: 67
uqe: 67
ûyi: 67

uγi: 67
u: 'hãη 62

X, X

xansɛi: 62
xar'ãη^q xɛi 67
xaroiã nae 67
xaroiãi 67
xar'i - 117
xar'i - 117
xæir 67
xãle: 15
xãlã 15

xãjãrte: 62
xã:le: 61
xor'ãη 117
xor'ãη 117
xuloãnae 67
xuluhu 56
xun 39
xuxen 39
xúdi: 62
xúetẽη 67
xúihãη 67

Z

zũγi: 62

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I	
Вокализм	6
Краткие гласные	6
Гласные первых слогов	6
Гласные непервых слогов	26
Долгие гласные	38
Долгие гласные, развившиеся из комплекса VCV	38
Сохранение древней долготы?	57
Монофтонгизация дифтонгов	59
Дифтонги	65
Глава II	
Консонантизм	68
Губные согласные	68
Переднеязычные согласные	72
Среднеязычные согласные	97
Заднеязычные согласные	98
Увулярные согласные	110
Глава III	
История развития отдельных фонетических явлений бурятского языка	115
Явления, связанные с историей развития гласного *i	116
Опереднение гласных	119
Палатализация согласных	119
Явления, связанные с ослаблением напряженности артикулирующих органов	132
Ослабление артикуляции согласных	132
Переход аффрикат в щелевые	132
Переход смычных в щелевые	149
Исчезновение щелевых	151
Выпадение сонорных перед другими консонантами	153
Ослабление *s в h и d	156
Ослабление артикуляции гласных	162
Заключеие	166
Литература	172
На русском языке	172
На монгольском языке	177
На европейских языках	177
Принятые сокращения	179
Названия языков, диалектов и говоров	179
Источники	180
Условные обозначения	181
Указатель анализируемых в работе бурятских словоформ	182

Валентин Иванович Р а с с а д и н
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКЕ
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

*Утверждено к печати
Институтом общественных наук
Бурятского филиала СО АН СССР*

Редактор издательства
Р.М. Залесковская

Художник
Э.П. Батаева

Художественный редактор
Т.П. Поленова

Технические редакторы
А.А. Шелудченко, Г.И. Астахова

ИБ № 25033

Подписано к печати 23.11.82.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. Усл.печ.л. 12,5
Усл.кр.-отт. 12,6. Уч.-издл. 16,0
Тираж 850 экз. Тип.зак. 780
Цена 2 р. 50 к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва, К-45, ул. Жданова, д. 12/1

2 р. 50 к.